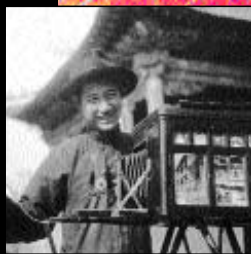

Г.В. Мелихов

Белый Харбин

середина 20-х

РУССКИЙ ПУТЬ

Оглавление

- 3 От автора
 - Глава I
 - 6 Зарево российского пожара
 - Глава II
 - 68 Город и край, открытые внешнему миру
 - Глава III
 - 130 Потрясение всех устоев
 - Глава IV
 - 176 Без экстерриториальности и гражданства
 - Глава V
 - 236 На КВЖД Б.В.Остроумов
 - Глава VI
 - 284 Беженство: от крушения к надежде
 - Глава VII
 - 326 Белый Харбин помогает голодающим советской России
 - Глава VIII
 - 377 Расцвет экономической и культурной жизни русского Харбина
- 407 Именной указатель

От автора

Книга «Белый Харбин. Середина 20-х» является продолжением «Маньчжурии далекой и близкой», вышедшей в 1991 г., переизданной в 1994 г. и широко известной читателям.

Продолжением прежде всего хронологическим, так как охватывает в основном период 1917–1924 гг.; но, льщу себя надеждой, она явится также и дальнейшим развитием судеб героев первой книги — деятелей Китайской Восточной железной дороги, представителей русской зарубежной общественности, членов нашей семьи, других... В ней появляются и много новых лиц, вынужденных бежать в Маньчжурию в результате проигранной «белыми» гражданской войны.

Несмотря на совпадение хронологических рамок с вышедшей в 1997 г. моей книгой «Российская эмиграция в Китае», данная работа за исключением, может быть, лишь некоторых основных политических событий (без которых в любом случае не обойтись) не повторяет ее. Эта книга — совершенно другая.

Да и жанр ее тоже иной. Это жанр научно-популярный — жанр безыскусных воспоминаний, живых зарисовок из общественной, театральной, музыкальной и литературной жизни — и не только Харбина, но и линий КВЖД, разных «мелочей», даже шуток — т.е. того, что обычно не входит в строго научную историческую работу.

Отсюда и содержание книги гораздо шире, чем те вещи и события, о которых я писал когда-либо прежде, но при всем том она не охватывает, конечно, всех сторон эмигрантской жизни в Маньчжурии. И, к сожалению, многое я вынужден оставить за рамками повествования. Видимо, по рассматриваемому периоду можно написать еще несколько книг... Но я этого делать не буду — пойду дальше!

Мне жаль также, что я не мог назвать здесь имена десятков людей — наших отцов и дедов, учителей и профессоров, врачей, инженеров, строителей, живших и трудившихся в эмиграции в Маньчжурии и Китае, людей достойных, широко известных, внесших большой вклад в развитие этой страны... Этому мне не позволили сделать рамки данной книги, и остается только надеяться, что мне удастся восполнить этот пробел в следующих.

Почему я об этом особенно сожалею?

Высокий пример отцов и дедов был исключительно важен для молодого поколения российской эмиграции, и можно утверждать, что оно выросло на нем.

Но хранительницами национальных традиций — у русского и других народов бывшей Императорской России, представители которых проживали в эмиграции в Маньчжурии, всегда выступали матери и особенно бабушки.

На сохранении и развитии каких традиций я делаю упор в своей книге? Прежде всего — традиций национальных — каждого народа. Поэтому здесь упоминаются и рассматриваются различные национальные колонии, существовавшие в эмигрантском Харбине. Что касается самой большой — русской, то в становлении и формировании всей русской культуры, начиная с раннего средневековья (IX век), решающую роль, вне всяких сомнений, сыграло Православие, и я попытался рассказать и об основных православных христианских праздниках и о связанных с ними обычаях, бережно сохраненных дальневосточной эмиграцией и принесенных ею с собою при возвращении на Родину.

Второе поколение эмиграции, к которому я принадлежу, гордится и неимоверно обогащено тем, что красота и музыкальность старославянского языка, многозвучие и многоголосие церковных хоров, могущие быть и суровыми, и нежными, красивейшая в мире обрядность Православной церкви, богатейшая библейская и евангельская мифология, насыщающая и облагораживающая душу, присутствовали в нашей жизни с самого раннего детства.

Далее, опыт совместного проживания, в течение десятков лет в Маньчжурии, в частности в Харбине, представителей 35 народов и национальностей — уникален и поучителен и может быть использован в современных условиях на нашей Родине.

При этом ни одна национальная колония (включая и многочисленную японскую в период марионеточной империи Маньчжоу-дого) не жила изолированно и замкнуто от других, не было никаких внутренних

границ, никаких сепаратизмов — колонии жили, друг друга обогащая. Каждая вносила свой ощутимый эксклюзивный вклад в общественную и культурную жизнь всех «маньчжурцев», формируя тот удивительный сплав различных культур, прежде всего — восточных, что является характерной чертой облика харбинцев — русских жителей многонационального города Харбина, где все это проявляло себя наиболее ярко и выпукло. Но русское начало при этом преобладало всегда.

В Харбине жили далеко не одни русские, а выходцы из многих других народов, населявших и населяющих сегодня великую Россию. Но многонациональный Харбин потому и называют «русским», что объединяющим все национальности и национальные культуры были здесь русский язык и русская культура.

И история. Она тоже занимает важное место в моей книге. И не потому, что я историк и история на Дальнем Востоке исключительно интересна и в подлинных деталях до сих пор малоизвестна, а потому, что каждый человек должен знать историю своего народа, а история белой эмиграции, причудливо переплетающаяся с историей других народов, — это тоже частица новейшей истории России. А ее, эту историю, нужно не только знать, но и помнить — ведь мы не «иваны не помнящие родства»!

И еще одна немаловажная деталь. Здесь на Востоке российская эмиграция в повседневном общении завязывала узы дружбы, являлась продолжательницей, преемницей традиций тесной дружбы между русским и восточными народами — Китая, Кореи и Японии — в течение тех долгих и многих лет, когда Россия советская, советский народ были лишены возможности прямого общения с народами Востока. В этих условиях русский язык и русская культура именно белой эмиграции стали той связью, которая не позволяла этой дружбе ослабнуть, а то и заглохнуть вовсе. И эти сохранившиеся дружеские связи сослужили и сегодня немалую службу в установлении добрых отношений Российской Федерации с Китаем, Японией и Кореей.

Вот, кажется, и все, что я хотел предварительно сказать.

А о том, как все задуманное у меня получилось, — судить Вам, дорогой читатель.

Глава I

Зарево российского пожара

Харбин...

Конец 1916 года... Все ближе и ближе были драматические события, опрокинувшие сложившийся привычный уклад жизни не только в этом городе, как по мановению волшебной палочки выросшем за несколько лет на земле Китая в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, но и во всей матушке России.

Но никто здесь об этих событиях и не подозревал, все оставалось пока по-старому, по-прежнему.

... В России старый стиль календаря, и Новый год, как ему и положено, наступает 13 января, после Рождества Христова. Установление позднее в советской России нового стиля (в полосе отчуждения он был введен только с 1 марта 1918 г.) многими было встречено здесь в штыки и долгое время не принималось. «Не бывать тому, — говорили они, — чтобы Новый год родился ранее Рождества Христова!» И только постепенно новый порядок вошел в повседневный обиход.

Рождество...

Если Новый год был всегда у нас праздником взрослых, то Рождество было праздником — если не полностью, то в очень многом — детским и молодежным.

«Каждый праздник имеет свой запах», — говорил А. П. Чехов.

Помню этот запах Рождества: мимолетный аромат пронесенной через комнату елки, которая до своего времени должна была томиться связанной на балконе, устойчивый запах мандаринов в ящике под кроватью... Помню детское предвкушение приближающейся радости — п р а з д н е с т в а Елки, раздачи подарков от Деда Мороза...

И все как всегда начиналось в Сочельник.

Так вот, последние жаркие домашние хлопоты на кухне. Наряжается елка. Комнаты теперь уже всюю напоены запахом свежей хвои, переливаются всеми цветами радуги елочные игрушки. Помните, какими они были? Это «царство игрушек» у Чурина?

Добавляется запах всякой невообразимой вкуснятины: это накрывается праздничный рождественский стол. Чего только на нем нет... Но обязательно — рождественский гусь, кутья из пшеницы и меда. В темном зимнем небе плывет колокольный звон. На елке зажигаем свечи. Ждем первой звезды. Ощущение радости и счастья... Садимся за стол...

Как хорошо написал об этом русский поэт Михаил Шмейссер в стихотворении «В эту ночь»:

«Снег пушистый бел и ярк, в ярких льдинках в окнах стекла, дым курчавый вьется к звездам, в сердце тихо и светло. Эта ночь — для нас подарок меж других — пустых и блеклых: в эту ночь приходит к людям светлый праздник — Рождество.

На тропинках оснеженных хруст шагов резвяще звонок, в темной дымке лес сосновый, утопающий в снегах. В тихом небе херувимы у невидимых иконок возжигают звезды-свечи, славя Господа Христа.

В эту ночь приходит к людям радость, ласка, всепрощенье. В эту ночь в сердцах родится грусть о детстве золотом. И о Родине прекрасной так безудержно томленье, так безудержно и сильно рвется сердце в отчий дом.

Рождество! Какое сердце не хранит от детства память?! У кого не сохранились в сердце радостные дни?! Елка, радость... Ласка мамы... Свечек жаркие огни... Запах хвои слаще меда, смолкой липкою запачкан синий шарик с каплей воска на надувшемся боку... И тихонько долгожданный Дед Мороз стучит у входа — оснеженный в поле вьюгой, пришагавший по ветру...

Было ль сладостнее время, чем приход Деда Мороза?! Жизнь без сказок — жизнь сурова. Только в детстве золотом, в Рождество чудесной сказкой оживало от прихода милой елки и Мороза все восторженно кругом.

Вся Россия становилась в эти дни огромной елкой, над которой загоралась Вифлеемская звезда. И дворцы и даже хаты зеленели хвоей колкой. Этих милых русских елок не забудем никогда!..»

Утром под елкой «в чулке» подарки от Деда Мороза. Приходят дети «Славить Христа».

Едем к кому-то «на Елку»...

Тысяча каких-то принятых издавна условностей, бережно хранимых в воспоминаниях, обрядов, казалось бы, мелочей. Но... Глубокий сокровенный смысл русских православных праздников (да и вообще национальных религиозных праздников всех народов и рас!) хорошо определил харбинский журналист А. Вележев. «Праздники, а тем более Святки, — писал он, — костяк быта, его духовная основа. Поэтому, помимо своей церковной стороны, праздники ценны своим бережением быта, т.е. главных особенностей общественной и индивидуальной жизни.

Быт — властелин жизни, и это отчетливо проявляется во время Святков, которые своей бытовой стороной заслуживают самого серьезного к ним отношения».

Бережение своего быта — эта черта была органически присуща российской эмиграции в Маньчжурии. И, может быть, она и была одной из тех опор в жизни, которые позволили ей выжить — при китайской ли власти? — после 1925 года — периода сильнейшего советского давления? — при японской ли?.. И принести эти сбереженные частички традиционного русского быта с собой на Родину, обогатив и украсив ими жизнь своих сограждан?

Не об этом ли, о необходимости бережно хранить в душе родные традиции, говорил в том далеком 1941-м и поэт Алексей Ачаир в стихотворении «Рождество. Сыну Ромилу»?

Кстати, еще немного о подарках, да и о традициях тоже.

Об атмосфере простоты и демократизма, окружавшей в Харбине семью Управляющего КВЖД ген.-лейтенанта Дмитрия Леонидовича Хорвата и его жены — Камиллы Альбертовны, я уже писал. Но, конечно, биография таких замечательных людей не может уместиться на нескольких страницах частного исследования, посвященного более широкой теме...

После выхода в свет первой книги от читателей стали поступать вопросы о происхождении фамилии Хорвата, его семье, ее родственных связях с русской аристократией и т.п. Думаю, что интерес этот тоже вполне оправдан и его надо удовлетворить.

Как сообщается в энциклопедии «Гранат» и капитальном труде-фотоальбоме В. Жиганова «Русские в Шанхае», предок Д.Л. Хорвата эмиг-

рировал в Россию из г. Куртичи на венгеро-хорватской границе, откуда и происхождение фамилии.

Этот переход Хорвата на русскую территорию произошел в период царствования императрицы Елизаветы Петровны и Марии Терезии в Австро-Венгрии, с согласия обеих высоких особ. С собою Хорват привел три гусарских и семь пехотных полков, которым была поручена охрана тогдашней русско-турецкой границы. Пограничные земли получили вначале название Новая Сербия, а позднее — Новороссия.

Ближе к нашему времени отец Дмитрия Леонидовича поступил на военную службу, обязательную в ту эпоху для всех представителей дворянства, но затем перешел на гражданскую. Со стороны матери Д.Л.Хорват является прямым потомком светлейшего князя М.И.Голицева-Кутузова.

Как известно, за 17 лет управления Хорватом полосой отчуждения КВЖД она получила название «Счастливая Хорватия».

Камилла Альбертовна Хорват (урожденная Бенуа) возглавляла за этот период крупнейшие благотворительные начинания в Харбине и на Линии. Она была прекрасной художницей, писательницей (роман «Торжество любви», Шанхай, 1937), просто чрезвычайно добрым и отзывчивым человеком.

Рождество, особенно, конечно, в первые годы эксплуатации дороги (после 1903 г.), удивительным образом объединяло всех ее служащих и их семьи. Хорваты знали по именам детей старших служащих дороги, и ребятишки с особым нетерпением ожидали их рождественской Елки. «Каждый Петенька, каждая Ксюша, — вспоминали старжили, — получали там свой индивидуальный подарок, выбранный с любовью в соответствии с желанием этого маленького человечка». Был случай, когда К.А.Хорват приложила немало усилий, чтобы узнать имена всех детей в семье Н.Н.Бочарова (главный строитель Хинганского туннеля на Западной линии КВЖД, шестеро детей!), и каждому из них приготовила подарок. То же было и в отношении детей Николая Сергеевича Лопухина, приехавшего в Маньчжурию в середине января 1920 г. и занявшего пост заведующего финансовым отделом КВЖД.

Интересны воспоминания младшего Лопухина — Михаила Николаевича, проживающего сейчас в Париже, о поместье Хорватов в Старом Харбине («Белой вилле», как назвал его, будучи в 1936 г. в городе, посетивший усадьбу Ф.И.Шаляпин), где происходила хорватовская Елка 1917 года и другие, на которых бывало до 150 детей.

«Между прочим, два года подряд 1924–1925 гг., — пишет он, — мы проводили лето в усадьбе ген. Хорвата, который был тогда “почетным пленником” Китая и жил в Пекине, а свой дом в роскошном имении Старого Харбина сдавал желающим в аренду. Дом был таких размеров, что в нем жили, не стесняя друг друга, две-три семьи, плюс два взрослых сына генерала Хорвата и его замужняя дочь с детьми. При доме был громадный парк, скотный двор, масса домашней птицы, цветник, огород... Нижний этаж дома был занят парадными залами — настоящим музеем, наполненным китайской старинной мебелью, статуями буддийского культа. В эту часть дома мы, дети, допускались лишь с провожатыми.

В парке был еще другой дом, конечно, меньших размеров. В нем мы жили во второй год нашего пребывания в усадьбе Хорвата...»

Воспоминания эти, носящие название «Начало» и посвященные роду дворян Тульской губернии Лопухиных и Осоргиных, исключительно интересны, и я познакомился с их автором благодаря содействию харбинца, ныне москвича, Александра Павловича и его супруги Татьяны (урожденной Осоргиной), за что и приношу им живейшую благодарность.

В усадьбу вела специально построенная железнодорожная ветка, и в дни проведения Елок и каких-либо торжеств подавался поезд, который привозил сюда всех «городских» гостей, а затем отвозил их обратно.

Ласковое внимание, простота и тепло — вот что характеризовало эти традиционные Елки у Хорватов.

Была в том, 1917-м, году, конечно, как всегда, устроена Елка и в Железнодорожном собрании Харбина. Но в тот год она была особенная.

В Железнодорожном собрании — на этой главной сценической «площадке» русского Харбина — для всех детей служащих КВЖД и в этот самый радостный праздник детворы Елка была устроена двумя сеансами. Каждое представление собирало полный зал. Среди великолепно написанных зимних декораций была сооружена искусственная елка — с игрушками и гирляндами разноцветных электрических лампочек и... сидевшими на этом зеленом дереве, среди ветвей, среди всего этого великолепия малыши ребятишками, которые пели и декламировали стихи. Эта пьеска, называвшаяся «Живая елка», произвела огромный

эффект, создав веселую и беззаботную атмосферу в зале, в фойе, где были игры и танцы, в хороводах вокруг этой чудесной елки, — и для взрослых, и для детей. И в том году такая Елка была устроена в первый раз!

А специально для взрослой публики вечером главный режиссер Железнодорожного собрания артист Я.А. Варшавский поставил пьесу «Измена» известного драматурга Сумбатова-Южина.

Ночь же под новый 1917 год в Харбине отличалась необыкновенным оживлением. Все местные клубы, собрания и рестораны устроили начавшие тогда входить в моду вечера-встречи Нового года, с которыми прежде всего связывали надежду на прекращение тяжелой и изнурительной войны, длившейся уже почти два с половиной года, на восстановление мира и спокойствия. Из-за небывалого наплыва гостей повсюду ощущался недостаток мест и столиков. В Железнодорожном собрании, Клубе служащих и Клубе ремесленников были устроены маскарады; в одном только Железнодорожном собрании танцевали и веселились 300 гостей в карнавальных масках. Люди радостно встречали Новый — 1917-й — год, посылали друг другу пожелания счастья и успехов...

Первый день Нового года по установившейся традиции был днем торжественно проводившихся взаимных поздравлений служащих Китайской Восточной железной дороги. После них Д.Л.Хорват ехал в Коммерческое собрание на Пристани, где обменивался поздравлениями с представителями харбинской торговли и промышленности — русскими и китайцами. В этом новом году китайские купцы из китайского Коммерческого общества преподнесли в дар генералу богато вышитое шелковое панно (чжанцзы) с изображением даосских божеств и соответствующими благопожеланиями.

Веселая Елка была устроена и в старейшем в Харбине детском маяке Е.Н. и С.С.Соколовых.

Это словосочетание «детский маяк» звучит в наши дни несколько непривычно для уха, но в те далекие времена обозначало детский садик, где работавшие родители оставляли детей на день. Харбин всегда уделял огромное внимание воспитанию и образованию подрастающего поколения; наряду с русскими детьми плодами этой замечательной

системы пользовались и дети китайцев, корейцев и японцев — об этом мне уже тоже приходилось говорить ранее. И очень важное место в этой системе образования — именно с и с-т е м е — отводилось дошкольному воспитанию детей. Немало отличных педагогов работало в этой области, и очень многие харбинцы получили под их мудрым наставничеством свое воспитание в этих «маячках». Руководителями-воспитателями в них были известные всему Харбину Е. Н. Можяева, упомянутые Е. Н. и С. С. Соколовы, а также — Ильины, А. Д. Торопова (отметившая в 1944 г. в Харбине 30-летие своей педагогической деятельности), К. П. Чеснокова, другие.

Маяк Соколовых открылся в 1912 г. на Полицейской улице — первым в Харбине, с 7 воспитанниками, которых позднее стало 30. На Хабаровской юбилейной выставке 1913 г., в честь 300-летия Дома Романовых, Екатерине Николаевне Соколовой и ее детскому маяку в Харбине была присуждена золотая медаль — такая же, как и всем «большим», а по сравнению с ее «маячком» просто огромным — Харбинским Коммерческим училищам КВЖД (Мужскому и Женскому). В 1916 г. маяк уже с 60 детьми с помощью правления Общества КВЖД перешел в собственное здание — просторное, светлое, с водяным отоплением, вентиляцией, — рассчитанное на 100 детей. Было предусмотрено создание при маяке сада и детской спортивной площадки.

С 1925 г. детский садик открылся и при харбинском Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ, YMCA). Его руководителем был Николай Арсеньевич Стрелков — преподаватель литературы в ХКУ и гимназии ХСМЛ, а еще ранее, в этом же 1917-м — важная фигура в политической жизни Харбина — выборный делегат от полосы отчуждения КВЖД в Учредительное собрание в Петрограде.

В детском садике ХСМЛ большое внимание уделялось также английскому языку, и дети добивались в нем успехов. Вот один из примеров. В 1933 г. в Английском детском садике ХСМЛ был устроен бал(!), на котором общий восторг вызвало выступление 6-летнего Юрика Осипова; в цилиндре и специально сшитом для него смокинге, он без запинки провел весь конференс вечера на английском языке...

Харбинские детские маяки — это была первая ступень в воспитании и образовании русских детей в условиях пребывания за границей; первый, но, может быть, наиболее важный этап становления личности ребенка, когда, по моему мнению, начинают развиваться не только его

знания, но и эстетические представления, художественные способности. Т.е. закладывались основы той высокой культуры, всего поведения, которыми именно отличались и отличаются харбинцы.

В ряду руководительниц и воспитательниц детских садов и частных школ много лет, вплоть до разъезда русских из Харбина в середине 50-х, особое почетное место занимают два имени: Клавдия Павловна Чеснокова и Александра Дмитриевна Торопова. Обе они посвятили всю свою жизнь воспитанию и обучению детей дошкольного и младшего школьного возраста. И ничем другим, насколько мне известно, в своей жизни не занимались. Это были педагоги Божией Милостью, работавшие по новейшей для того времени педагогической системе, предусматривавшей полное и гармоничное развитие ребенка — всех его способностей, талантов и дарований. Такой подход давал отличные результаты. По их убеждению, решающая роль принадлежала педагогу — его опыту, умению распознать и понять душу ребенка, самоотдаче, если хотите — даже его жертвенности, причем в полном понимании этого слова. В работе с детьми младшего дошкольного возраста педагог должен обязательно обладать самыми широкими и разносторонними знаниями. Но в работе своей настоящий педагог руководствуется не только профессиональными знаниями, но и вдохновением, без которого невозможен успех, вдохновением, сочетающимся с высокой чуткостью, тактом. Нельзя добиться успеха и без любви к детям: только при ней возникает то живое общение, которое дает самый благотворный результат, ибо оно просветляет душу ребенка при его общении со взрослым.

Именно такими Педагогами с большой буквы и были А.Д.Торопова и К.П.Чеснокова, по отзывам их питомцев, ставших сегодня известными людьми в общественной и научной жизни многих стран.

Сейчас я хочу поговорить подробнее о детском саде и частной школе Клавдии Павловны.

Теплые, сердечные воспоминания о годах, проведенных в этой школе, написала в очерке, опубликованном в газете «На сопках Маньчжурии» [далее: НСМ] (Новосибирск, 1997, № 44), Людмила Таргонская.

Это имя, когда я снова услышал его уже в России, пробудило сонм воспоминаний о днях моей студенческой юности.

Самая красивая, прелестная девушка в Харбинском политехничес-

ком институте в годы, когда я в нем учился. И, думаю, в нее была тайно влюблена вся мужская половина института!

Несколько слов о ней и ее семье. Ее дед — старожил Харбина — Василий Иванович Криулин — жил в городе с 1904 г. У них с супругой Пелагеей Николаевной были три дочери: Анастасия, Анна и Мария. После трагической гибели главы семьи старшая Анастасия взяла на себя заботу о младших сестрах, дала им образование, открыла дорогу в жизнь.

Мама Людмила — Анна Васильевна — окончила известную в Харбине гимназию М.С.Генерозовой и фельдшерско-акушерские курсы, но с 1913 по 1931 г. работала только на КВЖД. В 1925 г. вышла замуж за кадрового офицера Русской армии Станислава Мартыновича Таргонского, вся работа которого тоже была связана с КВЖД. С самого основания Харбинского политехнического института (ХПИ) он был секретарем Технических курсов при институте.

Людмила Станиславовна Таргонская, ныне Зубарева, окончила ХПИ, живет в настоящее время в Оренбурге, автор многих, неизменно интересных и ценных воспоминаний. К их числу можно с полным основанием отнести и названный выше очерк.

Посмотрите, чему обучали детей в этом детском саду и школе: не только русскому языку, арифметике, Закону Божьему, естествознанию, но и английскому и японскому языкам, лепке, рисованию, вышиванию, гимнастике (много и серьезно), танцам. А уровень преподавания иностранных языков был настолько высок, что воспитанница школы — Елена Бучацкая (Петрова) в своих воспоминаниях (журнал «Друзьям от друзей», Сидней, Австралия, 1993, № 38, с. 49–51) пишет, что школа п р и в и л а ей язык (английский), а бывший ученик Игорь Архангельский недавно, на встрече в московской Ассоциации «Харбин» наизусть рассказал, под аплодисменты, на японском языке басню о двух упрямых козликах, встретившихся на узком мостике над речкой...

А какие были в этом детском саду-школе педагоги!

Русский язык и литературу преподавала Наталия Александровна Смирнова, арифметику — Елизавета Владимировна Малиновская (она же прекрасный школьный концертмейстер и учительница танцев), английский язык — Иван Яковлевич Межероупс (позднее преподаватель и воспитатель в Лицее Св. Николая в Харбине), японский язык — Нина Петровна Гаврилова, Закон Божий — о. Александр Кочергин.

К. П. Чеснокову отличали разносторонние знания, которые она успешно применяла в учебно-воспитательном процессе.

Превосходным и занимательным для детей приемом была организация школьных утренников, особенно — праздничных рождественских, проходивших на «больших» сценах Украинского дома или Железнодорожного собрания. Сценарии их и музыку писали всегда сами Клавдия Павловна и Елизавета Владимировна. Принцип организации был такой: каждому ученику должна достаться роль, пусть и маленькая, или отдельный номер в программе. Главное, чтобы никто не чувствовал себя обойденным, не было пассивных наблюдателей, участвовали в с е. Вот и появлялись, например, в спектакле «Красная Шапочка» три «мышонка», четыре «таракана», два «зайца», «енот», «гусь»... А «большие» роли исполняли: Боря Гертнер (в чепце) — «бабушка», Нина Кошкина — «Красная Шапочка», Ника Суторихин (почему-то в цилиндре) — «волк».

Л. Таргонская сопровождала свои воспоминания несколькими прекрасными фотографиями школьных спектаклей и «артистов», многие из которых позднее стали, я бы так выразился, «нашими самыми большими людьми». У К. П. Чесноковой учились: Георгий Александрович Мыслин — инженер-теплоэнергетик (ХПИ), 31 год проработавший в системе Минэнерго, создатель новосибирской Ассоциации друзей Харбинского политехнического института (1988, — позднее Ассоциации «Харбин»), которая имеет сегодня филиалы во многих городах России и объединяет здесь выходцев из Китая; Петр Константинович Филалковский — инженер-строитель (тоже ХПИ), прекрасный организатор, секретарь Пекинского Союза советской молодежи, бесменный ответственный секретарь Ассоциации «Харбин»; Всеволод Семенович Миронов — инженер-строитель (ХПИ), крупнейший в России специалист в области механики грунтов, проектирования и устройства оснований и фундаментов, профессор кафедры инженерной геологии Государственной Академии строительства; Павел Всеволодович Мухин — окончил Донецкий Индустриальный институт, горный инженер-геолог; Елена Васильевна Бучацкая (Петрова), окончила гимназию ХСМЛ (13-й выпуск), со своим прекрасным знанием английского языка 38 лет проработала в ТАСС; Лариса Кравченко — член Союза писателей России; Татьяна Васильевна Пищикова — инженер-электрик (ХПИ), много лет плодотворно работала в «Газмонтажавтоматике»; му-

жественно преодолев огромные трудности (у нее в результате участия в экспедициях разрушились суставы ног), стала автором нескольких книг по родословной своей семьи, семейной хронике, а также написала книгу о крупном русском японоведе М. П. Григорьеве («На Востоке». Калуга, 2000).

А «артисты» — Николай Борисович Суторихин — выдающийся инженер в области сетей связи, доктор технических наук, академик Международной академии информатизации; Сергей Иванович Елисафенко — заслуженный строитель Российской Федерации; Игорь Германович Архангельский — окончил электрофизический факультет ВЗПИ (Москва), 45 лет проработал старшим инженером-наладчиком медицинской аппаратуры в «Медтехнике» (Нарва); Олег Сергеевич Кирсанов — окончил химический факультет ХПИ (Дальний), горный инженер, кандидат технических наук; Алексей Григорьевич Левченко — тот же химический факультет, но химик, предприниматель в Екатеринбурге...

Еще несколько слов о С. И. Елисафенко.

Родители моего друга и коллеги по ХПИ — Сережи — Иван Васильевич и Татьяна Федоровна (урожд. Сапфирова) были в Харбине (в Модрягоу) частнопрактикующими зубными врачами. Сергей окончил ХПИ (с дипломом «инженера-механика путей сообщения с правом строительства зданий и сооружений не выше 5 этажей») и после возвращения в Союз обосновался в Красноярске. Много сделал для края и города. Став проректором Красноярского университета, осуществил строительство большого университетского комплекса (университет в Красноярске, кстати сказать, как раз пятиэтажный).

14 раз побывал в разных городах Китая, в том числе, конечно, и в Харбине. По его инициативе в университете введено изучение китайского и японского языков.

И почему я их здесь назвал? — Что примечательно: добившись столь высокого положения в обществе, все они в своих биографиях неизменно упоминают о том, что учились в школе К. П. Чесноковой. До сих пор они поддерживают связь между собой, никогда не забывают свою старую учительницу, помогали ей материально. В чем причина прочности такой связи? Причина, на мой взгляд, в том, что школа эта была замечательная.

А судьба самой Клавдии Павловны?

Она осталась в Харбине, никуда не уехала. Слепла. И за ней ухаживали.

вал истопник ее школы китаец Иван. Скончалась в конце 1969 г., в возрасте 85 лет в своей квартире № 3 на Гиринской ул. д. 29.

В одном из своих последних писем И.Архангельскому Клавдия Павловна просила прислать ей гречневой крупы, которой в Харбине не стало. Но оказалось, что за посылку с гречкой ей пришлось бы заплатить такую пошлину, что эта крупа стала бы золотой... В письме были горькие строки: «Прослужила я учителем 57 лет, но не заслужила ниоткуда ни пенсии, ни выходного пособия и не попала на Родину, так как не нашлось для меня жилой площади, а Москва мне ответила, что у меня нет прямых родственников...»

Без комментариев...

И вернемся в тот далекий 1917 год.

В России начали происходить политические волнения, вылившиеся в Февральскую и Октябрьскую революции.

Первые неясные сведения о событиях в Петрограде стали поступать в Харбин с утра 3 марта (по старому стилю). К вечеру эти данные прояснились: произошла революция, царь отрекся от престола и т.п.

И, что на мой взгляд все же удивительно, эти новости были встречены большинством вполне благополучного населения Харбина одобрительно и даже с какой-то эйфорией. Быстро оформились полномочные органы революционной демократии — Советы (председателем Совета рабочих депутатов был избран д-р К.С.Фиалковский, член конституционно-демократической партии), стали создаваться и другие, самые разные, политические партии. Д.Л.Хорват был назначен Комиссаром полосу отчуждения КВЖД, он признал Исполнительный комитет общественных организаций г. Харбина и обеспечил благоприятные условия для его работы.

Весной и летом 1917 г. из Америки и Шанхая в полосу отчуждения стали прибывать политические эмигранты, следовавшие в Петроград.

И очень скоро развернулась борьба за власть между умеренным социал-демократическим исполкомом, поддерживавшим успех Февральской революции, и экстремистским Советом рабочих и солдатских депутатов (большевики).

В ходе всех перипетий этой борьбы Харбин очень быстро прошел путь от революционного энтузиазма к успокоению, охлаждению и отторжению крайностей и эксцессов, инспирируемых харбинскими большевиками.

В октябре в Харбине началась кампания по выборам делегата от полосы отчуждения КВЖД в Учредительное собрание, созываемое в Петрограде. Были выдвинуты четыре кандидата, и каждым велась активная агитация. Город был обклеен плакатами: «Голосуйте за такого-то!» В. П. Петров писал в газете «Новое русское слово», что наибольший интерес избирателей вызвал кандидат № X, потому что шофером его агитационного грузовика был негр, неизвестно как попавший в Харбин и привлекавший к себе всеобщее внимание. Может быть, это и так, но вообще-то негры и индийцы были в Харбине не в диковинку. Например, к Пасхе 1904 г. в Харбине открылись два цирка: Боровского, славившийся превосходными дрессированными лошадьми, а второй — циркового товарищества Дорес — в специальном цирковом здании Данилова на углу Первой улицы Пристани и Артиллерийской. Так вот, в его рекламе был заявлен квартет «настоящих американских негров». А когда в Харбине в 1911 г. открылось Английское консульство, его охрану стали нести «индусы» — рослые, с черными бородами и усами, в цветных тюрбанах — вот это было зрелище для зевак!

Так или иначе, но на выборах тогда победил преподаватель Харбинских Коммерческих училищ меньшевик Н. А. Стрелков, представитель «золотой серединки».

В. Д. Казакевич, сын и.о. Управляющего КВЖД Д. П. Казакевича, в воспоминаниях, написанных по моей просьбе, упоминает о Стрелкове: «...маленького роста, невзрачный, с монотонным голосом, но преподаватель был хороший. Выступал на митингах за “серединку”. Однако, видимо, никогда не был политиком до революции».

Монархистов в Харбине было много, левых еще больше, а вот серединка — средний человек, без уклонов, видимо, чувствовал, что он обойден, и ценил того, кто бы его понимал. И вот выделился незаметный прежде Стрелков.

Был он, по-видимому, с левым уклоном, что до революции умело не показывал. Поехал в Петроград, в Учредительное собрание. Был там свидетелем “пьяных погромов” в ноябре-декабре 1917 г. Потом вернулся в Харбин. И в белом Харбине опять замолчал... Затих».

События в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. еще более подхлестнули харбинских большевиков, которые, получив директиву само-

го Ленина о необходимости немедленной победы советской власти в полосе отчуждения КВЖД, предприняли авантюрную попытку установить здесь свой контроль, т.е. распространить «власть советов» и на часть территории суверенного Китая.

Естественно, что в условиях международного города эта попытка была безнадежной и провалилась. Другими причинами поражения экстремистских элементов были: решающие позиции, которые занимал в Харбине т.н. средний класс, отсутствие здесь какой-либо «революционной ситуации», участие в акции большевиков всего только двух дружин харбинского гарнизона (и то не в полном составе) и примерно двух тысяч горожан из 54-тысячного взрослого русского населения города.

Руководители этой попытки переворота — Рютин (Мартемьян Никитич — тот самый, выступивший в 1930 г. против Сталина) и Б.А. Славин — бежали из Харбина; ополченческие дружины были разоружены и высланы из пределов Маньчжурии.

Все эти в достаточной мере драматические события 1917 г. в Харбине подробно описаны в моей книге «Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг.» (М. 1997, с. 10–23).

В том же 1917 г. исполнилась юбилейная дата одного из крупнейших очагов культуры Харбина — 15-летие Библиотеки Железнодорожного собрания, а еще через год наступило 10-летие Грузинской библиотеки. Оба юбилея были широко отмечены общественностью.

Библиотека Желсоба пользовалась особой популярностью. Много лет ее заведующим был старшина собрания Михаил Львович Фоменко. Предоставляю ему слово (по сухому газетному отчету):

«За время своего 15-летнего существования библиотека так выросла, что, по справедливости, считается одним из лучших книгохранилищ в городе. Преобразованная из читальни, основанной служащими постройки г. Харбина, библиотека, имевшая в 1905 г. около 3 тыс. книг, насчитывала в 1917 г. свыше 14 тыс. томов. На 1917 год было выписано журналов и газет на сумму около 1300 руб.

Библиотека обслуживает широкие круги городского населения и является весьма ценным культурным очагом. В библиотеке числит-

ся около 1200 подписчиков (1120 из них из среды членов и постоянных гостей собрания и около 50 из среды посторонних лиц), которым за 11 месяцев 1916 г. было выдано для прочтения до 52 тыс. книг. Посещаемость читальни составила за это же время 46.678 чел.» (*Харбинский вестник*, 1917, 4 января).

После 1925 г. библиотека составила основу Центральной библиотеки КВЖД.

Какие же российские журналы и газеты читал Харбин в то время?

Выписывалось периодических изданий около 250 названий. Первое место по количеству экземпляров занимал традиционный семейный журнал «Нива», подписка на который достигала 1000 экз. Следующее за «Нивой» место занимало «Русское слово», выписывавшееся в количестве 748 экз. Наиболее популярные журналы поступали в следующем числе: «Пробуждение» — 497, «Огонек» — 452, «Вокруг света» — 149, «Светлячок» — 115, «Русская мысль» — 17, «Современный мир» — 8. Остальные журналы выписывались в количестве от одного до десяти экземпляров.

Из столичных газет в городе читали: «Биржевые ведомости», «Новое время», «Русские ведомости», «Русский инвалид».

Получали и читали такие издания, как «Природа и люди», «Исторический вестник», «Русская старина», «Вестник Европы», «Северные записки», «Русские записки», «Разведчик». Эти данные относятся только к частной подписке.

С основным объемом журналов и газет люди знакомились главным образом в харбинских читальнях и библиотеках, которых в 1925 г. в городе было более 25. Что читали люди после революции? Какие у них были в это время настроения?

Об этом писал, в стихотворной форме, популярный в Харбине фельетонист С.Маманди. Его фельетоны в стихах — не всегда удачных (на мой, конечно, взгляд), претенциозный, как мне вначале подумалось, журналистский псевдоним — «Маманди» (разговорное китайское «подожди», «постой») не привлекали меня первое время к его публикациям. Обращали на себя внимание юмор, неожиданные смелые речевые обороты — и только. Но оказалось, что «Маманди» — это псевдоним, который слился с настоящей фамилией, став ее частью — Поперек-Маманди, под которой автора — Сергея Александровича, знали все в Харбине. А Игорь Константинович Ковальчук-Коваль (1913–1984) — харбинец-москвич, оставивший прекрасные, поражающе откровенные мемуары (Ковальчук-Коваль И.К. Свидание с памятью. Воспомина-

ния. М., 1996), рассказал мне много раньше о в высшей степени достойном поведении С.А. Маманди, когда их обоих арестовали в 1945 г. и депортировали в СССР соответствующие советские органы. Сергей Александрович не проявлял перед ними страха, держался мужественно и стойко. Не покорялся царившему тогда произволу. А это было в тех условиях, в которых он оказался, проявлением большой смелости...

Я посмотрел по-новому на его публикации, увидел в них определенные достоинства и иногда привожу их здесь. Но в ограниченном объеме — чтобы читатель, не дай Бог, не подумал, что в Харбине был только один фельетонист и критик.

Так вот, С. Маманди. Харбин в рифмах. 6. В читальном зале Железнодорожного собрания:

...Прессой текущую
С думой гнетущую
Интересуется,
Видимо, зал, —
 Все удивляются
 И ужасаются,
 Как нас совдепкой
 Господь наказал.
Прочь злободневное!
В книги безгневные,
В старые книги
Приятно взглянуть.
 Вспомнить старинное
 Время картинное
 И от унылых
 Забот отдохнуть...

Среди этих, частных в большинстве, 25 харбинских библиотек выделялась библиотека Дмитрия Николаевича Бодиско. Основатель библиотеки, страстный библиофил, эмигрировал из России сначала в Японию, открыл библиотеку в г. Иокогама; затем переехал в Харбин, где и основал в 1923 г. одну из лучших библиотек в городе (более 8 тыс. томов, по адресу: ул. Конная, 16). Поражают его объявления 1924–1930 гг. о регулярно поступавших в библиотеку книжных новинках из Парижа, Берлина, Праги и других издательских центров Зарубежной России.

Второй юбиляр — Грузинская библиотека, или, точнее, «Обществен-

ная бесплатная библиотека-читальня, основанная грузинами», находилась вначале на Мостовой ул. в здании Гостиного двора, затем в собственном доме Грузинского общества на проспекте Да-тун, — имела книги не только на грузинском, но и на русском и иностранных языках (в 40-х годах — более 16 тыс. томов). В эти годы ей было присвоено имя Шота Руставели — грузинского философа и поэта, автора «Витязя в тигровой шкуре».

Грузинское общество (созданное в 1905 г.) в это время — после 1917 г. — по-прежнему ставило своей главной целью оказание материальной и моральной поддержки грузинам, оказавшимся в Маньчжурии в составе белых армий, и беженцам из России и Сибири (более 500 чел.). Работа его в этом направлении была значительно усилена: выдавались пособия беднякам и неспособным к физическому труду, принимались на бесплатное лечение больные; за счет общества хоронили умерших. Председателем общества в течение длительного времени оставался старожил Харбина Иулиан Леванович Хаиндров — отец двух талантливых детей, ярко проявивших себя в русской и грузинской художественной литературе — Лидии и Левона Хаиндровых (Хаиндрава). Секретарем был И.А.Хоштария.

Общество создало работавшую на коммерческих началах Первую Грузинскую аптеку (Китайская, 44, угол Биржевой), приобрело собственный доходный дом (Грузинская ул., 65 — это та же 1-я Линия Пристани, позднее — проспект Да-тун).

В 1917 г. возникло и Армянское национальное общество. Председателем его был избран Степан Гаспарович Мигдисов, в течение многих лет главный полицейский врач г. Харбина. В начале 20-х гг. общество построило армяно-григорианскую церковь в память Св. Григория Просветителя (угол Садовой и Ляоянской). Одной из важнейших целей оно тоже ставило оказание благотворительной помощи своим неимущим членам. Общество полностью брало на себя воспитание и образование сирот, содержало приют для стариков. Благотворительной работой занимался Дамский кружок, постоянно заботившийся об изыскании необходимых средств.

Что нужно сразу же сказать о Китайской Восточной железной дороге и ее полосе отчуждения?

Некоторое впечатление об этом, как я хотел бы надеяться, дает моя первая книга «Маньчжурия далекая и близкая». Но в ней из-за нехватки листажа мне удалось сказать далеко не все то, что бы хотелось. В ча-

стности, пришлось снять Главу XI «Харбин промышленный и торговый» — которая была бы важна для понимания того, в какой обстановке оказались беженцы революции и гражданской войны, волнами прибывавшие в Харбин и полосу отчуждения в 1917, 1920 и 1922 годах. Конечно, в данной книге этот пробел будет восполнен.

Далее, обязательно надо добавить следующее.

Я уверен, что русские жители Маньчжурии, в том числе, конечно, и харбинцы, помнят названия станций КВЖД, где они жили или отдыхали летом, но вряд ли все представляют себе общую картину дороги. В этой книге, по возможности, мне очень бы хотелось назвать не только все крупные станции на этой железнодорожной магистрали, но и ее «закоулки», разъезды, которые были и остаются памятными для тысяч русских людей, живших и трудившихся на них, возможно, многие годы, — и хотя бы часть станций описать (продолжив это описание в следующих книгах).

И еще.

Харбин был, конечно, административным, экономическим и культурным центром русской колонии в Маньчжурии, и к тому же с самой высокой концентрацией русского населения. Естественно поэтому, что, начиная разговор о русских в этом крае, я в своей первой книге открыл его историей Харбина. Вместе с тем я всегда знал и имел в виду, что Харбин — это отнюдь не вся Маньчжурия, хотя бы и только Северная, что когда-то придет время, предоставится возможность, и надо будет обязательно рассказать о жизни россиян и в других пунктах края — «на Линии», т.е. на станциях и разъездах Восточной Китайской дороги, а также в городах Хайлар, Цицикар, Маньчжурия, а хорошо бы также и в Гирине, Чанчуне, Мукдене, Дайрене с Порт-Артуром и других... Очевидно, что без этого картина жизни здесь русских людей останется неполной и значительно обедненной. Но, конечно, — всему свое время и место.

Известный «крен» в сторону Харбина, как пункта, развивавшегося первыми и к тому же наиболее интенсивно, был неизбежен, а теперь мы будем восстанавливать этот нарушенный «баланс», причем делать это общими силами.

Мне очень понравился дух высказывания редактора канадского журнала «Россияне в Азии» (Торонто) харбинки Ольги Михайловны Бакич о том, что мы все вместе восстанавливаем историю российской эмиграции на Дальнем Востоке и что она приветствует перепечатки из ее журнала, конечно (и совершенно естественно — добавлю я), со ссылкой на

источник. Сегодня в отечественных периодических изданиях Ассоциации «Харбин» в России — «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск, ред. Анатолий Георгиевич Петренко. Неутомимый труженик, выпустивший со своими помощниками К.Л.Денисовым, Н.В.Шлеем и другими 94 номера этой интереснейшей газеты. Недавно ему исполнилось 70, и я присоединяюсь к хору поздравляющих!); «Русские в Китае» (Екатеринбург, глав. ред. Николай Степанович Кузнецов; зам. глав. ред. Юлиан Иванович Гордиенко); «Омские харбинцы» (Омск, ред. Людмила Константиновна Дземешкевич); «Русская Атлантида» (Челябинск, ред. коллегия: Г.И.Буторин, Е.Н.Гуляева, С.Н.Игнатьева, Н.Н.Клипиницер, Н.П.Разжигаева, И.А.Старицына, В.В.Шароухов) и других; а также — зарубежных — австралийских: «Политехник» Объединения инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт (ред. коллегия: А.А.Логонов, О.С.Коренева, И.В.Черноус, С.И.Зуев, В.Г.Гунько, В.Г.Савчик (ныне покойный); «Друзьям от друзей из далекой Австралии» — Центрального президиума Союза окончивших учебные заведения харбинского Христианского союза молодых людей, «Австралиада» (глав. ред. Наталья Грачева (Мельникова)); «Жемчужина» (ред. Тамара Малеевская (Попкова)) и других. В израильском «Бюллетене» Игуд Иоцей Син — Ассоциации выходцев из Китая в Израиле (ред. Тедди Кауфман) публикуется много документальных материалов и ценнейших воспоминаний наших соотечественников, проживавших в разные годы в Китае, а ныне рассеянных по всему миру. Очень много свидетельств и в полученных мною письмах моих друзей и знакомых, за что я их сердечно благодарю. Конечно, я с удовольствием и благодарностью использую и эти материалы, и обязательно тоже со ссылкой на их авторов.

Наша Московская ассоциация «Харбин» не имеет периодических изданий. Она ведет свою работу на базе Музея-ресторана «Харбин» Халика Шарифуллина (Москва, проспект Мира, д. 5), открытого им, неисповедимыми путями, именно в бывшем доме купцов-чаоторговцев Перловых, где в 1896 г. останавливался канцлер Китайской империи Ли Хунчжан, подписавший договор о постройке КВЖД, которая положила начало городу Харбину.

Мы издали два сборника «Харбинцы в Москве» (выпуски 1–2, 1997, редколлегия: И.М.Варфоломеева, В.И.Иванов, Г.В.Мелихов, Р.П.Селиванова) и готовим третий, посвященный воспоминаниям харбинцев-москвичей.

Итак, начинаю. Но прежде все-таки: что же такое «полоса отчуждения» КВЖД?

Это полоса территории вдоль железной дороги и вокруг ее разъездов, станций и городов, на которую у Китая по-прежнему оставались все суверенные права, но которая временно, на срок эксплуатации дороги, по Контракту о постройке КВЖД поступала в полное административное управление руководства дороги.

Это было соглашение, подписанное без какого-либо принуждения, — напротив, — по обоюдному согласию правительств России и Китая, по Договору о дружбе двух стран 1896 года, содержавшему пункт о постройке русскими Китайской Восточной железной дороги. Все права российских граждан в Маньчжурии и Китае — их право экстерриториальности — наравне с гражданами других европейских государств и США, право иметь свою полицию, свой суд Россия получила еще по русско-китайскому договору 1860 года, а отнюдь не по контракту о постройке КВЖД. Далее, Китай не был в состоянии собственными силами обеспечить безопасность строителей дороги от нападений бесчисленных шаек хунзусов в Маньчжурии, и поэтому России пришлось, опять же по соглашению с Китаем, создать собственную Охранную стражу дороги, защищавшую КВЖД от подобных нападений и совершенно не вмешивавшуюся во внутренние китайские дела. И это была с п е ц и а л ь н о для этой цели созданная Охранная стража КВЖД, а отнюдь не регулярная русская армия, что важно отметить, ввиду сегодняшних нападков на нее некоторых китайских историков.

Таким образом, полоса отчуждения КВЖД была территорией с особым статусом, вытекающим исключительно из специфики проходившей по ней железной дороги — дороги русской на китайской земле, — территорией, по договору с Китаем, управляемой полностью администрацией этой железной дороги, что, безусловно, придавало ей особые и специфические черты — политические, экономические, культурные, да и военные тоже.

Эта юридическая ситуация с полосой отчуждения КВЖД в полном объеме сохранялась в Маньчжурии вплоть до апреля 1920 г. — т.е. еще более трех лет после Февральской революции, что заслуживает того, чтобы быть здесь отмеченным тоже.

Общая площадь полосы отчуждения КВЖД по английским источникам (отчего таковы и приводимые ими цифры) — 513 кв. миль, или 329 тыс. акров. Китайские историки приводят несколько иные данные, да и меры у них другие.

Что гораздо важнее, надо подчеркнуть, все земли КВЖД были ею официально выкуплены, в том числе и под тот речной порт и центр промышленности в зоне дороги — каким являлся Харбин. При этом отчужденная под город территория равнялась 50 кв. милям, или 32,4 тыс. акров. Таким образом, город Харбин занимал почти десятую(!) часть всей полосы отчуждения КВЖД (см. Карту № 1).

Карта называется «Общий план расположения Города Харбина на 1923 г.», была она выпущена в свет Исторической комиссией при правлении Общества КВЖД. Южная часть этой карты известна по публика-

Карта № 1

циям в журнале «Политехник» и других изданиях, а северная, по-моему, полностью никогда не публиковалась. Карта представлена здесь в полном виде, но в уменьшенной копии.

Обратите внимание на то, какие именно районы входили в эту полосу отчуждения земель под Харбин и где проходила их граница. Фуцзянь очевидно исключался из полосы отчуждения Харбина, а Мостовой поселок, конечно, был в нее включен. Любопытно, что для полосы отчуждения Харбина большая часть отчуждаемых земель была отведена русскими проектировщиками города именно по левому берегу Сунгари — в З а т о н е, поэтому здесь на законном основании еще задолго до революции возникли многочисленные заимки, усадьбы и хозяйства российских предпринимателей. Некоторые из них отмечены далеко за пределами собственно Затона, к северу от него. Я назову их: это усадьба Мельникова, заимки Зотова, Никольского, Садковского, Махно, Кулагина и другие, молочная ферма Чемиза, поселок Пески.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что, видимо, у строителей русского Харбина был расчет на то, что город, как и другие, проектируемые на большой реке, будет в дальнейшем развиваться по обоим ее берегам. Однако этого не произошло. Харбин стал расти и расширяться только по «своему», правому берегу и уходил все дальше и дальше на юг. А Затон как был, так и остался местом зимовки флотилии КВЖД и других, районом мелких частных хозяйств, дач, а главное — загородным районом, где летом отдыхала основная, пожалуй, масса жителей Харбина.

А сама Китайская Восточная железная дорога?

Возрожденная Б.В.Остроумовым, КВЖД сформировалась к 1923–1924 гг. как одно из крупнейших железнодорожных предприятий в мире, оснащенное самой современной техникой и всеми достижениями железнодорожного дела своей эпохи.

Чтобы иметь представление о том, какие масштабы имела эта «махина», называвшаяся КВЖД, приведу данные о структуре ее административных органов и назову имена ее русских и китайских руководителей, многие из которых были ближайшими сподвижниками Б.В.Остроумова. Все они уже ушли в историю, которую к тому же кое-кто всячески старался забыть. Историю же надо знать и помнить: период управления Остроумовым Китайской Восточной железной дорогой — это наиболее славные страницы в ее истории.

У КВЖД было два руководящих органа: правление Общества КВЖД и ее Управление. И то, и другое имели большие административные аппараты.

Правление КВЖД состояло из следующих лиц: Председатель (дубань) (обязательно — китайский подданный) в это время — д-р Ван Цзиньчунь, его заместитель — Сергей Иванович Данилевский, помощниками которого были Карл Богданович Рихтер и Юй Жэньфэнь. Члены правления: Семен Минеевич Вебер, Лев Викторович фон Гойер, Владимир Владимирович Пушкарев, Жэ Шоужэнь, Чэн Долу, Юань Цзинькай.

Консультанты — Василий Дмитриевич Лачинов (Старший), Михаил Михайлович Плешков, М.К.Самойлов. Советник правления — Александр Васильевич Спицын. Юрисконсультант правления Петр Леонтьевич Соколов, помощник Павел Яковлевич Сечкин. Агент для поручений — Георгий Георгиевич Авенариус, секретарь Товарища Председателя — Борис Викторович Люба. Драгоманы: Чжу Энчэн (Старший) и Степан Федорович Большаков. Стенографистка — С.Н.Дробышева.

Канцелярия правления: начальник (далее — Н) — Валентин Александрович Рязановский, помощники — Го Фумянь, Григорий Григорьевич Сатовский-Ржевский. Делопроизводители — Иван Павлович Антипов (Старший), Евгений Хрисанфович Нилус, Константин Аркадьевич Голиков, Иван Николаевич Горбатов, Виктор Дмитриевич Кайсаров, Константин Порфирьевич Полидоров. Помощники делопроизводителя — Александр Петрович Калугин, Петр Иванович Каменский, К.П.Лестман.

Технический отдел: Н — Владимир Константинович Калабановский, помощник — Павел Фаддеевич Козловский. Счетно-финансовый отдел: зав. — Альбин Марианович Чижевский, помощник — Лю Цзэжун. Коммерческий отдел: зав. — Михаил Павлович Куренков. Ревизионный комитет правления Общества: председатель — Чэнь Хань.

Управление КВЖД: Управляющий (обязательно гражданин России) — инженер Борис Васильевич Остроумов, помощник Управляющего по железнодорожной части — Степан Цезаревич фон Оффенберг; помощник по общим делам — Михаил Емельянович Афанасьев; помощник китайской национальности — Ч.Т.Шар. Инженер для поручений при Управляющем — Корнелий Владимирович Покровский. Секретари управления: Анатолий Владимирович Обольский и Ван Чанпин.

Канцелярия управления — Правитель дел Виктор Николаевич Вуич, помощник — Роман Романович Мюллер.

Главная бухгалтерия: главный бухгалтер — Михаил Иванович Степунин, помощник — Евлампий Александрович Семенов. Врачебно-санитарная часть: главный врач — А.Н. Григорьев. Центральная больница: старший врач — Николай Михайлович Иващенко. Ветеринарно-санитарный отдел: зав. — Андрей Стефанович Мещерский. Контроль: главный контролер — Георгий Константинович Гинс, помощник — Владимир Александрович Шульце. Служба эксплуатации: Н — Евгений Николаевич Войтов, помощник — Василий Павлович Максимов. Железнодорожное полицейское управление: Н — ген. Вэнь Инсин, помощники — Кэ Сэн и Николай Герасимович Володченко, главный инспектор — Андрей Константинович Митрофанов. Внутренняя охрана — Н.Г. Володченко. Пенсионный отдел: зав. — Василий Евграфович Сентянин.

Земельный отдел: Н — Н.Л. Гондатти... Тут при упоминании этого имени я должен сделать небольшое отступление.

Николай Львович Гондатти...

С жизнеописанием этой яркой личности в истории русского Дальнего Востока и русской эмиграции нас обстоятельно ознакомила серьезная монография хабаровского историка профессора Н.И. Дубининой «Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти» (Хабаровск, 1997). Вместе с тем некоторые любопытные и яркие (хотя и далеко не бесспорные!) характеристики Николая Львовича содержит также одна из публикаций цикла о Харбине эмигрантского журналиста Льва Валентиновича Арнольдова (писавшего также под псевдонимами Виктор Сербский и П. Сольский). Этот материал Л. Арнольдова (1923) упоминается в работе Н.И. Дубининой кратко, и поэтому имеет смысл привести статью полностью.

«Харбин. IV. Гражданин Гондатти

Если вы пойдете на харбинский форум, именуемый управлением КВЖД, то на втором этаже нередко можно встретить старика, небольшого роста, идущего характерной, чуть семенящей походкой, воспетой Пушкиным:

А старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.

У него одновременно строгое и обворожительно приветливое лицо. Острые глаза за стеклами очков.

Одет как все одеты, даже гораздо проще, чем все.

Бежит, несет под мышкой бумаги, раскланивается, ласково жмет почтительно протягиваемые руки.

И новички, которые видят его впервые, жадно всматриваются в него, ловят каждое движение, глаз не спускают, пока он не скроется за тяжелой дверью Совета управления дороги.

Поезжайте в Николаевск, Владивосток, поезжайте в Хабаровск, все равно какой: атаманский или партизанский, вы всюду услышите:

“Во времена Гондатти... При Гондатти... Когда был Гондатти... Если бы Николая Львовича сюда... Нет, Гондатти решил бы иначе... Николай Львович применял в подобных случаях... Гондатти знал, как в данном деле извернуться, он бы...”

Во имя Гондатти, именем этого “царского” администратора до сих пор живет революционное Приморье, и *horribile dictu*, красные лидеры или нещадно копируют Гондатти, или выросли под его крылом: возьмите столпа соглашательства Куртеева, возьмите эсэрского шантеклера Прокопьева...

Все птенцы из орлиного гнезда...

А комиссар финансов Дальневосточного Совета народных комиссаров, молодой, жизнерадостный и пухлый “товарищ” Калманович всегда при первой встрече успевал вернуть в разговор:

— Я живу в доме Гондатти...

И это тешило его комиссарское самолюбие несравненно сильнее, чем подпись на кредитных билетах, выпущенных Краснощековым и скрепленных “жильцом дома Гондатти”.

А в Омске, как радовались в бездарном Омске, когда пустили слух, что Гондатти согласился стать министром внутренних дел.

Но на этого старика, который, не будь революции, покоился бы в кресте Марииинского дворца, законодательствуя в сановной усыпальнице, вместо того чтобы руководить продажей земельных участков в Нахаловке, — на него возлагались надежды и в имперском Петербурге.

После ухода Макарова кандидатура Гондатти шла вперед других, и если бы не царский каприз, то вместо “влюбленной пантеры” Маклакова Россия попала бы в мягкие, но непреодолимые шоры административной системы, которая, возможно, предотвратила бы революцию.

Даже враги не отрицают, что в лице этого человека русские потеряли умного, тонкого, гибкого администратора государственного масштаба.

Гондатти сделал карьеру при самодержавии, с точки зрения многих, головокружительную карьеру, но ему, к сожалению, не удалось стать, как любил выражаться Столыпин, “главой правительства”.

В Германии, в Англии люди, подобные Гондатти, входят в историю Гладстонами, Биконсфильдами, Бюловыми, а у нас их губило отсутствие “связей” в виде кузин Фифи, Мими или сиятельных тетушек.

Гондатти весь в прошлом, и напрасно для многих это имя остается по сей день жупелом.

Время Гондатти прошло, к власти он не вернется, даже если бы обстоятельства сложились в его пользу.

Железные законы истории имеют свою логику.

Но как “административная реликвия”, как “живая редкость”, Гондатти чрезвычайно интересен.

Вот штрихи воспоминаний, пусть апокрифических, но характерных.

Гондатти всегда любил подчеркнуть свою аккуратность.

Если заседание назначалось в 12, то с последним ударом часов курьер распахивал дверь и в ней появлялся подтянутый и деловитый Николай Львович.

Боже упаси было опоздать. Все это знали и предпочитали лучше прийти за полчаса раньше, чем опоздать хоть на минуту.

Страстная неделя 1908 года. Военно-полевой суд приговорил семерых экспроприаторов к повешению.

Гондатти — тобольский губернатор. Власть гражданская, которой, казалось бы, нет дела до разгула военных карателей, тем более, что военный генерал-губернатор Шмидт сам лично руководил “подавлением крамолы”.

Но казнь должна совершиться в тобольской тюрьме, и тобольский губернатор Гондатти просит о помиловании. Он телеграфирует Шмидту в Омск и Столыпину. Ответа нет.

Телеграфирует вторично и столь напряженно ждет ответа, что вечером, в Страстной четверг, идет сам на телеграф вдвоем с начальником почтово-телеграфной конторы, просиживает всю ночь до рассвета, так и не дождавшись разрешения остановить казнь...

Гондатти — томский губернатор. Студенческие волнения. Кассо предупреждает, что со стороны его нет препятствий к ликвидации “бунта” вооруженной силой.

Но Гондатти — старый студент.

Его сердцу, сердцу восьмидесятника, нестерпимо видеть полицию в дверях храма науки.

Он узнает место сходки, надевает скромное статское пальто и отправляется на массовку.

Просит слова. Говорит страстно, убедительно. Советует воздержаться от эксцессов и, когда резолюция о мирной ликвидации конфликта принята, распахивает полы пальто и позволяет в себе узнать “ненавистного губернатора”. Молодежь качает Гондатти. И по сей день в Томском университете помнят песенку, кончавшуюся припевом:

Ай-да, ай-да, ай-да-ти
Славный парень Гондатти.

В Восточном институте во Владивостоке, Гондатти, при посещениях, неизменно обедал в студенческой столовой, за общей трапезой, платил за обед свой четвертак и беседовал со студентами запросто, отвечая подробно и охотно на любой предложенный ему вопрос.

Культивируя принцип всем обещать и никому ни в чем не отказывать, Гондатти даже среди политических именовался не без симпатии “товарищ Гондатти”.

Шармёр Николай Львович необычайный и всем сулил одни только “небесные миндали”.

В том же Восточном институте Гондатти, придя на корейское отделение, говорил примерно так:

— Господа! Корейский язык — самый важный язык для местного деятеля. Исконная тяга корейского народа к России, их бескорыстная любовь к нашей родине, может быть реализована в факторе первостепенной государственной важности, если корейцы будут управляться чиновниками, знающими их язык, нравы и обычаи. Изучайте корейский язык, господа! Корееведы всегда будут кандидатами на лучшие должности в крае.

На японском отделении Николай Львович говорил:

— Японский язык, господа, самый важный язык. Исторически и географически Япония и Россия — две могущественные соседние державы... и т.д. и т.п. Изучайте японский язык, господа!

То же говорилось и на маньчжурском отделении, так что каждый студент мечтал сейчас же, вслед за получением диплома, стать вице-

губернатором и зудил иероглифы во славу просвещенного администратора».

Но продолжу свой рассказ о Земельном отделе Управления КВЖД.

...помощник Алексей Алексеевич Варпаховский. Коммерческая часть: Н — Павел Николаевич Меньшиков, помощник Я.Ф.Ткаченко. Квартирная комиссия: председатель Владимир Сергеевич Фаворский. Материальная служба: Н — Николай Иосифович Шпаковский, помощник — Константин Константинович Косцелецкий. Метеорологический отдел: зав. станцией и отделом — Петр Александрович Павлов. Служба пути и сооружений: Н — Владимир Иванович Александров, помощник — Карл Генрихович Якобсон. Русско-китайский секретариат: зав. — Владимир Николаевич Веселовзоров, секретарь Александр Матвеевич Яковлев. Служба сборов: Н — Филипп Петрович Соболев, помощники — Кирилл Кириллович Новиков и Сунь Хэнь.

Отдел судоходства: зав. — Константин Константинович Луневский. Служба тяги и подвижного состава: Н — Андрей Хрисанфович Калина, помощники — Нестор Георгиевич Ильчеев и Ню Инсян. Типография дороги: Н — Дмитрий Ильич Тернов. Учебный отдел: зав. — Николай Викторович Борзов. Служба телеграфа: Н — Александр Александрович Затеplinский, помощники — Георгий Авксентьевич Новицкий и Ши Сюэнь.

Церковный отдел: правящий Епархией — архиепископ Мефодий, делопроизводитель — Адам Лазаревич Адамов. Экономическое бюро: зав. — Иван Адрианович Михайлов; старшие агенты — Тарас Васильевич Бутов, Виктор Ильич Сурин, Иван Васильевич Павлов, Николай Степанович Зефилов, Николай Константинович Федосеев. Юридический отдел: главный юрисконсульт — Михаил Иустинович Гейнсдорф, помощник и заместитель — Константин Владимирович Иогель.

Слишком длинный список? Очень уж большим было это русское предприятие. Сочувствую... Но я исхожу при его публикации из того, что кому-то из родных, друзей и, конечно, потомков приятно будет встретить на этих страницах дорогое для себя имя...

И еще несколько слов.

В Управлении дороги работало много интересных людей.

Например, в Службе телеграфа — телеграфист высшего разряда «слухач» Сергей Георгиевич Клестов, дед нашего известного земляка-бухэдинца Георгия Петровича Берзина. Он первым в Маньчжурии принял телеграмму об отречении от престола Николая II. Знатная семья железнодорожников Берзиных в общей сложности проработала на КВЖД 111 с половиной лет!

В этой же Службе трудился Михаил Павлович Бондаренко, первостроитель КВЖД (родился в г. Сумы в 1880 г.). Тянул связь от Пограничной до Никольска-Уссурийского, создавал телеграфные отделения на станциях и пр. В 1920 г. его командировали в г. Цицикар, в 1922 г. перевели в Управление в Харбин — начальником отделения (2-й этаж Управления, громадный зал, 20 сотрудников).

Его сын — знаменитый и замечательный по своим душевным качествам человек — Виктор Михайлович Бондаренко, (1920 года рождения), ныне москвич: репатриант 1935 г., харбинец, который не только выжил, но и окончил престижный институт и играл одну из ключевых ролей в конструировании и постройке советского гидроплана-лодки!

Вот даже, казалось бы, человек совсем невысокой должности — курьер Управления Никита Георгиевич Евсюков... Но он — отец Петра Никитовича Евсюкова, родившегося 3 января 1921 г. в Харбине, тоже репатрировавшегося с семьей в 1935 г. и ставшего единственным харбинцем, получившим ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР! (Биографию его см.: *Харбинцы в Москве*. В 2 вып. Вып. I. М., 1997, с. 42–45.)

В 1923 г. на КВЖД работали 18 362 служащих и рабочих — значительная часть огромной русской колонии Маньчжурии.

Сама дорога — это прежде всего 1726,51 км обустроенного железнодорожного пути с 75 станциями и 112 разъездами. Этот километраж складывался из протяженности всех трех главных линий дороги и внутреннего сообщения по Харбину. Имея своим центром Харбин (станция Харбин-Центральный), дорога расходилась отсюда тремя Линиями: *Западной* (Харбин — г. Маньчжурия) с выходом на территорию России и соединение с Читинской ж.д. — протяженностью 934,72 км; *Восточ-*

ной (Харбин — ст. Пограничная), где она смыкалась с Уссурийской ж.д. и выходила на Владивосток, протяженностью 549,96 км; и самой короткой — Южной (Харбин — Куаньчэнцзы), где она имела соединение с Южно-Маньчжурской железной дорогой, принадлежавшей Японии, и выходила на порт Дайрен (Дальний, Далянь), протяженностью всего 238,45 км. К ним надо добавить еще 4,27 км внутригородской линии (Харбин-Центральный — Харбин-Пристань).

Китайская Восточная железная дорога была крупнейшим русским предприятием в Маньчжурии; она имела также самый большой в крае речной флот и лесные концессии. О масштабах и значении ее Главных механических мастерских в Харбине говорит наличие в них таких цехов и предприятий, как паровозосборный, котельный, механический, кузнечно-литейный, вагонно-пассажирский, вагонно-товарный, электрическая станция, лесопильный завод, испытательная станция, другие. Мастерские были в состоянии выполнять любые механические и ремонтные работы.

Земельный отдел КВЖД, руководимый Н.Л. Гондатти, имел завод сухой перегонки дерева (скипидар, смолы, древесные масла, вар и пр.), производил мебель, различные виды паркета. Десятки развитых агрономических учреждений отдела обеспечивали дорогу и предлагали населению семена, саженцы, всевозможные молочные продукты, располагали складами сельскохозяйственных машин и орудий, племенными рассадниками молочного скота, опытными полями и показательными фермами, несущими в массы русского и китайского населения края передовую агротехнику земледелия и выращивания ягодных и технических культур.

Дорога имела также службу телеграфа, автоматическую городскую телефонную сеть, мощную типографию, печатавшую литературу на пяти языках, метеорологическую станцию.

Вот что такое КВЖД.

Начну рассказ о людях на ее станциях и разъездах со «своей» родной Западной линии этой дороги. Конечно своей, конечно самой родной.

Ведь именно на ней находились и наше родовое гнездо — где жила семья деда Георгия Яковлевича Мелихова, прочно обосновавшаяся в Бухэду, — и город Хайлар, к которому тяготела стоявшая на р. Имин-

гол казачья станица Хунхульди (название это, дорогое с детства, я и теперь не могу произнести без глубокого волнения!), где постоянно проживали мои другие, тоже горячо любимые, дедушка и бабушка со стороны мамы — Петр Павлович и Вера Васильевна Меньшиковы.

Одно время я ежегодно проводил по несколько летних месяцев в этих благодатных местах — почти совсем так же, как отец в Бухэду... Только на 25 лет позднее. И об этом как-нибудь потом...

Приводимые ниже расстояния от Харбина до станций Западной линии не стоит переводить в километры — ведь эта русская дорога строилась и рассчитывалась по верст

Желающие же могут заняться таким переводом, памятуя о том, что 1 верста — это 1,06 км.

Но вначале — несколько любопытных характеристик некоторых станций КВЖД из воспоминаний моего отца Василия Георгиевича Мелихова:

«Небезынтересно отметить, что многие станции и железнодорожные буфеты КВЖД пользовались прочной и определенной славой. Дело было в том, что пассажирские поезда долгое время не имели вагонов-ресторанов, поэтому любителям вкусно поесть было хорошо известно, что на Западной линии в буфете станции Дуйциньшань продавались необыкновенно вкусные блинчатые пирожки, на станции Аньда — чудесные молочные продукты; Цицикар славился летом и осенью своими арбузами, Чжаланьтунь — великолепными борщами и т.д. Южная линия снабжала фруктами, а, например, станция Яомынь давала неисчислимое количество кур, гусей, уток и, думается, тысячи мешков птичьих потрохов. Восточная линия была известна своими ягодными плантациями, виноделием и отличным пивом. Конечно, все это было только лишь небольшой частью огромных разнообразных богатств Маньчжурии, но важно было то, что они были освоены и развиты русскими».

Итак, Западная линия (расстояния от Харбина в верстах):

Ст. Харбин-Центральный	0	Сяохаоцзы	199	Иректэ	536
Затон	2	Яньгуньтунь	223	раз. Хорго	553
Метайцзы	9	Цицикар	254	Унур	564
Раз. Тайшу	9	Фуляэрди	266	Мяньдухэ	594
Дуйциньшань	29	Хурхура	274	Якеша	654
Раз. Лимудян	39	Турчиха	303	Чжаромтэ	647

Раз. Лучко	49	Няньцзышань	332	Хакэ	675
Маньгоу	59	Чингисхан	359	Хайлар	699
Раз. Горлос	69	Чжаланьтунь	390	Угунор	730
Сун	89	Халасу	418	Ваньгун	760
Раз. Ушитюга	99	Барим	447	Хорхонтэ	791
Раз. Сенной	109	Ялу	476	Цаган	819
Аньда	118	Бухэду	504	Чжалайнор	848,5
Сарту	149	Раз. Петля	521	Раз. Касинов	859
Ламадяньцзы	169	Хинган	528	г. Маньчжурия	876

Крупными городами с довольно большим русским населением были: Хайлар, Маньчжурия и Цицикар.

О городе Хайларе.

«Революционный бум» в Харбине 1917 г. в общем-то мало воздействовал на периферию, занятую своими насущными делами, исключая, пожалуй, город Маньчжурия, вследствие его непосредственной близости к границам России, и, отчасти, по той же причине станцию Пограничную на востоке.

Город Хайлар обязан своим возникновением русско-китайскому Кяхтинскому договору 1727 г., завершившему разграничение пределов двух империй «по Аргуни». Ведь согласно букве предыдущего Нерчинского 1689 года договора, левый берег этой реки от истоков до устья признавался владением России, а истоком Аргуни является, как известно, река Хайлар, берущая свое начало в Большом Хинганском хребте... На этом основании весь северо-запад современной Маньчжурии вплоть до Большого Хингана Россия совершенно правомерно считала собственной территорией и осуществляла на ней географические экспедиции (например, экспедицию Мессершмидта по окрестностям озера Далай-нор и другие), не встречая здесь никаких признаков присутствия маньчжуро-цинских чиновников и войск.

Но по Кяхтинскому договору ради добрых и мирных отношений со своим соседом Россия, проводя границу между двумя государствами в Монголии, уступила территорию Барги Цинской империи. Вот тогда-то для того, чтобы обозначить на этих землях свое присутствие, маньчжуро-цинское правительство и поспешило заложить здесь крепостцу Хайлар — со сложенными из самана стенами и крошечным маньчжуро-

китайским гарнизоном. Затем Хайлар стал резиденцией высшего чиновника края — амбана, пунктом торговли с монголами и местом принесения народами и племенами всей огромной Барги податей маньчжурскому правительству. Эти свои функции Хайлар сохранил практически до 1932 г.

КВЖД оставила Старый город Хайлар в стороне, на расстоянии 5 км от своей линии. На дороге, и к тому же на противоположной стороне ее полотна, она построила благоустроенный поселок русских железнодорожников Залинья — с каменными домами, 2-этажными школой и административными зданиями, Железнодорожным собранием, окруженным тенистым садом. Здесь же была воздвигнута и красивая деревянная Спасо-Преображенская церковь (1903 г.). В дальнейшем пустырь между железнодорожным поселком и Старым городом был застроен домами беженцев из России; после устройства фирмой «Братья Воронцовы» лесной гавани в устье Имингола была освоена и территория Острова. Сложился современный город с районами-поселками (кроме названных выше): Подгорный, Роша, Присячи.

Улицы назывались: Александровская, Николаевская, Романовская, Тверская, Первая, Вторая и Третья Восточные, Первая и Вторая Западные.

Хайлар был многонациональным городом — здесь бок о бок проживали китайцы, русские, татары, евреи, монголы и другие. Он был небольшим, лежал как бы в котловине, окруженный невысокими песчаными сопками. Дующие весной сильные ветры с соседней пустыни Гоби засыпали его песком, от которого не было спасения ни дома, ни на улице. Скромной достопримечательностью Хайлара был Городской сад в центре города с увенчанным двуглавым орлом обелиском, воздвигнутым в 1913 г. в честь торжественно отмеченного в Маньчжурии 300-летия Дома Романовых (см. «Маньчжурия далекая и близкая», книга первая, с. 254–256). Тут же, рядом друг с другом, находились две школы — Хайларская русская школа (10 классов) и татарская (4-летняя). По окончании ее татарские дети продолжали учиться в русской школе. По теплым воспоминаниям абитуриентов (Е. Тулакин. Мой Хайлар // НСМ, февраль 1996, № 28; Пана Мунгалова. Хайларские зарисовки // Русские в Китае, Екатеринбург, 1996, № 3 [далее

РвК]), преподавателей, подвижников своего дела, любили. Вспоминают имена Михаила Алексеевича Кузьмина, Лидии Фроловны Шамшуриной, В.К.Левашко, Н.К.Иванова («прославившегося» своей фразой, обращенной к девочкам, бегавшим по залу: «Эй, вы! Эфирные создания, что вы топаете, как табун лошадей?!» (Е. Тулакин), Петра Николаевича Поручко, А.И.Тавчева, П.И.Кречетова, И.А.Куклина, преподавателя китайского языка Н.И.Сметанина, других.

К Хайлару на Западной линии КВЖД в экономическом и административном отношении тяготела и вся бескрайняя Барга. Я давно мечтал рассказать об этом совершенно особом, прекрасном районе в северо-западной части Маньчжурии. Это совершенно иной, чем вся Восточная Маньчжурия, мир. Он изумителен и великолепен.

От остальной части края Баргу отделяет огромный горный хребет Большой Хинган. Его каменистые склоны покрывают дремучие леса — хвойные (лиственница, стволы до 40 м в длину при 2 м в диаметре) и березовые, богатые всевозможным зверем. К западу же от хребта и простирается эта самая Барга — типичная степь, но степь монгольских плоскогорий, не ровная и бескрайняя, как в России, а с сопками и горочками разной высоты и формы, с падами, перевалами, долинами многочисленных рек и речушек — притоков р. Хайлар-Аргуни, прозрачного как слеза Имингола, Халхи и других — с берегами, покрытыми густой растительностью. С озерами — солеными и пресными, среди которых Далай-нор — Большое Священное озеро... Действительно, большое — его площадь до 1000 кв. км. И исключительно богатое рыбой, которой отсюда снабжалась вся Маньчжурия и даже Северный Китай.

Чудесный уголок страны!

Я хорошо знаю эти места: одно время я в начале каждого лета приезжал в Хайлар, а отсюда на телегах, с обозом, по разбитой проселочной дороге мы с дедом ехали вдоль Имина в казачью станицу Хунхульди. Здесь дед с бабушкой жили постоянно и держали большое хозяйство. И все лето и осень — с бесконечными баснословно удачными рыбалками (память о которых осталась на всю жизнь!), покосами, ягодой, дальними прогулками, поездками на курорт Халун-Ар-

шан, на Ганьчжурскую ярмарку, в гости к друзьям деда — монголам в их кочевые юрты — были моими с утра и до вечера...

Дед Петр Павлович много лет работал на лесных концессиях бр. Воронцовых в Якешах, Хайларе, Хунхульди и, последнее время, на Ядоре, большую часть года проводил вдали от семьи. Был подрядчиком, управляющим и доверенным лицом. Человек исключительной честности.

Ядор — живописнейшее место на Большом Хингане: вокруг горы, леса хвойных пород. Контора концессии — дом для администрации, бараки для рабочих — русских и китайцев. Мама говорит, что Воронцовы не притесняли рабочих, эксплуататорами не были. Снабжение продуктами было хорошее. Еда готовилась в соответствии с национальными привычками — отдельно для китайцев и для русских. У Хунхульди лес был смешанный, окружающие пологие сопки покрывал ковер цветов...

Происходил дед из крестьян Тобольской губернии, Курганского уезда, Белозерской волости. Жил какое-то время в Чите. Здесь обзавелся семьей, здесь же родились две дочери — моя мама, Любовь Петровна (1907), и тетя Надя (1909). Служил приказчиком в обувной торговой фирме бр. Самсоновичей. Фирма приняла решение перевести свои торговые операции в Китай, в Харбин, и дед перебрался сюда тоже.

После продажи Пассажа Самсоновичей Чурину (он был перестроен и стал чуринским магазином на Пристани) дед оставил службу и решил обосноваться в Хунхульди, примерно в 120 км к югу от Хайлара. Там у них была большая усадьба, прямо на берегу Имингола или Имина («гол» — по-монгольски «река»), просторный дом, хозяйственные постройки. Они с бабушкой завели огромное хозяйство — коровы, бараны, табун лошадей (занимались также племенным коневодством), пасака, посевы пшеницы, благодаря чему в доме всегда было изобилие хлеба и муки. Имели заимку, все необходимые сельскохозяйственные машины, кроме трактора.

Здесь уже родились мой любимый дядя Алеша (1914) и тетя Вера (1920).

Дед был страстным охотником, имел коллекцию ружей, метко стрелял, хорошо разбирался в охотничьих собаках; в доме всегда было несколько натасканных, обученных охотничьих псов — главным образом, сеттеров — ирландских, гордонов, лавераков. По работе и охоте дед поддерживал постоянную связь с местными прирожденными охотниками — ороченами, приезжавшими на концессии за продуктами и привозившими пушнину. «Беличьи кухляночки у нас всегда были, — вспоминала мама. — И говорить умел на их птичьем языке». Был большим

другом местных кочевых монголов, конечно, знал и их язык, и все обычаи, часто бывал у них в гостях.

И рыбак такой же азартный. Когда ему подарили спиннинг, постоянно приносил домой тайменей, ленков (крупная форель). Однажды сильный пудовый таймень утащил его в реку, так дед на мелководье качался на нем верхом...

Дружил особенно тесно с местным тоже крупным хозяином «стариком» Окладниковым, у которого было четыре сына — Всеволод, Виктор, Георгий и Валентин — Михайловичи, все самостоятельные подрядчики на лесной концессии, и дочь Елизавета.

Бабушка Вера Васильевна... Среднего росточка, со спокойным приветливым лицом. Ла-а-сковая, мягонькая, теплая... На всю жизнь останутся со мною ее терпение, заботливое внимание, любовь и доброта. Семьянинка, труженица — четверо детей, которых она почти одна поила, кормила, обшивала — ведь купить что-то готовое подчас было негде; воспитывала. А ведь на плечах было еще и большое хозяйство!

Мало того что врожденная кулинарка — она умела еще и все блюда как-то украсить, исключительно красиво подать на стол...

Степь Барги с ранней весны пестрела всевозможными цветами — первоцветами, ландышами, багульником, диким горошком, ирисами, ярко-оранжевыми лилиями-саранками, синими колокольчиками, по берегам Имингола — заросли тальника, огромные кусты диких белых и красных пионов, непроходимые дебри дикой малины, ежевики, смородины...

А на плоскогорьях самое огромное богатство этих степей — трава-острец, один из видов злаковых, чрезвычайно ценная в питательном отношении и дающая превосходное сено.

Климат Барги суровый. Зима малоснежная и продолжается пять месяцев, морозы достигают 45 градусов. Но лето очень жаркое и влажное, и температура поднимается до 40 и выше. Главная река региона — Хайлар (с левым притоком Иминголом); после впадения в нее Мутной протоки получает название Аргунь.

Великая Аргунь.

Она с XVII века разделяет границы двух государств — Китайского и Российского: по правому берегу ее — Китай, а по левому — Россия. У Аргуни тоже мощные притоки. Левые — Быстрая, Келлари, три правых — Хаул, Дербул и Ган, давшие название своему бассейну — Трехречье. Район компактного расселения русских казаков в Маньчжурии,

славившийся плодородием («посади оглоблю — телега вырастет», — говорили казаки). Но о Трехречье попозже.

Юго-Западная Барга — исконный край великой монгольской культуры и языка, где они, монголы, всецело доминировали. Ламаистские монастыри — дацаны — были источником познания глубоких тайн буддизма и седой древности, премудростей и неограниченных возможностей монголо-тибетской медицины. Монастыри эти переполняли огромное число монахов — лам, что объяснялось обычаем обязательно отдавать в монахи одного сына из семьи. Монголы кочевали по необозримым просторам этого края со своими пестрыми войлочными юртами и стадами верблюдов, рогатого скота, огромными отарами овец, табунами низкорослых выносливых лошадок, прозванных «монголками», сохраняя в неприкосновенности свой исконный быт, веру и традиционное гостеприимство. Каждого гостя встречали как посланного Небом, угощали кирпичным чаем — с молоком и бараньим салом, огромными кусками баранины, сваренными в таком же большом котле, незабываемым для меня «кирстеном» — поджаренной на открытом огне вместе со шкуркой спинкой молодого барашка...

Какая-то мудрая терпимость, понимание тебя, бесконечная доброта и гостеприимность этого разделенного народа — вот что всплывает в памяти о тех далеких днях. Монголы делились на множество племен и родов (аймаков), но помнили всех своих предков в десятках поколений и своего великого Чингисхана; ощущали себя единым национальным целым.

А по лесистым склонам Малого Хингана в северо-западной части Барги обитали ее коренные народности — тунгусы, солоны, дауры, орочены, манегры — испокон веков большинство из них тоже вело кочевой образ жизни, занимаясь и добывая себе средства к жизни исключительно охотой. Солоны и орочены всегда славились как отличные стрелки. Бесстрашие, простодушие, доверие, непоколебимая верность старым друзьям — вот отличительные черты этих людей, которые всегда подчеркивал мой второй дед, Петр Павлович Меньшиков, рассказывая о своих встречах с ними. Он, как и многие русские в Барге, знал язык монголов и ороченов и в качестве старожила этих мест пользовался у них громадным уважением.

Барга — она была очень разная, и рассказать о ней можно только

постепенно — отдельно о станциях Западной линии КВЖД — Мяньюхэ, Якеши, Чжаромтэ, Чжалайноре, административном центре края — Хайларе, городе Маньчжурия, курорте Халхин-Халун-Аршан (халхаские минеральные горячие источники), монастыре Ганьчжур и знаменитой ярмарке при нем... Сколько тем, затрагивающих жизнь местного русского и монгольского населения, сколько вопросов! Их нельзя обойти стороной, но о каждой/каждом придется говорить на своем месте...

Вернемся к Харбину.

Всеми муниципальными делами в городе ведало Харбинское общественное управление (ХОУ), а земельный фонд города принадлежал КВЖД в лице ее Земельного отдела, и дорога распоряжалась им по своему усмотрению.

В самом начале 1917 г. Совет управления КВЖД одобрил проект этого Земельного отдела по устройству за Механическими мастерскими дороги поселка Чжэнъянхэ (известного харбинцам как Ченхэ). Участки здесь должны были предоставляться исключительно рабочим и мастерам Главных мастерских, по цене 4–3 руб. за сажень с условием 10-летней рассрочки выкупной платы без начисления процентов. Собирались немедленно же приступить к работе по планировке площади поселка и улиц, а также к проведению от города к поселку шоссейной дороги. Но помешали революционные события, пришлось эти планы отложить.

Осуществил их несколько позднее новый управляющий КВЖД инженер Остроумов (на дороге — со 2 февраля 1921 г. по 3 октября 1924 г.), реально раздавший дешевые строительные и дачные участки рабочим и служащим. Ченхэ быстро превратился в цветущий сад и стал называться Остроумовским городком. С приходом на дорогу советской администрации это название она постаралась забыть...

Теперь на столе передо мной другой — многоцветный, более ранний, «План города Харбина», выпущенный издательством Семена Митрофановича Фоменко в 1920 г.

Собственно городом (т.е. в ведении ХОУ) на нем показана только часть современных Пристани и Нового Города. Большой проспект ограничивался на западном своем отрезке Железнодорожным проспектом; будущие Саманный и Корпусной городки на карту нанесены еще не были. Но район Миллеровских и Московских казарм уже обозначен.

На востоке Новый Город пока «заканчивался» современной Телинской улицей (т.е. простирался в этом направлении всего только на один квартал от Старого кладбища, Костела и Кирхи). По свидетельству старожилов, далее тянулась незастроенная, покрытая разнообразной растительностью местность, за которой на значительном отдалении от центра города лежало Новое (Успенское) кладбище. На месте будущего китайского монастыря Цзилэсы (Тилосы) (построен в 1923 г.) — показана только группа деревьев. Пристань ограничивалась на западе Диагональной ул., с размеченными по ее левой стороне 1-й — 13-й Линиями, пока не застроенными. Дело Пожарного общества на стыке Офицерской и Новгородной улиц смотрелось в этой части города последним жилым островком, соседствующим с пустошью, болотом на месте будущего Сунгарийского городка (Нахаловки), застройка которого имеет свою известную многим драматическую историю. За этим в то время пустым пространством — вдали показаны Главные механические мастерские КВЖД. Естественной границей Пристани служит Путевая ул. и высокая насыпь железнодорожного полотна Западной линии КВЖД. Мостовой поселок с его мельницами и складами присутствует на своем месте — за Путевой.

Поселок Модягоу, который до середины 20-х годов не входил в городскую черту, с Модягоуской (Свято-Алексеевской) церковью в центре, обозначен в границах: Бельгийская-Брусилловская ул. на севере, Пограничная — на юге, Батальонная и Раздельная на западе и востоке. ХОУ во время революционных событий в Харбине в 1917 г. обсуждало вопрос о том, включать ли Модягоу в городскую черту, и решение снова было принято отрицательное. Решено было только строить в Новом Городе Торговые ряды («Пассаж ХОУ»).

Славянский городок, очевидно, только начинал застраиваться — на его месте показаны лишь контуры будущих улиц. От Хорватовской гимназии к югу (по Старохарбинскому шоссе) тянулся пустырь с одинокими китайскими могилами.

Гондательки, созданной приехавшим в Харбин в 1918 г. и ставшим начальником Земельного отдела КВЖД Н.Л.Гондатти, тоже пока нет на карте.

Таковы границы Харбина на плане 1920 г.

С.М.Фоменко — многолетний председатель Харбинского общества спортсменов (ХОС), автор нескольких интересных путеводителей и издатель различных календарей. Один из них — отрывной на 1944 год — последний год жизни издателя (он скончался в Харбине 1 июня

1944 г.) — целенький, лежит сейчас передо мной. Святцы на каждый день, много полезных советов — актуальных даже и на сегодняшний день, афоризмов и анекдотов, в основном бытового и политического содержания. Замечательный, интересный и сегодня календарь!

С.М. Фоменко работал, опережая свое время: им был подготовлен и издан Календарь на 1945 год... Адрес его был неизменно простой: Большой проспект, № 80, у Собора.

А в городе...

Начиналась неуверенная застройка района Нахаловка (больно уж место было болотистое) — разрешенная горсоветом и запрещенная Управлением дороги. Это создало определенные коллизии. К 1920 г. строительство здесь стало форсированным, энергичным, несмотря на все запреты — нужда заставляла: Харбин был переполнен бездомными беженцами, дома спешно возводились за одну ночь, в них тотчас же затапливалась печь, что, по китайским законам, уже не позволяло их разрушить. Серьезный конфликт с Управлением, долго и жестко угрожавшим все эти незаконно возведенные на территории дороги постройки снести, разрешился, к счастью, благополучно. Поселение твердо обрело название «Нахаловка», но отмечу: позднее американцы ставили возникновение этого района Харбина в пример — как образец высоких, настоящих американских(!) темпов быстрого роста и развития Харбина на протяжении всех 20-х годов.

Перед Яхт-клубом еще только стояла проблема приобретения на берегу Сунгари участка земли для устройства веранды, которая до сих пор существовала на «поплавке». А барка, на которой держался этот «поплавок», пришла в полную ветхость и была готова в любую минуту тихо затонуть...

В 1918 г. сгорела дотла, очевидно в результате поджога безбожниками, старая деревянная Благовещенская церковь Харбинского Подворья Российской Духовной Миссии в Пекине; из ее уничтоженного огнем внутреннего убранства остался совершенно невредимым только образ Пресвятой Богородицы.

Уже на следующий год церковь была отстроена вновь — но на новом месте — «через улицу», на углу Полицейской и Китайской. Здесь же на Китайской в 1918 г. начал возводиться «небоскреб», как его тогда называли, японского магазина «Мацуура» — самого высокого здания Харбина, которое строил известный в городе техник-строитель Александр Адамович Мясковский. Им были построены также: Первое Высшечальное училище на Артиллерийской ул., громадное здание магазина

«Тун Фа Лун» на углу Мостовой и Новгородней, дом Международного Сберегательного общества (на углу Китайской и Школьной).

Отец мой — тогда еще, конечно, просто Вася Мелихов (год рождения 1903, Харбин), продолжал учиться в Харбинских Коммерческих училищах, с частью воспоминаний о которых мы уже ознакомились в первой книге.

Вот еще его некоторые, по моему мнению, любопытные, записи о преподавателях — характерные для представления о той общей атмосфере, которая царила в этих училищах, о том как проходили каникулы у многих русских школьников в благодатной (или как ее назвала Е. Рачинская — «благословенной») Маньчжурии. У отца в младших классах каникулы проходили, конечно, на прекрасной природе нашего родного Бухэду.

А о школе — вот они, эти записи:

«Я уже называл некоторых преподавателей, — пишет папа. — Вообще-то их было очень много, и все они, конечно, были по-своему разные, некоторые были отличными, другие просто хорошими, но не было плохих и равнодушных. Нет нужды перечислять фамилии их всех, но стоит назвать некоторых, непосредственно связанных с какими-то, пусть даже и незначительными, но памятными случаями в нашей ученической жизни, и тех, кто своими организаторскими способностями и энтузиазмом, помог создать замечательные учебные залы и кабинеты.

Нашим инспектором был Николай Федорович Волонцевич, занявший эту должность после Гарри Карловича Варда (из обрусевших англичан, он преподавал английский язык) и Федора Федоровича Романова, преподававшего русский. И Г.К.Вард, и Ф.Ф.Романов уехали, получив назначение в Россию. Н.Ф.Волонцевич, инженер-химик и технолог по образованию, преподавал у нас товароведение. Он был одним из создателей нашей химической лаборатории, — передовой по тем временам, и отличного зала товароведения, в котором было огромное количество всяких материалов и машин, связанных с этой дисциплиной. В этих двух помещениях нами производились всякие анализы и испытания материалов.

У Николая Федоровича было ласковое прозвище — «Соловей», данное учениками, вероятно, за его приятную манеру говорить и за мягкую

обходительность, сочетающуюся временами со строжайшей требовательностью.

Василий Николаевич Орлов преподавал русскую литературу. Немножко мешковатый по внешности, несколько вялый, близорукий, со слегка красным носом, он, казалось, был идеальным “объектом” для всяких “фокусов” учеников. Но “фокусов”-то и не было! Его уважали. Знаток литературы, он мог блестяще рассказывать о литературных образах, завораживая аудиторию. И все же один раз (уже в 8-м классе) мы подшутили над Василием Николаевичем, но шутка, правда, была вполне безобидной.

Заканчивалась малая перемена, следующий урок — русская литература. Я, дежурный по классу, подошел к окну закрыть форточку; на улице большими хлопьями шел снег — явление обычное, но всегда чарующее! И вдруг у меня мелькнула неясная еще мысль, а я уже начал собирать лежащий за окном снег в большой ком. Подбежал к учительскому столу и с силой подбросил этот ком снега к потолку. Вышло так ловко (и нарочно такого не сделаешь!), что ком прилип над столом как раз между чернильницей и стулом преподавателя, почти над краем стола.

Звонок!

И через несколько секунд вошел Василий Николаевич. Ребята видели мой “фокус” и все напряженно смотрели на прилипший ком. Василий Николаевич только успел сесть, держа еще классный журнал в руках, как снег звонко шлепнулся о стол!

Все моментально вскочили, подбежали к столу, начались “охи” и причитания: “Падает штукатурка! Ведь это опасно! Ведь потолок может обрушиться! Не пострадали ли Вы, Василий Николаевич?” Одни причитали, а другие быстро вытирали поразительно быстро таявшую “штукатурку”.

Василий Николаевич, оглушенный всем этим шумом, так, видимо, и не понял, что произошло! А мы все были довольны: все обошлось хорошо, никто не пострадал, а урок на несколько минут задержался! Наш учитель литературы, вероятно, ничего не сказал о происшедшем, а то бы инспектор Эдгар Мартынович несомненно начал бы расследование — какая такая штукатурка падала?

Геометрию преподавал Александр Александрович Васильев, инженер. Блестящий преподаватель, он своими объяснениями просто

“кладывал” знания в учеников. Впоследствии он читал высшую математику в Харбинском политехническом институте. Я очень любил геометрию, а решать задачи для меня просто было любимым развлечением. Но раз вышло так, что однажды я и объяснения урока не слушал, и дома в учебник не заглянул, а Александр Александрович вызвал меня к доске.

Ну что можно сказать, когда не имеешь представления о том, что нужно говорить! Не помогла, конечно, и “сигнализация” товарищей, стремившихся выручить меня. “Плавать” я не привык, а потому и сказал, что урока не знаю, за что и получил, естественно, двойку.

Время шло, приближался конец четверти, а Александр Александрович меня не вызывал. Он был очень строгим, и его, откровенно говоря, боялись. Но пришлось набраться храбрости и обратиться к нему. Произошел следующий диалог: “Александр Александрович, прошу вызвать меня до конца четверти.” — “Почему?” — “Хочу исправить оценку.” — “Какую?” — “Двойку.” — “Зачем?” — “Чтобы удержаться на прежней отметке.” — “Какой?” — “На пятерке”. — “Гм, посмотрим”. Лаконично, не правда ли?

Он вызвал меня, много спрашивал, и все окончилось хорошо.

В противоположность А.А.Васильеву, преподававший алгебру Степан Васильевич Корецкий давал минимум объяснений, предоставляя самим ученикам доходить до сути. Это тоже было неплохо! И со Степаном Васильевичем, и с алгеброй я жил в ладах.

Но вот однажды я вышел по вызову к доске. Известно, что при долгом и не совсем спокойном сидении, рубашка топорщится, выползает из-под ремня, и я, пользуясь тем, что Степан Васильевич склонился над журналом, решил заправить рубашку как следует. Обернувшись, он увидел это и, что называется “с места в карьер”, сказал мне:

— Идите из класса!

Пошел, походил по коридору, скучно! Решил просить извинения. Открыл двери И... В этот момент, внезапная шальная мысль подвела меня! В расчете на то, что Степан Васильевич не заметит или не обратит внимания, я почтительно сказал:

— Степан Васильевич, я извиняюсь!

В ответ на это я услышал:

— Идите к директору!

Это было что-то невероятное! Мы вообще смутно только слышали, что кто-то когда-то отсылался к директору.

Пошел.

К директору пропустили, конечно, не сразу. Узнав в чем дело, Николай Викторович (Борзов) сказал:

— Вы должны бы быть примером для класса, а делаете Бог знает что! Придется занести вас в черный журнал.

Что это был за журнал, и был ли он в училище вообще, я не имел представления. Не знаю, занесли ли меня в этот журнал, но отметку по поведению не сбавили. А со Степаном Васильевичем, как будто ничего и не было, опять установились хорошие отношения!

Географию вел К.С.Барашков. Обычно занятия проходили в классе, а когда объединялись два-три класса для изложения общего материала или для демонстрации диапозитивов, занятия велись в географическом зале. Столы и скамьи в нем были расположены ступенчатообразно, зал был полон всяких карт, глобусов и т.д. Прекрасное изложение учебного материала во многом способствовало моему увлечению филателией, которая на всю жизнь стала моею “страстью”.

К.С.Барашков когда-то пострадал за политические убеждения, но революционный дух жил, по-видимому, в нем постоянно. Поэтому революция 1917 г. привела его в чрезмерно возбужденно-радостное состояние. Его организм не выдержал напряжения, и он, к глубокой печали всех, помешался и вскоре умер.

В отлично оборудованных классах физики и естественной истории “царствовали” Г.Д.Ясинский и К.Д.Федоров. По всем разделам физики нам демонстрировали разнообразные приборы, и мы проделывали многочисленные опыты. Ботаника и зоология изучались непосредственно по разнообразным гербариям, отличным коллекциям насекомых, чучелам птиц. На практических занятиях мы препарировали лягушек, работали с микроскопами.

Организованный при училище “Спортивный кружок” включал две группы спортсменов, занимавшихся по четвергам и воскресеньям. Я не был ахти уж каким гимнастом, но мне несколько лет довелось быть инструктором второй группы. У нас была лучшая в городе молодежная команда футболистов — “Кружок футболистов”.

В Харбине в это время было несколько команд: “Орел 1”, “Орел 2”, “Ворон 1”, “Ворон 2”. Лучшей командой была “Орел 1”, но их футбол и футбол других команд был очень грубым, игроки часто “по ошибке” били по ногам соперников, нередко не подчинялись решениям судей и т.п. В играх же с нашими футболистами они были достаточно корректны и наших ребят не калечили.

Я, к счастью, никогда не был “тихим” мальчиком и сам относился и теперь отношусь недоверчиво ко всем “тихим”! Немного авантюризма, смелости, любознательности и любопытства, а также, иногда, большой увлеченности — было вполне достаточно, чтобы временами совершать поступки, за которые можно было тяжело поплатиться! Так было в 3-м классе, когда я с папиросой “попался” инспектору и получил за это в четверти по поведению “три с предупреждением”, — а это было очень опасно! Так могло быть и тогда, когда мы захотели научиться играть на бильярде и, увлекшись игрой, частенько сразу же после уроков, используя всякое свободное время, устремлялись в бильярдную некоего Гросса. Любая облава там, а они производились! — послужила бы причиной нашего исключения из училища. Кстати, я, будучи уже взрослым, избегал ходить по вечерам мимо этой бильярдной — такова была ее “слава”!

Можно было расстаться с училищем и из-за “китайских ракеток” — связки из 30–40 штук маленьких петард, начиненных порохом, соединенных общим фитилем, и взрывающихся одна за другой при поджигании этого фитиля. А ведь однажды мы затолкали такую связку в замочную скважину одного класса, в котором шел урок, и подожгли фитиль. Мы успели убежать и потом доказать свое “алиби”, но шума было в училище много!

Достаточную смелость я проявил, будучи в 7-м классе, при первом посещении оперетты. Я слонялся по фойе и собирался уже войти в зал, чтобы “притаиться” на своем месте, когда буквально “нос к носу” встретился с А.А.Васильевым, который был, по-видимому, дежурным преподавателем в этот вечер.

— Ну, что ты тут делаешь?

— Да вот, хочу пройти в читальный зал...

— Гм, в читальный зал? Сомневаюсь!

Разговор на этом закончился, а я после этой встречи с самым строгим преподавателем уверовал, что оперетты-то уж я буду слушать! Действительно, с двумя-тремя одноклассниками я посещал оперетты весь сезон и теперь с удовольствием вспоминаю об этом. И очень рад, что это было! По-видимому, администрация училища если и не поощряла, то во всяком случае и не чинила особых препятствий для посещения учащимися оперетт, а для меня это было одной из сторон моего музыкально-го развития при общем интересе к музыке, — интересе на всю жизнь!

Ну, а все школьные каникулы я, конечно, проводил у родителей в Бу-

хэду, славившемся красотою, ягодными и грибными богатствами своих мест.

Достопримечательностями станции были: Малая речка — никогда не пересыхавший ручей, питавшийся болотами, в котором ребята ловили пещарей и плотвичек; Большая речка — это были верховья р. Ял, которая изобиловала форелью. Большая падь за поселком Теребиловка вела к огромной солнечной поляне, заросшей ландышами, которые в мае собирали здесь все жители Бухэду, и букетиков этих скромных белых цветиков хватало на всех. Летом “работы” тоже было “по горло”!

По землянику все бухэдинцы ездили на поездах на разъезд Петля (в 18 км от Бухэду), являвшийся преддверием знаменитого Хинганского туннеля. Живописнейшее место! Здесь железная дорога, подбираясь к туннелю, делала огромную петлю, а насыпь, пересекающая поперек долинку между двумя горными кряжами, казалась огромной и мощной — как бы пытающейся и самой дорасти до вершин гор!

С учетом особенностей этой “петли” всегда составлялось и расписание движения пассажирских поездов — № 3 (из Харбина) и № 4 (в Харбин). До секунд регулировались их отправления с разъезда, и когда № 3 тяжело (с двумя паровозами) поднимался вверх, в эти же самые секунды точно под ним проходил № 4, мчавшийся под уклон!

Чуть позже поспевала черная смородина, но за нею нужно было ехать километров за двадцать. Мы, ребята, выезжали за нею обычно часа в два ночи; ехали на телеге и, конечно, мирно спали на ней остаток ночи. Смородина росла в обширном невысоком лесочке, который прорезался ручьями чуть ли не во всех направлениях. Вода в них была почти молочно-белой — по-видимому, где-то размывались известняки.

С большим нетерпением я ожидал всегда поспевания нежной фиолетово-черной жимолости. Ее было немного в лесочке, тянувшемся вдоль реки, — обычно я не набирал и полного бидончика. То ли о ней не знали (вряд ли!), то ли таким малым количеством ее не интересовались — во всяком случае, варенье из нее было только у нас! Я никогда не ел варенья вкуснее этого! То же говорили и наши гости, всегда при этом восклицавшие: “Ну, где же вы достаете эту изумительную ягоду!”

Сбором позже поспевавших брусники и голубики мы не занимались, а покупали их у сборщиков-продавцов этих ягод — китайцев. Бруснику не собирали потому, что ее заготавливали много, а собирать такое количество было слишком трудоемким занятием. Голубику — потому, что росла она на каком-то “Ягоднике”, километров в 45 от Бухэду. Этот Ягодник долгое время оставался для меня загадкой — где он и что это

такое... Побывать там мне пришлось только в середине 20-х годов. Представьте себе пологий склон шириной в два с половиной и длиной в полтора километра, сплошь покрытый голубикой! Это и был тот Ягодник...

Наступала грибная пора! Собирались сначала опенки, которыми были усеяны горы в пяти-шести минутах ходьбы от дома. Все набирали сколько кто хотел! Со мной однажды произошел забавный случай: собирая семейку опят, я нечаянно скovyрнул на пне осиное гнездо. Через две секунды надо мной закружилось облачко ос! Всякий слышал, какво иметь с ними дело, и поэтому я стремглав понесся с горы, рассчитывая добежать до реки, протекающей неподалеку от подножия горы, и броситься в воду. Либо я бежал быстрее ос, либо они оказались миролюбивыми, но когда я подбежал к реке, то с облегчением уже не услышал их грозного жужжания!

Наконец, начинались сборы ехать по грузди в чудесный большой березовый лес!.. Выйдешь на поляночку, посмотришь — как будто ничего... Ан нет, не тут-то было! Почти под ногами — бугорок. Отгребаешь слой перегнивших листьев и видишь: тут свеженькие, беленькие, чуть-чуть мохнатые груздочки! Осторожно срезаешь их ножом (грибницу нужно ведь оставить, не повредить!) и тут видишь, что таких бугорков полным-полно! С груздями попутно собирали волнушки, подберезовики, подосиновики. Любили грибы, которые назывались обабки — жареные они были изумительно вкусны! Белых грибов, рыжиков, маслята и сморчков у нас не было. Но зато сколько было шампиньонов!

Собирая их, я всегда вспоминал, как говорили старшие: “Караси и шампиньоны любят, когда их жарят в сметане!”».

Как мы видим, и на Линии, вдали от Харбина и других центров, люди тоже жили спокойно, не вмешиваясь в происходившие политические события и не шибко интересуясь ими. Во всяком случае, папа в своих подробных и ясных по тону и мысли мемуарах, написанных по моей просьбе, мало упоминает о политике.

Все, видимо, в большинстве продолжали заниматься своим привычным делом. Папа пишет: «Заботливый хозяин, отец загодя договаривался с артелью косцов по заготовке сена. Осматривал участок для покоса,

предпочитая возвышенные места. На приемке сена всегда присутствовал сам. Но лошадям и коровам требовалось не только сено, поэтому в 10 км от Бухэду на т.н. Первом броде р. Горигол, отец имел заимку, на которой выращивался овес; заимка вместе с тем служила как бы дачей и местом отдыха — около реки, гор и полей».

Недавно, в НСМ (июль-август 2000 г., № 77) была помещена статья Г.А.Лагунова о русских чольских поселенцах. Смежный район этот интересен судьбами многих эмигрантов, и папа, коренной житель Бухэду, тоже вспоминает о нем (а это середина 20-х годов):

«Упомянув выше о реке Горигол, хочется, кстати, рассказать о ней побольше. С нею некоторое время была связана моя работа, как инженера, по изысканиям и постройке железнодорожной ветки. Около 30 км ветка проходила по живописной довольно широкой долине р. Горигол. Сама же, быстрая, как всякая горная река, она впадала примерно в 12 км от Бухэду в нашу “Большую речку” (р. Ял). Общая протяженность реки — около 45 км, и на последних примерно 15 километрах мне побывать не удалось. А говорили, что местность около истока реки очень хороша, а сама река вытекает довольно широкой полосой непосредственно из горы!

Грунтовая дорога от Бухэду, ведшая на концессию КВЖД в долине реки Чол, через небольшой перевал попадала в долину реки Горигол и пересекала реку три раза. Эти места пересечений и получили названия Первый Брод, Второй Брод и Третий брод. На этих Бродах были небольшие (2–3 домика) поселения русских, и на Первом Броде — наша заимка, на Втором — заимка нашего свата Семена Григорьевича Мармонтова, а на Третьем стоял домик лесорубов и неподалеку — смолокурня.

С.Г.Мармонтов сеял пшеницу, и для сева ее в долине реки Горигол у него были, по-видимому, все основания. Эта долина только примыкала к главной долине, по которой проходила КВЖД, и была как бы защищена от свирепых холодных ветров, дующих, как бы спускающихся, с Хингана. В ней всегда было много снега и сравнительно мягкий микроклимат. Поэтому-то у свата были высокие урожаи, которые он убирал машинами. Примечательно, что с посевами пшеницы, овса и прочих зерновых культур там появилось много фазанов...»

Несмотря на все трудности организации в Маньчжурии лесного дела, о которых подробно пишет отец, дела у деда шли отлично. Концессии его находились примерно в 30–35 верстах от станции Ялу, на реке Белой. Гавань для приема сплавленного леса была устроена на самой станции, у которой Белая впадала в р. Ял. Здесь была главная контора и большие склады провизии и материалов для рабочих. Я часто приезжал в Ялу (станция находилась от Бухэду в 30 верстах по железной дороге) и один раз побывал, вместе с гостившим у меня однокашником Колей Фельзингом, на концессии на Белой, куда ехали на телегах.

Посмотрели, как ведутся заготовки леса, и даже приняли участие в работе по сплаву: начались дожди, и мы помогли сбрасывать в реку поленицы дров (в них я впервые увидел обитавших там летучих мышей).

На Белой была рабочая контора, много барачков для рабочих и несколько русских солдат — как защита от хунхузов.

Интересно, что на концессии был сосновый колок — редчайше явление для той местности. Коля и я так старались найти в этом лесу жука-рогоносца! Но не нашли!

Станция Бухэду дала многих достойных и уважаемых людей, крупных специалистов, ярко проявивших себя на Родине и за ее пределами. Это семьи П. Д. Берзина, Р. Э. Вейсмана, С. Г. Мармонтова, Ф. П. Малышева, Е. Д. Каргина, Х. Х. Мансурова, Омельчуков-Показаневых, других, о которых я надеюсь рассказать в следующих книгах.

Филипп Омельчук с женой Устиньей приехали в Бухэду на постройку КВЖД в 1898 г. Сестра Устиньи — Домна Нагулько с семьей уехала в Сан-Франциско, и в середине 50-х связь между обеими семьями, к сожалению, прервалась. У Омельчуков, оставшихся в Маньчжурии, родились сыновья Павел и Владимир, потомственные железнодорожники, и дочь Антонина, вышедшая замуж за Николая Показанева.

В 1935 году многие члены этой большой семьи выехали в СССР и спустя два года были репрессированы органами НКВД.

Антонина Филипповна вторично вышла замуж — за А. И. Евстафьева и проживает в настоящее время в г. Дербенте (Дагестан). Их сын — Юрий Александрович Евстафьев — москвич, доцент Московского государственного строительного университета, автор более 50 научных пуб-

ликаций, меценат, помогающий изданиям журналов и книг о русской эмиграции в Китае.

Павел Филиппович возвратился на родину в 1954 г., работал на Алтае, а затем в Челябинске. Его дочь Наталия, харбинка, абитуриентка ХПИ, вышла замуж за инженера Глеба Разжигаева, тоже окончившего этот институт. Она организатор и редактор челябинского упомянутого выше и весьма популярного журнала «Русская Атлантида».

Начиная разговор о раннем периоде развития искусства в послереволюционном Харбине, хочу прежде всего отметить составленный с большой любовью и знанием дела очерк «Искусство: культурно-артистическая жизнь в Харбине» бытописательницы города, поэтессы Ольги Стефановны Кореневой-Кулинич (книга «Стихи». Сидней, 1984). Ольга Стефановна сама была активной участницей музыкальной жизни города; очерк опубликован в журнале «Политехник» (1979, № 10, с. 154–172) и остается на сегодня наиболее полной работой на эту интересную и важную тему.

Позволю себе дополнить его некоторыми собственными соображениями, а главное, воспоминаниями моего отца — тоже глубокого поклонника музыки и страстного любителя оперы и оперетты.

Размышляя о феномене русского Харбина, о котором я попытался дать общее впечатление в первой книге, я пришел к выводу, что одной из важнейших причин, обусловивших возможность столь многообразной общественной и культурной жизни Харбина после революции, был чрезвычайно высокий уровень концентрации в Маньчжурii слоя высшей и средней интеллигенции, наличие в ее среде специалистов абсолютно всех профилей и всех специальностей, людей не только образованных, но и предприимчивых. Начну с цитаты, которая, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к искусству, но хорошо поясняет ситуацию.

Как написал в прекрасной статье «Курсы прикладных знаний» инженер А. Глувчинский (тот же «Политехник», с. 130–134) — «Многие не представляют себе, сколько Харбин имел техникумов, профессиональных курсов, школ, где преподавались прикладные знания — искусство, ручной труд... которые на самом деле сыграли большую роль

в деловой, коммерческой и культурной жизни Харбина. Все эти курсы и школы дали Харбину много техников, ремесленников, мастеров, медицинских работников, секретарей, переводчиков и других специалистов. Все это дало возможность поддерживать деловую жизнь, двигало заводы, мастерские, транспорт.

Нельзя обойти вниманием и не указать на женские профессиональные курсы, которые давали возможность обслуживать медицину, выпускающая фармацевток, сестер, больничных сиделок; иметь салоны красоты, обшивать платьями по моде все население, готовить кадры секретарей, машинисток или развлекать население постановками в театре, балетом, операми и опереттой...

Как только являлась необходимость или требование того или иного ремесла, знания, сразу же появлялись люди, которые организовывали, устанавливали школы, курсы».

Все это отмечено чрезвычайно верно. Добавлю только, что вряд ли искусство и литература в Харбине могли бы развиваться столь успешно без подобной материальной базы.

Вторая причина, на мой взгляд, — это отлично налаженная в Харбине система общего образования — прежде всего начальных и средних школ, — вобравшая в себя и сохранившая все лучшее, что было характерно для прежней российской классической гимназии и реального училища, и чутко реагировавшая на все требования сегодняшнего дня (в данном случае — изучение истории и экономики Китая, Японии, их языков, иностранных языков вообще). Результатом этой прекрасно развитой системы образования было появление в Харбине и второго поколения эмиграции — значительного слоя образованной и всесторонне развитой молодежи, молодежи с разнообразными и широкими интересами. И это обстоятельство на более позднем этапе, в свою очередь, явилось главным фактором, обусловившим феноменальное развитие общественно-культурной и даже чрезвычайно затрудненной в условиях Зарубежья научной деятельности, в том числе — профессиональной.

Предварительно скажу еще следующее.

Вот все эти благоприятные условия и предпосылки, и, в первую очередь, развитая инфраструктура, т.е. наличие большого числа первоклассных залов и сценических площадок, сложившиеся традиции, наличие очень большого числа прибывших в Маньчжурию, в Харбин, в первые послереволюционные годы крупных артистов и музыкантов со всей необъятной России, наконец, присутствие вполне подготовлен-

ной к восприятию большого искусства публики — все это и обеспечило блестящий расцвет музыкального и сценического искусства Харбина с самого начала рассматриваемого периода 1917–1924 гг. И верхушечные «революционные» события в полосе отчуждения отнюдь не явились для этого развития какой-либо серьезной помехой. Несмотря на резкие вспышки время от времени (например, в 1920 г.) политической напряженности, культурная жизнь города не прекращалась никогда.

Однако при всем этом, мне представляется, что причины этого успеха все равно останутся непонятными читателю, если я не расскажу о том, сколько музыкальных и балетных школ, школ пения и кружков искусств появилось в Харбине в то время. Музыкой и искусством в городе занимались многие.

Здесь уместно было бы сразу упомянуть о таком явлении в культурной жизни города, как созданный уже в мае «революционного» 1917 года Музыкально-литературно-художественно-драматический кружок «Арс» («Искусство»).

Деятельность кружка составила в этой жизни известную, хотя и не очень яркую и, к сожалению, довольно короткую страницу. Кружок был создан группой лиц, связанных с деятельностью Клуба Общества служащих (Биржевая, 36).

Целью кружка было дать молодежи эстетическое образование. По мысли организаторов «Арса», для этого должны были быть созданы различные секции, кружки: музыкальный, литературный, художественный, драматический. Но кружок не имел своего помещения и никакой дотации; работа его протекала вяло. Только с 1920 г. «Арс» получил возможность снять собственное помещение и тогда развернулся в полную силу. Он открыл Общедоступную музыкальную школу (по классам рояля, скрипки, виолончели и теории музыки), Студию пластики, Драматическую и Художественную студии. Читались там и различные лекции.

В частности, состоялась лекция г-на Литвака на тему «Мифы и сказки Японии». В любопытной рецензии на нее говорилось:

«Мифы и сказки Японии, как и многое в жизни этой страны, характеризуется специфической особенностью, именно удивительной миниатюрностью и легкостью. И это не только по форме, но и по содержанию: здесь все семейно, нет богатырского размаха, удали нашей былинной. Правда, метафоры и аллегории во многих случаях интересны и даже изумительны по фантастике; нередко чувствуется сила, но вообще — миниатюрность и еще раз миниатюрность».

С того же 1920 г. Драматической студией (сценическое искусство)

«Арса» стал руководить лучший в то время драматический актер Харбина — Константин Александрович Зубов (о нем я еще расскажу).

Однако в последующем произошло слияние кружка «Арс» с Союзом учащихся — организацией большевистской ориентации. Он стал уделять все меньше и меньше времени пропаганде искусства, стал заниматься совсем иной пропагандой, политизироваться, и вся его художественная работа постепенно сошла на нет.

Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что уже в октябре того же года Союз учащихся постановил реорганизоваться в «союз молодежи» (а позднее — в известный в Харбине «отмол», отдел молодежи), начавший, вначале безнаказанно, устраивать безобразные выходы у харбинских церквей и прочие хулиганства — до тех пор, пока не получил действенного отпора от созданной «белой» молодежью организации «Мушкетеры» и других молодежных групп.

Первой Музыкальной школой в Харбине назвала себя школа свободного художника Киевской консерватории Г.Г.Барановой-Поповой, открывшаяся в октябре 1918 г. двумя классами — хорового пения и теории музыки и сольфеджио.

29 декабря школа устроила в Железнодорожном собрании (Желсобе) свое первое музыкальное открытое утро. Программа была составлена из произведений русских композиторов. Все номера были исполнены учащимися по классическому фортепиано и хоровому классу.

Однако позднее название «первая» отняла у нее открывшаяся в 1921 г. Первая Харбинская музыкальная школа, известная под этим наименованием во всей последующей истории музыкального образования Харбина. Она была создана группой преподавателей музыки при Харбинских Коммерческих училищах КВЖД и развивалась при большой поддержке директора училища Н. В. Борзова.

Различные музыкальные и хоровые классы были в этом же году открыты и в Капелле Петра Николаевича Машина (см. о ней в Главе II).

В 1920 г. уроки декламации, мелодекламации, выразительного чтения, постановки голоса давала в Харбине артистка Императорского Александринского театра О. В. Карелина.

Приблизительно в это же время открыла свою школу пения Мария Васильевна Теодориди (драматическое сопрано), которую Харбин дол-

гие годы знал как замечательную оперную певицу, примадонну, выступавшую в ряде оперных сезонов, и талантливого педагога, подготовившего для международной оперной сцены А.Юмшанову, В.Седельникову, Н.Федоровского и других.

К числу старейших харбинских студий можно отнести и Школу пения Марии Владимировны Осиповой-Закржевской. Школа может быть причислена к пионерам вокального искусства Маньчжурии, так как работала здесь, в Харбине, в течение многих лет, начиная с 1921 г. В 1936 г. школа торжественно отмечала свое 15-летие, в связи с чем теплое приветствие молодым певцам Харбина направил находившийся тогда в городе Ф.И.Шаляпин.

К тому времени через стены школы прошли более 200 певиц и певцов, часть из которых — Е.Е.Силинская, А.Л.Шеманский, Е.С.Новицкая, С.В.Бабушкина, М.А.Рассади́на, И.П.Олиневич, другие впоследствии получили мировую известность.

Наиболее ранней из балетных школ в Харбине после революции была балетная школа Куровских. Затем укрепилась школа балета прима-балерины Большого театра Елизаветы Васильевны Квятковской (1921). После своих первых гастролей в марте 1921 г. в Харбине прима-балерина Варшавских правительственных театров Елена Леонтьевна Оссовская открыла класс балета в Механическом собрании. Продолжала свою работу популярная в Харбине еще с дореволюционных времен Школа танцев Николая Андреевича Белого.

В зимний сезон 1916/1917 гг. в Харбине, в Желсобе гастролеровала Русская опера под управлением А.С.Костаньяна и И.П.Палиева, при участии артиста императорских театров А.И.Розанова. Спектакли открылись 11 января 1917 г. оперой «Аида». Далее были поставлены: «Евгений Онегин», «Демон», «Жизнь за Царя», «Царская невеста», «Пиковая дама», «Фауст», «Травиата», «Лакме» и «Кармен». Репертуар труппы, как видим, был богатый.

В 1918 г. на театре оперы было затишье, но кое-что все-таки происходило.

В Желсобе с лучшими произведениями русских и иностранных композиторов выступали оперные артисты московских и петроград-

ских театров В.Г.Георгиев (тенор) и И.А.Александрова (колоратурное сопрано). Позднее эти певцы поставили в «Модерне» оперу «Ромео и Джульетта» Гуно — но не всю, а в виде большой фантазии, в которую вошли интереснейшие фрагменты оперы: ария Ромео и Джульетты, сцена у балкона и другие.

В 1919 г. в Харбине был блестящий весенний оперный сезон. В течение нескольких месяцев в Желсобе и Комсобе выступало товарищество оперных артистов «Художественный ансамбль русской оперы».

Это была передвижная опера, ее гастролирующий ансамбль приехал из России и после Харбина уехал во Владивосток. В его составе выступали в то время: Зырянова, Сазонцева, Хохлов, Магский, Преображенский, Ульянов и другие. Режиссером был Шастан, дирижером — Васильев. Коллектив поставил оперы: «Царская невеста», «Демон», «Хованщина», «Таис», «Пиковая дама», «Елена Спартанская», «Каморра», другие. Постановки подробно рецензировались, чаще всего «мистером Дий».

Однако все это была приезжая, только гастролировавшая в Харбине опера. Собственная, харбинская, образовалась позднее, но добилась быстрого успеха.

Было много эстрадных выступлений: концерты Клавдии Суриковой («Песни цыганские! Песни таборные! Песни любви и печали!» — сообщали афиши); концерты популярной певицы А.И.Загорской (интимная песня — ее любимыми были «Серенький котик», «Анъзя», «Лапти», «Василечки», «Маки», «Какая разница», «Праздник в деревне»). «Мистер Дий» писал: «Концертантка среди харбинской публики завоевала определенные симпатии и пользуется выдающимся успехом». С интересом были встречены и выступления известной в России певицы Марии Александровны Каринской, приезжавшей в Харбин и в 1923 году.

Летом 1918 г. состоялись концерты примадонны варшавских правительственных театров Марии Владиславовны Мариевской (лирическое сопрано). В «Орианте» выступала популярная московская певица, исполнительница цыганских романсов Варвара Михайловна Королева. В сентябре в Желсобе прошли выступления ученицы профессора Альмы Фострем (Петроградская консерватория) Н.И.Булатович. В это же время здесь с большим вечером художественной юмористики выступил артист Петроградского драматического театра Иосиф Дальгейм; в вечере с музыкальной мозаикой принимал участие также И.Ульштейн.

«Мистер Дий» оценивал концерт так: «Надо отдать справедливость, г. Дальгейм мастерски передал несколько сцен, шаржей и тому подоб-

ное, и хотя некоторые из его рассказов давно были известны публике, но будучи талантливо исполнены — вызвали заслуженный успех.

27 декабря состоялся юбилейный концерт певца со звучным, красивого тембра баритоном, премьеры оперетты — Сергея Дмитриевича Рокотова. Свою карьеру он начал в 1908 г. в Москве в театре «Буфф» у известного антрепренера Блюменталь-Тамфина. Далее были шукинский «Эрмитаж» в Москве, Петроград, Кавказ, Крым. Потом Сибирь и Дальний Восток.

С.Д. Рокотов к этому времени жил в Харбине уже два года и выступал в оперетте.

В Харбине, действительно, проходили в это время и спектакли театра «Летучая Мышь» под руководством Михаила Бакалейникова. Труппа привезла полный репертуар театра Балиева. Пресса отмечала великолепную исполнительницу романсов Похитонову, артистов Мартынова и Туганова, других...

И все-таки, несмотря на блестящее развитие в этот ранний период в Харбине всех других видов искусств (в том числе и театрального, о котором я подробно расскажу ниже), сердцами и умами харбинцев тогда всецело владела оперетта.

Именно она — веселая и зажигательная *operetta*!

«Коллективов было несколько, и состав их был великолепен», — пишет в воспоминаниях мой отец.

В 1917–1918 гг. блистали примадонна Н.Д.Глория и премьер С.Д.Рокотов, участие которых обеспечивало аншлаг на каждой постановке.

Я всегда хочу раскрыть (хотя бы только для себя!) инициалы имен и отчеств моих героев, особенно — узнать и м я человека, которое, как утверждают современные исследования, влияет на формирование его как личности, на его характер, даже на поведение. И вот Н.Глория. Нигде не раскрывалось это «Н.». Я гадал: Наталия? Надежда? Нина?.. И наконец мне все же удалось выяснить. Оказалось: загадочно и поэтично — Нейя... Нейя Дмитриевна Глория. Красиво, правда?

31 января 1918 г. была поставлена «пикантная оперетта, вечер смеха и веселья» «Ночь в Мулен-Руж»; 1 февраля — «Цыганская любовь».

В зимний сезон 1918/1919 гг. в театре «Модерн» работала прибывшая в Харбин из Владивостока «Столичная оперетта» (дирекция Л.Я.Патущинского и А.И.Кречетова). Во главе ее стояли известные артисты — упомянутая Н.Д.Глория и Н.М.Бравин (он же главный режиссер). В составе труппы участвовали: Е.Е.Тумакова, Е.Н.Чарская, Е.Н.Ратков-

ская, Е.А.Горская, Н.А.Малиновская, М.Н.Морина, А.А.Горев, Р.Н.Елинов, А.И.Кречетов, А.А.Стоянский, А.И.Гревнов.

Оперетта в том сезоне обрушилась на Харбин как шквал. Сразу же был объявлен репертуар: 28 сентября — «Веселая вдова», 29 — «Жрица огня», 30 — «Польская кровь»; 1 октября — «Король веселится», 2 — «Граф Люксембург», 3 — «В волнах страстей», 4 — «Добродетельная грешница», 5 — «Принцесса долларов», 6 — «Ночь любви», 7 — «М-ль Нитуш», 8 — «Цыганская любовь».

Спектакли живо рецензировались.

О «Веселой вдове» критик писал: «В Харбине любят и ценят игру г-жи Глория, да и как не любить! В игре артистки много женственности, а ее “Веселая вдова” — то, что принято именовать “женщина с изюминкой”. Наряды артистки так хороши, что не одна женщина с завистью поглядывала на сцену...

Бравин без вычурных поз, грациозно мил, голос у артиста гибкий, звучный, ласкает слух... Елинов, по обыкновению, отсебятничал и смешил публику».

О «Жрице огня»: «Лучшей исполнительницы для заглавной роли, как г-жа Тумакова, нельзя и желать. У артистки превосходный голос, чистый и звонкий; такие голоса редки у опереточных актрис.

Игра г-жи Тумаковой тоже не похожа на трафаретное исполнение, и публика по достоинству награждала артистку непрерывными аплодисментами».

Отец, в те годы ученик Харбинских Коммерческих училищ, вспоминает:

«С осени 1919 г. музыкальное сердце Харбина забилось с новой силой — приехавшие из России музыканты и певцы влились в опереточный коллектив, созданный антрепренером-меценатом Штерном (“Русская оперетта”).

Учащимся средних учебных заведений не разрешалось посещать опереточные спектакли, но я ухитрился повидать за сезон 31 оперетту. Труппа поставила, в частности, только в ноябре 1919 г. оперетты: “Корневильские колокола”, “Принцессу долларов”, “В волнах страстей”, “Разведенная жена”, “Прекрасная Елена”, “Польская кровь”, “Ночь

любви”. Мне кажется, что спектакли проходили на хорошем художественном и творческом уровне, но, по-видимому, уязвимой оказалась материальная сторона дела — оперетта просуществовала только один сезон и не потому, что посещаемость была недостаточной, — напротив, она была очень хорошей, но содержание хора в 20 чел., балета и оркестра в 25 музыкантов и аренда помещения — зала Желсоба стоили, видимо, очень и очень немало, и Штерн, как говорили, “прогорел”; но в то же время существовало мнение, что понесенный им убыток не играл для него существенной роли и вся опереточная труппа была создана им в угоду его жене — талантливой опереточной артистке Чарской.

Из сравнения с последующими опереточными труппами, которые мне приходилось видеть, могу твердо сказать, что эта ранняя харбинская оперетта была хороша. Бравин — прекрасный баритон и отличный актер, участвовал в двух-трех спектаклях, а затем куда-то уехал. Большое впечатление и наилучшие воспоминания оставил талантливейший комик Елинов. Дирижером был молодой Каплун-Владимирский.

Вспоминается, что в спектакле “Цыганская любовь” участвовала артистка Киевской оперы Машир (сопрано), приехавшая в Харбин вместе с басом Карлашовым. Артисты были хороши, но, дав несколько концертов, тоже покинули Харбин.

Вообще, за период 1918–1921 гг. в город приезжали многие певцы и музыканты, в некоторых случаях они оставались в Харбине на долгое-долгое время.

Из прибывших на короткие гастроли, но внесших много ценного в музыкальную жизнь города отмечу певцов: Ивана Днепрова (великолепный тенор) — он дал несколько концертов и организовал постановку “Фауста” под рояль; Лукина — артиста театра Музыкальной драмы в Петрограде, — баритон, дал несколько концертов, поставил “Евгения Онегина” под рояль, некоторое время занимался преподаванием; Радеева — красивый лирический баритон, — выступал в концертах, преподавал, организовал постановки “Таис” и “Севильского цирюльника” с оркестром. Интересно отметить, что у певшего Аль-

мавиу тенора Герсдорфа голос был удивительно похожим по тембру на голос Радеева, и в некоторых сценах их, прямо до смешного, трудно было отличить одного от другого.

Эти певцы вместе с приехавшими и надолго оставшимися артистами: Зыряновой, Воиновым (из Благовещенской оперы Федорова), Григорьевым (драматический баритон), Теодориди (драматическое сопрано), Мамоновой (лирическое сопрано), Кармелинским (небольшой характерный лирический тенор) и другими создали костяк будущей постоянной и отличной Харбинской оперы. Был уже в Харбине и оперный дирижер — Фивейский.

Но организация постоянной оперы была пока еще впереди. Для этого нужен был инициативный энергичный человек, чтобы создать и укрепить постоянный хор, оркестр, балет и все это слить воедино. А такового не находилось. “Взвешенное” положение с оперой сохранялось до осени 1922 г., когда вместо отдельных сцен из опер или даже полных опер под рояль, начались регулярные “настоящие” оперные постановки. Но об этом несколько позже.

Здесь же еще несколько слов о музыке.

Так было раньше, и, по-видимому, будет всегда, что увлечение опереттой и оперой являлось делом сравнительно небольшой части людей. Большинство, интересуясь музыкой, довольно равнодушно к такому сочетанию вокала и актерского мастерства, как оперетта и опера. Поэтому для такого большинства достаточно наличия: только хора — светского или духовного, или только оркестра — духового, народных инструментов, симфонического. При этом, конечно, следует отметить, что с оркестра народных инструментов, который составить всегда проще, у слушателей обычно и пробуждается общий музыкальный интерес, развивающийся потом и в интерес к симфонической музыке, к оперетте и опере. Это же наблюдалось и в Харбине.

Здесь всегда были оркестры народных инструментов, и они пользовались заслуженным успехом. Харбин очень любил светские и духовные хоры, которые были очень хороши. Неизменной любовью пользовались выступления военных духовых оркестров, имевшихся в русских пограничных войсках, находившихся на территории Маньчжурии. Но выступления военных духовых оркестров закончились, когда все пограничные войска ушли на фронт, и удовольствие послушать хороший духовой оркестр было прервано на несколько лет — до той поры, пока отступавшие на Владивосток белочехи не задержались в Маньчжурии и повсюду, и в Харбине в частности, охотно давали концерты в раз-

личных общественных местах и парках. Но чехи оставались в Маньчжурии недолго, и их оркестры заменил в городе организованный из русских духовой оркестр под управлением дирижера Винчи. Этот оркестр вел свою основную работу в саду Желсоба, там он играл по вечерам пять раз в неделю.

К этому времени в Харбине оказалось много музыкантов, приехавших из России. Из выдающихся музыкантов того времени отмечу: скрипачи — А. Гиллерсберг, Шифферблат, Трахтенберг, Подушка, Чухалдин; виолончелисты — Шевцов, Ульштейн; флейтист — Демидов; пианисты — Гиллерсберг, Мухлыпин. Приехали и первоклассные дирижеры — Меттер, а потом Слуцкий. В общем, создались все условия для организации симфонического оркестра. Инициативу организации такого оркестра взял на себя Желсоб и, нужно сказать, выполнил свою миссию блестяще!

Был составлен симфонический оркестр из 70(!) человек, и было решено, что он будет выступать пять раз в неделю, а духовой оркестр — два раза... Такое решение вызвало вначале большое недовольство публики — казалось странным, что симфоническая музыка, которая многим почти незнакома и поэтому непонятна, будет исполняться так часто, а привычная и понятная духовая музыка — настолько редко. Однако дальнейшее показало, что решение было совершенно правильным и с далеким “прицелом” — воспитать любовь к симфонии у самых широких слоев населения Харбина. Если в начале сезона симфонические концерты посещало сравнительно мало народа, то к концу первого сезона число посетителей увеличилось в несколько раз, а в последующие годы любителями симфонии стали уже тысячи. Посещение симфонии стало обычным и в то же время всегда праздничным занятием.

С большим почтением вспоминается эlegantный, стройный сидящий дирижер Слуцкий. Блестящий дирижер, неутомимый наставник, он достиг великолепного звучания оркестра; под его руководством были разучены и исполнены десятки классических и современных музыкальных шедевров. Очень запомнился один из симфонических вечеров — бенефис виртуоза скрипача Чухалдина. Под аккомпанемент оркестра был исполнен “Большой концерт” Венявского, а затем “на бис” Чухалдин исполнил “Пляску ведьм” Паганини. Должен сказать, что впечатление от игры оркестра и действительно изумительной игры Чухалдина было потрясающим.

Позднее основной состав оркестра в количестве 40 чел. вошел в состав музыкантов оперного оркестра. Концертмейстером первых скри-

пок был Трахтенберг, и в связи с ним вспоминается разговор, случившийся много лет спустя и связанный с приездом в Харбин знаменитого скрипача Я.Хейфеца. Трахтенберг рассказывал мне:

«С Хейфецем мы знакомы чуть ли не с детства, вместе заканчивали Петербургскую консерваторию у профессора Ауэра. Встретив Хейфеца в Харбине, я спросил его: «Скажи, Яша, что же, благодаря Ауэру ты стал знаменитым скрипачом?» Хейфец улыбнулся и ответил: «Нет, благодаря отцу!» Я рассмеялся потому, что мне был совершенно понятен смысл его слов. Дело было в том, что отец Хейфеца был сапожником и, мало понимая в музыке, твердо знал, что его сын очень талантлив и поэтому должен упорно заниматься скрипкой. Когда же Яша начинал лениться, отец без стеснения «учил» его сапожной колодкой».

Вскоре после создания симфонического оркестра произошло еще одно очень важное событие в музыкальной жизни Харбина. Наследники местного богача Скидельского (владельца Мулинских угольных копей) организовали так называемый Квнтет имени Скидельского. В его состав вошли: первая скрипка — А.Гиллерсберг, вторая — Кончестер, альт — Подушка, виолончель — Шевцов, рояль — Гиллерсберг. Квнтет дал в Харбине несколько концертов, художественная ценность которых была очень высокой».

Политические события, как мы видим, не останавливали культурной жизни Харбина, напротив, возможно, даже стимулировали ее, потому что людям нужна была разрядка, отрешение, что ли, пусть хоть временное, от напряженной повседневности, от этой искусственно привнесенной в Харбин «революции», что с успехом и давали им различные виды искусства.

В Харбине побывал в это время и кумир русского кино, актер Иван Ильич Мозжухин, впечатления которого от города остались самые благоприятные. Спустя много лет он вспоминал:

«Харбин я хорошо знаю, я там был в 17-м году. В самый разгар революции, перед началом большевизма.

Ездил туда на гастроли с драматической труппой. В России уже голодали, товары исчезали. Приехали в Харбин, там все по-старому, словно и революции в России не произошло. И дешевка на все страшная. Помню, купил тогда одних ботинок 40 пар. Двадцать пудов муки в Россию вывез...»

Свидетельство мэтра русского кино является, по моему мнению, лучшей иллюстрацией к обстановке в Харбине в конце 1917 года...

О чем писали газеты

Проезд политических эмигрантов

«6 человек политических эмигрантов, по своим убеждениям социал-демократов, возвратились в Россию из Америки (Нью-Йорк) на основании всеобщей амнистии. Среди них — т. Н. Бухарин, редактор нью-йоркской с.-д. газеты “Новый мир”, привлекавшийся в 1909 г. по делу Московского комитета Р.С.Д.Р.П. (по делу 43). Кроме него, среди проехавшихся [? — Г.М.] товарищей еще трое сотрудников помянутой выше газеты...

Между прочим, товарищи считают большой ошибкой развивающейся революции, что Временное правительство Гучковых и Милюковых находится у власти, и считают крайней необходимостью свергнуть таковое, для установления подлинно рабочего правительства (диктатуры пролетариата).

Во время разговора с товарищами в Маньчжурии у Бухарина стащили часы...»

(Комментарий журналиста: вот-де, «маньчжурцы» не могли удержаться...)

Маньчжурия:

Газета, посвященная
защите интересов
рабочего класса
и демократии.

Четверг, 20 апреля 1917 г.

**Постоянно печатавшееся
объявление**

«Шанхайская городская управа предупреждает всех лиц, что прибывающие в Шанхай европейцы без средств ни на какую работу рассчитывать не могут».

Секретарь управы Н.О.Лидделл.

Вестник Маньчжурии, 1918.

Город и край, открытые внешнему миру

Некоторые из россиян, приехавших в Харбин и полосу отчуждения КВЖД в годы Первой мировой войны, привезли с собой немалые капиталы и ценности. Отголоски же революционной бури в Центральной России и пусть и кратковременное, но все же установление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке заставили наиболее дальновидных представителей местного капитала, в первую очередь торгового, обратить внимание на Северную Маньчжурию и перенести часть своей деятельности сюда, обеспечивая себе надежные «тылы». Вместе с тем многие россияне, оказавшиеся в Маньчжурии и без особо крупных капиталов, только благодаря своей энергии и энтузиазму развернули в Харбине и на Линии широкое жилищное строительство и открывали мелкие русские торговые и промышленные предприятия, число которых стало довольно быстро расти.

Такое развитие русской предпринимательской деятельности в Маньчжурии в 1916–1917 гг. и позднее и, конечно, в первую очередь, весьма успешная работа в крае в этот период Китайской Восточной железной дороги создали условия для исключительного долголетнего хождения в крае российской золотой и бумажной валюты, намного пережившей рухнувшую в 1917 г. Российскую империю...

Об этой феноменальной судьбе русских денег в Китае.

Мне давно было известно, что неотъемлемой чертой быта и местного рынка Харбина вплоть до середины 30-х годов были многочисленные меняльные конторы и уличные столики менял-китайцев. Подтвержде-

ние я нашел в русской и китайской прессе. В особенности много менялок находилось на Мостовой и Новгородней улицах Пристани. Эти улицы были сплошь завешаны красочными цеховыми знаками данной гильдии: связками медных монет и имитирующих эти связки ребристых столбиков, красными вымпелами и небольшими флажками.

Чем объяснялось исключительное обилие таких менялок?

Тут пришло время рассказать об особенностях денежного рынка Северной Маньчжурии, тесно связанного с русской валютой. Вплоть до 1917 г. здесь имели хождение местный доллар (даян) и русский царский романовский рубль — серебро, золото и кредитные билеты разного достоинства, выпущенные Российским императорским правительством. Причем последние абсолютно доминировали. На русском рубле работала и КВЖД. И, думаю, мало кого интересовало, как к о й это рубль, он пользовался абсолютным доверием. Русский рубль был надежным средством платежа и расчетов, которому китайское население слепо верило много лет, и он вполне оправдывал эту веру.

После революции в России положение постепенно менялось в худшую сторону. Стали выходить в свет «керенки» — дензнаки Временного правительства, как выразился кто-то, «не внушавшие доверия одним своим видом». Далее, почти каждое местное белое правительство Сибири и Дальнего Востока времен революции и гражданской войны, а таких правительств был добрый десяток, выпускало в обращение свои денежные суррогаты — подчас очень плохого исполнения, а главное, фактически не имевшие реального обеспечения.

Появились также «сибирские», выпущенные Омским правительством адмирала А. В. Колчака (министр финансов Михайлов Иван Андрианович имел почему-то прозвище «Ванька-Каин», происхождение которого для меня неясно. Ему принадлежит любопытная фраза, сказанная в ответ на вопрос одного из иностранных журналистов: «Сколько Вам лет?». Михайлов ответил: «Если бы Вы знали, сколько мне лет, — сибирский рубль вообще ничего бы не стоил!»).

При Б. В. Остроумове Михайлов был Главным бухгалтером КВЖД. Далее, имели хождение «хорватовские» — Делового кабинета Д. Л. Хорвата, печатавшиеся по соглашению между Русско-Азиатским банком и КВЖД в Соединенных Штатах под обеспечение «всем имуществом дороги» (они выпускались достоинством в 50 коп., 1, 10 и 100 руб.). Так

это или нет, но есть суждение, что пуск в обращение «хорваток», как дальнейшее расшатывание русского рубля, наиболее отрицательно повлиял на состояние денежного обращения в Харбине и Северной Маньчжурии.

Здесь, конечно, существовал и свой, китайский денежный рынок: правительство выпускало собственный серебряный доллар — тот самый даян, о котором еще будет говориться ниже, и бумажные банкноты (тоже называвшиеся даянами) в серебряно-долларовом исчислении; однако власти не обладали достаточными запасами серебра, чтобы должным образом обеспечивать свою валюту, курс ее «прыгал» — падал, но все же каким-то образом «держался». В 1920 г. китайский серебряный доллар шел в Харбине по курсу 1,67 золотой японской иены. Кроме этого китайского даяна, в живой торговый оборот Маньчжурии вклинивались также различные денежные суррогаты — т.н. дяо, выпускавшиеся отдельными китайскими обществами, фирмами и магазинами, т.е. вообще без какого-либо обеспечения. Имели хождение в Северной Маньчжурии в начале 20-х годов и японская иена, разменная на серебро, и даже советский червонец, которого русские здесь и в глаза не видывали, пока он не получил в 1925–1927 гг. самое широкое распространение...

Подведу некоторые итоги: в 1917–1922 гг. на денежном рынке Северной Маньчжурии имели полноправное хождение следующие виды русских бумажных денег: романовские, керенки, хорватки, сибирки; были еще семеновские «голубки» и владивостокские «буферки» (о которых ниже), ходили и русское крупное и мелкое серебро и, конечно, золотые монеты («рыжики»). Курс русских денег с самого начала был установлен какой-то странный: керенки считались в два раза дешевле романовских, а сибирские — вдвое дешевле керенок. Не совсем понятно почему, но было именно так. Местный китайский рынок благодаря своему многолетнему доверию к русским деньгам поглощал огромное количество этих бумажек. Китайские коммерсанты продолжали принимать рубли в обмен на свои товары. Но русские бумажные деньги постепенно стали поступать в таком количестве, что рынок начал ими захлебываться. Русская валюта быстро обесценивалась.

Вот тогда-то в быт Харбина и вошли сотни и тысячи китайских денежных менялок и их неотъемлемый атрибут — безудержная денежная спекуляция. Менялки специализировались на обменах и размене разнородной денежной массы, используя подчас забавные курсовые разницы. Русские романовские и керенские деньги стали цениться не

только в зависимости от их номинала (крупные — мелкие), но и в зависимости от их внешнего вида (новые купюры — дороже, ветхие — дешевле, а то и не принимались вовсе). «В этой сфере все было насыщено ажиотажем, спекуляцией, прожектами, рушились состояния, благополучие, репутации», — говорилось в книге «Харбинский Биржевой комитет».

Ситуацию я определяю как «денежную вакханалию» в Маньчжурии 20-х годов, являющуюся существенной проблемой для населения — особенно русского, — тесно связанного с золотым царским рублем. Для рабочих и служащих КВЖД в то время именно вопрос о деньгах и был той настоящей «политикой», которая всех живо и в первую очередь интересовала. Как пишет в своих воспоминаниях В.Д. Казакевич, для людей «большое значение тогда имел вопрос: какими деньгами сегодня выдадут жалованье — может быть, за мясо их примут, а за молоко — нет».

От обилия и пестроты русских кредитных билетов страдало население, но еще более тяжелые убытки несла железная дорога, вынужденная принимать за пассажирские и грузовые перевозки эту бумажную массу, обесценивавшуюся не только с каждым днем — с каждым часом!

Позднее, когда Управляющим КВЖД уже стал русский инженер, один из основателей Харбинского политехнического института, Борис Васильевич Остроумов, он показал приехавшим из Пекина высокопоставленным гостям (в том числе Джону Стивенсу, американцу, председателю Межсоюзнического комитета по управлению Сибирскими дорогами и КВЖД) комнату в Управлении дороги, доверху заваленную тюками романовских и сибирских денег. Гости долго и в полном молчании смотрели на это...

Стивенс достал из карман горсть мелкого китайского серебра и, потряхивая его в руке, спросил:

— А это у вас есть?

Остроумов дал объяснение о текущих счетах на 1200 тыс. золотых рублей.

— А за это, — указав на серебро в руках Стивенса, — мы можем вам уступить все эти бумажки.

Смех... (Это январь 1923 г.)

Последней каплей, переполнившей чашу терпения и русских, и китайцев, стало появление в Харбине в июне 1920 г. новых владивостокских денег — т.н. «буферок», выпускавшихся эмиссией в миллионы руб-

лей. Левая прокоммунистическая харбинская газета «Вперед» поддержала их выпуск. Проблема «буферок» стала поводом для продолжения газетной перепалки, постоянно ведшейся между «Вперед» и правыми и демократическими центристскими газетами (к числу последних принадлежала «Заря»). «Заря» отреагировала так:

«“Вперед” тощим плечом своим взялось серьезно подпереть финансовую приморскую реформу.

Во исполнение этого они пишут такую штуку:

“Новые деньи технически прекрас
но ипсолнененп 52 циололоженияп-сз-ья,
т И исполнены и недоступны для
поделки”.

Мы обратились к известным лингвистам с просьбой перевести нам среднюю строчку.

По их мнению, она гласит следующее:

“Золото в Благовещенске, серебро у японцев”».

Торгово-промышленные круги Харбина вообще отказались принимать «буферки». Русские и китайские торговцы в знак протеста закрыли свои магазины. 10 июня собрание местных коммерсантов приняло решение о том, что эти новые денежные знаки хождения в Харбине иметь не будут...

До революции КВЖД работала на русском рубле, и никто не задавался вопросом, к а к о й это рубль. Проблема взимания платы за проезд пассажиров и провоз грузов возникла перед руководством дороги только с началом падения русских денег. Но мысль о переходе КВЖД на какую-либо иную валюту была неприемлемой. Сначала выход из положения пытались найти в повышении тарифов на определенный процент, но это бесконечно удорожало стоимость проезда по железной дороге и перевозок и становилось невыносимым уже для пассажиров и грузоотправителей. Кассы дороги, естественно, стали принимать керенки, а с апреля 1919 г. и денежные знаки Временного правительства Сибири. Однако уже в июне наступил кризис колчаковских денег, и русские и китайские рабочие дороги отказались их принимать в счет жалованья даже в размере 25%. На КВЖД произошла забастовка.

Приказом № 212 от 16 октября 1919 г. было предписано исчислять многочисленные русские денежные знаки, поступающие в кассы КВЖД, в эквиваленте золотого рубля. На КВЖД вводился таким образом т.н. золотой рубль, просуществовавший и при советской администрации вплоть до 1935 г. Эта мера имела свою предысторию. Владимир Дмитриевич Казакевич вспоминает:

«Уходящие через Сибирь чехи везли с собой довольно много золота... На КВЖД они расплачивались золотом, и у дороги неожиданно оказалось довольно много этого драгоценного металла. У моего отца, Д.П.Казакевича, тогда возникла идея это золото не расходовать, создать золотой запас. А на его базе выпускать своего рода деньги КВЖД. Но выяснилось, что в Харбине не оказалось никого, кто бы мог сказать, как же, собственно, это практически сделать».

Далее мемуарист говорит о переговорах Д.П.Казакевича со Стивенсом и Л.С.Пейленом, но они оба заявили ему, что являются полными профанами в этом деле. Идею пришлось оставить, через довольно короткий срок золото разошлось, а рубль КВЖД был только приравнен к золоту без наличия самого золота.

Так что фактически КВЖД все это время придерживалась только теоретической золотой единицы: потому что в качестве таковой ею был принят не действительный монетный золотой рубль, а эквивалентная весовому содержанию чистого золота стоимость такого рубля (0,7742 г чистого золота). Именно по этой причине дорогой ежедневно менялся и устанавливался курс этого «золотого рубля» по отношению находившихся в обращении бумажных денежных знаков, отдельно для приема платежей в кассу дороги, и так же отдельно — для выплаты жалованья рабочим и служащим. Однако, как ни фиксировался этот курс, стремительное падение русских бумажных денег все равно его опережало... В этих условиях перед руководством КВЖД встал вопрос о полном отказе от приема всей бумажной денежной массы. Но это удалось осуществить только в несколько приемов.

В августе 1919 г., по свидетельству очевидца: «По харбинским улицам столики менял разных денег. Сибирские деньги не ценятся, их берут только японцы, пославшие в Сибирь войска; японские банки меняют в Харбине иены на сибирки по курсу 44 рубля за иену, а стоимость иены доходит в городе до 50 руб.».

1 ноября последовал приказ Управляющего КВЖД главному бухгалтеру о прекращении приема бумажных дензнаков Сибирского правительства. В апреле 1920 г. китайский главноначальствующий в полосе отчуждения КВЖД ген. Бао Гуйцин отдал приказ об обязательном приеме ветхих романовских денег. Результат был прямо противоположен. Ветхие романовские стали отказываться принимать вовсе; вокруг них возникли безудержные спекуляции.

В мае последовал приказ по КВЖД № 170 об ограничительном приеме дорогой всех других русских кредитных билетов, в том числе и напечатанных ею же «хорваток». Русские деньги падали в пропасть.

Тем не менее курс их продолжал дорогою устанавливаться по прежнему шаблону. Так, этот курс на 22 октября 1920 г. для выплат по КВЖД, например, составлял: «Один золотой рубль равняется 75 центам, 63 романовскими крупными, 63 романовскими мелкими, 63 хорватовскими мелкими, 220 керенскими. Один доллар равняется 81 романовскими мелкими». Это совершенно дословно. Любопытно, не правда ли?

Вместе с тем КВЖД по-прежнему принимала в оплату российские золотые и серебряные рубли. Прием русского крупного серебра был прекращен к платежам дороги только 1 ноября 1924 г. Царское же золото оставалось средством платежа даже и при советской администрации дороги — как и местные китайские даяны, курс которых постоянно подвергался котировке.

Так на КВЖД на долгие годы утвердился этот «условный» золотой рубль, который полностью приняла и советская сторона (1924—1935 гг.) и в котором производились все расчеты. В 1936 г. в Берлине был записан на пластинку компании «Полидор» популярный в Харбине лихой фокстрот с названием «Харбин-папа». Помните ли вы его начало?

Харбин — прелестный город,
Харбин — веселый город
В далеком Маньчжу-го,
Теперь Маньчжу-диго...

А далее как? Вспоминайте!

Живется здесь привольно:
Все сыты, все довольны,
Хоть и за рубежом,

Но с золотым рублем!
Живут Эс-Эм-Же-Де-Ки,
Фашисты и эс-де-ки,
Свободно и легко,
Хотя и далеко...

Необходимые пояснения: «эс-эм-же-де-ки» — от СМЖД — Северо-Маньчжурская железная дорога, как японские власти самовольно, в одностороннем порядке в 1933 г. переименовали КВЖД, находившуюся под управлением советской и китайской администрации; «эсдеки» — социал-демократы.

А харбинские менялки? Они стали стремительно с этого же 1936 г. исчезать...

Первый удар был нанесен им проведением в Маньчжоу-го общегосударственной денежной реформы, когда отошло в прошлое все прежнее разнообразие денежных валют Маньчжурии — все эти всевозможные «доллары», гириные, цицикарские и прочие «дяо», мукденские «фэн-пяо» и другие. Далее последовало установление паритета «государственной валюты» марионеточной империи Маньчжоу-диго — этих «гоби» (которые благополучно просуществовали до 1945 г.) и японской иены. Менялкам делать стало нечего...

Закончу стихотворением С.А. Поперек-Маманди «Около менял»:

На углу Новогородней
И душистой Мостовой
Целый день, как в преисподней,
Слышен скрежет, стон и вой.
Здесь китайские менялы
Угнетают русский люд,
За размен сии нахалы
Возмутительно дерут.
Разместив в походных кассах
Разноцветных денег воз,
Обывателей несчастных
«Ходи» мучают до слез.
Установленных здесь «курсов»
Уловить нельзя никак,
Надо тьму иметь ресурсов,
Чтоб простить сей кавардак.

За размен «сибирки» крупной
Здесь порою так возьмут,
Что от ругани преступной
Нет сил сдержаться тут...

Наряду с обращением деловой активности сибирских и дальневосточных русских предпринимателей к Северной Маньчжурии и новым приливом в нее русского капитала, в тот же период сюда устремился и иностранный капитал, чему немало способствовала начавшаяся интервенция союзных держав на русском Дальнем Востоке в 1918–1922 гг.

Сюда, буквально по пятам друг за другом, через Харбин из Владивостока стали прибывать войска интервентов.

1918 год. Первыми проехали японцы, за ними китайцы, затем 2 октября — англичане, 3 октября — французы, 17-го — итальянцы. Ближе к зиме прибыли и американцы, но к этому времени японцы, которых в полосе отчуждения стало уже более 40 тыс., заняли в Харбине все казармы, и американцам негде было разместиться...

На харбинском вокзале представители Русской императорской армии устраивали всем им торжественные встречи — с оркестрами, военными караулами, речами, с которыми выступал чаще всего начальник гарнизона г. Харбина ген. М. М. Плешков.

И Западная, и Восточная линия КВЖД, о которой я хочу теперь рассказать, во время Первой мировой и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в равной мере несли на себе основной поток военных грузов и воинских перевозок, текущий из единственного не заблокированного порта России — Владивостока, и продолжали работать с большим напряжением. Это, конечно, сказывалось на ритме жизни линейных служащих, но сама жизнь линейцев претерпела еще мало изменений и текла прежним рутинным порядком.

Для лучшего понимания следующего ниже текста приведу названия всех станций и разъездов Восточной линии и расстояние (от Харбина в верстах).

Восточная линия КВЖД:

раз. Дровяной	4	Вэйшахэ	180	раз. Нагорный	365
Старый Харбин	7	раз. Казанцево	190	раз. Туннель	372
Ченгауз	19	Яблоня	200	Даймагоу	378

раз. Чен	29	Шитоухэцзы	208	раз. Пеллинцхэ	390
Ашихэ	39	раз. Лидахэцзы	220	раз. Пловучий	396
раз. Тайягоу	?	раз. Симахэцзы	227	Мулинь	403
Эрцендяньцзы	58	Гаолинцзы	233	раз. Ильинский	414
раз. Известковый	65	раз. Верахэцзы	238	раз. Сочинцзы	424
Сяолин	76	раз. Сарахэцзы	245	Мацяохэ	433
раз. Эрдахэцзы	84	Ханьдаохэцзы	255	раз. Хульмихэ	444
Маоэршань	95	раз. Саньдаводи	265	Тайпинлин	454
раз. Мифун	104	Шаньши	285	раз. Тифенбах	460
раз. Сяоцзючжань	115	раз. Шихо	295	Силиньхэ	469
Уцзими	123	Хайлин	313	раз. Саньчагоу	480
Уцзимихэ	133	Муданьцзян	332	Сяосуйфынь	490
раз. Якуни	143	Пост	1294	раз. Бадахэцзы	449
Имяньпо	153	раз. Эхо	339	раз. Широкая Падь	506
раз. Лукашево	161	Модаоши	354	Пограничная	512
раз. Самохвалово	171	раз. Подгорный	360		

Но сначала обратимся к истории.

В начале XX века, когда осуществлялась постройка КВЖД, вся ее Восточная линия прокладывалась по девственной маньчжурской тайге, воспетой писателем Н.А. Байковым в его книгах «В дебрях Маньчжурии», «Великий Ван», «Тайга шумит», других (см. монографию внука писателя Н.И. Дмитровского-Байкова «Жизнь и творчество Н.А. Байкова». Брисбен, Австралия, 2000). Тайга, со своими дикими обитателями, с обеих сторон вплотную подходила к линии железной дороги, и эти обитатели запросто забредали в станционные поселки и разьезды.

Николай Аполлонович описывает в книге «Черный капитан» случай, когда разьезд Бадахэцзы Восточной линии (все его «население» в ту пору составляли: начальник, телеграфист, два стрелочника и сторож) был осажден тиграми, о чем была дана срочная депеша по линии. Казачка с Уссури, которой подобные истории были не в диковинку, прогнала тигров, колотя поленом по пустому ведру...

Первая половина 20-х годов, которая составляет основные хронологические рамки моей книги, мало что изменила в подобном положении дел. И надо также сказать, что Восточная линия представляла для строителей наибольшие трудности в техническом отношении.

После ее первых сорока верст сравнительно равнинной местности по долине р. Ашихэ начинались горы, и нужно было преодолеть два горных перевала — Дафансинлин и Сяофансинлин. А со станции Эрцэнцзяньцзы рельеф принял «суровый горный характер». Как сообщается в «Историческом обзоре КВЖД», местность восточнее Маоэршаня (в то время — 10-й участок с центром в Имяньпо, начальник инженер Цивинский) представляла собой глухую тайгу, без дорог и намеков на мосты через многочисленные овраги. Имелись лишь едва заметные горные тропы, проложенные таежными звероловами; продвижение здесь было возможно только верхом, с выюками или — с большими трудностями и постоянными остановками — на китайских арбах.

Далее, надо напомнить, что вся местность от Сунгари до Уссури и границ Кореи была покрыта не только непроходимой тайгой, но и пересекалась тремя могучими горными хребтами — Лаоэлин, Кентей-Алинь и Тайпинлин — шириной каждый от 100 до 250 км (!), располагавшимися здесь с севера на юг, так сказать, перпендикулярно траектории строившейся дороги, и носила китайское название Шухай, что значит — Лесное море. Хребты эти приходилось преодолевать с большими трудностями. Достаточно сказать, что на трассе дороги пришлось построить восемь туннелей, но все равно на ряде участков дорога проходила с предельными уклонами. Н.А. Байков пишет: от станции Эхо поезд «набирал ход, поднимаясь к станции Модаоши, откуда начинался крутой подъем к туннелям у Даймагоу... Пройдя туннели и станцию Даймагоу, поезд пошел под уклон с перевала и на тормозах спускался к станции Мулин. От нее поезд втянулся в плодородный район р. Муданьцзян. Влево от полотна — тучные поля кукурузы, пшеницы, бобов и гаоляна...» («Черный капитан»).

Но местность была исключительно живописной. Н.А. Байков приводит много прекрасных описаний природы. Вот одно, относящееся к станции Эхо, и, думаю, его будет приятно прочитать бывшим жителям этого курортного местечка: «Обширная веранда Офицерского собрания, находящегося в парке, недалеко от моста, на высоком обрывистом берегу реки. Чудный вид на реку Муданьцзян и всю ее широкую долину, покрытую пашнями и лугами, редкими хуторами поселян и священными рощами вязов на могилах предков. На западе, в туманной мгле горизонта, синели, словно грозовые тучи, отроги лесистого хребта Чжан-Гуанцайлин, а с востока, круто обрываясь в Муданьцзян, постепенно повышаясь, надвинулись безлесные, с мягкими пологими склонами,

покрытые кустарником и травой западные отроги горного массива Кентей-Алин».

Как начиналась, руками русских строителей, закладка и постройка главных станций Восточной линии?

Крупными станциями с оборотными депо здесь закладывались две: Имяньпо и Ханьдаохэцзы. По воспоминаниям начальника дистанции И.И.Обломиевского, первым прибывшего в район будущей станции Имяньпо, местность эта к моменту появления на ней строителей дороги представляла собой сплошную горную и заболоченную тайгу.

Жилья не было, если не считать 2–3 убогих фанз маньчжуров-рыболовов. Тем не менее и в этом глухом месте вскоре закипела напряженная работа.

«Прежде всего пришлось озаботиться жилищами и питанием. Личного хозяйства, конечно, никто не вел, жили и питались коммуной: все до рядовых десятников включительно патриархально садились за общий стол; большое участие в хозяйстве принимала жена начальника участка г-жа Цивинская, не побоявшаяся разделить с мужем походное существование в глухой тайге.

Из построек, первым делом, кроме обычных циновочных барачков, — вспоминал И.И.Обломиевский, — приходилось возводить русские хлебопекарные печи, из которых одна сохранилась до 1923 г. в станционном поселке Имяньпо.

Ближе к осени пришлось строить всякого рода временные, примитивных типов дома: из самана, из хвороста, обмазанного глиною или из двойного ряда досок с засыпкой промежутков землей» (*Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги*. Харбин, 1923, с. 96–97).

В последующий период эта станция, тяготевшая к земледельческому району Харбин-Имяньпо, быстро развивалась. Здесь возникли два поселка — русский и китайский, и население ее уже в 1923 г. составило 3981 чел.

Бывшие имяньповцы — Леонид Кожевников, И.П.Иванова (Захарова), Александр Григорьевич Кожевников (Алматы), Ирина Иванова (Филадельфия, США), С.И.Меределина и ее брат Иван Иванович (Вихоревка Иркутской обл.), Валентин Антонович Вацура (Челябинск) и другие — стали позже активными мемуаристами, опубликовав в газете «На сопках Маньчжурии» и других изданиях большое число воспоминаний о прекрасной станции-курорте.

Прибывшие в Маньчжурию войска интервентов уходили дальше — в Сибирь и на Дальний Восток, а в Харбине оставались их командные пункты, тыловые службы, отдельные части. Город был наводнен иностранными солдатами, на его улицах мелькали — в широчайшем разнообразии — военные формы, погоны, головные уборы, всякого рода оружие разных армий мира.

Вслед за войсками в Маньчжурию потянулись всевозможные иностранные предприниматели, коммерсанты, банкиры, дельцы всех мастей. Доминировали японцы, проникшие в этот период во все поры экономики Харбина. В 1919 г. был колоссальный наплыв новых людей, и Харбин стал приобретать вид разноязыкого разноплеменного города — что-то вроде международного сэттльмента Шанхая. Смешение народностей и рас, вывески на иностранных языках, иноземные банки, офисы зарубежных фирм и компаний, иностранная речь на улицах, пестрые флаги, среди которых уже терялся потускневший, утративший у иностранцев былое уважение трехцветный русский... Да и многие соотечественники наши с большим почтением взирали на иностранные штандарты, чем на свой родной флаг. Не случайно тот же С. Маманди в это время написал в стихотворении «Флаги»:

Везде над домами японское солнце,
Подобное клюкве ядреной.
Когда нас немного побили японцы,
Вид клюквы был более скромный.

А где пышной клюквы налив не алеет,
Там вьется штандарт полосатый:
По белому полю полоски краснеют,
По синему звездочки — штаты...

Лишь русского флага, трехцветочки милой,
Нигде над домами не видно...
Сжимается сердце от думы унылой,
Становится больно и стыдно.

На наших знаменах тьма лозунгов гордых,
Кажись бы, не выдумать краше,
Но лозунг один надо знать бы нам твердо:
«Да здравствует родина наша!»

Тогда бы и клюква скромнее алела,
И звездочки мягче мерцали,
И сердце бы русское так не болело,
И флаг бы трехцветный все знали.

В городе были открыты новые иностранные консульства, их стало 16: Британское (консул Г.Филлипс), Французское (консул Рено Луи), Соединенных Штатов Америки (консул Г.К.Хэнсон; играл большую роль в общественной жизни русского Харбина), Японское Императорское Генеральное консульство (генеральный консул С.Яманouchи, старшина Консульского Корпуса), Итальянское Королевское консульство (консул Р.Феррайоло), Германское (консул А.Тиггес), Датское Королевское консульство (консул В.А.Якобсен), Нидерландское консульство, Польское Генеральное консульство (Польский Делегат К.Пиндор), Бельгийское Вице-консульство (вице-консул В.Гай), Шведское Вице-консульство (вице-консул Жак Клемантаски), Представительство Чехословацкой республики (представитель С.И.Мошинда), Португальское консульство (консул С.Л.Скидельский), Латвийское Вице-консульство (вице-консул П.Г.Межак), Представительство Литовской республики; с 1924 г. — Генеральное консульство СССР (генеральный консул Д.Д.Киселев).

Китайскими Морскими таможенными Харбинского округа, как и таможенными по всему Китаю, управляли англичане. В таможах работали и русские служащие — например, Е.В.Цыдзик (на станции Маньчжурия), Н.А.Гальфтер (на ст. Пограничная), в Харбинском отделении работал англичанин С.Гиббс — личность исключительно интересная: последний наставник Цесаревича Алексея, ставший православным священником.

Открылись отделения крупных иностранных банков и Сберегательных обществ — Международная Банковская Корпорация (США), Китайско-Американский Коммерческий банк, Гонконг-Шанхайский Соединенный банк, Французско-Китайское Сберегательное общество, Международное Сберегательное общество (главное отделение в Шанхае), «Азия Инвестмент компани Лтд.». Среди харбинских отделений крупнейших страховых компаний мира можно назвать «Английский Ллойд», Американское Общество страхования жизни «Вест Кост», Явское Морское от огня Страхование общество (Голландия), «Россия» (датское страховое общество), с 1924 г. — Госстрах (Государственное страхование СССР, Пекарная ул., 4) и многие другие.

Все экспортно-импортные конторы (более 50, в том числе хлебных грузов) трудно и перечислить.

Особо хочется сказать о представительствах автомобильных фирм, автозапчастей и нефтепродуктов — это были «Додж» (легковые и грузовые автомашины), «Интернациональ», «Протос», «Фиат», «Пирелли», конечно — «Форд»; присутствовали Британская автомобильная компания и АО «Донлоп», Бельгийско-Сибирская Ко, Стандарт Ойл, Тексас Компани.

Автомобильный транспорт в Харбине получил широкое распространение и в начале 20-х уже составил сильную конкуренцию автобусам, что вызывало даже серьезные конфликты, о которых я еще расскажу. Появилось много гаражей и авторемонтных мастерских — особенно в районе Коммерческой ул., — первые из которых, равно как и курсы шоферов — открыли в Харбине чехи. Для полноты истории Харбина — их тоже надо назвать: «Славия» (автокурсы при мастерской), «Ф.Фукса и Ко», «Прага» — при мастерской «Авто-Верк», Ф.Л.Крупичка (постройка и ремонт кузовов), А.В.Копецкий и Ко (Механическая мастерская, автогенная сварка).

Очень часты были объявления, предлагавшие населению прокат автомобилей различных систем.

В экономике города и полосы отчуждения заметно ощущалось проникновение прежде всего японского капитала. Открылся Японский Торговый музей, банки: Июкогама Спешу Банк, Лункау Банк, Чосен Банк, То Таку (Ипотечный) и другие; крупные магазины — Восходящее Солнце (Китайская, 33), Умехара (Китайская, 27), Мацуура и Ко (Китайская, 45).

Появилось множество японских гостиниц — в районе Мостовой и Участковой улиц, семь заводов. Работали крупные экспортно-импортные компании (всего до 47). Особую область японского бизнеса составляли ломбарды. Было большое число японских парикмахерских, портных и прачечных, многие из которых, как и аналогичные предприятия во Владивостоке перед Русско-японской войной, служили прикрытием для агентурной работы.

Вообще, в деятельности торговых представителей разных иностранных государств делался основной упор на какую-то одну область бизнеса (конечно, при этом не исключались и другие). Так, американцы занимались в Маньчжурии покупкой земельных участков, проектами

железных дорог, строительством радио- и телефонных станций, разработкой горных и лесных ресурсов. Они широко продавали автомобили, запасные части к ним, бензин, сельскохозяйственную технику (Международная компания жатвенных машин), электрооборудование (Интернэйшл Дженерал Электрик Ко, Чайна Электрик Ко), фармацевтику (Американский Аптечный склад, Американская Фармацевтическая компания и др.), табак (Американская Табачная компания, Британско-Американская Табачная компания, другие). Англичане специализировались на машиностроении и продуктах питания (Британское инженерное общество «Россия и Сибирь», объединявшее более ста английских фирм, АО «Бекос», Английская продуктно-экспортная компания, Англо-Китайская Восточная торговая компания).

Немцы сумели чрезвычайно быстро восстановить свои экономические позиции в Харбине, очень прочные до Первой мировой войны, открыв торговлю продукцией машиностроения, металлом, инструментом, медикаментами и пр. Германо-Азиатская компания (представительство заводов Круппа), Симменс-Шуккерт (главное производство для Маньчжурии Общества электрических заводов), Киссинг и Мельманн (германский ремесленный инструмент), Германский Аптечный склад, Германское импортное общество «Типограф» — единственное на Дальнем Востоке представительство германских типографских фирм, предлагавшее абсолютно все необходимое для данной отрасли производства, — вот далеко не полный список германских предприятий в Харбине к 1925 г.

В городе были также хорошо представлены французские фирмы (парфюмерия, вина, шампанское Луи Редерер и др.), от которых не отставали, впрочем, и наши отечественные харбинские производители — Кавказский погреб «Алазан», «Грот» Г.М.Пицхелари, «Татос» Татоса Григорьевича Тер-Акопова.

Швейцарию представляли ряд часовых фирм, «Бюллер Братья» (машиностроительные и литейные заводы); Италию — Итало-Маньчжурский синдикат (представитель всей итальянской промышленности); Бельгию — бельгийский Стекольный синдикат (главный поставщик стекла и зеркал).

Боясь утомить читателя, я не назвал и десятой доли иностранных фирм, которые вели свои дела в Харбине в 1918–1925 гг. Но что бы я хотел особо подчеркнуть — правильность крылатой в 20-х годах фразы:

«Харбин жил импортом». Действительно, в эти годы он имел все заграничные промышленные новинки.

В этих иностранных фирмах работало очень много русских людей; можно сказать, что они составляли основной контингент служащих в большинстве из них.

Так, в известной на Дальнем Востоке датской фирме — Восточно-Азиатской компании «Вассард» — многие годы работал Сергей Варфоломеевич Кожевников. Он происходил из старинного рода зажиточных крестьян деревни Пиля Уржумского уезда Вятской губернии. У него было три брата и две сестры. Отец его — Варфоломей Яковлевич — воспитывал семью в строгости и суровом порядке. Все дружно трудились. Стремление к образованности и самосовершенствованию было неотъемлемой чертой этой большой семьи; черта эта передалась и потомкам семьи Кожевниковых, из числа которых Россия получила многих высокоинтеллектуальных людей.

«Варфоломей Яковлевич, — пишет в своих воспоминаниях о деде его внук, — был человеком отменного здоровья, высок ростом, строен, трудолюбив. Он был крепким хозяином, любил работать и любил отдыхать. Хозяйство в деревне Пиля было большим. Хороший из добротных бревен пятистенный дом, огромный сарай, скотные дворы, двухэтажный амбар. На огороде, его верхней части, был построен овин для хранения и обмолота привезенных снопов овса и других культур. Здесь же был небольшой яблоневый сад. Нижняя часть усадьбы примыкала к речке Пилинке. Здесь выращивался картофель, капуста и другие овощи. На берегу речки стоял баня. Там находился небольшой овражек, в котором росли ивы, березы и другие деревья. Это было место гнездовья соловья, трели которого часто были слышны летом в вечернее время. Семья трудилась вся самостоятельно. Наемных работников не было по старинной традиции. Это утверждал еще прадед Яков. Он говорил, что почти вся деревня Пиля состояла из Кожевниковых. Род Кожевниковых очень старинный» (рукопись находится у автора).

В Китай, на станцию Маньчжурия, Сергей Варфоломеевич приехал в 1903 г.; в Харбине — с 1913 г.

Окончив шесть классов Уржумского училища, он был развитым и культурным человеком, много читал, имел дома библиотеку с полным собранием русских классиков, прекрасно знал математику, обладал красивым почерком. На работе его высоко ценили за аккуратность, честность, знания и умение вести дела, ежегодно отмечали премиями.

В 1913 году он женился на Анне Даниловне Осинцевой из города Благовещенска на Амуре, и в 1915 г. у них родилась дочь Нина, а в 1920 — сын Георгий. Родители создали в семье атмосферу творческого труда, обучали детей музыке в специальных учебных заведениях, стремились дать им высшее образование. Оба окончили Колледж Христианского союза молодых людей, получили прекрасное знание английского языка.

Георгий Сергеевич — Жорж — Кожевников стал известным харбинским музыкантом, одним из создателей и руководителем студенческого джаза «Колледжиана» ХСМЛ. Живет в настоящее время в Казани, автор прекрасных воспоминаний о музыкальной жизни Харбина.

Перейду к духовной сфере, в которой тоже проявило себя иностранное влияние.

Англичане открыли в 1919 г. Английский Харбинский клуб, английскую Спортивную площадку.

Вслед за английским открылся Итальянский клуб, быстро получивший у харбинцев (из-за развернувшейся в Италии деятельности Бенито Муссолини) емкое название «фашисты», Немецкий клуб и другие. Они были предназначены для иностранцев, но их свободно и охотно посещали и эмигранты, знакомясь здесь с политической и общественной жизнью каждой из этих стран.

В Харбине начали действовать сектантские церковные организации: баптисты, адвентисты, методисты и прочие, прибывшие в основном вместе с армией США и сразу же развернувшие широкую миссионерскую деятельность среди китайского и русского населения.

Молитвенный дом баптистов находился вначале на Большом пр., 22, угол Таможенной; позднее — на Короткой ул. Пристани: темный дом с черным четырехконечным крестом наверху; собрания же их были разбросаны по всему городу (Новый Город, Старый Харбин, Модягоу, Корпусной городок, Нахаловка).

Молитвенный дом адвентистов Седьмого дня, с известным в Харбине проповедником Т.Т.Бабиенко (его публичные диспуты с протоиереем Василием Демидовым часто привлекали внимание харбинцев), находился на углу Садовой и Цицикарской ул. Миссия адвентистов организовала Субботнюю общеобразовательную школу, Библейскую школу и издание журнала «Альфа и Омега».

Появилась в Харбине и Сибирско-Маньчжурская Миссия Методистской Епископальной церкви (Телинская, 128) с пастором Д.Ф.Эрвиным. Она сыграла положительную роль в жизни русской эмиграции в Харбине и Маньчжурии, и на ее деятельности стоит остановиться подробнее. Работа миссии велась по двум направлениям: воспитательно-образовательном и религиозном.

В сентябре 1923 г. в харбинской «Заре» появилось объявление:

«Методистская гимназия

Американский Методистский институт предполагает открыть 12-го сентября в Харбине смешанное среднее учебное заведение (для мальчиков и девочек) по типу русских гимназий. Программа этого училища будет также приспособлена к требованиям американских студентов, которые имеют право поступления в американские высшие учебные заведения без экзаменов.

В текущем году намечены к открытию 1-й, 2-й, 3-й и 4-й классы училища, при условии если найдется достаточное число учеников.

Плата за обучение назначена по пяти рублей в месяц в каждом классе. Особое внимание будет обращено на практическое преподавание английского языка, каковое будет производиться по новейшим методам, с применением графофона [граммофона?] и т.д., для того чтобы дать возможность учащимся поступать без всяких затруднений в высшие учебные заведения Америки, Англии, Австралии, а также в американские и английские высшие учебные заведения в Китае. Оканчивающим успешно училище будут выдаваться особые рекомендации, на предмет поступления во все высшие учебные заведения Америки.

Имеются свободные вакансии преподавателей для лиц с соответствующим образовательным цензом и стажем».

Такая гимназия с программой High Schools и двумя отделениями — в Новом Городе на Новоторговой ул. и на Пристани — Диагональная, угол Пекарной, была открыта и стала одной из лучших в городе. Директором ее стал суперинтендант Сибирской Методистской миссии Х.В.Дженкинс.

В 1926 г. Гимназия методистов была передана миссией коллективу ее русских преподавателей. При этом гимназия на Пристани была переименована в Пушкинскую гимназию, став отделением Пушкинской

гимназии в Модягоу (с 1924 г.), а гимназия в Новом Городе получила название Гимназия им. Ф.М.Достоевского.

Кроме того, миссией был открыт упомянутый Методистский институт (специальные классы) с преподаванием английского языка, бухгалтерии, стенографии, русской и английской машинописи, коммерческой корреспонденции.

Кроме того, Миссией был открыт упомянутый Методистский институт (специальные классы) с преподаванием английского языка, бухгалтерии, стенографии, русской и английской машинописи, коммерческой корреспонденции.

Методистская гимназия дала в Харбине всего один выпуск — первый и последний, в 1927 г., которым ее окончили, в частности, А.Н.Князев и Слава Лавров.

В «Выдержках из дневника политехника» Алексей Николаевич Князев пишет о том, что директор и администрация гимназии помогали получать стипендии в американских колледжах и университетах, и В.Лавров уехал в США, учился в Джорджия Тэк, закончил его, был оставлен при университете и в последующем стал его вице-президентом.

18 октября 1932 г. у политехников Северо-Маньчжурского политехнического института по случаю начала занятий был банкет в «Стрельне», после чего, в десятом часу вечера, студенты, в числе более 60, два раза прошли строем мимо Чурина в Новом Городе, а затем в колонне по четыре с пением промаршировали дважды по главной улице — Китайской. «Пение наше было таким громогласным, — пишет автор, — что совершенно заглушило мощный громкоговоритель». Публика встречала студентов тепло, хлопала в ладоши, кричала «Ура!» и, по-видимому, была довольна увидеть студентов в таком количестве, и к тому же в полной форме, с начищенными наплечниками, «так что блеску было много».

Про этот марш или другой такой же в 30-х годах пишет и инженер В.Ерофеев. Он сообщает, что в то время около новгородного магазина Чурина на углу Гоголевской и Новоторговой ул. стояли русские регулировщики движения. Они с почтением давали дорогу студентам и даже козыряли маршировавшим. Этот студенческий марш произвел большое впечатление на окружающих, которые толпились вдоль тротуаров, и из толпы слышались возгласы старушек: «Смотрите, генералы идут... Русская армия пришла» (*Политехник*. 1979. № 10. С. 50; № 3. С. 19).

Отец Алексея Николаевича — Николай Иванович Князев — родился в Москве 10 октября 1881 г. С 1906 г. служил в 4-м Заамурском железнодорожном батальоне, квартировавшем в Харбине. С 1918 г. работал на КВЖД. Начиная с 1925 в течение 15 лет был руководителем Испытательной лаборатории ХПИ, готовя и проводя со студентами различные опыты по «Сопrotивлению материалов». Оставил у своих подопечных самые хорошие и теплые воспоминания. Скончался в Сан-Франциско 10 сентября 1959 г.

С первых же лет революции и массовой эмиграции из России широкое распространение получили отъезды русских людей, оказавшихся в Маньчжурии и Китае, еще далее — в Европу, в Австралию, Канаду и, главным образом, в Соединенные Штаты Америки.

В Харбине еще не имелось высших учебных заведений — это было проблемой для большой армии харбинских абитуриентов, и молодежь стремилась уехать для получения высшего образования — в Россию (Томский, Иркутский университеты и другие, находившиеся на территории, контролируемой белыми правительствами), в США, другие страны. Они и студенты, желавшие завершить свое образование, составляли весьма значительную часть уезжавших в то время из Харбина. Одна за другой на учебу в Россию и за границу уезжали большие группы молодежи, материальную помощь которым оказывали Русское студенческое общество, Американский Красный Крест, Христианский союз молодых людей в Харбине и другие организации, сотрудничавшие с российскими и американскими университетами.

В харбинских газетах того времени часто появлялись сообщения о формировании и отъезде за границу таких студенческих групп. Харбинская молодежь уезжала учиться и в Европу — в Германию, Бельгию, Италию, Францию — главным образом для поступления в технические вузы. И особенный успех сопутствовал в этом деле выпускникам Первого Харбинского реального училища, дававшего своим учащимся солидную подготовку.

— Учиться! Для будущей России! — напутствовали их в Харбине...

Но для России ли? — спрошу вас я.

Харбинцы пристально следили за успехами своей молодежи в разных странах. С юмором было встречено в Харбине сообщение о том, что в Льеже (Бельгия) молодые выходцы из Харбина организовали свой «Самовар-клуб». Прошло всего несколько лет, и харбинская пресса, не пропускавшая ни одного крупного успеха соотечественников за ру-

бежом, стала помещать статьи вроде «Харбинская молодежь завоевывает Америку», упоминая в ней немало фамилий, в частности: И. И. Сокольникова, получившего профессорскую кафедру в Висконсине, Терцинского — оба — математики; сына Н. В. Борзова, ставшего заведующим Химическим отделением «Ойл-Стар-Компани»; Ковалева — председателя Общества русских инженеров и техников (в Сан-Франциско)... И многих-многих других.

Уже много лет назад, через моего старого друга, интереснейшего человека, воевавшего в свое время в партизанской армии Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, крупнейшего знатока китайского языка и китайских национальных обычаев, ныне парижанина, Константина Мильского, у меня завязалась переписка с французенкой Элэйн Фушар (Eliane Fouchar). Постепенно выяснилась следующая история.

Работал в Иркутске профессиональный железнодорожник Михаил Михайлович Попов, родившийся в 1865 году в Пензе. Здесь у них с женой — Марией Павловной (в девичестве Рубцовой, 1870, г. Уфа) родилась дочь Юлия (1900) и сын Анатолий (1904).

В 1919 г. Попов получил назначение управляющим Контроля по временной эксплуатации Амурской железной дороги. И начавшаяся гражданская война на два года разлучает семью.

Встречаются они в 1922 г. в Харбине. Юлия вышла замуж и осталась жить в Иркутске. А Анатолий Михайлович уезжает в 1925 г. из Харбина во Францию для продолжения образования. Вполне преуспевает в этом деле и становится инженером-металлургом. В 1930 г. вызвал в Париж родителей. Женится на французенке Элине Радикс, у них пятеро детей. И одна из них — именно эта Элэйн Фушар — и стала моей парижской корреспонденткой...

Преподаватель колледжа. В 1998 г. приезжала в Москву для участия в международной научной конференции «Годы. Люди. Судьбы: История российской эмиграции в Китае», посвященной 100-летию г. Харбина и КВЖД.

Написала про своего отца: «Он передал нам свою глубокую любовь к родине»...

Молодые люди из Харбина ярко проявляли себя в местах своего нового жительства. Российская эмигрантская молодежь вообще стремилась к знаниям: в 1928 г. в Зарубежной России высшее образование получили 15 тысяч молодых людей. Да и молодежь, оставшаяся

в Харбине, где в 1920 г. было открыто уже пять вузов, тоже не отставала. Благодаря своему труду, настойчивости, целеустремленности она тоже добилась признания и высоких постов. Биографии инженеров различных специальностей — выпускников прославленного Харбинского политехнического института, которые печатает на своих страницах издающийся в Сиднее журнал «Политехник», лучшее тому подтверждение. И я, как и всякий харбинец, горжусь питомцами ХПИ, прославившими этот харбинский вуз в разных странах.

А теперь о том, что определенно навеивает грустные мысли.

Крупный русский поэт Арсений Несмелов в стихотворении «Пять рукопожатий» очень точно написал:

Ты пришел ко мне проститься. Обнял.
Заглянул в глаза, сказал: «Пора!»
В наше время в возрасте подобном
Ехали кадеты в юнкера.

Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан
Тысячами простирает мили
До лесов Канады, до полян

В тех лесах, до города большого,
Где — окончен университет! —
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет.

Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.

Мы — не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать, —
Все же нас и Дурову, пожалуй,
в Англичан не выдрессировать.

Пять рукопожатий за неделю,
Разлетится столько юных стай!..
...Мы — умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка Китай.

Лишь в одном ошибся поэт. Только одно всеяло какой-то оптимизм, который он, видимо, не разделял: уезжали молодые харбинцы и в Россию в 20-е годы. Часто устраивались в городе вечера в пользу уезжавших в Россию учиться.

«На Родину. — Харбинцы и харбинянки! [это последнее обращение мне особенно понравилось. — Г. М.], — призывал тогда жителей города Сергей Алымов. — Поможем. Их призывает родина, тоска по ней...»

Но, повторяю, уезжали и старшие — главным образом люди состоятельные. Основной проблемой для них были квоты на въезд русских в Америку. «Заря» писала, что в декабре 1922 г. Америка могла еще принять 14 тыс. русских, но в январе следующего года оставалось только 8 тыс. вакансий. За месяц в Соединенные Штаты эмигрировали 9 тыс. русских... А квоты все сокращались...

Была открыта официально организованная эмиграция в Канаду.

«Пустеющий Харбин» — писали о городе газеты в 1923 году.

Что же тогда остается сказать о Харбине конца 40-х — начале 50-х годов?..

Мы видим, что даже в годы наивысшего расцвета деловой и общественной жизни Харбина много бывших российских подданных разъезжалось отсюда по всем частям света. Особенно большой «исход» имел место после 1945 г.

Но сегодня (спустя десятки лет) в разных странах — прежде всего в России, Австралии, Израиле, США, Польше, других — существуют и действуют крупные союзы и ассоциации людей, тесно связанных своим рождением, учебой, проживанием и общими воспоминаниями с богоспасаемым Харбином, которого не затронула ни одна война, который остается в памяти его бывших жителей — харбинцев и их потомков — городом их молодости, юности их отцов и дедов, как чудесный «град Китеж», исчезнувшим навсегда, история которого никогда более не повторится, — но и остающимся живым и сегодня...

Поэтому и в наши дни слово «Харбин» остается тем паролем, который при встрече раскрывает сердца самых разных, ранее незнакомых

друг другу людей, и сразу способствует возникновению между ними симпатии и взаимопонимания.

Что еще нужно было бы сказать об этом явлении — рассеивании русских, в данном случае — русских харбинцев по всем частям белого света? Отъезд из Харбина дееспособного населения и талантливой молодежи в 20-х годах вел к значительному вымыванию части культурного слоя города, ослаблял его культурный потенциал, его возможности эффективно действовать в разных областях. Разъезд же русских жителей из Харбина за границу в 50-е годы вел к потере их для Родины — России — и тогдашней, и будущей, то есть России сегодняшней, демократической России. Процесс — ущербный, по-моему, для каждой из участвовавших в нем сторон...

А как заключить?

По-моему, следует еще сказать, что история Харбина, которая описывается в моих книгах, Харбина, давшего основную массу русского населения таких городов Китая, как Пекин, Тяньцзинь, Циндао, Шанхай, история русских и представителей других национальностей из Маньчжурии и Китая сегодня в Австралии, США, Израиле и других странах — является важной частью всей истории российской эмиграции в Китае, а следовательно, составной частью истории нашей великой Родины — России. И ее нужно изучать!

После крушения Российской империи Китайская Восточная железная дорога стала представлять собой лакомый кусок, на который со всех сторон обратились взоры желающих им завладеть. Более всего в КВЖД был заинтересован Китай, вообще-то уже считавший дорогу «своей».

В рассматриваемый период Китай был политически разделен на Север (правительство в Пекине) и Юг страны (где существовало правительство, возглавлявшееся Сунь Ятсеном, со столицей в Гуанчжоу (Кантоне)). К тому же он раздирался на части междоусобными войнами многочисленных милитаристских клик как на Севере, так и на Юге, полностью господствовавших в отдельных провинциях страны и, как правило, являвшихся проводниками политики того или иного иностранного государства, — Бэйянской, Аньхойской, Фэнтяньской, Чжилейской и других.

Между ними шла борьба за господство над страной, за обладание ее официальной столицей — Пекином, не раз переходившим тогда из одних рук в другие.

В 1917 г. крупный китайский милитарист, глава Фэнтяньской (Мукденской) клики маршал Чжан Цзолинь (1876 — 21 июня 1928) при содействии ген. У Пэйфу (Чжилийская клика) подчинил пекинское правительство контролю Мукдена. Однако вскоре, после поражения, нанесенного ему этим же его недавним союзником, отступил в Северо-Восточный Китай (Три Восточные провинции, Маньчжурию), официально объявив ее своей декларацией от 17 мая, вместе с Внутренней и Внешней Монголией, независимой территорией, не подчинявшейся китайскому правительству.

В 1919—1920 гг. Пекин находился под контролем Аньхойской клики во главе с Дуань Цижуем. В июле 1920 г. против этого японского ставленника выступила Чжилийская клика У Пэйфу, снова в союзе с Чжан Цзолинем. Как результат этой войны, в северной столице было создано коалиционное правительство, в свою очередь павшее под ударами фэнтяньских милитаристов, порвавших с союзниками. С мая 1922 г. в Пекине вновь утвердилось правительство Чжилийской клики, ориентированной на США и Англию. Это правительство долгое время, вплоть до мая 1924 г., препятствовало нормализации отношений между Китайской Республикой и СССР.

В течение первой половины 20-х годов Три Восточные провинции, в которых продолжал безраздельно господствовать клан Чжанов — Чжан Цзолинь, его сын Чжан Сюелян и брат Чжан Цзосян, влиятельный губернатор Гиринской провинции, — оставались в этом кипящем китайском море сравнительно спокойным и экономически устойчивым островком, со столицей в Фэнтяне (Шэньяне, Мукдене). «Независимый» Чжан Цзолинь, вынужденный весьма и весьма считаться с господствовавшей на Южно-Маньчжурской железной дороге и в Южной Маньчжурии Японией, окружил себя иностранными советниками и военными специалистами, в числе которых видное место занимали русские эмигранты, к которым «старый маршал» хорошо относился и даже ратовал за их объединение. Вплоть до своей насильственной смерти в июне 1928 г. (в результате организованного японцами покушения) он продолжал играть важную роль во всех интригах политической жизни Китая и во всех военных действиях, ведущихся в стране.

Его политическим наследником и властелином Маньчжурии стал «молодой маршал» Чжан Сюелян.

Советский востоковед профессор Д. М. Позднеев, работавший в Китае в 1926 г., писал о том, что Чжан Цзолинь не поддавался западному

влиянию, придерживался традиционных китайских развлечений, увлекался игрой в маджан (мацзян) и мог проводить за ней дни и ночи.

Другое дело Чжан Сюелян, этот 25-летний «крон-принц Маньчжурии», как его назвал Позднеев. «Молодой маршал» умел танцевать западные танцы (на одном из конкурсов в Тяньцзине получил первый приз), увлекался скачками, лаун-теннисом, любил играть в бридж, в покер и являлся постоянным посетителем иностранного Мукденского клуба. Кроме того, в это время он был начальником всех авиационных сил своего отца и часто принимал участие в авиаполетах.

Примерно то же самое Д. М. Позднеев сообщает и о прежнем императоре Китая — молодом Генри Пу И. Тот постоянно проживал в Тяньцзине, был ярким велосипедистом, много времени проводил в кинематографах, — вместе с женою и наложницей (совершенно счастливое трио!) принимал участие в танцевальных вечерах на иностранной концессии города...

Наблюдения, по-моему, любопытные.

Но Пекин продолжал признавать полномочия царского посланника Кудашева, и до отказа, наконец, в этом признании (сентябрь 1920 г.) открыто предпринять что-нибудь для того, чтобы прибрать дорогу к своим рукам, ему было нельзя. Но подготовка к этому уже была начата.

Назначение в 1919 г. на пост Председателя (дубаня) КВЖД ген. Бао Гуйцина, его действия — являлись первыми шагами в этом направлении.

До него пост Председателя после смерти Сюй Цзинчэна долгое время оставался вакантным, и высшим органом дороги было Правление Общества КВЖД в Петербурге при Управляющем на месте, в Маньчжурии, ген.-лейтенанте Д. Л. Хорвате. После революции оставшиеся в Петрограде члены правления были арестованы; но дорога оставалась в руках «белых», и ее правление было перенесено в Харбин. И вот назначение Бао Гуйцина... Ближайший сотрудник Чжан Цзолина, генерал Бао занимал сначала должность Цицикарского, затем Гиринского генерал-губернатора, а по совместительству и должности Главноначальствующего полосы отчуждения и дубаня КВЖД. На официальных портретах он изображался непременно в парадной генеральской форме с узкими китайскими погончиками и множеством орденов и медалей, неизвестно как и где им заслуженных.

Однако в том 19-м году Бао Гуйцину удалось только ослабить русскую Охранную Стражу дороги, ограничив ее численность 2000 чел. В следующем — 1920 г. в деле ограничения русского влияния в полосе отчуждения он преуспел значительно больше, но об этом ниже. Что же касается статуса самой КВЖД, то в последующем к управлению ею пришел Русско-Азиатский банк и управляющий Б. В. Остроумов, политика которого на несколько лет поставила прочный заслон каким-либо притязаниям Китая на присвоение дороги.

Серия любопытных статей журналиста Евгения Турова под общим заголовком «По Портретному залу Правления КВЖД» (это уже 1935 год, после «продажи» дороги) сообщает много интересных историй, в том числе две, связанные непосредственно с Бао Гуйцином. Они любопытны с точки зрения нравов той эпохи, и я приведу их. Но сначала — почему же «Портретный зал» и что он представлял собой.

Это был величественный по размерам и отделке зал в здании Правления КВЖД на Хорватовском (Вокзальном) проспекте, зал, где происходили все важнейшие заседания правления и торжественные церемонии, в том числе Акт 23 марта 1935 г., по которому СССР уступил свои права на КВЖД правительству марионеточного Маньчжоу-дого (что на бытовом уровне и было названо «продажей КВЖД»). «Посередине его, — пишет журналист, — по-прежнему тянется длинный стол, покрытый тем же зеленым сукном, кругом те же поместительные диваны и уютные глубокие кресла, в которых положительно утопаешь. А в большом кафельном камине горкой сложен уголь, словно ожидающий, что его вот-вот зажгут, чтобы в этом официального типа зале стало потеплее».

А Портретным он назван потому, что на стенах зала висели портреты русских и китайских руководителей дороги, начиная с первого Председателя правления Сюй Цзинчэна, перепиленного надвое деревянной пилой повстанцами-ихэтуанями в 1900 г., и внушительного по внешнему облику Кербедзя, и кончая предпоследним дубанем КВЖД Мо Дэгуем и предпоследним советским Товарищем Председателя «любителем пожить и покутить» А. И. Емшановым. Справа от камина, обращенными лицами на Вокзальный проспект, были размещены портреты русских Товарищей Председателя Правления С. И. Кербедзя и А. Н. Венцеля, одетых в парадные мундиры инженеров путей сообщения императорской России, с орденами и медалями. «Раньше на дороге слу-

жили подолгу, — замечает Е. Туров, — имея все возможности ознакомиться с делом. Блестящий пример тому — Венцель, фактический глава дороги с 1903 г. по 1918 г., т.е. в течение 15 лет, — в отличие от советских товпредов, которые сменялись на дороге с калейдоскопической быстротой, недаром за 10 лет их успело перебывать, начиная с Серебрякова и до Кузнецова, целых 10 человек».

Портрет Д.Л. Хорвата, который из Управляющего в 1918 г. превратился в директора-распорядителя КВЖД, — в полной парадной генеральской форме с эполетами, многочисленными орденами и медалями, висит рядом с Венцелем, но по другую сторону разделяющего их камина. «По случайному совпадению, — пишет журналист, — с него не сводят глаз семь советских Товарищей Председателя, портреты которых развешаны по узкой боковой стене правленского зала. Семь пар враждебных глаз. Но Хорват спокойно взирает через Вокзальный проспект на растиляющийся перед ним Харбин, его детище...» Рядом с Хорватом — портрет сменившего его в 1920 г. В.Д. Лачинова. Смена, по мнению Турова, была вызвана тем, что китайские верхи не хотели больше того, чтобы дорога возглавлялась крупной политической фигурой, а тем паче деятелем такого государственного масштаба, как генерал Хорват, который долгое время был символом центральной всероссийской власти...

Портреты китайских сановников размещаются на двух противоположных стенах Портретного зала. «Все чопорные, облаченные или в безупречные фраки с гортензиями в петлицах, или в драгоценные шелковые национальные халаты, вызывают большой интерес. Только один — вместо обыкновенной черной — в широкой рамке коричневого цвета и занимает при этом центральное место — портрет Сюй Цзинчэна... Далее, как я уже говорил, пост Председателя (которым по договору обязательно должен быть китаец) долгое время оставался вакантным. Только в 1917 г. его занял, причем только номинально, видный китайский сановник Го Цзунси. «В то время, — пишет Е. Туров, — русские были еще в силе и назначение это носило чисто декларативный характер, а реального значения на дороге не имело, хотя все русские относились к нему с уважением и почетом».

С ослаблением России усиливалось китайское влияние на дороге, признаком чего стало назначение в 1919 г. Председателем правления генерала Бао Гуйцина, ближайшего соратника Чжан Цзолина... Здесь же

портреты маститого Сун Сяоляня, англизированного Ван Цзиньчуна, популярного в русской колонии Юй Чунхана, Люй Жунхуана и совсем не популярного у русских Мо Дэгуя.

«В этой портретной галерее, — заключает Е. Туров, — как в капле воды отразилась вся многогранная и бурная история КВЖД, пережившая смену десятков режимов и навидавшейся на своем веку всяких видов...»

Но вернусь к Бао Гуйцину. С ним произошли такие истории, описанные Е. Туровым:

«Скупой по природе, Бао при переводе его из Цицикара решил сэкономить на переправке своих золотых запасов в Гирин и отправил свое кровное золото “малой скоростью” багажным порядком по КВЖД. Ему пришлось прибегнуть к этому трюку, так как в то время администрация дороги никаких поблажек даже высоким сановникам не делала, и им приходилось еще платить наряду с частными грузоотправителями.

Но за эту попытку обмануть ту дорогу, которой ему пришлось в скором времени самому руководить, он был жестоко наказан. Ради удешевления отправки он обозначил в провозных документах свое золото “менее ценным грузом”, чем и воспользовались какие-то мошенники, своевременно узнавшие об этой проделке генерала Бао.

Велик был его ужас, когда на станции Куаньчэнцзы он обнаружил в своих ящиках вместо золота, тот самый “малоценный груз”, который и был обозначен им в накладной.

Трагедия только усиливалась оттого, что он был лишен возможности даже предъявить какие-либо претензии.

Не менее красочный эпизод разыгрался с генералом уже в бытность его гиринским генерал-губернатором. У этого богатейшего уже тогда человека имелось многомиллионное имущество — и в Харбине, и в других местах — в виде маслодельных заводов, мельниц и множества домов. Однажды отправил он своего сына для ревизии своих харбинских предприятий. И, в частности, для инкассации скопившихся в них денежных поступлений. Сын выполнил эти задания, собрал что-то около трех миллионов долларов, и затем в течение нескольких дней продал их полностью в одном из фуцзяньских игорных притонов.

Старик Бао, необычайно скупой, узнав об этом, выбросился с горя из окна своего генерал-губернаторского дома и жестоко разбился. В дальнейшем ему пришлось долго и безнадежно лечиться, потеряв и значи-

тельную толику своего состояния, и свое здоровье, которое ему так и не удалось восстановить».

Однако было бы несправедливо, рассказав здесь о Бао, не упомянуть подробнее и о Сун Сяоляне (да и о других китайских Председателях правления КВЖД).

«При нем, — пишет Е. Туров, — начался широкий приток русских эмигрантских масс в Маньчжурию, значительный процент которых сумел пристроиться на дороге и даже на высококвалифицированных должностях.

Были при нем, у руля приняты Г. К. Гинс, И. А. Михайлов, К. П. Харитонов, инженер В. П. Максимов и многие-многие другие, усилившие в деловом и культурном отношении русские кадры на дороге.

Сама наружность Сун Сяоляня — этого убеленного сединой старца с тонкой бородкой, располагала к себе, и пребывание его на дороге может быть охарактеризовано необычайно дружным сотрудничеством с Б. В. Остроумовым и с Русско-Азиатским банком, только что добившимся к тому моменту своих прав на соуправление дорогой.

Опытный администратор, Сун Сяолянь учитывал культурную роль русских и не ошибся в своих расчетах, твердо опираясь на русских специалистов, так как как раз в этот промежуток времени КВЖД именно и достигла особенного расцвета.

С чисто европейской точки зрения, Сун отличался, пожалуй, некоторыми чудачествами, но самого безобидного свойства.

По каждому нужному и ненужному поводу он, например, сочинял стихи, начиная даже и свои официальные деловые документы стереотипной фразой: “Я, Сун Сяолянь, чин, имеющий павлинье перо”... и т. д.

Положительная сторона Сун Сяоляня оказалась вместе с тем и его “ахиллесовой пятой” в оценке правителей Мукдена, где уже начинали к тому времени греметь шовинистические литавры.

Для успешного же похода против русского влияния в те годы, в дни существования в Маньчжурии Межсоюзного Технического Комитета (МТК), нужен был человек, привычный к обращению с иностранцами, чтобы найти ту опору со стороны американца Стивенса, француза Патеони и других верховодов этого учреждения. И выбор Чжан Цзолиня пал на выкорышша великобританской культуры, владевшего английским как родным и получившим образование в Лондоне, — доктора Ван Цзиньчуна, англоязычного в самой своей внешности, всегда

щегольски одетого в ультрасовременный костюм и державшего себя на чисто европейский манер.

В то время как патриархальный Сун Сяолянь держался соглашательской политики с русскими руководителями дороги, д-р Ван сразу же вступил в ожесточенную борьбу с Остроумовым, опираясь на свои связи в МТК.

Дело доходило до таких резких сцен между ними, что по несколько дней и даже недель они состояли в разрыве “дипломатических отношений”, а за кулисами по инициативе д-ра Вана устраивались даже разного рода враждебные инсценировки вроде демонстрации фуцзяньской черни против русского влияния на дороге и прежде всего против Остроумова.

Но “англизированный” д-р Ван был, в сущности, абсолютно чужд Мукдену, и когда закончилась роль МТК и стали явственно обрисовываться контуры китайско-советского соглашения, то “мавр сделал свое дело”, и Ван был выброшен, поспешив перебраться в орбиту нанкинского правительства.

Заместителем его оказался ныне хранитель печати империи Маньчжоу-диго Юань Цзинькай, один из крупных маньчжурских деятелей, руководивший дорогой в самое сложное переходное время к “советовластью” на ней от 1924 по 1925 год...» (см. об Юань Цзинькае также Главу VIII настоящей работы).

Многие официальные китайские лица — ближайшие сотрудники «старого маршала» хорошо относились к русским, помогая в их нелегкой адаптации к условиям жизни в Китае. Среди них я хочу назвать такие имена, как Сергей Иванович Лю Цзэжун, сын Ивана Ивановича Лю — управляющего кабинетскими чайными плантациями на Кавказе, в императорской России; ген. Ян Чжо, крестник Хорвата; ген. Чжу Цинлань, много сделавший для русских беженцев; Ли Тьяао, игравший ключевую роль в новом китайском суде, созданном в полосе отчуждения вместо прежнего русского; ген. Чжан Гочэн, выпускник Коммерческих училищ, лучший китайский контрразведчик; ген. Василий Александрович Лю Хуау, большой друг русских; Нина Сунтай, выпускница Харбинского политехнического института; Му Вэйтан, владелец известного в Харбине магазина «Тун Фа Лун», и многие-многие другие. Однако подробнее о них я надеюсь рассказать в другой книге.

Здесь же о представителях той многочисленной группы подлинных русофилов из среды китайцев, которые были тесно связаны с русским

населением экономическими и культурными узами, приобщали к этим связям и своих детей, давали им прекрасное русское образование — и вместе с тем сохраняли связь с китайской культурой, с китайскими бытовыми особенностями и обычаями. Они являли всей своей жизнью поразительный сплав, слияние, синтез двух культур — китайской и русской. Из ряда наиболее ярких представителей этой группы харбинцев я, несомненно, выделю старейшего ее представителя — Михаила Ивановича Лютая и его семью, проживавших в Харбине на углу Стрелковой и Николаевского переулков, в доме № 40.

Это был простой выходец из Шаньдуна, искуснейший печник — кладчик голландских печей и каминов в городе, затем крупный подрядчик КВЖД (подрядчиками называли поставщиков материалов для дороги или производителей каких-либо работ), бывал в Москве и Петербурге; имел много русских друзей, среди которых считался совершенно своим. Но вместе с тем оставался китайцем.

Например, в «Заре» я прочитал сообщение о том, что в апреле 1922 г. по Харбину прошла процессия в честь 80-летия матери М.И.Лютая. Сотни китайцев несли в подарок ей разноцветные шелковые полотна-знамена с иероглифами на них, выражающими пожелания долголетия и благополучия, и другие дары. Процессию сопровождал оркестр Винчи, а замыкали ее несколько десятков щегольских экипажей гостей...

Дал своим детям прекрасное образование и воспитание. Его сын Александр (Шура Лютай) — студент, затем доцент ХПИ, живет ныне в Австралии. Автор статьи «О русско-китайской дружбе» (Политехник, 1989, № 12, с. 191–194), в которой есть такие строки:

«У русских и китайцев много общего — честность, упорство, широта натуры, трудолюбие, работоспособность, широкое гостеприимство, умение сближаться с другими и приспособляться к изменяющейся обстановке...

Очень хочется верить, что эта беззаветная чистая дружба между русскими и китайцами, начатая еще нашими прапрадедами, еще сыграет свою роль в жизни мира, хотя правда уже, увы, без нашего участия. Пусть будет вечно жить “руска-китайска настояща братка игоян”». («Игоян» — ломаное китайское «одинаково», «одно и то же».)

Чувства эти безусловно близки многим миллионам людей, и спасибо за них Шуре Лютаю из далекой Австралии!

В.Д. Казакевич в своих воспоминаниях где-то бросил фразу о том, что политические события обходили стороной стены Харбинских Коммерческих училищ, в которых благодаря твердой руке директора Н.В. Борзова сохранялась высокая дисциплина и плавно и последовательно продолжался учебный процесс.

И действительно, я только тогда обратил на это внимание: в воспоминаниях моего отца о его школьных годах (окончил училище в 1921 г.) он пишет о преподавателях, об учебном процессе, очень много об искусстве в Харбине в этот период... И очень мало о политических событиях, разворачивавшихся вокруг, за стенами Коммерческих училищ, но, видимо, действительно получавших какое-то смягченное, ослабленное, что ли, отражение в учебной жизни.

Но, вероятнее всего, это относилось главным образом именно к привилегированным училищам и к их основному контингенту — детям железнодорожников, старожилов Маньчжурии. А может быть, педагог и тонкий психолог Николай Викторович Борзов намеренно оберегал души своих питомцев от страшных потрясений, которые несла с собой жестокая гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке, от калечащих душу ребенка впечатлений?..

Отец продолжает о своей учебе:

«Учился я успешно, и как-то неволью вышло так, что я и Володя Швецов почти с 1-го класса стали друзьями-соперниками за первое место в классе. Скажу откровенно, что я не ставил себе этой цели и нередко получал двойки за невыученные уроки, а тем более не думал в это время о золотой медали!

Я не был задирой, но и не трусил схватываться с обидчиками (из других классов), которые были сильнее меня. Не был “ябедой”, “подлизой”, “зубрилой”! Может быть, за все это ребята в классе и относились ко мне очень хорошо.

Редкое воскресенье меня не приглашали к себе в гости: Троицкий-Богородский, Гаевский, Семенов, Данченков, Швецов, Варламов, Нациевский, Новиков, Фельзинг, Носов. Отчасти это сказалось и в своего рода классном “Журавле”, который в 6-м классе написал наш классный “поэт” Гаврюшка Нациевский. По порядку рядов, по каждой парте он дал характеристики всех 28 учеников.

Куплеты были остроумные, меткие, временами ядовитые. Не буду приводить всего “Журавля”, дам некоторые выдержки:

...На четвертой парте один типчик есть,
Про него не стоит даже речи весть!...
(Это он про себя!)
На передней парте шимпанзе сидят —
Вальтер да Семенов — все время галдят...

Вот на первой парте — первый ученик, —
Швецов, подлиза тонкий, зубрит каждый миг..

...Мелихов Василий — классная краса
Своего соседа дерет за волоса!

Геометриста жертва благим матом орет,
Всякий тут Сергеева по реву узнает...

В тот день вместе с “Журавлем” Гаврюшка принес и “Похождения Саши и Эдгаши” — намек на наших преподавателей, “произведение” абсолютно неприличное! Всем было интересно прочитать этот “шедевр”, но пускать его по рукам было очень опасно — кто-нибудь мог и “попасться”. Поэтому, узнав, когда наш Эдгар Мартынович будет на рисовании в Женском училище, решили прочитать “Похождения” на соответствующей перемене в более или менее “спокойной” обстановке. Приняв все меры предосторожности, собрались в кружок. Я начал чтение, держа “Журавля” под рукой. Чтение под хохот слушателей уже подходило к концу, как вдруг в дверях показался Эдгар Мартынович.

Молниеносно я заменил “Похождения” “Журавлем”, и так же молниеносно наш классный наставник, как коршун, был уже около меня и выхватил тетрадку. Довольный, с видом победителя, он вышел с “уловом” из класса, а мы, убедившись, что он ушел в учительскую, благополучно закончили чтение до начала урока.

Через два урока Эдгар Мартынович вошел к нам сияющий и спросил:
— Кто это написал?

Гаврюшка скромно признался, что он.

— Молодец! Всем в учительской понравилось произведение, и у меня попросили его, чтобы прочитать и в других учительских.

Гаврюшка краснел от похвал, как и подобает начинающему поэту,

а мы все слушали это, внутренне смеясь, и думали, а что бы было если бы Эдгар Мартынович захватил “Похождения”?!

Заканчивался июль! Шли к концу летние каникулы перед началом занятий уже в 7-м классе! Как всегда, время проведено интересно, так хорошо живется дома!

Неожиданно из Чжаланьтуня (станция КВЖД в 120 км от Бухэду) приехал мой одноклассник Симка Мейзеров. Первым его словом после взаимных приветствий было: “Выручай!” Оказалось, что он и наш приятель Сергей Жейц получили переэкзаменовку по алгебре и геометрии, занимались с репетитором, но тому пришлось надолго уехать, и теперь на меня возлагались все их надежды.

Что же было делать? Пришлось согласиться.

Преподавателем я оказался требовательным, и занятия пошли у нас успешно. Чжаланьтунь — чудесное место, курортного типа (там впоследствии и был организован курорт), а чуть ли не рядом с поселком — множество фазанов. Оба моих подопечных были заядлыми охотниками, вот они и начали уговаривать меня пожертвовать одним днем и дать им возможность поохотиться на молодых фазанов. Кончилось это тем, что и я сам загорелся желанием поохотиться.

Нужно сказать, что мой отец был большим любителем охоты, отличным стрелком.

Служба в стрелковых войсках, по-видимому, привила ему любовь к огнестрельному оружию. У нас дома была, я бы сказал, маленькая коллекция ружей, револьверов и пистолетов. Он отлично научил стрелять и меня. Обучал он меня стрельбе из “монте-кристо” (по бутылкам!), а потом приобрел мне великолепное бельгийское ружье — Зауэр № 16 (отец всегда пользовался № 12), но “приохотить” меня к “делу” так и не смог: я предпочитал просто бродить по лесам и горам!

Но тут, раз уж так все получилось, я поехал в Бухэду, взял свое снаряжение, вернулся, и мы пошли на охоту. Фазанов, действительно, было много, и мы, чтобы не мешать друг другу, разошлись в разные стороны. Я шел без собаки и даже вздрогнул, когда чуть ли не из-под ног вырвался молодой фазан. Спокойно “отпустил” его на 20, 30, 40 шагов и, решив, что этого достаточно, выстрелил.

Фазан упал. Подошел я к нему, поднял, и... меня охватило разочарование и сожаление. Казалось бы, что стрелял я точно, но расстояние все

же было небольшим, сильный “бой” ружья не дал возможности рассыпаться дробь “веером”, и заряд почти целиком попал в несчастного фазана — вернее, теперь это была только половина фазана!.. Желание охотиться пропало. Я, как-то с горечью, подумал: какая огромная разница в удовольствии кушать вкуснейшие “фазаньи отбивные”, которые так превосходно умела готовить мама, и убивать этих самых фазанов!

Я вообще после этого никогда больше не охотился. Отец очень любил выходить “в поле” на разную дичь, в зависимости от сезона, но так и не сманил меня принять участие хоть в одной своей охоте.

Но вот рыбалка — это было дело другое.

Закончил я со своими “охотниками” курс наук — подготовил их, как будто, неплохо.

Времени до отъезда в Харбин оставалось немного, поэтому решили мы “не медля” устроить большую рыбалку на “пудовых тайменях”!

Поехали пятеро взрослых и двенадцать мальчишек моего возраста. Взяли 12-метровый бредень, а взрослые “на всякий случай” захватили ружья.

Уехали километров за 20 и остановились там, где горная река Анир, начинающаяся где-то далеко-далеко, уже набрала силу и ширину. Правый берег — скалистый, почти отвесный; другой — пологий, усыпанный речной галькой. Между двумя перекатами находилось “то самое” нужное глубокое место. Расстояние между перекатами было метров 15, а глубина, как выяснилось потом, — около 2 метров, ширина метров 10.

Начали готовиться к рыбалке, только смотрим — наши взрослые что-то пошутукались между собой, “покрутили носами”, а потом говорят:

— Вы, ребята, тут управляйтесь пока, а мы скоро вернемся, поможем вам!

Забрали свои ружья и спокойненько ушли. Остался с нами один — француз-лингвист, профессор Р.Аппель, но и он мало, по-видимому, интересовался рыбалкой, тоже ушел любоваться местностью.

Мы обозлились: бросить нас на рыбалке, которая требует и умения — чего у нас было мало, и силы, которой у нас тоже было немного! “Ну, хорошо! Обойдемся без вас! Покажем вам, на что мы способны!”

Бредень по длине разделялся четырьмя не очень толстыми жердями — две по концам и две около “кошеля”; жерди эти назывались “кля-

чами”, и были они длиной 180 сантиметров. По распределению обязанностей мне поручили одну из центральных “кляч”, доводы товарищей для этого были вескими, да и я, и мой напарник не возражали против них. А поручали нам, в сущности, очень, как увидите, ответственное дело. К каждому концу бредня выделили по 4 человека, на нижний перека (чтобы рыба не ушла!) поставили одного, а одного оставили в резерве — помогать тем, кому придется “туго”.

Нашей задачей было: держась за “клячи”, придавливать их, а следовательно, и “кошель” ко дну. Задачей крайних четверок было не только тянуть бредень вниз, но и держать его в натянутом состоянии; тут нужна была большая сноровка: натяжение должно было быть таким, чтобы концы центральных “кляч” тащились по дну, всякая перетяжка же могла поднять “клячи” (вместе с нами!), а при недостаточном натяжении сильное течение опрокинуло бы “клячи” (опять же вместе с нами!), а тогда бы все пошло прахом!

Наконец растянули бредень у верхнего переката и пошли.

Покуда было мелко, мы просто шли около “кляч”; дальше пришлось уже повиснуть на них. Если левая четверка имела полную свободу движения на отлогом берегу, то правая почти сразу оказалась в трудном положении: шли они по узкой каменной отсыпи; прижатые к отвесной скале, они с трудом могли маневрировать. Было трудно, но бредень упорно продвигался вперед. Начали подходить к середине. “Клячи” опускались все ниже и ниже, а мы постепенно подтягивались к их верхнему концу.

Середина!..

“Клячи” целиком под водой, а мы с чисто обезьяньей ловкостью балансируем на их верхних концах! Вот где пригодилась спортсменская выучка!..

Но становится ясным, что еще 10–20 сантиметров опускания “кляч”, и мы не удержимся на них, слетим, и тогда половина, а то и весь труд пропадет даром!

Четверки это понимают, они работают правильно, быстро, самоотверженно! Мы же держимся из последних сил и вдруг чувствуем, что глубина начинает уменьшаться... Ура! Выдержали!..

Подходим к нижнему перекату; правая четверка начинает выводить

брედень к левому берегу. Мы, освободившись от “кляч”, и другие двое бросаемся помогать ребятам. Тяжелющий “кошель” вытянут на берег. Усталые, смотрим как стекает вода, и с разочарованием видим, что, кроме травы и тины, как будто, больше ничего и нет!..

Но что это? Мелькнуло белое брюшко. Рыба!

Мгновенно оживившись, часть из нас бросилась готовить садок в заливчике, другие — выбрасывать траву и выбирать рыбу.

Одна, две... пять... десять... Много!

Под радостные, победные крики мы опустошали кошель и, когда работа подходила к концу, увидели Аппеля, привлеченного, по-видимому, поднятым нами шумом и медленно к нам подходившего. Худой и высокий (“жердячий”, как мы его называли), он шел, совершенно голый и, подойдя к нам, остановился как вкопанный! Живая красота из 43 штук трехфунтовых форелей, бурно носившихся по садку, зачаровала его, и вдруг, хлопая себя по ляжкам, он начал подпрыгивать вверх, приговаривая при каждом “взлете”: “Ах, черт возьми! Ах, черт возьми!..”

Как он сказал потом, в жизни он не видел ничего подобного (да и мы, конечно, тоже!).

Мы, победители, отдохали. А вскоре подошли и наши охотники.

— Ну как, ребята, поймали что-нибудь?

— Да, кое-что вон там в садке!

Увидев рыбу и, как опытные рыболовы, поняв, что мы сделали, они, по-видимому, почувствовали себя виноватыми и в дальнейшем все заботы по укладке и транспортировке рыбы взяли на себя. Как только вернулись в Чжаланьтунь, сразу же отдали рыбу в копчение опытным специалистам. Через день я уезжал домой. Нужно ли говорить, что привезенные три рыбины — моя доля — были царским кушаньем!

При встрече с ребятами в Харбине узнал, что оба они выдержали переклазенки на “четверку”.

Еще хочу вспомнить один забавный случай, который произошел со мной в седьмом классе.

Писали классное сочинение на тему “Характеристика Бориса Годунова”.

Я симпатизировал Годунову и потому написал, как мне казалось, “оригинальное” сочинение в его защиту.

Обычно через несколько дней оценки за сочинение зачитывались в классе, а несколько позже сочинения возвращались.

В.Н. Орлов читает оценки, доходит до меня, произносит:

— Полная безграмотность, три!

В классе раздался гомерический хохот, а я сидел “ошарашенный” этим сообщением и, как говорили потом ребята, “пошел красными пятнами”. Лихорадочно думал — в чем же дело? С пятого, а пожалуй, и с четвертого класса я не делал грамматических, а тем более — орфографических ошибок; стиль, судя по полученной при “полной безграмотности” тройке, тоже оказался неплохим...

И тут меня осенило! С введением после революции нового, но не обязательного правописания, только несколько человек во всем училище, а в нашем классе — один я, после тщательной, конечно, подготовки, перешли на это правописание. Вероятно, в этом все и дело!

Я встаю и говорю:

— Василий Николаевич! Вы приняли во внимание, что я пишу по новому правописанию?

— А? Ну, я посмотрю, — вяло протянул он.

На следующем уроке я услышал: “У Вас нет ни одной ошибки, пять!”

Страницы полученного обратно сочинения были сплошь красными: на каждой было по десятку и более “ошибок”».

Украинская колония в Харбине

С первых лет формирования украинской колонии в Харбине здесь существовал Украинский клуб (примерно с декабря 1907 г.) и Украинское Духовное общество — т.н. украинский приход. Клуб, собрав средства, приступил к строительству на Новоторговой ул. Украинского Национального дома, возводившегося безвозмездным общественным трудом харбинских украинцев. «Украинцы, как муравьи, трудятся над созданием своего Дома», — писала газета.

На одной из известных мне фотографий начального периода строительства на переднем плане запечатлена стройная подтянутая фигура человека во всем черном... Так было увековечено посещение стройки адмиралом А. В. Колчаком, который находился в это время в Харбине.

Постройкой Дом был закончен к 1920 г. и представлял собой великолепное 3-этажное здание, с флигелями и надворными постройками, в котором разместилась Покровская церковь (с 1922 г.), начальная украинская школа, Первая Украинская смешанная гимназия (с августа 1920 г.), библиотека и театр, обретший таким образом, наконец, свое постоянное место.

Позднее центром религиозной жизни украинцев стала Св.-Покровская церковь на Старом кладбище (угол Большого пр. и Мукденской), находившаяся в ведении украинского прихода и построенная в 1930 г. (до последнего времени — единственная действовавшая в Харбине). Она представляла собой уменьшенную копию разрушенного коммунистами Иркутского Кафедрального собора. Людмила Матвеевна Пенжукова отмечает ее поразительное сходство с бывшей Греческой церковью в Петербурге на Лиговском проспекте (*Пенжукова Л.* Харбин, Большой проспект // газ. Харбин (Новосибирск), апрель 1992, № 2/9). Многолетним настоятелем этой церкви был протоиерей о. Николай Труфанов.

Сложная ситуация на Украине с 1917 г. — немецкая оккупация, присутствие советской власти, стремление к национальному самоопределению, белые, красные, зеленые, создание Украинской Народной Республики, Украинской Центральной Рады, — оказывали сильнейшее влияние на жизнь украинской колонии в Харбине. В ее среде были исключительно активны различные политические течения, отражавшие эту сложную социальную и политическую обстановку на родине и на Дальнем Востоке (вначале — с 1917 г.): легализация деятельности и оживление национальной работы, ориентация на Дальневосточную Республику, на атамана Г.М.Семенова и других, последовавший затем разгром большевиками после ноября 1922 г. украинских организаций на русском Дальнем Востоке (совершенно иная ситуация сохранялась в этом отношении в Харбине), репрессии в отношении украинских национальных деятелей). И среди многочисленных украинских союзов, товариществ, кружков и пр. существовал глубокий раскол и постоянно шла глухая или открытая борьба.

С усилением в Харбине советского влияния, активизации профессиональных союзов, в особенности т.н. Дорожного комитета на КВЖД (дорком) эта борьба среди украинцев еще более обострилась. Грубо говоря, она свелась к противостоянию «белых» и «красных», но и у тех, и у других были очень сильны националистические настроения.

Украинский дом находился первоначально в руках националистических антибольшевистских сил. Однако коммунисты, несмотря на сопротивление последних, все же сумели завладеть и клубом, и домом.

Украинский клуб в апреле 1924 г. был возвращен его основателям (старому комитету, председателем которого являлся известный в Хар-

бине учитель танцев Н.А. Белый); дом же оставался в руках доркомовцев, а затем попал в распоряжение начавших открыто действовать в Маньчжурии советских сил, сделавших Украинскую гимназию первым в Харбине советским средним учебным заведением, изъятым из ведения харбинского муниципалитета и перешедшим с 1925 г. в подчинение Отдела народного образования СССР(!) в Особом районе восточных провинций. При этом она получила название 5-я Украинская школа I и II ступени (заведующий школой М.Н. Кулеш).

Несмотря на все свои внутренние политические столкновения, украинцы осуществляли в Харбине большую культурно-просветительскую деятельность, стремились сохранить национальную самобытность, вели крупную благотворительную работу, оказывали населению широкую правовую помощь, чему способствовало то, что среди украинцев было много видных профессоров, юристов, учителей, предпринимателей, известных артистов.

Председателем Украинской колонии был в свое время профессор ХПИ Виктор Аркадьевич Кулябко-Корецкий. Инженер-электрик, прекрасный специалист и лектор, он был одним из основателей Института, а позднее деканом электрического и механического факультетов другого русского высшего учебного заведения в Харбине — Северо-Маньчжурского университета. Читал лекции по телеграфии. По воспоминаниям его бывших студентов, говорил с сильным украинским акцентом. Вступительную лекцию по своему предмету начинал так: «Телег(р)афия — слово не (р)усское. Далее, “теле” — значит — “ыздали”, “г(р)афия” — “пышу”. (Букву, заключенную в скобки, не выговаривал.) — “Пышу ыздали”. Для студентов это был живой материал, и поэтому они так Виктора Аркадьевича за глаза и называли: “Пышу ыздали”. Но пользовался он у студентов большим уважением» (Что сохранилось в памяти // Политехник, 1973, № 5, с. 20).

Напомню еще один забавный случай — техническую неудачу у Виктора Аркадьевича на традиционном балу в пользу недостаточных студентов в декабре 1923 г. Профессор установил на балу трансляцию музыки на все Железнодорожное собрание. Все были полны радостного ожидания: еще бы — появилась возможность танцевать всюду, на всех этажах... Так и произошло. Но ненадолго... «Усилители отказались

“усилиять” на втором фокстроте», — комментировали потом присутствовавшие.

Опять же вопреки политическим неурядицам, в украинской колонии Харбина процветало национальное искусство, которое, как я уже отмечал в первой книге, было любимо харбинцами. Существовали прекрасная украинская драматическая и опереточная труппа, великолепный хор.

Драматическая труппа (режиссер — артистка Е.Г.Давыдова, артисты Марья Свит, Е.Ильчук, В.Милько, П.Лисуненко, И.Лавровский, В.Г.Энгельгардт и другие) ставила такие пьесы, как «Запорожец за Дунаем», «Ой, не ходи Грышю», «Наталка-Полтавка», «Майская ночь», «Ночь под Ивана Купала», «Нешасне кохания», «Ночь под Рождество» и другие (Политехник, № 10, с. 161).

Примадонной украинской оперетты была Л.Беспечная. Хором руководил В.С.Лукша.

Приблизительно в это же время стал делать свои первые шаги на музыкальном поприще и другой украинец — выдающийся музыкант, скрипач мирового уровня — Александр Артамонович Дзыгарь.

Мы провели с ним вместе немало времени, записывая его яркие воспоминания.

Александр Артамонович родился 26 августа 1918 г. и в декабре того же года потерял отца. Мать Мария Гавриловна вторично вышла замуж за Григория Евстафевича Сосика — служащего Сысского отделения Главного полицейского управления Харбина, советника ген. Дэна.

Александр Артамонович с полным основанием называет его своим отцом. Отмечает, что тот играл на всех музыкальных инструментах, обладал абсолютным слухом. Семи лет мальчик поступил во 2-ю Сунгарийскую школу, а через два года его перевели в гимназию известного харбинского педагога Андерса.

О своем приобщении к музыке он рассказывает так:

«Слышу разговор, отец говорит: “Я решил, что Нату (сестру) будем учить на скрипке” (а она уже играла (училась) на фортепьяно).

Я встал на дыбы. Почему Ната?! Я хочу!.. Устроил скандал, поднял крик, топал ногами.

Мама говорит: — Действительно, почему все одной Нате...

Устроили совет. Папа: — Наше решение такое: у кого будут лучшие отметки в первом полугодии, тот получит скрипку.

А у Наты по одному предмету вышла тройка...

Папа купил скрипку. Для начала учителем взяли регента из старой Благовещенской церкви, — вспоминает далее Александр Артамонович. — Милый был человек, аккуратно приходил к обеду или ужину. Не докучал. Жил тут же при церкви. Мама водила меня за ручку к нему на урок.

Но когда на музыкально-вокальном вечере (устраивался дважды в год) меня услышал Генрих Ренин, то он пришел в ужас: как я держу инструмент, из трех нот две фальшивых... — У кого занимался?... Но это же ужасно, это немыслимо... Это не балалайка вам. Скрипка — это царица музыки. И инструмент хороший нужен...

И он дал адрес своего наставника Вадима Илиодоровича Дмитриева, который учился в Петербургской консерватории по классу скрипки у замечательного мастера, профессора Вальтера, одного из лучших учеников прославленного Ауэра. Дмитриев жил на Конной, 34; привил мне любовь к скрипке, исправил постановку рук, научил правильно извлекать звуки. Был очень требовательным, но в меру... За уши не драл. Имел систему, проверенную временем. Научил точной интонации — «технической и мелодической».

Так начал формироваться будущий большой талант...

Скрипач Александр Артамонович Дзыгарь проживает в настоящее время в Москве.

Украинская колония вносила в жизнь Харбина свой яркий колорит.

В начале 1918 г. прибывший в Харбин артист Театра Петроградской музыкальной драмы М.П.Пантелеев, наблюдая богатство певческой жизни Харбина, наличие здесь прекрасных голосов, предложил создать в городе большую хоровую капеллу, которая бы объединила как профессионалов, так и любителей и провела несколько концертов. Руководство капеллой было вверено преподавателю пения Коммерческих училищ Петру Николаевичу Машину, помещалась она тоже в классе пения училищ (прекрасно оборудованном!). Была объявлена запись желающих участвовать в капелле, давшая огромное число любителей хорового пения. Проводились прослушивания и отбор. В конечном счете,

капелла в составе 45 хористов сформировалась из сил местных церковных хоров, других находившихся в Харбине певцов и певиц, сильной артистической молодежи. В программу исполнения предполагалось ввести отрывки опер, сольные выступления и, главным образом, ораториальную музыку — «величественную и прекрасную, но, к сожалению, мало развитую в провинции».

Начались регулярные спевки. Вдумчивый и опытный руководитель капеллы П. Н. Машин приложил титанические усилия к формированию замечательного творческого коллектива. Несколько слов о нем самом.

Петр Николаевич — воспитанник Харьковского Императорского Музыкального училища. С 1907 по 1924 г. преподавал пение в Харбинских Коммерческих училищах. В этот ранний период (1919 г.) ему принадлежит еще одна ценная инициатива. Он, выступив в печати, предложил создать Общество эстетического воспитания подрастающего поколения и получил полную поддержку со стороны общественности. Машин и его единомышленники видели в создании такого общества «средство для облагораживания души человека и утончения загрубелых чувств» того времени. Предполагалось открытие «Дома искусств» для изучения музыки и других видов искусств, изучение природы (экскурсии — как средство эстетического воспитания ребенка), устройство утренников для детей и пр. Он также один из основателей Первой Музыкальной школы в Харбине (1921 г.).

В 1925 г. П. Н. Машин переехал в Шанхай. Организовал хоры в Архирейской и Свято-Николаевской церквях, проводил концерты духовной музыки. Хормейстер поставленных в Шанхае русскими артистами опер «Фауст», «Борис Годунов» и других. Наиболее крупным его творческим успехом было создание в Шанхае Украинского и Терского казачьего хоров. С последним он объездил весь мир.

Таков был П. Н. Машин — руководитель харбинских и шанхайских хоров, композитор, музыкант, неутомимый общественный деятель.

Но вернусь к капелле. При ней были организованы классы: Сольного пения (руководитель артистка русской оперы А. Н. Лукьянова); Сольфеджио и теории — артист русской оперы А. М. Степанов; Хорового пения — П. Н. Машин; Выразительного чтения — М. П. Пантелеев. Занятия были платные, от желающих не было отбою.

Усиленные спевки позволили капелле в пятницу 11 октября 1918 г. дать в Желсобе первый концерт. Его обширная программа состояла из

произведений для хора Рахманинова, Чайковского, Калинникова, Черепнина, Шумана, Рубинштейна, музыкальной мозаики Давидовского, народных русских песен. Второе отделение составили дуэты, трио и квартеты, исполнителями в которых были Каплунова, Терешкова, Покропивная, Пантелеев, Сорокин, Машин, Глужинский, Мухин, Васильев и другие.

Концерт прошел с огромным успехом, хотя критики и отметили, что программа перегружена. За первым концертом последовали другие.

Во время харбинской кампании помощи голодающим советской России в 1921–1923 г. (об этом ниже), на одном из вечеров для сбора средств Машину удалось написать музыку к воззванию патриарха Тихона о помощи голодающим. Это воззвание, с чувством пропетое артистом-басом В.Г.Воиновым в сопровождении хора, произвело на собравшихся незабываемое впечатление и в значительной мере способствовало успешному сбору средств. На том же вечере С.Д.Диагарин представил инсценированную им лермонтовскую «Песню про купца Калашникова»; все роли исполняли учащиеся, только роль Гусяра — П.Н.Машин. На вечере большой успех имела также лотерея под вывеской «Не обманешь — не продашь», лотерейный барабан крутила А.П.Топоркова.

Теперь о Петре Ильиче Чайковском, тесно связанном с церковным и хоровым пением, и о традиции исполнения в Харбине его полной Литургии.

15 ноября 1918 г. Харбин торжественно отметил 25-летие со дня смерти великого русского композитора, оставшееся незамеченным в советской России. В «Вестнике Маньчжурии» была помещена статья «П.И.Чайковский». Капелла Машина и лучшие музыкальные и артистические силы Харбина устроили грандиозный вечер из произведений композитора, отразивший основные области его творчества: хоровое пение, светское и церковное, вокальные номера, камерная музыка, балет, инструментальная музыка (программа оказалась перегруженной).

А еще ранее, в воскресенье 10 ноября, в Св.-Николаевском соборе при большом стечении молящихся — почитателей покойного композитора — была отслужена торжественная панихида. Во время богослужения хором собора под руководством регента В.С.Лукша (в прошлом дирижера хора Архангельского в Петербурге) были исполнены все песнопения литургии Иоанна Златоуста, Опус 41 П.И.Чайковского. «Нежнейшие тона и могучие звуки вызывали чувства волнения и умиления», — писала газета.

С этого времени и установилась традиция ежегодного исполнения 25 октября хором главного храма Харбина — Св.-Николаевского собора — этого замечательного творения русского гения.

Теперь о драматическом искусстве. Мой отец пишет: «С театральными постановками у меня связано меньше воспоминаний, и это в основном потому, что большое количество спектаклей, которые давались артистами-профессионалами, проходили в Коммерческом собрании или в Театре Городского сада — в части города, называемой Пристанью. Проживающим же в другой части Харбина — в Новом Городе — посещать эти спектакли было весьма затруднительно из-за отсутствия в то время в Харбине трамвайного и автобусного сообщения. Извозчиков тоже было недостаточно, поэтому шагать несколько километров, да еще по морозу, мало кого устраивало. Не устраивало это и нас, учащихся, живших в Новом Городе — и по причине дальности, затраты большого количества времени и, главное, по занятости приготовлением уроков.

Мы же, жители Нового Города, посещали Железнодорожное собрание, где ставили спектакли (для учащихся дневные) артисты-любители, включавшие иногда в свои спектакли артистов-профессионалов. Так, например, с приездом братьев Дальгейм была поставлена пьеса “Уриэль Акоста”; с артистом К.Зубовым шла пьеса “Хорошо сшитый фрак” и другие. С успехом проходили также постановки “Трильби”, “Горе от ума”, “Ревизор”, “Мадам Санжен”. Во время гастролей артистки МХАТ — Ведринской ставились: “Светит, да не греет”, “Таланты и поклонники” и т.д.

Культурная жизнь Харбина никогда не прекращалась. Периодически устраивались концерты хоров и оркестров, читались популярные и научные лекции, устраивались художественные выставки...»

Ниже я буду иметь возможность рассказать об этом подробнее, а здесь, конечно, следует продолжить разговор о драматическом театре в Харбине.

Как мы можем судить по свидетельству И.Мозжухина, в городе, даже после развертывания в России революционных событий, сохранялись приличные условия жизни, и с 1917–1918 гг. Харбин становится настоящей Меккой для российских артистов, начинавших стекаться сюда из Центральной России и Сибири от голода и ужасов гражданской войны. Здесь постепенно собираются актеры и режиссеры со многих театраль-

ных сцен России, что способствовало пышному расцвету в Харбине театрального искусства. Судите сами: в 1922 г. в городе было зарегистрировано 500 работников сцены, в том числе 300 актеров... Обратной стороной этого явления была, конечно, жестокая безработица в актерской среде.

Острая конкуренция приводила к тому, что в это время в харбинских театрах наряду с русскими драматическими произведениями классического и нового репертуара ставились новинки парижских театров (их тотчас же переводили здесь с французского языка). Оформлять спектакли кое-как тоже было нельзя из-за сильнейшей конкуренции, — постановки отличались, как отмечали рецензенты, «исключительной тщательностью и художественностью».

На сценических площадках Железнодорожного собрания и Летнего театра в Городском саду выступали актеры, работавшие в дирекции Е.М. Долина и М.А. Смоленского. В состав труппы входили Н.А. Терская, Журавлева, В.Н. Ищенко, О.И. Алексеева, К.А. Зубов, С.Д. Диагарин, Я.А. Варшавский, М.А. Смоленский, Диомидовский, другие. Были поставлены, в частности, пьесы: «Осенние скрипки» Ильи Сургучева, бывшая ранее под запретом драма М.П. Арцыбашева «Война (Бойня)», «Младость» Л. Андреева (в 1917 г. в Харбине она была поставлена 17 раз!), «Тайна Охранки» М. Горького, которую анонсировали как «злободневную комедию репертуара столичных театров», «Наши спекулянты», «Рабыни веселья» В. Протопопова, «Вишневый сад» А.П. Чехова, «Горький цвет» Алексея Толстого.

В рецензии на постановку этой малоизвестной сегодня вещи маститого автора говорилось, что спектакль пользовался в 1917 г. в столичных театрах большим успехом, и не случайно: он ярко и талантливо «рисует накипь жизни последнего времени».

«Здесь все есть, — писал рецензент «Мистер Дий», — и “старец”, развратничающий и пьянствующий в своем скиту, но к которому огромная округа ходит на поклон, в поисках разрешения своих мелких житейских интересов; здесь и спивающийся, беспринципный и безвольный аристократ, продающий себя в мужья мещанке во дворянстве; здесь и проходимец, и дьячок, и колоритные бабы и девки из скита старца; здесь и друг дома, и обманутая, брошенная аристократом швея. И все персонажи живут, все больше и больше затягивая свои переплетающиеся интересы.

Пьеса написана с большим, присущим автору, мастерством и как ха-

рактерная страница недавних дней смотрится с неослабевающим интересом.

В исполнении труппы Долина, пьеса прошла прилично. Тонко зарисованный, красивый образ, заливающего горе своих дней аристократа, из-за выгоды вступающего в брак, — дал г. Зубов. Удивительно колоритную фигуру дьячка, приживальщика “старца” дал Диагарин. Гораздо слабее, в роли “старца” был г. Диомидовский. Для зарисовки этого типа не нужны были утрированные грубые мазки: сама жизнь давала его образ.

Много проигрывал тип Володьки-бродяги в исполнении г. Смоленского, изобилие шаржа, давая дешевый успех, всегда отражается на создаваемом образе. Хороший образ обманутой швеи дала г-жа Тверская. Г-жа Владимирова, игравшая в этой пьесе центральную роль — мещанки во дворянстве, купившей себе мужа, была слишком подвижна.

Но в общем пьеса была поставлена хорошо и имела заслуженный успех».

30 августа театр посвятил Г.Ибсену, поставив его «За грехи отцов (Призраки)», запрещенную в Германии в течение последних 20 лет.

Труппа ставила и спектакли для детей.

Закрылся сезон 9/22 сентября бенефисом Е. М. Долина.

О людях, ведущих в театре организационную и подготовительную работу и стоящих в стороне от сияния рампы, обычно упоминают мало. Хочу отойти от такого обыкновения и рассказать о замечательном деятеле харбинского театра.

Ефим Михайлович Долин... Он не всегда был антрепренером. Это старый русский актер и режиссер, работавший в городах Сибири и Дальнего Востока. Как актер он начал выступать в составе опереточной труппы на амплуа простака. Но дарование его было шире, и вскоре молодой артист перешел на драматическую сцену, где создал образы царя Федора Иоанновича, Хлестакова, Наполеона (в пьесе «Мадам Сан-Жен»), Чацкого...

Знание и глубокое понимание искусства привели его к режиссерской работе, а затем и к антрепризе, и Ефим Михайлович стал одним из крупнейших в России антрепренеров, имевшим временами по несколько театров. Попасть в труппу Долина всегда было лестно и выгодно, — отмечали газеты, — и под его антрепризой работали прекрасные оперные, драматические и опереточные труппы, побывавшие до революции и в Харбине.

«Аккуратный костюм, свеженький галстук, тщательно выбритые щеки и дымящаяся во рту сигара. Веселый блеск глаз из-под стекол пенсне и приветливая улыбка» — таков был Долин по описанию знавших его, — человек, хорошо понимавший, что антрепренеру никогда нельзя падать духом и показывать свою слабость.

Ефим Михайлович... Таким он был известен всему театральному Дальнему Востоку.

В 1926 г. Долин перебрался в Шанхай, где поставил несколько интересных спектаклей и отпраздновал в 1928 г. в «Лайсеум-Театре» 30-летний юбилей своей артистической деятельности.

Скончался он 4 ноября 1930 г. в Циндао.

В 1918–1922 гг. в Харбинском Механическом собрании работало также Товарищество артистов драмы — Театр ТАРД, как они себя называли, под управлением Терского. Труппа поставила много интересных вещей, в том числе «Царевну-Лягушку» (*Вестник Маньчжурии*, 1918, № 228).

В 1919 г., наряду с названными выше местными труппами и Театром настроений артистки Московского Драматического театра О.Н. Ольгиной, в Харбине выступал молодой коллектив Петроградского передвижного театра «Зеленое кольцо», поставивший «Апостол Сатаны», «Над пучиной» и другие пьесы.

В конце года харбинцы неожиданно узнали популярного в городе актера К.А. Зубова и как артиста кино. В кинотеатре «Глобус» (на Биржевой ул.) начали демонстрировать боевик Ханжонкова «Крылья ночи», в котором Зубов играл вместе со Стрижевским.

Я уже не раз упоминал имя талантливого актера и режиссера, театрального педагога К.А. Зубова.

Пора рассказать об этом артисте подробнее, хотя известные биографические сведения о нем остаются пока скудными.

Константин Александрович Зубов, премьер, звезда первой величины на театральном небосклоне Харбина начала 20-х годов. Вступил на профессиональную сцену в 1908 г.; воспитанник Московского Малого театра. На Дальнем Востоке, преимущественно в Харбине — с 1918 года. Актер, неизменно пленявший публику своей замечательной игрой. В течение ряда лет Зубов играл лучшие драматические роли: мистера Питера во впервые поставленной в Харбине комедии «Как укрощают женщину», главные роли в «Уриеле Акосте», в пьесе Гр.Гё «Набат» (и других, о которых ниже).

Зубов сыграл также роль Сирано де Бержерака, роль Степана Разина в новой полученной из Советской России пьесе Юрьина («с оригинальной трактовкой Сеньки как народного героя, защитника угнетенных и слабых» — как было написано тогда в зарубежной русской прессе) — 13 января 1923 г., когда харбинская общественность отмечала 15-летний юбилей его творческой работы.

К.А.Зубов служил искусству не только на сцене. Он вел большую культурно-просветительную работу. Помимо помощи кружку «Арс», о чем упоминалось выше, с июля 1920 г. он принимает живейшее участие в еще одном проекте. В Харбине открылась «Первая студия сценического искусства», и Зубов стал вести в ней дикцию, декламацию и исправление дефектов речи. Бок о бок с ним здесь трудились А.Л.Зиновьев (теория и психология творчества), Я.А.Варшавский (практика сцены), В.А.Радеев (постановка голоса), балерина Оссовская (пластика), С.Альмов (эстетика), П.В.Лукомский (история драмы), Ф.Камышнюк (новейшая литература), С.Диагарин (грим). Запись в студию производилась у Варшавского, в Театре Городского сада на Пристанях.

Занятия эти были, конечно, для Зубова лишь эпизодом в его творческой жизни. Главным ее содержанием безусловно была сцена, ИГРА.

Как прошло празднование 15-летнего юбилея сценической деятельности этого любимого харбинцами артиста?

Очень скромно. На своем бенефисе в Новом театре Зубов играл премьеру — пьесу «Стенька Разин». Зрителей был, конечно, полон зал.

После первого акта состоялось чествование юбиляра. Поднесла почувствованный адрес администрация театра — с пожеланием Константину Александровичу отпраздновать свой 50-летний юбилей в Малом театре в Москве — колыбели русского театрального искусства. Артиста тепло поздравили от Рабиса (профсоюз работников искусства), от харбинской газеты «Рупор»; приветственное слово сказал артист Варшавский. Была поднесена большая корзина цветов.

Торжество несколько омрачил представитель газеты «Свет», который, с явной политической подоплекой, пожелал юбиляру встретить в Малом театре свой не 50-летний, а 16-летний юбилей, и чтобы к тому времени Малый театр был бы уже не коммунистическим, а снова императорским...

Очень характерна реакция на это пожелание присутствовавшей — в этом зале и на этом спектакле — публики: раздались жидкие аплодисменты, сразу же заглушенные неистовым шумом и свистом зрителей, криками «Долой!» по адресу оратора.

Зубов ответил лаконично: «Искусство всегда было аполитичным и таковым останется...»

Директор театра подытожил: «И да будет стыдно тому, кто внес политику в сегодняшнее скромное торжество» (бурные аплодисменты).

Газеты писали: «Талантливый артист в суровые житейские дни сумел сохранить в себе бесконечную любовь и священный огонь в искусстве...»

Вернусь к театральной жизни начала 20-х.

Драматическая труппа антрепренера Леонтия Яковлевича Патушинского (театральные площадки Желсоба и Летнего театра) ставила спектакли один за другим; режиссерами были Зубов, Зиновьев и Варшавский.

Вот выборочный список премьер: «Вера Мирцева», «Золотая клетка» Островского, «Мечта любви», «Касатка» А.Н.Толстого, «Павел I» Мережковского, «На дне» Горького, «Враги» Арцыбашева, «Мария из Магдалы»; несколько пьес Леонида Андреева: «Дни нашей жизни», «Анфиса», «Не убий», «Тот, кто получает пощечины».

1 июля 1920 г. был дан «Маскарад» М.Ю.Лермонтова в постановке главного режиссера Александра Львовича Зиновьева. Он ставил «Маскарад» еще в Москве у Корша, где его постановка имела большой успех. Такой же успех сопутствовал постановке и в Харбине.

К сожалению, этот талантливый актер и режиссер по каким-то причинам вскоре застрелился во Владивостоке.

26 июня в Желсобе прошла премьера пьесы Пьера Луиса «Женщина и паяц» (история любви в 4-х действиях и 5-ти картинах); роль Кончи Перес (Женщины) исполняла Н.А.Терская, Дона Матео (Паяца) — К.А.Зубов. Специальные декорации к пьесе были сделаны по эскизам художников Шубаневича и Августинопольского.

14 августа был поставлен «Царь Эдип». Рецензии на спектакль, в частности, в «Заре» от 17 августа, были сдержанными по тону. Пьеса харбинским зрителям явно не понравилась.

В зимнем театральном сезоне 1920/1921 гг. в Коммерческом и Железнодорожном собраниях играла труппа нового, организованного

К.А.Зубовым Товарищества «Русская драма». Ядро ее составили артисты труппы Патушинского в составе: Н.А.Терская, В.П.Казакова, В.Н.Струйская, Л.Н.Княжевич, О.Н.Яновская, В.Л.Лялина, К.А.Зубов, А.Л.Зиновьев, Я.А.Варшавский, А.В.Горский, М.А.Смоленский, М.В.Тольский, С.Д.Диагарин. Художественным руководителем являлся А.Л.Зиновьев. Был намечен серьезный репертуар, и сезон открылся 1 ноября.

Завершу отрывком из «Русского голоса» от 4 октября 1923 г., подводящего какой-то итог деятельности К.А.Зубова за прошедший период: «Артист на своих плечах вынес все новые постановки драматических трупп. Без Зубова харбинец не мыслит себе театр. И действительно! Кому не памятни вдохновенные образы Бетховена, Дантона, Сирано де Бержерака и целого ряда других в блестящей передаче К.А.Зубова... Подлинный талант Зубова, умевшего на лету проникать в сущность нового для него типа, играть “нутром”, все скрашивал и заставлял все забывать».

В том же театральном сезоне совершенно новое предприятие для Харбина собирался осуществить Е.М.Долин в снятом им для этой цели театре «Модерн». Он организовал труппы: оперную, опереточную и драматическую, типа «миниатюр». Предполагалось два раза в неделю ставить спектакли каждого жанра, причем оперы и оперетты должны были пойти полностью — с оркестром, хором и балетом. Открытие сезона намечалось на 20 октября.

Труппа Долина уже ехала из Владивостока в Харбин на этот зимний сезон, пересекла маньчжурскую границу (сам Долин остался по делам в Пограничной), и тут в ночь на 20 октября 1920 г. на 1328 версте Восточной линии КВЖД, в 4 верстах на запад от ст. Тайпинлин произошла тяжелейшая в истории дороги катастрофа: столкновение двух поездов — № 5 и № 6. Было большое число человеческих жертв, погибла почти вся группа артистов...

Харбин был потрясен. 23 октября состоялось собрание артистов, литераторов и художников города с вопросом об организации помощи пострадавшим и их семьям. Предложение нашло единодушную поддержку. Было решено устроить в городе гала-концерты артистов Харбина, Симфонического оркестра, оперы, драмы, оперетты — одним словом, дать грандиозную программу, направив вырученные средства на помощь пострадавшим. Такие концерты прошли в Желсобе 26 октября, в Коммерческом собрании — 27 октября.

Похороны погибших артистов состоялись во Владивостоке, в Эгершельде — 27 октября. Намечавшийся грандиозный суперсезон оказался сорванным...

В номере «Зари» от 17 августа 1920 г. я вдруг увидел поразившее меня объявление:

Городской Сад

Драматическая труппа

Харбин-Пристань

Л.Я.Патушинского

Сегодня во вторник 17 августа

Бенефис Томского Василия Ивановича

Пойдет известная пьеса А.Чехова «Вишневый сад»

Постановка Зиновьева

Увидеть вдруг на афише далекого 1920 года столь хорошо знакомое харбинцам по 40–50-м годам имя Томского было приятно и неожиданно. Наверное, далеко не все (во всяком случае, я в том числе) знали, что наш любимый артист выступал в Харбине еще и в такие ранние годы...

Молодой актер В.И.Москвитин-Томский, ученик Владимира Николаевича Давыдова, играл в тот день роль Лопухина.

Чтобы представить читателю значительность В.И.Томского — артиста, режиссера и педагога, — скажу вот еще что. Думаю, не всем также известно, что 25 мая 1943 г. в Харбине был поставлен юбилейный Парадный спектакль Драматического ансамбля этого, уже заслуженного артиста — нашумевшая еврейская комедия Жака Деваля «Патриот».

В честь юбилея большой друг Томского — Евгений Самойлович Кауфман — даже издал специальную брошюру, в которую вошли: статья самого В.И.Томского «Пять лет», воспоминания друзей артиста, приветствия в его адрес от общественных деятелей Харбина, стихотворения местных поэтов. Весьма любопытная, скажу вам, книжечка, и сегодня — большая редкость.

Кауфман, в частности, вспоминал: «Василия Ивановича Томского я

знаю 25 лет. С 1918 г. я видел его на сценах то владивостокских, то харбинских театров.

— Способный актер, — говорили о нем старшие коллеги по сцене, — но забубенная головушка! Сам губит свою карьеру.

В конце 1932 года я встретил Василия Ивановича в Шанхае. От забубенной головушки не осталось и воспоминания. Это был прекрасный работник сцены, первый артист единственной в те поры в Шанхае русской драматической труппы и ее ответственный администратор...»

А поэт Михаил Шмейссер в посвященном В.И.Томскому стихотворении писал:

...И когда поток рукоплесканий
Рушился на сцену, все дробя,
Все глаза и все сердца искали
С чувством благодарности тебя.

Это ты, владея Божьим даром,
Властвовал на сцене и царил,
Это ты своей игры пожаром
Все сердца и мысли озарил...

Какой же юбилей тогда справлялся?

Казалось бы, очень скромный. Всего пятилетие работы артиста в Харбине (24 мая 1938 г. — 24 мая 1943 г.). Вроде бы чего там отмечать! Только-то пять лет...

Но за этот короткий срок В.И.Томский поставил на харбинской сцене 700 спектаклей.

Семьсот!..

Я перешел от К.А.Зубова прямо к В.И.Томскому, и это произошло только по логике изложения материала. Но раз уж так получилось, то следует сразу же сказать, что какого-либо разрыва в драматических постановках в Харбине между 20-ми и 40-ми годами, конечно, не было.

И в 30-х годах развитие театрального искусства в городе не прекращалось, и своего рода «мостиком» от начала 20-х годов к В.И.Томскому в 40-х была активная творческая работа артиста и режиссера Александра Сергеевича Орлова.

По приезде в Харбин в 1930 г. выпускник Студии МХАТа, бывший артист Малого театра А. С. Орлов на протяжении семи сезонов подряд возглавлял сильную драматическую труппу города — Театр старой драмы. Блестящие, великолепно оформленные постановки Орлова составили целую эпоху в театральной жизни Харбина. Он показал здесь, в частности, «Осенние скрипки» Сургучева, «Царя Федора Иоанновича» Толстого, «Царя Иудейского» К. Р., «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизора» Гоголя, «Вишневый сад» и «Дядю Ваню» Чехова, юбилейный цикл драм и комедий А. Н. Островского, другие пьесы.

В труппе Орлова работали: С. М. Верлен, Васильева-Лебедева, Марулина, Тетюкова, Айдова, Лесле, Светлова, Ольгин, Бахтиаров, Стягин, Виленский, Лавровский, Волгин, Курбский, Кручинин — артисты, часть которых позднее влилась в труппу Томского.

Премьерша труппы — Сабина Михайловна Верлен была выпускницей Музыкально-драматической школы при бывшем Московском филармоническом обществе, одной из первых звезд русского кино.

В своей книге «Пыль кулис. Воспоминания о театре бывшего артиста Малого театра» (Харбин, Издательство М. В. Зайцева, 1934) Орлов дал театральные портреты своих коллег — Ермоловой, Давыдова, Южина, Санина, Н. О. Волконского и других.

Но, конечно, театральные сезоны А. С. Орлова в Харбине и его книга — это особая большая тема, о которой мы поговорим когда-нибудь позднее.

Праздник Крещения Господня в Харбине

Несмотря на все иностранное присутствие и идеологическое влияние, русская православная жизнь в Харбине продолжалась, и русское население торжественно праздновало великий церковный праздник Крещения Господня.

В 1921 году в Харбине основное торжество и водосвятие в Праздник Крещения Господня 19 января впервые происходили на реке Сунгари.

Трудно поверить, но это действительно так. До 1921 г. Иорданей на Сунгари не бывало. На Крещение они сооружались по всем харбинским церквям, и там же производилось и водосвятие. Торжественных крест-

ных ходов, церковного служения на льду реки, купаний в крещенской проруби, с которыми так свыклось молодое поколение харбинцев, — как будто они существовали здесь всегда, — ничего этого не было...

19 января 1921 года — первая «Иордань» на Сунгари — конечно, была скромной, не такой, как в последующие годы, но важно то, что была восстановлена т р а д и ц и я водосвятия «на воде».

Авторы многочисленных воспоминаний о том, как проходил праздник Крещения в Харбине в 20-х — 40-х годах, подчеркивают старорусские черты торжеств этого Дня, незыблемость сохранявшихся в Харбине — этом оазисе русского дореволюционного быта — национальных традиций.

Прежде всего — подлинно всенародный дух этого праздника, роднивший и равнявший всех, без различия пола и возраста, званий и словий.

«Крещенский день был самым “Русским днем Харбина”, — так пишет, например, один из харбинских старожилов, уже давно покинувший город. — В этот день на центральных улицах появлялись люди, которые в другие дни здесь никогда не бывали, — жители многочисленных русских пригородных поселков и “городков”. Ветхозаветные старики и старушки, пожилые люди и более молодые, но сохранившие до мелочей старорусский свой облик.

Клетчатые шали, пуховые платки, сибирские бело-розовые “пряничные” валенки, полушубки и шубы, а то и тулупы, вязаные и причудливо расшитые кожаные варежки и рукавицы — таково одеяние этих русских людей. Лица многих как бы сошли с нестеровских или суриковских полотен — кудлатые и длинные, совсем патриаршие бороды, обветренная кожа, крупные черты лица, волосы в скобку.

А речь — настоящая русская “окающая” или “екающая”, но круглая, слегка нараспев, с забытыми уже нами речевыми народными живописными частицами.

Россия без всяких псевдоприкрас шла в Харбине в крестном многотысячном ходе в день Крещения, крестьянская Россия — селившаяся в беженстве по Сунгарийским городкам, Гондателькам, Алексеевкам, Московским казармам, Затонам, Ченхэ — выходила в этот день на главную улицу Харбина — Китайскую и двигалась по ней торжественным и внушительным шествием» (*Лук-си*. На «Иордани»: Из харбинских воспоминаний // Шанхайская заря, 20 января 1940 г.).

А вот 19 января 1936 года. День как всегда — ясный, солнечный и морозный, около 30 градусов или побольше.

Еще до прибытия крестных ходов из других церквей движение автобусов и трамвая, только что привезших сюда, на Пристань, в район Китайской, Полицейской и Новгородней улиц, сотни людей, теперь заблаговременно приостановлено. Улицы, примыкающие к реке, сплошь запружены народом. Толпами людей усеяна и река; главное стечение народа вокруг «Иордани», огромного ледяного Креста и у вырубленного неподалеку во льду бассейна-купели, где будет крещенское купание всех желающих. Высокий городской берег — там тоже толпа предпочитающих наблюдать величественную картину крестного хода сверху. И то верно — отсюда, действительно, отчетливо видна вся панорама торжественного обряда водосвятия. И хорошо слышны далеко разносящиеся в морозном воздухе стройное пение соединенного хода и возгласы совершающих обряд священнослужителей.

Сегодня здесь, без преувеличения, весь Харбин. Все покинули свои дома, чтобы участвовать и видеть! Видеть! В толпе и лица, известные в городе: общественные деятели, коммерсанты, и молодежь, нарядно одетые молодые дамы, и старики и старушки, о которых говорилось выше... Очень много иностранцев, всегда восхищавшихся и удивлявшихся купанию русских в ледяной воде, фотографировавших это невиданное зрелище и даже снимавших о нем фильмы.

Сияет солнце, щеки щиплет мороз. Все в ожидании.

Праздник имел твердый распорядок проведения. Все происходило по специально составленному расписанию.

Центральное место сбора всех крестных ходов — Благовещенский храм митрополичьего подворья Российской Духовной миссии в Пекине. Здесь завершается литургия Св. Василия Великого. В храм войти уже невозможно. Люди стоят на паперти и в ограде.

Литургии и в других церквях. К 11 часам утра они заканчиваются и из всех пристанских церквей выходят многолюдные крестные ходы. Из Св.-Иверского храма и Св.-Петро-Павловской церкви Сунгарийского городка ходы с множеством икон и хоругвей, во главе с пастырями, направляются к Софийской церкви. Здесь они соединяются, и вот уже объединенный крестный ход трех церквей около 11.30 по определенному маршруту направляется к Благовещенской церкви. Сюда подходит и крестный ход из Св.-Пророко-Ильинской церкви.

Несметная толпа. Море людей.

Прибывшие крестные ходы выстраиваются в установленном порядке. К этому моменту литургия в главной церкви заканчивается. Раздается торжественный и радостный трезвон ее колоколов. Выходит процессия, возглавляемая архиепископом Мелетием и епископом Нестором. У врат церкви владыка Мелетий принимает крест, принесенный епископом Ювеналием, и встает во главе объединенных крестных ходов с более чем 30 священнослужителями — высшим духовенством Харбина.

Колышущаяся лента огромной религиозной процессии под торжественный звон колоколов, под мощное пение большого объединенного хора, выходит на Китайскую улицу и направляется к реке. Солнце играет ослепительным блеском на шитье и красках бесчисленного числа хоругвей и золотых крестов, на праздничных, с золотым шитьем, облачениях и митрах иерархов. В прозрачной чистоте морозного январского дня сверкают и украшенные оклады образов; особенно красивы и великолепы большие иконы Казанской Божией Матери, Христа Спасителя и Николая Чудотворца.

Волнуясь и переливаясь, лента процессии медленно спускается с высокой Набережной на покрытую льдом реку. Лед замерзшей Сунгари прозрачен и представляется тончайшим — кажется, что под ним видно движение воды, ступишь и провалишься... На самом деле лед прочен, его толщина около метра, первое впечатление складывается из-за изумительной чистоты и прозрачности льда зимней Сунгари, которая в летние месяцы желтая и мутная.

К красоте и блеску крестного хода, медленно продвигающегося на середину реки, добавляется сверкание белейшего снега и хрустального льда. Навстречу двигается крестный ход из затонской Св.-Николаевской церкви во главе с ее настоятелем.

Торжественно и медленно все устанавливается в определенном порядке вокруг блестящего ледяного Креста и Иордани — места водосвятия. Огромный восьмиконечный Крест великолепен; он заблаговременно вырубается из сунгарийского льда. В 1936-м над купелью Иордани воздвигнута часовня, увенчанная ледяным голубем.

Архиепископ Мелетий занимает место на специально сделанном ледяном возвышении; по правую и левую руку от него разместились весь

сонм духовенства. Крестные ходы с иконами и хоругвями — полукругом от них. Приступают к великому чину освящения воды.

Богослужение. Пение хора разносится до обоих берегов реки. Приближается самый торжественный момент. Владыка Мелетий спускается с возвышения и подходит к Иордани со Св. Крестом. Стройное пение крещенского тропаря «Во Иордани крещающуся». Ломом прорубается покрывающий купель тонкий слой льда. Из образовавшегося отверстия фонтаном бьет вода, заполняет Иордань и растекается по специально прорубленным во льду каналам. Архипастырь троекратно погружает в воду крест. Епископ Нестор окропляет присутствующих святой водой. Чин водоосвящения завершен.

Над массой людей взмывают ввысь стайки белых голубей, выпущенных жителями Затона. Белоснежные птицы некоторое время кружат в голубом небе и улетают по домам. В 20-х годах в этот момент в небо «взвивались с частой пальбой ракеты. Это, — замечает очевидец, — была исключительная картина — Старая Московская Русь оживала вновь в ней на широкой скованной льдом маньчжурской реке».

С приготовленными заранее бутылками и бутылочками, самыми разными сосудами, люди, стоящие поближе, первыми торопятся набрать святую крещенскую воду, которая не портится целый год и, как верят, помогает при нездоровье. Очередь других наступает позднее. До самого вечера верующие будут брать из Иордани воду — в такие же бутылочки, кувшинчики, даже чайники и прочие сосуды. А если вы не захватили их из дому, не беда: можете тут же купить их у китайцев, которые прекрасно знают этот (да и все прочие!) русский обычай и заблаговременно заготовили груды подобного товара, который к вечеру весь раскупается.

А рядом в прорубленной неподалеку «купели» тотчас же начинается традиционное крещенское купание смельчаков, которые на это решаются. Но купаются и мужчины, и женщины, и молодежь, и старики — десятки людей! Осеняя себя крестным знаменем, смело бросаются в ледяную воду... И не было случая, по-моему, чтобы кто-нибудь из них заболел! Купание на Крещение в ледяной проруби — это тоже старый, исконно русский, обычай, принесенный сюда, в Маньчжурию. Толпа любопытствующих, среди которых много иностранцев, окружает этот бассейн-купель, к ней, как говорится, не пробьешься. Фотографы со всех сторон снимают необычное зрелище. Среди них много японцев,

и один из них, слишком увлекшись, даже падает со своим фотоаппаратом в воду, вызывая сочувствие у зрителей...

Снимались, как я уже говорил, о Крещенье на Сунгари и фильмы. Первую кинокартину об этом празднике в том же 1921 году сделало Товарищество Алексева и Дон-Отелло, занимавшееся в Харбине кинопрокатом; несколько фильмов сняли и кинооператоры-японцы. Так, один из них, г-н Кири, демонстрировал свой фильм (снятый, очевидно, в какой-то из предшествующих годов) в 1936-м в помещении Епархиального дома. Фильм освещал подробно всю церемонию Празднества и, конечно, купание русских в проруби. Для наибольшей наглядности на экране крупным планом был показан термометр Цельсия с подчеркнутыми на нем 30 градусами ниже нуля. Автор собирался послать фильм в Японию, где к нему был проявлен большой интерес.

Следует также сказать, что в других церквях города водосвятие происходило в специально сооруженных для этой цели «иорданиях». Особенно торжественным и многолюдным всегда бывало крещенское богослужение в Доме милосердия владыки Нестора, где к этому дню из льда сооружались настоящие художественные произведения.

Через два года после первого водосвятия на Сунгари, в 1923 г. были сооружены первые Русские горы, ставшие с той поры любимым местом развлечения харбинцев, независимо от возраста и пола.

О чем писали газеты

Позорный Брестский мир

Потрясающие разоблачения о подкупе немцами большевиков (суммы, «подробности»)

Германский заговор против России

Заголовки статей
в «Вестнике Маньчжурии»,
1918 год.

«Адмирал Колчак по своей инициативе сформировал в Харбине Морскую роту, которая в устье Сунгари имела бой, ликвидировав советский кон-

трольный пункт, надзиравший за устьем реки».

Вестник Маньчжурии,
1918, 25 июля.

«Домовладелец г. Лютай просит нас напечатать пояснение, что сообщенное вчера в “Дневнике происшествий” известие о том, что “автомобилем задавлен китаец Лютай”, касается, очевидно какого-то его однофамильца. Охотно исполним эту

просьбу домовладельца Лютая для успокоения встревоженных его друзей и знакомых».

Вестник Маньчжурии,
1918, 25 июля.

«Владивостокская земская управа постановила не допускать опубликования приказов и распоряжений Временного Правительства» [Д.Л.Хорвата — Г.М.].

Журналист Коля Шилов (Николай Динонисьевич Шилов) опубликовал по этому поводу следующие стихи:

Это значит, закрывай
Все — газеты наипаче, —
И за шиворот хватай
Всех, кто думает иначе.

Вестник Маньчжурии,
1918, 4 августа.

Что стоила Советская власть
Забайкалью?

Пропало золота на 40 млн. рублей
и бумажных ценностей на 30 млн. рублей —
из отделений одного Русско-Азиатского банка.

Вестник Маньчжурии,
1918, 19 сентября.

Глава III

Потрясение всех устоев

Романовы...

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге большевики расстреляли последнего императора Российской империи — Николая II и его семью, не пощадив никого — ни молодых царевен, ни ребенка — Цесаревича Алексея.

Из-за больших лакун в эмигрантской печати 1918 года, имеющейся в библиотеках и архивах России, мне пока трудно сказать, когда в Харбине узнали о гибели царя и его семьи и какова была первая реакция горожан на это известие.

Я знаю, что в августе в Св.-Николаевском соборе отслужили панихиду по Николаю II, но была ли она первой? В.Д.Казакевич пишет в своих воспоминаниях: «По Харбину ходили неясные слухи о смерти царя. Потом я увидел, что на Английском консульстве (за Чуриным, в сторону Нового кладбища на Большом проспекте) был приспущен флаг...»

После занятия войсками А.В.Колчака Екатеринбурга была создана специальная Следственная комиссия во главе с Н.А.Соколовым, расследовавшая обстоятельства гибели царской семьи. Когда и в каком объеме результаты ее работы стали известны харбинцам — пока тоже неясно. Даже в декабре 1918 г. в «Вестнике Маньчжурии» была, как сенсация, опубликована статья «Последние дни жизни Романовых». Напомню также, что в эмигрантской литературе и печати, действительно, долгое время выражались сомнения, точно ли погибла в с я семья по-

следнего императора или кто-то из ее состава остался жив — спасся или был спасен... Известные сомнения остаются вплоть до наших дней.

Тем более, конечно, ясности в обстоятельствах происшедшей трагедии не было в начале 20-х годов. Читателями с понятным волнением и интересом был встречен материал на эту тему, опубликованный 14 февраля 1923 г. в харбинской газете «Рупор». В нем говорилось, что большевики постепенно собрали всю царскую семью в Екатеринбурге в доме Ипатьева (Алексей и две его сестры были привезены сюда последними из Тобольска, где они до того времени пребывали). Приближение войск Колчака заставило Уральский совет поставить вопрос о судьбе бывшего царя. В середине июля совет провел свое заседание, вынесшее по указанию Ленина из Москвы смертный приговор всем.

Такова была версия трагического события — Екатеринбургского злодеяния, дата которого как день общерусского траура отмечалась эмиграцией ежегодно — и отмечается за рубежом и сегодня.

Воздействие этого жестокого убийства на детей и молодежь эмиграции было особенно негативным и острым. Оно, это убийство, наглядно подтверждало жестокость, злодейство и беззаконие «красных»: безжалостно убили даже Цесаревича — ребенка. Они, большевики, коммунисты, не пощадили даже ребенка! Настоящее злодеяние...

Для российской эмиграции в Китае этот день был траурным официально вплоть до 1945 г. Вот как прошла в Харбине 19-я годовщина Екатеринбургского злодеяния.

Утром панихиды были отслужены во всех храмах города и привлекли массу русских людей, пришедших помолиться об упокоении души Государя-императора и членов Августейшей семьи. Вечером панихиду служили в Св.-Николаевском соборе, куда задолго до начала — в 5 часов — стали стекаться толпы людей. Был заполнен весь храм, всех не вмещала и его ограда. Много молящихся стояло на Соборной площади. Вокруг ограды собора выстроились легковые машины русских шоферов с трехцветными флажками и траурными лентами на них.

Правящий архиепископ Мелетий обратился к молящимся со словом, которое начал с указания на неизбежность печали в земной жизни человека и что особенно тяжка греховная печаль. Таковая лежит на русском народе, допустившем страшное злодеяние — убийство своего Государя и его семьи, а также преданных ему людей. Только всеобщее

покаяние способно, по словам владыки, прекратить это состояние. Далее он говорил о подвиге царской семьи, которая несла тяжкий крест, особенно тяжелый своей незаслуженностью.

После духовного слова владыки на паперть храма вышел крестный ход. Началась панихида, которую совершали три архипастыря — Мелетий, архиепископ Нестор и епископ Димитрий, в сослужении с протоиереями. Пел соборный хор под управлением регента Д.Я.Попова.

В этот день велась траурная программа харбинской радиостанции, вешавшей на русском языке; в завершение передачи был исполнен русский национальный гимн «Боже, Царя храни»...

За Николаем II и его семьей утвердился ореол мученичества. Следствием его были сочувствие, симпатия и жалость. Был силен и патриотический антибольшевистский мотив: цареубийство, совершенное коммунистами.

Как известно, Николай Александрович и члены его семьи причислены ныне к лику Святых Православной церкви — вначале Русской православной церковью за границей, а затем и Московской Патриархией.

Алапаевские мученики

Трагическая история убийства Царской семьи имела и свое не менее страшное продолжение.

17-го же июля из Екатеринбурга вся банда убийц (18 человек) выехала в Алапаевск (Пермской губернии), куда за три дня до этого были увезены: великий князь Сергей Михайлович (бывший верховный генерал-инспектор российской артиллерии), живший до этого в Екатеринбурге на свободе; великая княгиня Елизавета Федоровна (жена великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы, убитого террористом Каляевым); ее верная камеристка, не пожелавшая оставить княгиню и мученически погибшая вместе с нею, Варвара Яковлева; великие князья Иоанн Константинович и Игорь Константинович (сыновья великого князя Константина Константиновича).

Супруга его — княгиня Елена Петровна — была сестрой короля Югославии Александра I Карагеоргиевича, — тоже короля-мученика, убитого позднее гитлеровским агентом. (Именно в память Николая II

и Александра I Карагеоргиевича в 1936 г. на территории Дома милосердия архиепископа Нестора в Харбине была построена известная Часовня-памятник Венценосным мученикам.)

Здесь же, в Алапаевск, были привезены князь Владимир Павлович Палей (сын Павла Александровича) и барон Федор Семенович Ремиз, управляющий двором великого князя Сергея Михайловича. Над всеми ними была осуществлена зверская расправа: их отвезли на окраину города и живыми сбросили на дно глубокой шахты Алапаевского рудника. Затем в шахту стали бросать динамит и ручные гранаты, с расчетом вызвать обвал шахты, который должен был скрыть следы совершенного преступления. Но эта попытка не удалась.

Изнаненные и разбившиеся при падении люди умирали на дне шахты от голода и жажды в течение нескольких дней. А Елизавета Федоровна, которая пострадала, каким-то чудом, менее других, помогала раненым и облегчала их страдания. Она тоже погибла и была признана Русской православной церковью за границей великомученицей. Книгу о ее жизненном пути — «Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна» (Германия, издательство «Посев», 1988) написала харбинка, ныне жительница Австралии, Любовь Петровна Миллер (Бабушкина), посвятившая изучению судьбы Елизаветы Федоровны всю свою жизнь (см.: *Осьмакова Л.* Размышления о книге, ее авторе и России // Австралиада: Русская летопись, Сидней, 1988, № 17, с. 8–12).

В 1918 г. был расстрелян и великий князь Михаил Александрович... (см.: *Мясников Г.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Истор. альм. Вып. 18. М.; СПб., 1995, с. 7–191)

С его именем или с именем великого князя Константина Константиновича связана тайна в о с ь м о г о гроба, упоминаемого ниже.

Во второй половине октября, т.е. через три месяца, сибирские войска (войска Сибирского правительства) заняли Алапаевск. 9/22–11/24 октября 1918 г. тела погибших были извлечены из шахты и, по освидетельствовании и опознании их следственными властями, с них были сделаны фотографии, и они были временно погребены в склепе под алтарем Свято-Троицкого собора в Алапаевске.

Толчком к моим изысканиям в области этих событий стали написанные по моей просьбе воспоминания Альфонса Юлиановича Романовского — полковника царской армии, кавалера четырех российских орденов, а в конце 30-х — 40-х годов известного нам, воспитанника Лицея Св. Николая в Харбине, скромного преподавателя арифметики, — написавшего в 1972 г. следующие, буквально ошеломившие меня строчки:

«Во время моей поездки в теплушке, к нашему товарному поезду был прицеплен еще один вагон. На станциях, где были остановки, из него выходили за кипятком монашки. Все пассажиры были заинтригованы — кого эти монашки везут? Но в вагон сопровождавшие никого не пускали. Но потом оказалось, — по слухам выяснилось, — что в этом вагоне везли тела убитых членов царской фамилии. Князей братьев Константиновичей, которых извлекли из шахты, при колчаковской власти, и которые были похоронены впоследствии в городе Пекине в Православной миссии в Бэйгуани. Насколько это правда — утверждать не могу, но слухи были таковы» (*Романовский А. Ю.* Воспоминания, с. 13. Рукопись и приложенные к ней документы хранятся у Г.В.Мелихова).

Русские великие князья... Похоронены в Пекине? В то время об этом факте ничего известно не было, и он глубоко меня взволновал. Постепенно удалось выяснить следующее.

При отступлении Белой армии на восток тела убитых великих князей, чтобы не оставлять их на поругание большевиков, были эксгумированы и отвезены по железной дороге в безопасное место. Путь был труден и опасен.

Подробности узнаем из доклада игумена Серафимо-Алексеевского скита Пермской епархии о. Серафима (Георгия Михайловича Кузнецова; 1874—1959), которому было поручено это дело:

«От Алапаевска до Тюмени ехал в одном вагоне с гробами 10 дней, сохраняя свое инкогнито, и никто не знал в эшелоне, что я везу 8 гробов. Это было самое трудное, ибо я ехал без всяких документов на право проезда, и предъявлять уполномочия было нельзя, ибо тогда бы меня задержали местные большевики, которые, как черви, кишели по линии железной дороги. Когда я прибыл в Ишим, где была Ставка Главнокомандующего (им был в то время ген.-лейт. М.К.Дитерихс), то он не по-

верил мне, что удалось спасти тела, пока своими глазами не убедился, глядя в вагоне на гробы. Он прославил Бога и был рад, ибо ему самому лично жаль было оставлять их на поругание нечестивых. Здесь он дал мне на вагон открытый лист, как на груз военного назначения, с которым мне было уже легче ехать и сохранять свое инкогнито. Предстояла еще опасность в Омске, где осматривали все вагоны. Но Бог и здесь пронес нас, ибо наш вагон, вопреки правил, прошел без осмотра. Много было и других разных опасностей в пути, но всюду за молитвы великой княгини Бог хранил и помог благополучно добраться до Читы, куда прибыл 16/29 августа 1919 года. Здесь тоже злоумышленниками было устроено крушение, но наш вагон спасся по милости Божией. В Чите, при содействии атамана Семенова и японских военных властей, гробы в глубокой тайне перевезены в Покровский женский монастырь, где почивали 6 месяцев в келье под полом, в которой я в это время жил...

Ввиду предстоящей опасности, при содействии Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенанта Григория Михайловича Семенова, все 8 гробов из Читы мною вывезены 20 февраля/5 марта 1920 г. Генерал Дитерихс дал мне новое официальное уполномочие хранить гробы, найти им место временного покоя и, при благоприятном условии, в свое время в е р н у т ь с я с н и м и в Р о с с и ю [разрядка моя. — Г.М.]».

Со станции Маньчжурия вагон с гробами великих князей перешел на Китайскую Восточную железную дорогу. Как именно он следовал по ней — об этом о. Серафим оставил мало свидетельств. Он сообщает только, что в Хайларе местные большевики захватили было вагон, вскрыли гроб Иоанна Константиновича и хотели надругаться над останками, но о. Серафим попросил помощи у китайского командующего, и напавших отбили. Вагону была придана китайская охрана.

Как проследовали в Харбин — неизвестно. Далее путь совершался по самой короткой линии КВЖД — Южной, протяженностью 240 км. Пройдя перевалочный пункт с КВЖД на японскую Южно-Маньчжурскую ж.д. — станцию Куаньчэнцзы, — ехали далее по ней. С этого времени поезд следовал под охраной еще и японских военных властей, проводивших его до Пекина, куда он прибыл 3/16 апреля 1920 г.

В Пекине гробы встретил на вокзале крестным ходом начальник Православной духовной миссии в Китае Преосвященный Иннокентий...

Что представляла собой миссия в 20-х — начале 50-х годов?

«Бэйгуань» — «Северное Подворье»; миссия занимала известную в китайской истории часть старого Пекина — в самом углу его древних северных городских стен. Ее обширная площадь представляла собой комплекс парков с различными ландшафтами, породами деревьев — сосен и елей, тутовых, фруктовых, — прудом с мостиками, изумрудными лужайками, тенью и прохладой. Это был лучший по красоте и как-то удивительному покою уголок старого Пекина, известного мире красотой и уникальностью архитектурных памятников и парков.

Бэйгуань был жемчужиной среди них.

Кое-где в этом громадном поместье были разбросаны различные строения: поближе к Главному входу с высокой красивой колокольней в древнерусском стиле — Успенский собор; красивейшая двухэтажная пятиглавая в древнерусском стиле Церковь во имя Всех Святых Мучеников, построенная над склепом, куда были собраны останки 222 православных китайцев, убитых во время восстания ихэтуаней в 1900 г.; т.н. Архиерейский дом начальника миссии (по 23 июня 1931 г. — митрополита Иннокентия, позднее — архиепископа Симона, затем архиепископа Виктора) — в классическом китайском стиле, так как ранее это было одно из зданий дворца маньчжурского князя правившей династии Цин; Крестовая церковь во имя Святителя и Чудотворца Иннокентия Иркутского рядом с покоями владыки, еще несколько часовен, Братский корпус — приют для паломников, а в рассматриваемые годы — русских беженцев и другие. Подалье, за прудом, у городской стены находились хозяйственные постройки, молочная ферма миссии и пр.

Вся миссия, не побоюсь повториться, утопала в зелени.

Миссия в Пекине была гордостью православного мира, одной из самых больших христианских миссий во Китае. Ее подворья находились в ряде крупных городов Китая, а на северо-востоке страны — в Харбине (с Благовещенской церковью на Пристани) и в г. Маньчжурия, где начальником был известный всему Российскому зарубежью и причисленный ныне к лику Святых Русской Православной церкви за границей епископ Иона Ханькоуский.

Миссия не вела активной миссионерской работы, сконцентрировав свое внимание на потомках албазинцев в Китае, о которых я писал в первой книге, и на культурно-благотворительной деятельности. Здесь

в ее типографии, в частности, стал издаваться с 1920 г. первый в Китае «толстый» общественно-литературный журнал «Русское обозрение».

Но где же именно на этой обширной территории были погребены великие князья — алапаевские мученики?

Узнать это, равно как и некоторые другие факты истории российской эмиграции в Китае, я и приехал в Пекин в июне 1990 г. и пошел в Российское посольство, расположенное ныне на этом громадном участке бывшей Российской духовной миссии.

Увы... От ее прежних строений почти не осталось и следа.

А в посольстве мои вопросы были встречены с полнейшим изумлением: никто ничего об этом не знал... А когда выяснилось, что я занимаюсь историей российской эмиграции в Китае, то обо всем этом стали... расспрашивать меня самого.

Но материалы, прояснившие этот вопрос, оказались в моем распоряжении лишь позднее.

Ввиду того, что безопасного места для потомков последнего царствующего Дома Романовых в России не нашлось, с поражением Белого движения останки великих князей Константиновичей, действительно, были перевезены в Китай, для того чтобы быть временно погребенными в Российской духовной миссии в Пекине, основанной на земле, навечно подаренной России в начале XVIII века императором Канси правившей тогда Цинской династии. Для временного захоронения в этой все же русской земле... И прах русских великих князей был действительно похоронен в Пекине.

Но в те времена существовал запрет китайских властей вносить в Пекин мертвые тела, и гробы великих князей были поставлены в Церковь во имя преподобного Серафима Саровского на православном Русском кладбище, примерно в километре за пекинской городской стеной.

Далее, по свидетельству о. Серафима, атаман Семенов дал средства на то, чтобы устроить в церкви под амвоном, с железными дверями склеп, куда и были поставлены все 8 гробов. Ключи от склепа хранились у о. Серафима, а сам склеп был под его печатью. Уезжая сопровождать гробы великой княгини Елизаветы Федоровны и ее камеристки (которую он называет послушницей) Варвары в Иерусалим, о. Серафим сдал оставшиеся в Пекине 6 гробов по акту и передал ключи епископу Иннокентию (Двуглавый орел, Берлин, 1921, вып. VI. Цит. по: *Булыгин П. Убийство Романовых. М., 2000*).

Таким образом, упокоение свое великие князья нашли вначале, не на территории миссии, а на принадлежавшем ей православном Русском кладбище за городской стеной. Здесь были похоронены также погибшие при подавлении восстания ихэтуаней и во время своей службы в Пекине русские казаки и солдаты. А позднее — и многие русские эмигранты.

История пребывания на территории именно Пекина останков алапаевских мучеников начинается, таким образом, 3 апреля 1920 г., когда гробы, по распоряжению адмирала Колчака, были привезены в Пекин, и не окончена до наших дней...

Время от времени в русской прессе появлялись сообщения об этих останках.

Перенесемся в начало 30-х годов.

...В центре огороженного высокой стеной кладбища, — сообщает журналист, — небольшая церковь. Внутри нее, посередине, открытый люк. Над ним большая неугасимая лампада. Вниз ведет лестница. Далее решетчатая дверь, за которой большой круглый обветшавший склеп, высотой в рост человека. Здесь и покоятся тела алапаевских мучеников. В склепе в два яруса стоят шесть гробов. Два места пусты.

В одной из стен — ниша, в ней икона с неугасимой серебряной лампадой — дар харбинского Кружка артиллеристов. Справа — большой серебряный венок от русской группы войск шаньдунской армии. (Напомню: Шаньдунская или армия Чжан Цзунчана — одно из военных соединений китайских милитаристов, в котором сражались русские волонтеры под командованием ген. К.П. Нечаева в 1925–1927 гг. Подробнее об этой эпопее см. подготовленную к печати мою книгу «Российская эмиграция в Китае. 1925–1932 гг.» (план выпуска 2003 г.).)

На крышке гроба Иоанна Константиновича — другой венок с национальными лентами — дар той же группы русских войск. Старые гробы великих князей — деревянные, заключены в металлические ящики из тонкой оцинкованной жести. Жесть во многих местах проржавела, доски прогнили... В хорошем состоянии только два гроба — великого князя Сергея Михайловича и князя Иоанна Константиновича: они новые, прах умерших недавно переложили в них. Но портреты обоих на крышках — наполовину истлели.

На всех гробах — простые медные дощечки с именами усопших. На гробе графа Палея — стершаяся надпись. Видны только слова

«...от мамы». В склепе душно, и чувствуется запах тления. И забвения. Могилы к этому времени, после смерти митрополита Иннокентия, оказались забытыми.

Ранее все заботы о них осуществлялись Российской духовной миссией и ее митрополитом, даже в условиях острой нехватки самых необходимых средств. После революции в России миссия не получала никакой материальной поддержки. Но вместе с тем Верховный китайский суд отверг все притязания на ее движимое и недвижимое имущество, выдвигавшиеся правительством Советской России (см. «Судебное дело Российской духовной миссии в Китае». Пекин, 1922). Миссия сама из своих средств и доходов старалась оказать помощь сотням русских беженцев, заброшенных в Китай, в Пекин. Многие из них и свой последний приют нашли в ее земле... Наблюдение над кладбищем и склепом великих князей осуществляли два сторожа — работники миссии.

Переложение тел усопших в новые гробы представляло большие трудности, и необходимую помощь в этом деле оказало руководство знаменитого в то время по всему Китаю американского Рокфеллеровского медицинского института в Пекине. Два его ассистента и осуществили эту операцию.

А пустые места в склепе?

Они возникли в связи с упомянутым переносом праха Елизаветы Федоровны и Варвары Яковлевой. Благодаря заботе маркизы Мильфорд Жейвен, сестры княгини, их останки уже в 1920 г. были перевезены из Пекина в Шанхай и отсюда 17 декабря отправлены для захоронения в Палестину. Они погребены в Иерусалиме, в Гефсиманской Марфо-Мариинской обители (такая же в свое время была создана Елизаветой Федоровной в Москве, на улице Ордынке). Воздвигнут скромный памятник.

Таковы некоторые вехи этого поразительного по своему драматизму жизненного пути Женщины — подлинно русской по духу, несмотря на то, что она — Дармштадтская принцесса — была наполовину немка, наполовину англичанка. Отрекшаяся от своей крови...

Далее, оставшиеся в Пекине гробы были реставрированы (высококачественная бронзовая арматура) заботами Начальника миссии митрополита Иннокентия и офицера русской императорской армии, старожилы Пекина Б.М. фон Кеппинга.

После японской оккупации Северного Китая новому Начальнику уже XX миссии Высокопреосвященнейшему Виктору (Святину) удалось в 1938 г. получить разрешение китайских властей перенести эти гробы в находившуюся на территории миссии Церковь во имя Всех Святых Мучеников. Гробы были размещены в нишах стен нижней церкви.

Правее алтаря этой нижней церкви, под мраморными надгробиями, покоились тела первых епископов Китайских и Пекинских — Иннокентия и Симона.

На кладбище миссии у стены Церкви Мучеников в 1937 г. был также похоронен единственный светский человек, покоившийся на территории миссии, — бессменный Управляющий Китайской Восточной железной дорогой (1903—1920 гг.), при котором полоса отчуждения этой дороги получила название «Счастливая Хорватия», глава русской эмиграции на Дальнем Востоке — генерал Дмитрий Леонидович Хорват.

Однако на этом трагическая история захоронения праха великих князей не закончилась.

В 1954 г. Российская духовная миссия была китайскими властями закрыта, ее имущество и территория отошли под управление этих властей. На территории РДМ разместилось управление автономной, независимой от Московского Патриархата Китайской Автономной Православной Церкви (КАПЦ), во главе с епископами-китайцами — Василием Шуань (Шестопаловым) и Симеоном Ду (Дубининым). Однако оба они, будучи в преклонных годах и больными людьми, скончались.

Владыка Виктор в 1956 г. был отозван в СССР и выехал туда. Территория миссии была передана правительству Советского Союза под размещение на ней нового комплекса посольства, переселяемого из бывшего Посольского квартала по ул. Дунцзяомирян.

Здесь начало оборудоваться посольство, а в церквях по-прежнему служились церковные службы, и на территории проживали потомки албазинцев со своими хозяйствами.

Из продолжительной беседы, которую я недавно имел с китайским православным священником в Пекине, мне удалось выяснить следующее.

КАПЦ после смерти своих иерархов осталась без Предстоятеля и, не получая никаких дотаций, не имея доходов, испытывала большие материальные трудности.

По словам священника, еще в 1963 году на территории миссии было проведено последнее Пасхальное богослужение, на котором присутствовала, в частности, старожилка Пекина г-жа Розанова с сыновьями и другие русские, а в следующем году всем китайским гражданам было предложено покинуть территорию миссии.

Совершенно не имея средств, они погрузили два гроба с мощами Святых Мучеников и шесть гробов с останками великих князей на телеги и вывезли их на Русское кладбище. Мощи Мучеников были здесь перезахоронены, а гробы с прахом великих князей возвращены обратно в склеп под церковью преподобного Серафима Саровского...

Все «культовые» сооружения на территории посольства, невзирая на их историческую ценность, были разрушены или стали использоваться под хозяйственные нужды (Успенский собор, например, превращен в посольский гараж). Церковь Всех Святых Мучеников (напомню, красивейший двухэтажный храм в древнерусском стиле, пятиглавый, с красивым входом на верхний этаж) была сровнена с землей, и на ее месте воздвигнута довольно аляповатая беседка(!) в псевдокитайском стиле.

Экзгумации и переноса останков захороненных в церкви и вокруг нее, видимо, не производилось, или о них пока никому не известно. Скорее всего, они никуда не перезахоранивались, т.е. до сих пор находятся в могилах, над которыми ныне устроена посольская детская площадка...

А вскоре, уже в 1965–1966 гг., в Китае разразилась «культурная революция».

С первых же ее дней варварскому разгрому бандами хунвэйбинов подверглись оба находившиеся в пределах Пекина кладбища — китайское и Русское православное. Достоверно известно, по свидетельствам потомков албазинцев, что кости китайских мучеников выкопанные ими из могил, подверглись глумлению и сброшены в находившееся неподалеку от кладбища озеро.

Что именно произошло с останками русских великих князей — пока неизвестно, и никто не может сказать об этом что-либо достоверное. Дело за документами как китайской, так и бывшей советской стороны.

Далее, в таком разрушенном состоянии — с поваленными и разбитыми памятниками и надгробными плитами, оскверненными могилами — Русское кладбище пребывало до 1987 г., когда было принято решение китайского правительства о том, что на территории Пекина не

должно быть никаких захоронений и на месте этого кладбища будет создан парк.

В настоящее время это Парк Молодежного озера (Цинняньху гунъюань) с большим искусственным водоемом, под который ушла едва ли не большая часть прежнего Русского кладбища.

Опять же, судьба праха великих князей при реконструкции этой территории остается неизвестной.

Витает в воздухе красивая легенда, подтверждаемая одними и резко отрицаемая другими, что при создании парка или даже ранее склеп под разрушенной церковью во избежание дальнейших глумлений над прахом, был залит бетоном и остался или даже был намеренно перемещен на дно этого искусственного паркового озера и находится там под толщей воды.

Однако никаких документальных подтверждений этому, естественно, нет.

Остается очень много вопросов. И остается надежда.

А пока до сих пор многострадальный прах российских великих князей остается в древней земле Китая...

Оставим эту трагическую тему и обратимся к маньчжурским сугубо повседневным делам.

Выше упоминалась третья линия КВЖД — Южная.

Пора несколько слов сказать и о ней — как я уже говорил, самой короткой.

По принятому нами порядку, назову вначале ее станции и разъезды. Линия проходила по довольно густо населенной местности, и поэтому почти все названия эти — китайские.

раз. Интендантский	3	раз. Эльгиатунь	83	раз. Охучэн	161
раз. Юговича	12	Саньчахэ	95	Бухай	168
раз. Саньсинтун	21	раз. Шауха	104	Хараха	—
Уцзя	30	Таолайчжао	115	Мэйшацзы	196
раз. Ансидан	40	Сунгари II	—	раз. Лаудя	206
Шуанчэнпу	48	Лаошаогоу	125	раз. Идэнпу	216
раз. Ситунь	57	раз. Таягоу	135	Куаньчэнцз	222
раз. Лалин	68	раз. Иоманхэ	141	Чанчунь	225
Цайцзягоу	79	Яомынь	151		

Станция Шуанчэнпу была на этой линии одной из важнейших по хлебным грузам и наиболее близким к Харбину пунктом обезличения бобов. Здесь располагались огромные склады грузов КВЖД.

Лаошаогуо, или Сунгари Вторая, — это важная пристань и благоустроенный курорт на берегу реки. Летние дачи здесь были чрезвычайно популярны и распределялись между дачниками задолго до открытия дачного сезона. Это был также рай для палеонтологов, так как на обрывистом берегу Сунгари, а также в многочисленных местных оврагах в результате размытов время от времени появлялись крупные кости вымерших доисторических животных — бесценный дар для ученых всех рангов и возрастов. Славилась Сунгари II и дешевизной — особенно продуктов птицеводства, которые в большом количестве поступали сюда (и в Харбин) из соседней Яомыни.

Это была единственная на Южной линии деповская станция, с верным депо, где оборачивались паровозы, но главное — с огромным числом птицеводческих хозяйств. На площади у вокзала — православная церковь.

Куаньчэнцзы после 1905 года стала конечной станцией КВЖД на ее южном отрезке, где грузы дороги передавались на японскую ЮМЖД. Это и обуславливало специфику станции. При ней был русский поселок с несколькими улицами, застроенными типичными домами КВЖД — каменными, с палисадами, садиками и хозяйственными постройками, крытыми серой китайской черепицей, в которых русские жители — около 200 чел. — жили, сохраняя какой-то удивительно устоявшийся, я бы сказал, патриархальный уклад жизни. Здесь был клуб со столовой, которая запомнилась мне удивительно вкусным, сладким и холодным квасом.

Были железнодорожные школы I и II ступеней и, конечно, контора и склады.

Продолжу разговор о торгово-промышленных предприятиях русского Харбина.

Из крупных русских организаций этого профиля, действовавших в городе, нужно назвать Харбинский Биржевой комитет (Харбинскую Биржу).

Комитет функционировал в составе Председателя и заместителя Председателя, 12 членов — представителей крупного харбинского капитала. Назову их: Николай Демьянович Буяновский, Соломон Исаакович Грингут, Соломон Леонтьевич Скидельский, Владислав Федоро-

вич Ковальский, Илья Аронович Лопато, Алексей Иванович Сарманов, Николай Николаевич Ромма, А.А.Сон Хошин, Никифор Николаевич Федосов, Иван Иванович Маркс, Яков Никитович Козлов и Старший биржевой маклер Исай Яковлевич Яппо.

Секретарем Биржевого комитета был Николай Михайлович Доброхотов.

Харбинский Биржевой комитет не только не создавал конкуренции между русскими торгово-промышленными предприятиями города (места и работы хватало всем!), но способствовал расширению их деятельности и охранял их интересы.

Наиболее крупным частным русским предприятием в Маньчжурии была, конечно, фирма «Чурин», об авторитете и традициях которой сейчас и пойдет разговор. Фирма располагала в Харбине такими фабрично-заводскими предприятиями, как табачная, колбасная, чайная развесочная фабрики, лаков и красок; пивоваренный, кожевенный, мыловаренный, уксусный и водочный (популярная водка «Жемчуг»!) заводы. Имела Техничко-химический отдел (производство парфюмерии и туалетного мыла), подвалы местных и импортных вин, с собственной их выдержкой и разливом, располагала мастерскими дамского и мужского платья и шляп, своей электрической станцией, тремя первоклассными универсальными магазинами в Харбине и отделениями фирмы во всех городах Северной Маньчжурии.

Обращаясь к истории фирмы, напомним, что еще в книге Р.К. Богданова «Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год» есть упоминание о поручении генерал-губернатора Восточной Сибири будущего графа Н.Н. Муравьева-Амурского молодому иркутскому купцу Чурину развернуть торговые операции на Амуре для удовлетворения потребностей разместившегося здесь в 1850-х годах русского населения края.

Иван Яковлевич Чурин с подлинно сибирским размахом развернул свою деятельность. Товары из Москвы он привозил в Сибирь обозами и здесь по рекам Амурского бассейна на плотках и лодках распространял по всему Приамурью. В 1867 г. он основал собственный торговый дом, куда позднее привлек братьев Бабинцевых, образовав товарищество на вере «И.Я.Чурин и Ко». В 1869 г. компаньоном фирмы стал также Александр Васильевич Касьянов. Исключительные коммерческие способности Чурина позволили ему в 70-х годах XIX столетия открыть свои

магазины в Хабаровске (главное отделение), Благовещенске, Владивостоке, Никольске, Черниговке и других населенных пунктах Приамурья и Приморья, заняв в торговле края господствующие позиции. Естественно, что с началом постройки КВЖД И.Я.Чурин стал распространять свою торговую деятельность на Маньчжурию, открыв отделения в Порт-Артуре, Инкоу и Харбине. В Харбине фирма Чурина открылась в Старом Городе уже в 1898 г., т.е. одновременно с закладкой самого Харбина. Далее магазин перешел в Новый Город — сначала в наемное помещение, затем в собственное красивое двухэтажное здание на пересечении двух главных улиц этого района — Большого проспекта и Новоторговой улицы. Одновременно фирма приобрела в аренду у дороги два земельных участка и на Пристани — по Китайской ул., между Магазиновой и Тюремной — открыла пристанской магазин (первый чуринский на Пристани). Однако в последующем расширять его она не стала и при ликвидации Торгового дома бр. Самсоновичей (1913 г.) приобрела их «Пассаж» на углу Китайской и Японской ул., расширила и надстроила его и открыла здесь свое, постоянное уже, пристанское отделение. В начале 30-х годов начало функционировать отделение Чурина и в Модрягоу.

С самого начала своей работы в Маньчжурии фирма обратилась к фабрично-заводской деятельности, постепенно открывая собственные промышленные предприятия. Фирма имела отделы: оптовый, экспортный, технический — с большими механическими и столярными мастерскими; автомобильный — с парком легковых машин и грузовиков; сельскохозяйственный отдел, отделение автомобилей и сельскохозяйственных машин.

В 1917–1922 гг. фирма «Чурин» дала работу на своих многочисленных предприятиях сотням русских беженцев, спасая от голода и обеспечивая их семьи. Основной контингент служащих фирмы неизменно составляли выходцы из Российской империи.

«До революции 1917 г. фирма “Чурин” была проводником в стране русских товаров, представляя московскую мануфактурную промышленность и многие отрасли русской и сибирской промышленности», — справедливо писал неизвестный автор в книге «Великая Маньчжурская империя». Это является еще одной заслугой фирмы.

Но последующие события прервали связи фирмы с Москвой и Сибирью. Магазины Чурина на Дальнем Востоке были «экспропрированы»

советской властью. В 1917 г. было учреждено торгово-промышленное товарищество на пах «Преемники И.Я.Чурин и Ко — А.В.Касьянов и Ко» (в 1925 г. директором правления товарищества был уже сын А.В.Касьянова — Николай Александрович Касьянов).

И тут придется сделать отступление от истории фирмы.

С первых же лет своей работы в Маньчжурии «Чурин» стал эталоном торгового дела, своего рода символом делового авторитета, честности, порядочности, высокого качества предлагаемых товаров. Определение «куплено у Чурина» являлось гарантией этого высокого качества. Фирма заслужила авторитет и своим исключительным вниманием к обслуживанию покупателей. Рекламе этого магазина, столь памятной харбинцам, сопровождавшей их, можно сказать, всю их сознательную жизнь, действительно можно было верить. Вот почему, несмотря на то, что фирма «Чурин» еще ой как была подвержена влиянию политических событий в Маньчжурии и Китае и не раз, как я покажу это ниже, меняла своих хозяев и национальный флаг, — она никогда не изменяла своему имени «Чурин» и своему торговому знаку ТС.

Взамен потерянных российских поставщиков фирма стала искать и нашла их в Европе. Касьянов выехал туда и завязал прочные связи с немецкими и другими заграничными компаниями. При этом фирма оставалась теснейшим образом связанной с местным маньчжурским рынком и местными поставщиками и покупателями, которыми были оптовые и розничные китайские компании и магазины.

В депрессию 1928–1930 гг. дела компаньонов пошатнулись, и в следующем году известный Гонконг-Шанхайский банк забрал фирму «Чурин» за долги; на флагштоке главного здания конторы и магазина вместо фирменного флага (желтое поле с торговым знаком синего цвета и синей бахромой) был поднят штандарт Великобритании. Оккупировав Маньчжурию, японцы тоже, в свою очередь, «национализировали» фирму и подняли на ней свой флаг с восходящим солнцем. Президентом ее в это время стал г-н Исита, а директором Ю.Накамура.

Следующее изменение произошло в 1937 г. Хозяином фирмы стало японо-германское акционерное общество, фирма была реорганизована и переименована в «Акционерное общество И.Я.Чурин и Ко». Во главе его был поставлен Э.О.Фютерер (надо объективно признать — много сделавший для укрепления фирмы и ее традиций), а его помощниками

стали Г.Е.Ротман и И.Д.Зорич. Теперь на флагштоке был поднят германский флаг.

После 1945 г., когда СССР выкупил фирму у Гонконг-Шанхайского банка, она стала советской (красный флаг с серпом и молотом). Таким образом, до 1952 г. фирма «Чурин» четыре раза меняла своих хозяев — но не имя! — и ее вывеска и торговый знак, повторю, всегда оставались прежними — настолько высок был авторитет имени Ивана Яковлевича Чурина.

То же мы наблюдаем и в последующем. После передачи фирмы китайскому правительству главное здание ее в Новом Городе было надстроено до 4 этажей (не правда ли, крепкий фундамент был у торгового дома Чурина!) с сохранением его прежних архитектурных форм и того же самого «чуринского» купола с тем же флагштоком на нем, на котором теперь развевается другой красный флаг — с одной большой и четырьмя малыми звездами — флаг Китайской Народной Республики.

Здесь стал располагаться универмаг № 1 города Харбина — сначала под названием «Сунхуацзян» (китайское название р. Сунгари). Но в современном китайском быту Харбина название «Чурин» сохранялось по-прежнему. Бывший харбинец, профессор Нью-Йоркского университета, Виктор Порфирьевич Петров, рассказывая о своей поездке в Харбин в 1982 г., писал, что, когда он стал говорить молодому таксисту-китайцу о большом магазине в Новом Городе, тот заулыбался и сразу же понял: «Цюлинь, Цюлинь!» Теперь это название детищу И.Я.Чурина возвращено официально, о чем свидетельствует огромная надпись на его фасаде «Цюлинь гунсы» («гунсы» по-китайски — «фирма»), которой я всегда любуюсь при посещениях Харбина.

Но что меня все-таки до глубины души поразило, так это то, что в 1998 г. китайские власти отметили юбилейную дату — 100 лет фирмы «Чурин» в Харбине (столетие русско й ф и р м ы в городе, столетие и русское происхождение которого эти власти до сих пор не признают!!).

Но все-таки это произошло, что очень приятно, и об этом нужно рассказать.

Еще нужно обязательно упомянуть, и, как видите, в самой непосредственной связи, что фирму «Чурин» всегда, при всех «властях», отличало чрезвычайно заботливое отношение к своим служащим, забота об их

здоровье, культурном досуге, спорте. К этой теме я, возможно, еще вернусь, а здесь коротко напомню о том, что фирмой был установлен т.н. институт юбиляров, когда после 15, 20, 25 лет работы служащие премировались и награждались. Было немало людей, прослуживших у «Чурина» по 50 лет. Такой юбилей отмечался выдачей 6-месячного оклада. Юбиляр по увольнению получал от фирмы пенсию, в Зале юбиляров вывешивался его портрет.

Из традиций, характеризующих фирму «Чурин», отмечу День 27 сентября — праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, когда ежегодно весь штат служащих отправлялся на кладбище навестить могилы сослуживцев. И происходило это отнюдь не буднично.

В 9 часов утра из помещения Главной конторы знаменосец при двух ассистентах выносил желто-синее знамя фирмы. Оркестр (свой, чуринский, конечно) играл марш. Строй выравнивался; происходил прием парада, и со знаменем и оркестром, под музыку и барабанную дробь начинался торжественный марш чуринцев по Большому проспекту на Новое кладбище. Шли стройными рядами, четко отбивая шаг, в строго определенном порядке: впереди — одетые в сине-серую форму с синими же фуражками — пенсионеры и старшие служащие; за ними другие — тоже в форменной одежде. За этими — в красочном разнообразии платьев «женский батальон». Вслед за ним завершали колонну группа мальчиков и врачебно-санитарный персонал фирмы.

На кладбище все располагались в строю на поляне. Оркестр исполнял «Коль славен». При пении чуринского хора служилась панихида по всем усопшим сотрудникам фирмы. Отслуживались литии и освящались памятники, которые фирма поставила на могилах своих сотрудников, скончавшихся в минувшем году.

Одновременно с православной панихидой, которую, как правило, служил сам настоятель Св.-Николаевского собора, заупокойные богослужения совершались и на католическом, лютеранском и мусульманском кладбищах, где покоились почившие чуринцы. Они совершались ксендзом, пастором и муллой.

Сколько же служащих было в фирме «Чурин»?

Примерно 1 тыс. рабочих и служащих фирмы работали в Харбине и 6 тыс. — во всей Маньчжурии. По национальному составу 90% состав-

ляли русские, а остальные 10% — пятнадцать других национальностей; директорами в разные периоды до 1945 г. были и русский, и японец, и немец.

В фирме был хорошо развит спорт. Команды «Чурина» успешно выступали в различного рода соревнованиях. Имелись свои яхты, спортивные площадки. Я хорошо помню чуринские футбольные команды конца 40-х годов, хотя мне лично не приходилось с ними «сражаться». А вот уютный чуринский Клуб на Ажихейской ул., куда я в свои 18 лет постоянно водил на прекрасные опереточные спектакли свою милую подружку, я знаю отнюдь не понаслышке...

Условия и традиции службы «у Чурина» памятли многим. И бывшие служащие фирмы, оказавшись в России, в Америке и других странах, до сих пор помнят о своем «Чурине». В Сиднее (Австралия), в Сан-Франциско (США) спустя почти 50 лет после разъезда русских из Харбина, существует «Общество Чурин» — объединение бывших служащих фирмы, поддерживающих между собой старые корпоративные связи.

«Чурин» помнят!.. Как помним его и мы, рядовые харбинцы, многолетние покупатели этого магазина.

Было очень приятно узнать, что в мае 2000 года в Харбине нынешней китайской администрацией фирмы торжественно отмечено 100-летие «Чурина» (повторюсь: столетие русской фирмы в городе, столетие которого до сих пор официально в Китае не признается). С почетом встречали и наградили подарками самых старых бывших служащих Торгового дома, среди которых были 100-летние: китаец-пекарь (выпекавший, как он сам сказал, «леба, сайка, жулика») и китаянка-уборщица, а также 90-летняя Нина Афанасьевна Давиденко, бухгалтер фирмы, одна из последних могицанок, остающихся в Харбине.

Интересную статью о фирме Чурина и ее юбилее в Харбине написал Георгий Косицын из Сиднея (*НСМ*, 2001, № 83, с. 4—5).

Харбин, Харбин...

Город, в котором почти тридцать лет после Октябрьской революции общественная и культурная жизнь большой русской колонии по-прежнему протекала по укладу дореволюционной России, с тщательным соблюдением традиций и обычаев, православных праздников...

Михаил Шмейссер очень точно, очень верно подметил:

Груstim о Северной Пальмире,
Но грусть о ней не так сильна,
Когда с изгнанием горьким мирит
Руссейший облик Харбина...

Харбин всегда представлял собой удивительный сплав многих культур, многих верований и обычаев — русских и китайских, западных, а с начала 30-х годов — и японских.

Примером могут служить хотя бы традиции ежегодных торжественных процессий и ярких красочных празднеств в Харбине различных конфессий:

— грандиозные крестные ходы из харбинских церквей на лед реки Сунгари в православный праздник Крещения 19 января;

— а в китайский праздник Поминовения душ усопших, осенью, китайцы пускали плыть по реке тысячи зажженных бумажных фонариков;

— осенью же — в праздник японского синтоистского храма Дзиндзя японцы в своей национальной одежде, с белыми повязками на голове, носили на плечах по Новому Городу т.н. Оомикоси — уменьшенный макет этого храма;

— а еще ежегодный католический праздник Пресвятой Евхаристии (Божьего Тела) — когда из костела на Большом проспекте выходила торжественная процессия: духовенство со Святыми Дарами в праздничном облачении, с разубранным Престолом. Белые рубашки мальчиков и белые платица школьниц. Молодежь и малые дети, рассыпающие перед священнослужителями цветы. Представители разных народов, исповедующих католицизм, в своих национальных костюмах... В этот праздник процессия должна была на пути от одного костела до другого пересечь весь город. В определенных пунктах она останавливалась, и прямо на улице велось богослужение, пел хор. Многие харбинцы специально собирались на улицах, чтобы полюбоваться этой красочной церемонией;

— и еще — в День Ивана Купалы поляки пускали по Сунгари венки из цветов с зажженными на них свечами...

Я уже заговорил о католиках в Харбине, о поляках. Продолжу разговор о польской колонии в Харбине.

В связи с постройкой КВЖД в Маньчжурию приехало много поляков, которые в Харбине и других местах организовали компактные национальные колонии, внесшие большой вклад в копилку духовных ценностей российского сообщества в этой части Китая.

После Первой мировой войны Польша получила государственную независимость, и в Харбин был назначен первый польский консул г-н

Моргулец. Поляки в городе, которых к 20-м годам насчитывалось около 6 тыс., стали называть себя польской колонией. Они по-прежнему объединялись вокруг общества «Господа-Польска» (с 1907 г.).

Нужно отдать должное основателю этого объединения, видному деятелю польской колонии, одному из старейших харбинцев — Ромуальду Леонардовичу Антушевичу.

Родился он в Люблинской губернии в 1868 г. Высшее сельскохозяйственное и промышленное училище окончил в Могилеве. Был управляющим имения графа Пасковича (Паскевича?). Военскую службу провел в инженерных войсках. На Китайскую дорогу был откомандирован в качестве дорожного мастера в 1900 г. — помощник начальника станции Харбин-Центральный.

Вел активную общественную работу: один из учредителей Маньчжурского сельскохозяйственного общества; член-учредитель Общества и Банка домовладельцев, член-учредитель «Господа-Польска»; создавал римско-католический приход на Пристани и храм Св. Иосафата. Объем его общественно-полезной деятельности, как мы видим, огромен. Скончался 1 января 1939 г.

Два его сына — Михаил, а имя второго я позабыл, были в Харбине известными спортсменами.

Поляки образовали Кружок польской молодежи (с 1924 г. — союз), ставивший задачей сохранение национальной самобытности, самообразование и взаимопомощь в сложных условиях экономической жизни Харбина 20-х годов. В союзе были организованы секции: литературная, музыкально-драматическая и спортивная, изучались польский язык и литература, история Польши, английский язык; на сцене ставились польские пьесы. Аналогичные цели преследовала и Польская дружина бойскаутов (с 1921 г.). Еженедельно устраивалась «чашка чая» с разнообразной программой, организовывались традиционные польские балы и вечера — в «Господа-Польска», — пользовавшиеся популярностью у харбинцев.

В 1922 г. поляки основали Общество любителей музыки и пения с большим хором и прекрасным оркестром.

Польская колония имела три национальных учебных заведения: Гимназию им. Генрика Сенкевича; школу одного из основателей «Господа-Польска» доктора Вацлава Францевича Лазовского, скончавшегося

в Харбине в 1919 г.; в 1926 г. для поляков, живущих на Пристани, было открыто Польское высшее начальное училище. С 1922 г. крупный польский ученый Казимир Владиславович Гроховский стал издавать в Харбине еженедельник на польском языке «Тыгодник Польски», отражавший жизнь польской колонии города и международные события. Г-н Мариан Гроховский из Калифорнии прислал мне интереснейшую биографию своего дяди — К. В. Гроховского, за которую я хочу еще раз его публично поблагодарить и привести из нее некоторые любопытные сведения.

К. В. Гроховский — потомок известного польского дворянского рода (в 1911 г. по рекомендации приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти он получил российское гражданство с восстановлением дворянства). Крупный исследователь северо-востока Сибири, Монголии и Кореи, а также Северной Америки. Родился 26 января 1873 г. в Кохавине (Польша), окончил известную Фрейбургскую Горную академию (1861), горный инженер.

В 1906 г. посетил Индию и Японию. В 1907–1909 гг. в качестве служащего Охотской золотопромышленной компании проводил изыскания на Сахалине и в Уссурийском крае, от озера Ханка на юге, в горах Сихотэ-Алиня и до устья Амура. После назначения его вице-президентом Верхнеамурской золотопромышленной компании руководил пятью восьмимесячными экспедициями в малоизученных обширных районах северо-востока Сибири, где были открыты богатейшие запасы золота, меди и других руд (см.: *Гроховский К.* Дневник Сибирских путешествий. — Польша, 1986; (на польском яз.)). Его экспедиции носили также этнографический характер: изучались язык и быт местных народов; Гроховский одним из первых разработал словарь якутского и тунгусского языков.

На побережье Северной Америки (от Аляски до Мексики) Гроховский работал в 1912 г. и познакомился здесь с Джеком Лондоном, который стал шафером на свадьбе Казимира Владиславовича с Елизаветой Юлит. Гроховский был первым геологом, имевшим возможность сравнить между собой Западное и Восточное побережья Тихого океана.

После геологических изысканий в Америке К. В. Гроховский читает лекции в Королевском Географическом обществе и Геологическом музее в Лондоне. В 1915 г. уже из Хайлара он организует раскопки города Кублат-хана в Трехречье. На следующий год на полученной им в Мон-

голии концессии в 40 тыс. кв. км он основывает поселение — Форт Гроховский.

После 1917 г. в Монголии знакомится с бароном Р.Ф. Унгерном.

В 1920 г. прибывает в Харбин. И во время летних каникул организует научные экспедиции, впервые открывшие миру нефтяные богатства Маньчжурии. Гроховский — один из членов-основателей Общества изучения Маньчжурского края, харбинскому музею которого он пожертвовал много этнографических и археологических экспонатов.

Скончался К.В. Гроховский скоропостижно, от сердечного приступа, на пути из Польши на Филиппины, в Харбине в 1937 г. Он автор ценной книги «Поляки на Дальнем Востоке» (Харбин, 1928).

Католический приход в Харбине сложился вокруг Костела Св. Станислава в Новом Городе. В костеле был превосходный орган, пожертвованный ему еще в 1912 г. польским предпринимателем И.М. Врублевским. Руководил приходом и духовной жизнью поляков-католиков много лет подряд один из харбинских старожилов, человек высокой духовности, ксендз, прелат Владислав Островский.

В Харбин он прибыл в декабре 1909 г. на должность настоятеля местного костела и являлся его бессменным руководителем вплоть до своей смерти в 1936 году. Внес большой вклад в благолепие этого храма, укрепление материального благосостояния прихода. В трудные для польской колонии годы отправился в Америку и там, стоя с непокрытой головой у дверей костелов, собирал у американских поляков пожертвования на нужды их маньчжурских соотечественников.

Вел деятельную работу и на ниве общественного служения: он создатель старейшей на Дальнем Востоке польской газеты, один из основателей местной польской гимназии; поддерживал прекрасные отношения с православным духовенством, личный друг митрополита Мефодия.

Сохраняя и развивая собственную культуру, поляки сделали ценный вклад в культурную жизнь Харбина. Польская колония вносила в быт этого многонационального города свой колорит, свои краски, делая его еще разнообразнее и богаче.

С поляками в Харбине мы, русские, общались постоянно, в их среде были поистине замечательные люди, оказывавшие большое влияние на формирование личности многих харбинцев и харбинянок.

Лютеране в Харбине

В ряду других в Харбине существовала сильная немецкая колония, а также проживало много латышей и эстонцы.

Однако мои попытки получить какие-либо сведения о немецкой колонии от бывших харбинцев, проживающих ныне в ФРГ, окончились ничем. Тем хуже, я просто не имею возможности рассказать здесь о немцах в Харбине 20-х годов. К тому же расцвет немецкой колонии в Харбине приходится на более поздний период — 1934–1945 гг.

Но конкретнее о лютеранах. История лютеранского прихода позволяет воссоздать неизвестные страницы возведения в Харбине красивой и, безусловно, памятной многим лютеранской кирхи на Большом проспекте (кстати сказать, сегодня в китайском Харбине процветающей исключительно!). А неизвестные — потому, что мне нигде не приходилось раньше об этом читать.

Членами местного Евангелическо-лютеранского прихода в Харбине были главным образом латыши, немцы и эстонцы. Возникновение прихода, — писала газета «Заря», — относится к ранней истории Харбина. «Среди прибывших из России в Маньчжурию было довольно много лиц лютеранского вероисповедания, преимущественно латышей. Однако до русско-японской войны [чувствуете эту фразеологию эпохи Маньчжоу-го! — *Г.М.*] лютеране не имели организованной церковной жизни.

С расквартированием здесь в 1904–1905 гг. маньчжурских армий был построен первый в Маньчжурии лютеранский храм. Находился он в районе нынешнего Корпусного городка, где также расположились две православные военные церкви, католическая и армянская. Настоятелем лютеранского храма был назначен энергичный военный пастор Фриц Шмидхель. Его помощником стал Я.А.Дризуль».

В другой статье той же газеты «Заря» «20 лет служения просвещению» о юбилее Гимназии Я.А.Дризуля (открыта в 1911 г.), изложены основные факты биографии директора этой гимназии. О гимназии — на своем месте, а об Яне Андреевиче Дризуле — здесь. Старый харбинский педагог и одновременно лютеранский пастор. Предоставляю слово самому Я.А.Дризулю:

«Я уроженец Лифляндской губернии, по национальности латыш, из крестьян. Родился в 1869 году, по окончании народной школы, где

преподавание шло на латышском языке, поступил в специальную немецкую.

До 1905 служил народным учителем, был регентом, принимал участие в театральном деле — одновременно стоял близко к церковной жизни.

В 1905 я приехал в Харбин к лютеранскому полемому пастору Ф. Шлихтену [разночтение в имени — *Г.М.*], моему доброму знакомому из Риги. Когда он уехал на родину, то я стал обслуживать духовные нужды лютеран в Харбине».

Вернусь к истории прихода. «В 1907 году.. все находившиеся в городе временные военные церкви были разобраны. Лютеране снова остались без молитвенного дома.

Богослужения совершались тогда в помещениях учебных заведений — Коммерческих училищ, гимназии М.А.Оксаковской, а с открытием гимназии Я.А.Дризуль — почти исключительно в последней.

Неотложные требы исполнял Я.А.Дризуль. Для совершения более важных богослужений 1–2 раза в год приезжали пасторы из Владивостока.

Положение изменилось благоприятно для лютеран в 1914 г., когда управление дороги предоставило им участок на Большом проспекте, между Мукденской и Телинской ул.

Немедленно был образован строительный комитет во главе с инж. К.Ф.Оттом, особо деятельное участие принимал начальник железнодорожной бригады ген. Реут.

Через год комитет уже смог приступить к постройке храма. Проект был разработан техником Нестеровым, работавшим под наблюдением инженера Ю.П.Жданова.

Большую помощь оказал член лютеранского прихода техник Вальс [Вельс Валентин Карлович. — *Г.М.*], безвозмездно несший труды по техническому надзору за постройкой.

В октябре 1916 г. было совершено освящение вновь выстроенного храма прибывшим из Владивостока пастором А.Лести.

Однако постоянный пастор не был назначен, и богослужения совершались по-прежнему. Так продолжалось до 1924 г., когда община выписала пастора Кастлера».

Отмечу, что председателем церковно-приходского совета долгое время был местный старожил и домовладелец, немец И.П.Вормсбехер, и снова предоставляю слово Яну Андреевичу.

«С закрытием для Маньчжурии русской границы, — продолжает он, — в Харбине стали заботиться о собственной высшей школе, и я принял участие в комитете по учреждению в Харбине Экономико-юридических курсов, по открытии которых в 1920 г. поступил на них слушателем и остался до полного окончания Юридического факультета [окончил его Ян Андреевич в 1927 г. — 58-ми лет от роду — *Г. М.*]; состоял также слушателем существовавших, к сожалению, только один академический год Высших философско-богословских курсов...

В прошлом году [в 1930. — *Г. М.*] я отправился на родину и 7 августа, по предварительным испытаниям, был признан латвийским Верховным церковным управлением достойным звания священнослужителя. 10 августа в г. Лемзале при торжественной обстановке в присутствии громадного числа духовенства, латвийский епископ К. Ибре рукоположил меня в духовный сан и дал назначение в Харбин. В сентябре прошлого года я вернулся в Харбин и обслуживаю прежде всего духовные нужды граждан Литвы, но также граждан Эстонии и Германии, пока они еще не имеют своего пастора».

Только в 1934 г. в Харбин для обслуживания нужд местной немецкой общины прибыл пастор Г. Розен (памятный Харбину ярый фашист). Дризуль остался духовным главой лютеран латышей и эстонцев (*Заря*, 1931, 2 сентября, № 240; 1936, 18 октября, № 282).

Среди членов лютеранского прихода были очень любопытные люди — например, барон Рожер Александрович Будберг.

Родился 22 января 1867 г., из прибалтийских немцев. Врач-акушер, известный всему Харбину; большой оригинал. Был женат на китайке, одевался чаще всего как китаец. Исповедовал три религии: лютеранство, православие и буддизм.

Окончил в 1895 г. Юрьевский университет, ассистент в акушерской клинике; получил степень приват-доцента. В Харбине с 1905 г. — полицейский и тюремный врач КВЖД. В 1910 и 1921 гг. принимал деятельное участие в борьбе с чумной эпидемией. В 1915–1916 гг. во время войны находился под арестом по необоснованному обвинению в сотрудничестве с немцами. Освобожден за отсутствием состава преступления.

Скончался 25 августа 1926 г. В похоронной процессии принимали участие буддистские монахи со священными эмблемами на древках из своих храмов и с духовым оркестром, одетым во все белое. На кладби-

ще был отпет по лютеранскому обряду, при молитвословии по обряду православному и затем буддистским духовенством — по буддистскому.

Теперь наступила пора рассказать об одном из наиболее ярких и значительных явлений в культурной жизни международного Харбина — деятельности местного русского Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) — Young Men Christian Assotiation, YMCA.

Немного истории — это важно для читателей в России. Российская общественность, в том числе и церковная, имеет до сих пор слабое, а подчас и превратное представление об этой всемирной организации, существующей и ведущей огромную работу во всех уголках земного шара, во всех странах мира (кроме России — надеюсь, пока) и насчитывающей сегодня добрый десяток миллионов членов (Всемирное Объединение Христианских союзов молодых людей с центром в Женеве).

Распространенной ошибкой является представление о том, что организация эта — американская. Нет, она была создана в Лондоне 6 июня 1844 г. (основанием союза считается день его первого отчета — 8 июня 1844 г.) двумя молодыми конторщиками Джорджем Вильямсом и Эдуардом Бьюмснетом (не уверен, что правильно прочитал имя последнего, и поэтому привожу английское написание: George Williams, Edward Beaumsnt).

Целью союза они поставили развивать христианские принципы и повышать духовно-нравственный уровень молодежи. Но именно в Америке эта организация получила самое широкое распространение после того, как один американский студент написал в Бостон об этом союзе несколько статей. В США же был создан Первый Международный конгресс ХСМЛ, а Всемирный союз был организован в Париже.

Как установил Парижский базис ИМКА, сущность и задача Всемирного ХСМЛ заключается в объединении молодых людей, которые, «веруя в Иисуса Христа, желают стать учениками Его в вере и в жизни и хотят объединить молодежь в искании Царства Божия». Т.е. союз является исключительно христианским, но не каким-то католическим и не православным, а межконфессиональным.

Религиозное воспитание русской молодежи отдавалось целиком в руки православных священнослужителей; католики, протестанты и нехристиане обслуживались священниками их вероисповеданий и религий.

ХСМЛ, таким образом, организация отнюдь не церковная, а светская — во главе ее стоят не церковные деятели, а светские люди. Поэтому инициатива заботы и укрепления религиозности в молодежи, состоящей в союзе, должна была исходить от самой церкви — православной в первую очередь, вследствие того, что большинство учащихся в Харбине принадлежало к православному вероисповеданию. И действительно, не только уроки, но и классные праздники, посещения летних лагерей ХСМЛ, общие собеседования осуществлялись высшими православными иерархами и священниками Харбинской Епархии.

Союз сосредоточивал основное внимание на молодежи, так как молодость — период наибольшей восприимчивости человека к окружающему, а молодежь — жизненная сила нации.

Далее, это и не политическая и не какая-то космополитическая организация. Ее четкий принцип в этом отношении таков: каждый христианский союз, не забывая христианского братства с другими народами, должен отражать историческую культуру, традиции и верования своей страны.

Именно таковым и был дух русского ХСМЛ в Харбине.

УМСА в своей деятельности стремился и стремится к гармоническому развитию и совершенствованию личности молодого человека: прежде всего — духовному, а также в образовательном отношении и физическом. Его символом является красный треугольник, именно и отражающий такое триединство: души, ума и тела.

Христианские союзы во всем мире не являются также ни коммерческими, ни благотворительными организациями, вся их работа строится на здоровых деловых принципах. Не являлся исключением и Харбинский ХСМЛ, финансовые средства которого поступали: во-первых, от всех его обязательно платных мероприятий, а во-вторых, от деятельности его главного органа — энергичного Делового Комитета, состоявшего всегда из представителей делового и промышленного мира Харбина и Маньчжурии.

Еще до его официального создания в середине 1919 г. в Харбине (Государственный исторический архив (С.-Петербург), ф. 323, оп. 1, д. 1594, л. 87), отделение ХСМЛ было открыто во Владивостоке. В харбинской газете «Вестник Маньчжурии» в июле 1918 г. появилась статья «Что такое Х.С.М.Л.», в которой говорилось, что вот уже в течение нескольких недель харбинцы наблюдают молодых людей, занимающихся

спортивными играми и гимнастикой на открытом воздухе на свободной площадке по Вокзальному проспекту напротив гимназии Оксаковской. 25 июня здесь состоялось открытие Летней школы (летней площадки со спортивными развлечениями), руководимой директором Гербертом Готтом (это имя мне не встречалось даже в таком замечательном журнале союза окончивших учебные заведения Харбинского ХСМЛ, как «Друзьям от друзей из Далекой Австралии», издающемся в настоящее время в Сиднее (Сидней, 1985–2001, №№ 1–52), поэтому, может быть, этот материал будет приятно прочитать и бывшим харбинцам, ныне австралийцам, — питомцам ХСМЛ.

Г.Готт и рассказал впервые харбинским журналистам в доступной форме об истории ХСМЛ, о том, что союз не является обществом для пропаганды в пользу какой-либо религиозной секты или группы, что он предназначен для молодежи, ее полезного и воспитательного развлечения, в противовес другим интересам. Союз не пытается заставить кого-нибудь принять то или иное исповедание или религиозную форму; работа его строится на деловых принципах (так как люди лучше ценят то, за что им приходится платить, чем блага, которые сыплются на них бесплатно), его задача — гармоническое развитие личности и т.д. (*Вестник Маньчжурии*, 9 июля 1918 г.).

Во вторник 7 сентября 1920 г. состоялось торжественное освящение и открытие нового здания ХСМЛ на Садовой улице. Поучительно будет вспомнить:

Харбин, 1920 год. Новый Город...

Среди окруженных садиками каменных одноэтажных коттеджей желендорозжников КВЖД — громадный 3-этажный дом-особняк, с огромными окнами, полный света и воздуха, специально выстроенный и приспособленный для работы нового к у л ь т у р н о г о ц е н т р а.

9, 10 и 11 сентября здание было открыто для осмотра желающими «весь день».

В русле главного в этот начальный период направления в работе ХСМЛ — физического развития молодежи, — первый этаж наполовину был отдан под спортивный зал, — прекрасно оборудованный, с снарядами для гимнастических упражнений и игр, с раздевалками и душевыми комнатами. Вторая же половина первого этажа была отведена для изучения ремесел, здесь располагались разные курсы и мастерские.

На втором этаже — по обе стороны входной лестницы — находились библиотека и читальные кабинеты. Тут же были и жилые помещения для служебного персонала союза. Третий этаж занимали классные комнаты, парадная приемная, кабинет секретаря. Здесь также были собраны учебные пособия и коллекции — минералогическая, ботаническая и другие.

Было объявлено, что на будущей неделе в союзе начнутся регулярные занятия; открылась запись в группы изучения английского языка, английской коммерческой бухгалтерии, во всевозможные кружки — сельскохозяйственного машиноведения, автомобильный и прочие.

Уже в 1919–1920 г. ХСМЛ стал разворачивать и просветительскую деятельность: открыл библиотеку и читальные залы, комнату для самостоятельных занятий, стал организовывать публичные лекции и курсы лекций по гуманитарным наукам, литературе и праву.

Вначале слушателям был предложен и прочитан следующий курс:

Г.К.Гинс. Учение о праве и его общественное значение (10 часов); Н.И.Миролюбов. Учение о преступлении и наказании (10 час.); П.И.Петров. Популярные беседы по экономике (10 час.); И.И.Серебrenников. Сибиреведение (8 час.); А.В.Соловьев. История русской литературы и общественности XIX в. (10 час.); А.М.Спасский. Гигиена детей школьного возраста (10 час.); Н.А.Стрелков. Американский философ Джемс (4 часа); Н.В.Устрялов. Основные проблемы науки о государстве (10 час.).

Лекции читались в новом помещении ХСМЛ по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам с 7 до 10 час. вечера в продолжение 10 недель. Плата за часовую лекцию была 40 сен (имелись в виду китайский даян или японская иена) для записавшихся на полный курс, и 50 сен — для остальных. Посещать лекции могли все желающие.

Здесь надо заметить, что в Харбине 1920-го года читались и другие курсы лекций, например — в помещении Библиотеки-читальни Главных механических мастерских или в Доме трудящихся на Диагональной улице. Бесплатно. Вот их тематика: История социализма — лектор М.А.Хаит (главный редактор левой газеты «Вперед»); История рабочего движения — Л.М.Лунин; Русская литература — В.Я.Ротт; История развития государственных форм — М.А.Кроль; Экспериментальная психология — О.Ю.Думбадзе; Биология — Г.А.Житов; Беседы по природоведению — И.А.Павловский; Астрономия и космография — Бреев.

Так что выбирать было из чего!

В 1920—1924 г. ХСМЛ предоставил часть своего помещения беженской школе Утреннего приюта, где дети наблюдались с 9 утра до 2 часов дня. Почетным директором школы был В.Д.Лачинов. Питомцы этой школы, помимо бесплатного обучения, имели трехразовое горячее питание. Материальные средства для содержания школы изыскивал кружок дам-патронесс.

Поскольку в России произошла революция и шла гражданская война, Русский национальный комитет ХСМЛ создать было невозможно, и деятельность союза во Владивостоке и в Харбине развивалась под эгидой Иностранного отдела ХСМЛ Северо-Американских Соединенных Штатов. Именно оттуда в Харбин в 1921 г. приехал м-р Ховард Л.Хейг — Старший секретарь Харбинского отделения христианского союза, возглавлявший Харбинский ХСМЛ более 20 лет — вплоть до начала войны на Тихом океане, — русофил и личность незаурядная.

Как предполагалось при основании русского ХСМЛ в Харбине, он должен был усилиями своего комитета принять через некоторое время соответствующий ему национальный облик (*Авенариус С.* Первые годы русского ХСМЛ в Харбине // *Друзьям от друзей...*, Сидней, 1991, № 34, с. 44). Так и произошло, и в этом большая заслуга американца Х.Хейга, а также большого русского поэта Алексея Алексеевича Грызова (Ачаира).

О себе в 10-летний юбилей своей работы в рядах ХСМЛ Х.Хейг рассказывал:

«Родом я из штата Мичиган, мой родной город — Гранд-Рэпидс находится неподалеку от знаменитого Детройта — центра американской автопромышленности. После окончания в 1912 г. средней школы я поступил в университет штата. Университет я окончил в 1918 г. и полтора года после того оставался при нем, заканчивая специальную работу по социологии.

4 февраля 1918 г. я получил приглашение занять должность секретаря членского отделения Христианского союза в родном городе. Надо сказать, что еще во время пребывания в университете я участвовал в работе союза в качестве председателя его университетского отдела. В Гранд-Рэпидсе я организовал новое отделение союза в восточной части города, не связанной ранее с ХСМЛ. Сейчас это большой отдел с большим числом членов и широкой работой.

С русским вопросом я познакомился впервые, услышав лекцию толь-

ко что вернувшегося из России человека. Потом мне пришлось беседовать на эти же темы с другими людьми.

Я узнал, что в России (дело было после 1920 г.) есть 3 миллиона мальчиков в возрасте до 18 лет, не имеющих пристанища и семьи. Еще ближе с русскими я познакомился, побывав в Кливленде, где есть многочисленная русская колония. Там я начал учиться русскому языку, и у нас с женой [Флоранс Хейг. — Г.М.] сложилось окончательное и твердое намерение начать образовательную работу среди русской молодежи.

Эта мысль осуществилась — в 1921 г. я был назначен в Харбин, где открылась временная союзная организация, на которую была возложена задача помощи русским беженцам» (Юбилей г. Хэйг — десять лет работы в ХСМЛ // Заря, 1928, 4 февраля).

Помощником Старшего секретаря Харбинского ХСМЛ был А.А.Грызов-Ачаир, поэт, организатор и вдохновитель легендарного теперь литературного объединения «Молодая Чураевка», воспитавшего многих молодых харбинских поэтов и прозаиков. Это ему, А.А.Ачаиру, принадлежат стихотворные строчки, ставшие поистине крылатыми:

Не согнула судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли.

(«Эмигранты»)

А.А.Грызов (1896, Омск — 1960, Новосибирск) окончил Первый Сибирский императора Александра I Кадетский корпус, поступил на инженерное отделение Петровско-Разумовской академии. Участник Гражданской войны в Сибири. В Харбине с 1922 г. С 1923 г. работал в Харбинском ХСМЛ, занимался литературной и педагогической деятельностью. В 1945 г. после освобождения Северо-Восточного Китая от японских оккупантов был незаконно репрессирован и увезен в СССР. 10 лет провел в лагерях. После 1956 г. жил в Новосибирске, где занимался педагогической деятельностью — преподавал пение и вел кружок эстетического творчества в средней школе. Реабилитирован посмертно. Автор изданных в Харбине поэтических сборников «Первая: Книга стихов» (1925), «Лаконизмы» (1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939), «Под золотым небом» (1943).

Это его официальная биография — из тех, за которой не видно живого человека...

Что следует добавить, чтобы образ этого Поэта и Человека стал осязаемым и зримым? Думаю, для этого нужно написать книгу.

Здесь же только еще:

— Офицер Сибирского Казачьего войска, станицы Ачаирской; в академии проучился три с половиной года, ушел на войну с большевиками в Сибири. Сначала партизанский отряд, затем казачья дивизия, сибирский Ледяной поход... Скитания — изъездил всю Россию; затем были — Корея, Шанхай, Гонконг, Филиппинские острова, Китай, Харбин... Сибирские лагеря...

Человек высочайшей культуры. Стихи начал писать с 8–9 лет, печатался с 1918 г. О сборниках его стихов я уже говорил. «В двух последних голос Алексея Ачаира звучит уже определенно, уверенно — это голос зрелого поэта, поэта степей, широких просторов, мужества, идеализма, полетов “на снежные высоты” чести верности и рыцарства.

Легко, широкой струей, не знающей порогов, льется вдохновение Ачаира. Он быстро вдохновляется, подчас незаметными мелочами. Для всякого — пустяк, а для Алексея Ачаира — событие, толчок, способный всколыхнуть душу до потаенных глубин. Его творчество стихийно, бурно.

Это направление Ачаир определяет как “мужскую романтику” и прибавляет: “к сожалению”. Да, в нем есть нечто сродни Северянину, но есть что-то Цветаевское. Но тематика его неисчерпаема, его тема — сама жизнь; чувство его непосредственно...

Нечто дон-кихотовское есть во всем облике Ачаира, хотя теперь этот Дон-Кихот — старший секретарь крупного учреждения — проводит долгие дни за письменным столом, на котором не найти стихов: стихам отданы ночи.

В жизни — проза, однообразие, — “ни сказок, ни фей”, но в творчестве эта же самая жизнь горит, как радуга».

Длинная цитата, не так ли? Но, наверное, Вы, так же как и я когда-то, прочитали ее на одном дыхании. А написано это было в статье «Харбинские писатели и поэты» в журнале «Рубеж» в 1940 г.

А что делал А.А.Грызов в ХСМЛ?

Вот что говорил об Алексее Алексеевиче секретарь Хейг — тоже в десятую годовщину, но уже его, Грызова, работы в союзе (1933 г.) с этико-

профессиональной точки зрения: «[Он] вступил в ХСМЛ 10 лет тому назад, чтобы посвятить себя служению русским молодым людям. Он видел сотни их, стремящихся в ХСМЛ для дружбы, совета, помощи и ободрения. Он был около них в то время, когда они напрягали усилия создать их собственные ценности в жизни. Он был их другом.

Как патриот своей страны и как друг человека, он встретил их и помог им в часы их успеха и в часы их отчаянной борьбы. В этой работе он провел эти 10 лет, верно следуя цели ХСМЛ, т.е. “жить в доме у дороги и быть другом человеку”. Молодые люди, которые воспользовались советом Алексея Алексеевича, должны удостовериться, что в ХСМЛ есть друзья. И в этот год, который знаменует 10-ю годовщину его службы для них, этот самый срок, когда они должны оглянуться назад и припомнить его бесчисленные услуги, которые характеризуют его плодотворную деятельность для них самих и их народа».

Может быть, это и есть тот скромный каждодневный подвиг, труд, который отмечает людей поистине великих? И это мужество, стойкость, негибкость духа! Десять лет лагерей — и вера в жизнь, в будущее: эстетическое воспитание подрастающего поколения... В России! В невероятно трудных условиях...

Многие питомцы Алексея Алексеевича помнят и будут помнить этого человека.

История одной из лучших в городе Гимназии ХСМЛ (1925), а тем более, его колледжа (1930), возникновения «Чураевки» и исключительная роль в ней А.Ачаира, чураевские вечера и его незабываемые декламации — вне хронологических рамок этой книги. О них — в следующей. Но, может быть, нигде так ярко и откровенно не сверкнула чистота души Алексея Грызова, как в его эссе, посвященном харбинскому ХСМЛ. Оно было опубликовано на страницах «Литературной газеты кружка искусств, науки и литературы Чураевка ХСМЛ в Харбине» — «Чураевка», выпуски которой лежат сейчас передо мной, и называлось: «Бог, Родина и Честность». Это уже 1933 год.

«Я помню Харбинский союз весной 1923 г., — писал А.Ачаир, — с его отделами юношей и физического развития и очень скромной образовательной деятельностью, выражавшейся в курсах с.-х. машиноведения и автомобилизма, популярных лекциях, двух-трех группах английского языка и небольшой сравнительно библиотеке.

С 1923 года, именно с октября месяца, политика Христианского союза в Харбине делает определенный упор на развитие образовательной стороны. Поистине, Образовательный отдел союза становится с этого времени доминирующим. Для типа такой организации, как Христианский союз, подобное нарушение равновесия, пожалуй, и не вполне целесообразно. Христианский союз ставит целью гармоническое развитие человеческой личности в трех или даже четырех направлениях: духовном, умственном, физическом и общественном... С этим соотношением должна считаться и вся организация в ее целом. Однако усиление образовательной работы за эти истекшие десять лет явилось ответом на запрос общества и в то же время ярко отличило Христианский союз в Харбине от многих и многих других ХСМЛ, которые я посетил во время моей служебной командировки в Южную Маньчжурию, Китай и на Филиппины.

В Образовательном отделе ХСМЛ возникает Школа искусств, Народный университет, Гимназия, Школа коммерческих наук и Иностранных языков и, наконец, Колледж и Сев[еро]-М[аньчжурский] Политехнический институт. Существует, кроме того, ряд вечерних курсов профессионального характера по различным специальностям. Союз имеет одну из самых больших в городе общедоступных библиотек.

Через все образовательные учреждения союза проводится принцип: наука на службе у жизни. Жизнь выкинула с родной земли массы не только взрослых, но и молодежи и детей, и им необходимо дать образование, достойное их запросов и способностей.

И наряду с другими школами ХСМЛ ведет свои учебные заведения к той же цели, как и все остальные, построенные на основах автономии русской школы за рубежом.

“Бог, Родина и Честность” является идеологическим лозунгом школьников Христианского союза. Семья, Школа и союз сотрудничают на этом базисе».

Далее А.А.Грызлов чрезвычайно точно, на мой взгляд, отмечает очень важный момент: «Христианский союз в Харбине, как я могу засвидетельствовать, никогда не был и не мог быть ни по принципам, ни по составу его руководителей — антинациональным. Христианский союз никогда не являлся и не может быть политической организацией. Но ХСМЛ никогда не был антипатриотичен. ХСМЛ никогда не был ко-

сполитичным в том понимании, которое вкладывают в это определение люди, считающие стремление к международному согласию и миру, общению и сотрудничеству — противоречащим идее национальной защиты. Христианский союз звал все время к пробуждению действительно национального чувства, патриотизма не только теоретического, показного, но и доказанного на примере своей жизни... Мы в эмиграции считаем Христианский союз одной из редких возможностей иметь независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского русского братства. Недаром ХСМЛ закрыт на территории СССР!

Преданность Родине? — Да.

Борьба против богоборчества и религиозного безразличия? — Да.

За Национальное достоинство? — Да.

За преданность Христовой вере? — Да.

За честность и правдивость, чистоту и порядочность? — Да».

К началу 1925 г. в состав администрации Харбинского ХСМЛ входили: Старший секретарь Ховард Л.Хейг и секретари отделов: Отдел физического развития — секретарь В.Н.Буянов, помощник секретаря — В.Н.Диго; Образовательный отдел — секретарь А.А.Грызов-Ачаир; Отдел юношей — секретарь В.М.Марков; Женский отдел — секретарь В.П.де-Лебель; Библиотека — секретарь М.А.Винникова; Хозяйственно-административный отдел — секретарь С.И.Белоков.

ХСМЛ действительно стал одним из самых крупных русских культурных центров Харбина, каким его хотели видеть Х.Хейг и А.А.Грызов. И огромное спасибо ему за то, что в годы последовавшей за этим советской идеологической и политической экспансии в Маньчжурии он был у российской эмиграции — этот великолепный и уникальный, Русский, Христианский союз молодых людей!

Упомянутое выше молодежное объединение «Чураевка» было питомником литературных кадров дальневосточной ветви Русского зарубежья. В Харбине жили и трудились многие старшие представители отечественной литературы — писатели и особенно поэты.

Что касается литературной жизни Харбина, то, как мы уже знаем, развитие здесь русской художественной литературы — как поэзии, так и прозы — нисколько не отставало от оперетты и драматического искусства.

Но я успеваю рассказать только о харбинских поэтах раннего периода.

В Харбине с успехом подвизались поэты: Сергей Алымов, Федор Камышнюк, Яков Аракин, Венедикт Март, Александра Паркау.

Силы были значительные, начали издаваться литературные и общественно-литературные журналы — «Окно», «Русское обозрение», газета «Рупор» с ее литературными страницами, другие.

О Сергее Яковлевиче Алымове (род. в 1892 г.) в «Большой Советской энциклопедии» сказано мало и глухо — конечно, из-за его эмигрантской биографии. Целый долгий период его жизни — я имею в виду очень плодотворный для поэта — харбинский, — полностью скрыт. Его публикации харбинских лет — не названы, жизненные интересы — не раскрыты, живого человека — не разглядеть. Со страниц энциклопедии Алымов представлен только как автор популярных песен «Бейте с неба, самолеты», «Пути-дороги», «Песня о России», «Вася-Василек» и (в его литературной обработке) известной со времен гражданской войны песни «По долинам и по взгорьям...» (слова П. Парфенова). Помните?

...«Шла дивизия вперед, Чтобы с боем взять Приморье, Белой армии оплот.. Разгромили атаманов, разогнали воевод, И на Тихом океане Свой закончили поход».

Вспомнить о ней тут, в этой книге, по-моему, вполне уместно.

Из книг С.Я.Алымова названы только: Песни. М., 1939; Стихи и песни. М., 1949; Избранные стихи. М., 1953. И все!..

А у Алымова — пестрая биография и опубликованных сочинений гораздо больше...

Родился он в Харьковской губернии; за участие в революционном движении в 1911 г. сослан в Сибирь; из ссылки бежал за границу; жил в Японии, Австралии и Китае; перепробовал профессии: разнорабочего, грузчика, актера варьете, циркового борца, редактора-издателя. «Высокий, красивый, с большими татарскими темными глазами» (*Сафонова О.* Пути неведомые: Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916 — 1949. Мюнхен, 1980, с. 107).

В Харбине выпускал вместе с Е.С.Кауфманом газету «Рупор», вместе с профессором Устряловым — журнал «Окно»; издал свои сборники стихов «Киоск нежности» (1920), «Пьяное сердце» (1922), массу совершенно прелестных эссе, стихотворных переводов с китайского и япон-

ского; писал рецензии на театральные постановки и художественные выставки. Основатель харбинских шантанов: клуба «Шантэклер», кабаре «Черная Кошка», «Кабачок Богемы» — вел в них (на высоком, надо сказать, художественном уровне!) литературно-художественную часть, выступал как артист, пел, танцевал... Поэт. И в свои 30 лет первый в Харбине забияка, скандалист и даже... дуэлянт. В 1924 г. провел за это 20 дней в харбинской тюрьме и заплатил большой денежный штраф...

Вернулся на родину в 1926 г. Спустя несколько лет в харбинских газетах писали, что Алымов отбывает срок в Соловецких лагерях. Но уцелел. Умер в Москве 29 апреля 1948 г.

Как видим, Алымов вел бурную «богемную» жизнь, был дьявольски талантлив и, может быть, именно поэтому мало работал над отделкой своих многочисленных в 20-е годы работ. Это подметил С.А.Маманди. В заметке «В “Черной Кошке”» он писал:

«“Черная Кошка” продолжает быть интимным кабачком значительной части местной богемы. Любимым автором здесь по-прежнему является молодой поэт Сергей Алымов, умеющий сочинять, но не желающий работать над своими грациозными выдумками. Для примера укажу некоторые строки из его новой “шануаретки”. Нельзя сказать “фрак души раздев”, это не по-русски; русский человек сказал бы: “фрак снять”, а не “фрак раздеть”. Нехорошо звучит: “На себе исполнил пару огненных сонат”. Стихотворный юмор имеет свои законы и свои пределы. Совершенно неправильно указание, что “цветы живут весною, осенью их нет”. Все эти шероховатости — результат непростительной для молодого автора небрежности».

Его «Киоск нежности: Лирика женщины, изысканности и любви: Стихи» (обложка московского художника Н.Гушина). Харбин, 1920 — был встречен в Маньчжурии и Харбине восторженно. Алымов стал кумиром молодежи.

В «Рупоре» С.Алымов был редактором, заведующим литературной частью, и сделал для становления газеты очень многое. Главное — он превратил ее в зеркало артистической и литературной жизни Харбина, что делает «Рупор» сегодня исключительно ценной для бытописания города (т.е. во многом в первую очередь для историков Харбина). При Алымове в «Рупоре» печатались все харбинские поэты и прозаики.

«Литературно-художественный театр» — так именовал себя шантан

Алымова «Кабачок Богемы» (характерным подзаголовком) располагался в доме Хаиндрова по Китайской, 44. Имел президиум: Л.Х.С., С.Алымов, М.Бакалейников, Я.Градов, И.Дальгейм и Борис Радов. Таинственный «Л.Х.С.» — кто это? Я выяснить не сумел.

Кабачок имел хорошую литературную часть, с его сцены звучали пародии, шаржи, интермедии, шутки. «Вся богема у себя в кабачке. Вход бесплатный. Ресторан при театре И.Л.Хаиндрова открыт круглые сутки», — взывала реклама.

В 1920 г. второй премьерой в «Кабачке» исполнялись «Пантеон любовниц» и пастораль «Последний мираж», автором которых был С.Алымов.

Заведовал он и литературной частью театра-кабаре «Кривой Купидон», имевшего летний сад (Магазинная, 3).

Объем книги не позволяет рассказать о С.Я.Алымове больше.

Теперь о Федоре Леонтьевиче Камышнюке. Молодой талантливый поэт, для которого пребывание в эмиграции, видимо, оказалось фатальным (в последующий период я о нем что-то больше ничего не слышал), заставил говорить о себе любителей поэзии, когда выпустил в свет свой первый поэтический сборник «Музыка боли: Стихи» (Харбин, 1918).

Его внутренние подразделы — «Зорьные зеркала», «Свете тихий», «Излом», «Мистерия хаоса», «Молнии в сумраке», «Глубины наркотозные», «Ледянолилии», «Музыка боли» — говорят исключительно о внутреннем мире поэта, это «поэзия (его) израненной души».

В «Вестнике Маньчжурии» на сборник была дана профессионально написанная рецензия «Н.А.» (не Арсения ли Несмелова?).

По мнению рецензента, в стихах Ф.Камышнюка обнаруживается несомненное поэтическое дарование, но вместе с тем чувствуется зависимость от Бальмонта, не наблюдается особенного богатства приемов и конструкций, — напротив, — в некоторых отношениях замечается большое однообразие, назойливо повторяются некоторые слова. «Но самого резкого осуждения, — пишет Н.А., — заслуживает ультра-модернистская форма стихотворений последних двух отделов». Примером он приводит следующий пассаж:

Еще завесу одну подьемлю, —
О, боль предчувствий, рубиноткани!..
Какие ночи, сумракоземли
Возникнут зыбко в путях исканий?

Еще мгновенье — взогню бездонья.
Встает звеняще, всклубятся дымно,
Вольюся в хмельный закатоэвон я,
Огнеплетями просвищут гимны.

Особое возмущение рецензента вызвали эти злополучные «взогню бездонья»... Н.А. предостерегал молодого поэта от бесплодных блужданий и выражал надежду, что поэт найдет в конце концов надлежащий путь.

В сборнике были ясные и чистые стихотворения. Приведу одно из них:

Есть души твердые, как камень,
И есть холодные, как лед.
Им не познать влекущий пламень,
Сиянья утренних высот.
Чужих и сумрачных так много!
Темно и тяжело на пути.
Гранитом выстлана дорога,
И надо вечно в даль идти.
Но в тусклом сумраке неверий
Порой сверкнет вверху звезда,
Открыв сияющие двери
И прошептал: — Иди туда!..
То — души светлые, как зори;
Звеняще-нежные, как сон,
Устав страдать, роняют стон
И утопают в дальнем море.

И Ф. Камышнюк, и Венедикт Март великолепно знали Японию и Китай, и им принадлежит немало переводов китайской поэзии. Переводами стихов китайских поэтов занимался также поэт и драматург Яков Иванович Аракин. Его отличало завидное долголетие, и он, можно сказать, — ровесник нашего времени (умер в 1949 г. в Харбине).

Биография его полна крутых поворотов и очень интересна....

В своем опубликованном в 1922 году сборнике «Мечты и мысли: Лирика, мистика и философия» он приводит пронумерованную (15 назва-

ний) библиографию собственных сочинений — но большинство без места и года издания, отчего не совсем ясно, опубликованы ли они или остались в рукописи. Я старательно скопировал ее. Но в работе китайского исследователя Дяо Шаохуа, помещенной в № 3 ежегодника «Россияне в Азии» за 1996 год, она опубликована. Не буду повторять.

Некоторые пьесы и миниатюры Я.Аракина ставились на сценах харбинских театров.

Теперь о харбинских поэтессах старшего поколения.

В статье «Женская душа в поэзии», опубликованной в 1933 г. в журнале «Рубеж» № 40 (297), говорится, что к старшим принадлежат Александра Жернакова и Таисия Баженова — светила, которые уже исчезли с харбинского горизонта... Затем — Александра Паркау и Марианна Колосова, благополучно подвизающиеся тут... Предоставлю сначала слово интересным суждениям автора, хорошо знающего предмет разговора.

«А. Жернакова и Т. Баженова не получили широкого признания благодаря отсутствию литературного органа, где они могли бы печататься.

В Харбине давно назревала потребность в еженедельном литературном журнале, но многочисленные попытки долго не могли увенчаться успехом. Были журналы “Окно”, под редакцией Алымова, “Архитектура и жизнь”, “Даль”, “Фиал”, “Китеж” и др., но, выпустив два-три номера, все эти издания хирели и прекращались.

Александра Жернакова, оригинальный силуэт которой — силуэт взрослой девочки в беленьких коротких платьицах с лентами, ничуть не соответствовал ее духовному облику, была чрезвычайно образованной женщиной, обладавшей редким даром рассказчицы, и передавала певучими беспритязательными стихами старинные преданья и легенды, которые удерживала в беспредельном количестве ее огромная память.

Таисия Баженова, наоборот, черпала свое вдохновение из окружающей действительности, рисовала сценки из народного быта, картинки сибирской деревни, беженства и скитанья. Она и теперь, из Америки, присылает “Рубежу” заметки об американской жизни и голливудских нравах.

Александра Паркау и Марианна Колосова вначале тоже сотрудничали в газетах, а затем их стихи, как и стихи последующих молодых поэтесс, объединил удержавшийся и получивший общее признание литературный журнал “Рубеж”.

Обе поэтессы являются типичными и яркими представительницами эмигрантской поэзии, но между ними есть весьма существенное различие.

А. Паркау любовно рисует безвозвратно ушедшее недавнее блестящее прошлое, невольно сопоставляя его с горьким настоящим. Мотивы мести, злобы и черного пессимизма парижских собратьев в ней отсутствуют. Есть, пожалуй, презренье, но больше грусти и жалости ко всему уходящему, страдающему, обиженному, вместе с примиряющей любовью к живым мелочам жизни и быта. Одна из ее любимых тем — осень: “Будем прятаться в платок пуховый, будем думать, будем вспоминать...”

Марианна Колосова живей, страстней, напористей. Ее поэзия — поэзия женской боевой души, раненной в самых своих дорогих привязанностях революцией, жаждущей борьбы и лелеющей в мечтах третий клад Пушкинского Кочубея, — святую месть. И поэтому сборник ее стихов в темно-лиловой обложке, с крестом наверху, похож на молитвенник.

Среди ночных чуть слышных шорохов
Работаю тихонько я.
Пусть не выдумываю пороха,
Но порох... выдумал меня».

Можно ли согласиться с некоторыми оценками, высказанными исследователями творчества этих харбинских поэтесс, в частности А. Паркау? Остановлюсь на одном частном примере.

Да, поэтесса рисует прошлое. Но какое? — Прошлое — Великой России. Она сожалеет о потере этой России, потере этого прошлого величия с в о е й страны, с в о е й Родины — и в этих своих мотивах она глубоко патриотична. Как патриотичны и средневековые китайские поэты, скорбившие о завоевании своей страны полчищами варваров.

Это действительно трудно понять иностранцу, работающему со стихами Александры Паркау (и вообще со стихами эмигрантских поэтов), особенно если подходить к ним с позиции какого-то «громкокопящего времени торжества революции», мнимой всегдашней «правды» революции, с сугубо политическими, «классовыми» оценками, — подход, который, по моему скромному мнению, уже определенно изжил себя. Я думаю, что все-таки на первое место при анализе следует поставить ху-

дожественность, саму ценность стиха (в чем Александре Паркау никак не откажешь) или отсутствие таковых. Вот почему нельзя согласиться с китайским профессором Дяо Шаохуа, который в своей, в целом интересной, статье посвящает поэтессе несколько довольно пренебрежительных строк (в связи с «Москвой Златоглавою»), определяя ее настроения как «глубокую тоску по барской [? — Г.М.] России, которую революция привела к гибели» (*Дяо Шаохуа*. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) // Россияне в Азии, 1996, № 3, с. 72–73).

А братоубийственная гражданская война с бесчисленными жертвами продолжалась.

В харбинской «Заре» был опубликован фельетон Н.А.Тэффи «Радуются».

«Не все печально в нашей печальной беженской жизни, — говорилось в нем. — Нам часто предлагают и порадоваться.

Например, разве можем мы не ликовать, прочтя о том, что при взятии “русскими” войсками какого-нибудь Бахмача или Лохмача “красные” потеряли до пятисот человек убитыми и ранеными.

Не утешает ли нас известие о том, что торговые отношения между Европой и большевиками не налаживаются, что товаров советская Россия не получит и от голода и холода половина населения нашей родины обречена на смерть предстоящей зимой.

Разве не радуется нас статья под названием “Добывание 18-ой армии”? 19-й, 23-й и 24-й полки — сдались в плен. Ну а остальные? Ведь не из трех полков состоит 18-я армия, которую на радость нашу “добивают”.

И еще есть разные радости: взрываются мосты, сжигаются фабрики, разрушаются железные дороги, топятся пароходы.

Все это чудесно!

В самом тоне газетных сообщений мы слышим торжество и приглашение присоединиться к этому торжеству.

Наши русские войска так хорошо дрались, помогая польским войскам в борьбе с не нашими русскими войсками, т.е. с большевиками. И мы радовались.

Теперь Польша намекает нашим войскам насчет выхода, и Савинков на торжественном банкете торжественно благодарит поляков. Казалось, следовало бы наоборот... Или он благодарит их по какому-нибудь

личному делу? Тогда почему же на торжественном банкете, а не приватно и не интимно? Очевидно, для России действительно очень выгодно умирать с двух сторон польского фронта. Присоединимся же к благодарности Савинкова и будем радоваться...

...Итак, будем радоваться. Нас так усердно приглашают к этому.

Там наши Вани, и Яши, и Гриши, и Алешеньки убивают друг друга. За войну и революцию их убито больше двадцати пяти миллионов. Мил-ли-о-нов! Мы ведь этой цифры и представить не можем.

Так какая-то серая тягучая, застывшая масса. Мелькают лица, другие... Вот летчик с испуганными честными глазами, сам бросившийся с аппарата, потому что не мог стрелять в своих. Вот худенький мальчик, убитый китайскими штыками в спину, и бледный офицер с нахмуренными бровями, шедший впереди красных войск, “потому что все равно — надо положить какой-нибудь конец”, и безусый юноша, замерзший в ледяном походе. Лица, лица, кажется, без конца будет рисовать и память, и воображение, и все-таки никогда, никогда не представите вы себе и не поймете рассудком, что такое двадцать пять миллионов.

Ну, что об этом думать! Будем радоваться.

А там в советской России, я точно вижу и слышу их, как читают они свои газеты и радуются.

Теперь уже недолго. Еще один напор, и треснет старая Европа по всем швам. Товарищ персидский шах уж обещал свою помощь. Теперь сразу же наладится новая жизнь. За последнее сражение убито около пятисот. Радуйтесь.

Мудрые и сильные люди стоят на руле нашей политической жизни. Конечно, не о Ванях и Алешах будут они думать.

Смешно!

У них иные, высшие соображения и задачи.

Одна беда: правители наши, когда они у власти, всегда “голубчики”, а чуть сковырнулся, тотчас оказался либо дураком и пьяницей, либо пройдохой и взяточником.

Но все равно. Сейчас они мудрые и сильные, и они радуются!

Пять тысяч убитых! Семь — раненых!

А у нас десять и восемь!

Пусть радуются — это их дело.

А мы слабые и ненужные — мы будем плакать.

Это наше дело».

Что к этому еще можно добавить?..

О чем писали газеты

Верный совет отъезжающим в Америку

Чтобы получить в Америке сразу хорошую работу вместо того, чтобы мучиться на черной работе ради куска хлеба, **нужно знать ремесло!** Мебельно-столярная мастерская Е. И. Палей Диагональная, 22 открыла специальные практические **курсы токарного цеха**, где обучает в течение 1–2 месяцев. Имеются специальные станки.

Рупор: Ежедневная вечерняя газета, 1923, 20 октября.

Анекдот

о богатом англичанине, отправляющемся в заграничное путешествие.

Нанял русского переводчика, который заявил, что знает все языки мира.

И когда пароход приплывал куда-нибудь, переводчик шел на борт и кричал:

— Земляки, выходи!

— Сейчас идем! — И являлись русские, которые делали все, что нужно англичанину.

Так повторялось в каждом порту до Америки, Индии и Китая включительно...

Рупор, 1923, № 613.

В полурусской Ницце

(от парижского корреспондента «Зари» Н. Ухтомского):

...Писатель Гребенщиков только что издал свой последний роман «Чураевы».

Заря, 1923, 27 февраля.

Объявление

Приблудились два поросенка 3–4 месячные, белой масти. Если не будут взяты в течение 3 дней со дня настоящей публикации, буду считать своими. Сунгарийский проспект, № 512, сзади контрразведки. Крупенин.

Вестник Маньчжурии, 1918, 19 ноября.

Глава IV

Без экстерриториальности и гражданства

Тягостные вести продолжали поступать в Маньчжурию.

Они по-прежнему шли главным образом из Сибири с фронтов гражданской войны, где обстановка складывалась неблагоприятно для «белых».

Все началось вроде бы даже очень хорошо для белой стороны. Усилиями адмирала А. В. Колчака были созданы боеспособные воинские силы Омского правительства. В 1918 г. Уральский корпус получил под свое командование герой гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке ген.-майор М. В. Ханжин. Вскоре он назначается командующим Западной армией, которая в апреле 1919 г. берет Уфу, Белебей, Бугульму, Бугуруслан. До Самары остается всего 80 км... Но...

Несколько слов о Михаиле Васильевиче Ханжине (1871–1961). Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войны. Кавалер орденов Св. Георгия 3-й и 4-й степени, Георгиевского оружия, ордена Почетного Легиона Франции. Автор учебников по артиллерии, по которым учились офицеры Красной армии вплоть до Великой Отечественной войны.

По окончании Гражданской войны эмигрировал в Харбин, затем переселился в Дайрен, где русская общественность торжественно отметила 50-летие его службы в офицерских чинах. Председатель Попечительного совета Порт-Артурского и других русских кладбищ в Южной Маньчжурии. В 1945 г. был арестован и незаконно депортирован в СССР. (Дополнительные сведения о Михаиле Ханжине — настоящем

русском патриоте — можно получить в книге: *Баканов В.* Горькое золото погон. Магнитогорск, 1997.)

Его внучка Марина Юрьевна и правнук Павел Андреевич Бородины проживают в настоящее время в Москве (см.: *Харбинцы в Москве.* В 2 вып. Вып. 1. М., 1996, с. 29).

Но вот тяжелые бои под Бугурусланом весной 1919-го и первые неудачи.

М. В. Ханжин переводится на должность исполняющего обязанности Начальника штаба Колчака, затем входит в состав его последнего правительства, где занимает пост военного министра.

Над Волжской группой войск, костяк которой составляют Ижевская и Воткинская дивизии из единодушно восставших против большевиков рабочих этих заводов и окрестных крестьян, принимает командование ген.-лейтенант В. О. Каппель.

Каппель Владимир Оскарович (1881 — 26.1.1920) окончил 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Последний главнокомандующий войсками адмирала Колчака.

Август—сентябрь 1919 г.: Белая армия действует на Тоболе и терпит поражения. Начинается отступление. Отсюда, с Тобола, и ведет свое начало легендарный Сибирский Ледяной поход протяженностью в 5 тыс. верст, завершившийся в Забайкалье.

Октябрьские бои — и снова неудачи... Фронт прорван. Отступление к Омску уже разобщенными между собой группировками.

Располагавшийся в городе чехословацкий полк покинул Омск 5 ноября 1919 г. 10 ноября отсюда выехал колчаковский Совет министров, направившийся в Иркутск. Сам А. В. Колчак отбыл из Омска через два дня после своего правительства. Омск пал 14 ноября.

Сразу же после падения столицы омской власти чехословаки заявили, что они ставят своей целью немедленное возвращение на родину. С этого момента Чехословацкая армия в России (ЧСА) начала, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства, пробиваться на восток. Основой действий ЧСА стал принцип «наши интересы — выше всех остальных». Интересы эти реализовать было тем легче, что, охраняя по поручению союзников Сибирскую магистраль, чехи захватили в свои руки весь ее подвижной состав.

Фактический захват чехословаками главной железнодорожной магистрали всего региона разорвал коммуникации между фронтом и тылом

отступавших белых армий и лишил их возможности перегруппировки, пополнения и снабжения боеприпасами, усугубил их военные неудачи.

Отступающая на восток Белая армия и сам Верховный Правитель, ставший заложником политических интриг союзников, начали существовать раздельно друг от друга. Судьбы их пересеклись еще один раз — и в последний! — только уже под Иркутском...

Великий Сибирский путь забит воинскими эшелонами. Вместе с чешскими медленно уходили на восток и другие — польские, сербские, румынские. Эшелоны эти перемежались с поездами, забитыми беженцами, ранеными. Было очень много тяжелобольных: на дороге свирепствовал сыпной тиф. Постоянно происходили длительные заторы в движении, оно подолгу замирало совсем.

Наконец распоряжавшаяся на Сибирской магистрали ЧСА заявила о приостановке отправления всех русских эшелонов на восток и запрещении их продвижения далее станции Тайга, пока не эвакуируются все чехословацкие части. В этих условиях армия Каппеля вынуждена была в основном покинуть Сибирскую магистраль и продолжать отступление по старому, пересекавшему глухую степную и таежную Сибирь, Московскому тракту, существовавшему в этих краях еще задолго до прокладки железной дороги.

Эта наиболее крупная военная группировка «белых», которую объединяла Западная (позднее 3-я) армия Каппеля — несколько десятков тысяч человек, их жены и дети, — отступала с тяжелыми боями против наседавшего противника — 5-й Красной армии и партизан. Целью, поставленной красным командованием, было разгромить этот сильный боевой кулак «белых», уничтожить их или заставить сдаться на милость победителей. Главной же задачей «белых» являлось сохранить свои силы от разгрома, не сдаться врагу, чтобы принять от него смерть, не отдать ему на поругание и гибель своих жен и детей, с п а с т ь.

На плечах отступавших «белых» 5-й армии уже через месяц удалось занять Новониколаевск (современный Новосибирск), сданный практически без боя. Эвакуация из-под Новониколаевска семей солдат, раненых и беженцев была чехами остановлена, что вызвало резкое обострение отношений Колчака с командующим ЧСА Я.Сыровы и французским генералом Жаненом. В обстановке этих столкновений и развития революционных событий на Сибирской магистрали и происходило развитие двух параллельных и последних актов общерусской

трагедии: перемещение эшелона Верховного Правительства на восток и его выдача союзниками «красным» и тяжелое отступление белых сил.

Почти одновременно с прибытием поезда Колчака в Нижнеудинск (в 250 км к западу от Иркутска) власть в городе перешла к т.н. Политическому бюро — местному органу Революционного комитета, поднявшего на Сибирской магистрали восстание против Омского правительства. Охрана Колчака (1500 чел.) могла бы навести порядок на железной дороге, но этого не позволили сделать чеки. «В видах безопасности» Жанен (уже сидевший в Иркутске) приказал временно задержать поезда Колчака, премьер-министра В.Н.Пепеляева и «золотой эшелон» с 408 млн. золотых рублей на станции, объявленной «нейтральной зоной». Эта «временная задержка» продолжалась две недели — по 10 января 1920 г. («нижнеудинское сидение»). Колчак говорил, что у него появилось предчувствие готовящегося предательства.

Отступающая Белая армия, голодная и не обмундированная должным образом, в лютые сибирские морозы продолжала свой скорбный путь на восток, теряя людей, замерзавших в пути и погибавших в непрерывных боях, умиравших от сыпного тифа. Но она не складывала оружия, не сдавалась и до конца сохраняла грозную для врага боеспособность. И все это — несмотря на беспримерные лишения и муки, которые выпали на ее долю на 5-тысячеверстном пути. И Белая армия спасла себя, явив своим мужеством и стойкостью еще один великий подвиг русского солдата, дав пример его самоотверженности и героизма. Этот подвиг должен теперь получить должную оценку и на Родине и навсегда войти в историю Российской армии, равно как и имена российских полководцев и героев Гражданской войны с белой стороны.

«Днем солнце — еще терпимо, к вечеру же поднимался обычный резкий степной ветер, — писал И.И.Серебренников. — Мороз становился крепче. Зябли лошади, коченели солдаты. Далеко не все имели теплую одежду... Ночлег в теплой избе — редко. Бивак у костра. Отмораживались... Картина, которую все чаще и чаще видят те, кто идет следом: замерзшие люди — то в одиночку, то целыми группами, — крепко уснувшие у потухшего костра... И еще, — отмечает он, — эпидемия тифа и самоубийств сопровождали собой весь путь отступления белых на восток» (*Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии Белых русских армий, 1919–1923. Харбин, 1933*).

Одним из материальных памятников этого отступления явились картины художника П. И. Сафонова, проделавшего с отступавшими частями весь Ледяной поход: ...тянется непрерывная цепь саней, с укутанными во что попало неподвижными, застывшими фигурами людей... Временами среди них — масса всадников, в лохматых папахах, огромных валенках, с суровыми лицами. И снова сани, сани с этими фигурами. А после прохода авангарда — на голом снегу трупы людей, трупы лошадей... Ими обозначен весь путь Ледяного похода...

В этом тягостном, мучительно длительном отступлении, когда людям готово было овладеть смертельное отчаяние, для противодействия ему народная молва, народная мудрость создала образ таинственного Помощника, в котором, на мой взгляд, нашел некое земное воплощение Заступник за народ и Землю Русскую, Святитель Николай Чудотворец. Здесь в Сибири, в Ледяном походе он принял имя Понужая.

Арсений Несмелов в одноименном стихотворении так писал о Понужае:

Эшелоны, эшелоны, эшелоны —
Далеко по рельсам не уйти!..
Замерзали красные вагоны
По всему сибирскому пути.

В это время он и объявился,
Тихо вышел из таежных недр,
Перед ним богатырем склонился
Даже гордый забайкальский кедр.

Замелькал, как старичок прохожий,
То в пути, то около огней, —
Не мороз ли, дедка краснорожий,
Зашагал вдоль воткинских саней.

Стар и сед, а силы на медведя, —
Не уходят из железных рук!..
То идет, то на лошадке едет,
Пар клубится облаком вокруг!..

И вот, этот человек-видение помогает отступающим, поддерживает их в трудную минуту:

Выбьешься из силы, — он уж рядом...
Проскрипит пимами, подойдет,
Поглядит шальным, косматым взглядом
И за шиворот тебя встряхнет.

И растает в воздухе морозном,
Только кедр качается велик...
Может быть, в бреду сыпнотифозном
Нам тогда привиделся старик.

А уж он перед другим отрядом,
Где-нибудь далеко впереди,
То обходит, то шагает рядом,
Медный крест сияет на груди.

— Кто ты, дедка? Мы тебя не знаем,
Ты мелькаешь всюду и везде...
— Прозываюсь, парень, Понужаем,
Пособляю русскому в беде. (...)

Тем временем, уже 1 января 1920 г. (приказ об этом Жанена последовал только 5 января) ЧСА поспешила взять Колчака и поезд с российским золотым запасом «под свою охрану». 4 января А. В. Колчак назначил своим преемником ген. Деникина, а «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины» передал атаману Семенову, произведя его в генерал-лейтенанты. Г. М. Семенов стал, таким образом, верховным главнокомандующим и формальным главой Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

Вечером того же 4 января в Иркутске произошел переворот, в результате которого 5 января власть в городе формально перешла к т. н. Политцентру, а фактически — к рабоче-крестьянским дружинам, руководимым Иркутским губкомом РКП(б).

По предложению Жанена Колчак согласился перейти в отдельный вагон, на окнах которого были укреплены 5 союзных флагов — американский, английский, французский, японский и чешский, означавшие,

что адмирал находится под защитой пяти держав. Вагоны Колчака и Пепеляева были прицеплены к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка и вместе с ним в ночь с 8 на 9 января двинулись на восток — к Иркутску. Поезд шел до станции Зима с большими остановками.

Ввиду явной опасности, которой грозила ситуация, А.В.Колчаку предлагались варианты спасения: бежать под видом солдата, покинуть чешский эшелон и уйти в Монголию, но он отказался, считая своим долгом до конца оставаться на посту.

Утром 15 января эшелон прибыл в Иркутск, к этому времени уже покинутый союзниками. Здесь заранее, согласно директиве Жанена и поговору чехословацкого представителя в Иркутске с Политцентром, вопрос о выдаче чехами Колчака Политцентру был решен. Торг шел только из-за судьбы «золотого эшелона» и разрешился в конечном счете тем, что в качестве цены за свое свободное продвижение на восток чехи оставили золото в Иркутске — 366 млн. золотых рублей (из бывших с Колчаком 408), т.е. еще выторговали себе за предательство 42 миллиона рублей золотом.

Арест Колчака и Пепеляева произошел прямо на вокзале — в присутствии чехословацких, а также японских войск. Местным властям Колчака передал чешский офицер Боровичка. Когда Колчаку сообщили о передаче, он воскликнул: «Как, неужели союзники меня предают? Где же гарантии генерала Жанена?..»

21 января началось следствие, отраженное в неполном и фальсифицированном виде в книге «Допрос Колчака». Но 21 января власть Политцентра пала и на смену ему пришел Иркутский Военно-революционный комитет (далее ВРК), руководимый большевиками, — с иркутской губчека и прочими атрибутами советской власти. Допросы продолжались.

Отступавшая Белая армия не была в состоянии оказать какого-либо влияния на трагические события, разворачивавшиеся вокруг адмирала Колчака. Перед нею был Красноярск.

Но 4 января стало известно, что в городе установилась советская власть. Враг оказался таким образом у «белых» и спереди, и сзади. Капитель отдал приказ о штурме города, но вернуть Красноярск не удалось. Город было решено обходить с севера и двигаться по льду Енисея к устью Кана; по этой реке предполагалось снова выйти к железной дороге у г. Канска.

На устье Кана каппелевские войска разделились; было принято решение пробиваться за Байкал двумя отдельными группами северным и южным путями.

Южным путем, по Кану, пошла группа во главе с Каппелем (начальник штаба ген. С.Н.Войцеховский), ее целью был выход на Верхнеудинск (современный Улан-Удэ). Путь этой группировки по замерзшей реке, покрытой глубоким снегом, скрывавшим под своим покровом опасные наледы, по совершенно глухим и безлюдным местам (105 км), был в полном смысле этого слова путем на Голгофу. Были преодолены невероятные трудности, и с Кана белые войска стали называть себя каппелевцами.

Вот передо мной сборник стихов сибирской казачки, проделавшей весь Ледяной поход, поэтессы Марии Вячеславовны Волковой «Песни Родине» (Предисловие П.Краснова. Издание Войскового представительства Сибирского казачьего войска. Харбин, 1936). Она пишет об этих днях:

«Костры горят по сторонам дороги, бросая свой зловеще-тусклый свет. Что это: явь или кошмарный бред? Горит лицо и стынут, стынут ноги, Глухая ночь, Все призрачно и странно. Кругом бело, но мрачно до тоски. Дорога наша — это грудь реки, реки обманчивой, живой, непостоянной... Какой мороз. А теплый кров — не скоро... Немеет тело, жизнь уходит прочь... Вокруг тайга, вверху над нами ночь, внизу — река и страшные зазоры».

Зажор (сибирск.) — это опасная наледь на северных сибирских реках, не замерзающая, так как постоянно подпитывается водами реки, часто покрытая лишь тонким слоем льда, покровом снега. Один из таких зажоров и стал причиной гибели В.О.Каппеля. В этом мучительном переходе по порожистой таежной реке командующий, который, как говорили, отказался ехать верхом, чтобы быть в равном положении со своими подчиненными, попал в такую наледь, промочил и отморозил ноги (гангрена); (по другим данным, его сани провалились под лед, он заболел крупозным воспалением легких). 26 января 1920 г. Владимир Оскарович Каппель скончался в румынском эшелоне на маленькой железнодорожной станции Утай недалеко от Нижнеудинска.

Командование армией возглавил ген.-лейтенант Сергей Николаевич Войцеховский.

В стихах Марии Волковой имя Каппеля перекликается с именем другого героя Гражданской войны — Лавра Корнилова. Каппелевцы не ос-

тавили тела своего погибшего командира и повезли его с собой, чтобы уберечь прах от посмертного дикарского надругательства со стороны большевиков, как это было с Л. Корниловым, тело которого те даже... вырыли из могилы и повесили.

Ледяной поход прошли многие харбинцы и маньчжурцы. Назову только одно имя — Николай Павлович Веселовский-Выговский, оставший воспоминания (его статья «25 лет Ледяного похода» // Луч Азии, 1945, № 5/131). Биографом В. О. Каппеля за границей был полковник В. О. Вырыпаев.

28 января 1920 г. белые части подошли к селу Тулун — уже в пределах Иркутской губернии — и здесь о смерти командующего узнала основная масса бойцов. Армия сохраняла высокий боевой дух и боеспособность. А. Несмелов отмечает эти качества каппелевцев, и он совершенно прав, когда в том же стихотворении «Понужай» пишет:

... Догоняют, настигают, наседают,
Не дают нам отдыха враги,
И метель серебряно-седая
Засыпает нас среди тайги.

Бороды в сосульки превращались,
В градуснике замерзала ртуть,
Но, полузамерзшие, бросались
На пересекающего путь!

Брали села, станции набегом,
Час в тепле, а через час — поход.
Жгучий спирт мы разводили снегом,
Чтобы чокнуться под Новый год.

И опять, винтовку заряжая,
Шел солдат дорогой ледяной...
Смертная истома Понужая,
Старика с седой бородой!

Навстречу каппелевцам на станцию Зима из Иркутска был выдвинут заслон из 4 тыс. красных бойцов. 30 января этот отряд был наголову разбит, и мало кому из его состава удалось уйти живым.

Путь на Иркутск был открыт, и 2 февраля каппелевские войска подо-

шли к городу. С. Н. Войцеховский предъявил Иркутскому ВРК ультиматум с требованием о выдаче ему Колчака и других арестованных, снабжении своей армии продуктами (на 50 тыс. чел.) и фуражом (на 30 тыс. лошадей) и выдаче 200 млн. руб., в том числе 50 млн. золотом, — в обмен на бескровный обход Иркутска Белой армией, целью которой был объявлен уход в Забайкалье.

Требования белого командования следует признать завышенными. Находившийся в тюрьме А. В. Колчак, узнав о них, воскликнул: «Войцеховский погубил меня!» Однако судьба его была предreshена еще ранее.

Ультиматум «белых» был отклонен, и каппелевцы начали бои за город, встретив упорное, отчаянное сопротивление.

Обстановка в Иркутске складывалась крайне угрожающей для «красных», и в этих условиях местная губчека представила ВРК список из 18 чел. «классовых врагов» для их немедленного уничтожения. Список возглавляли Колчак и Пепеляев. Расстрел их стал делом решенным.

Руководивший расстрелом председатель чека Чудновский так рассказывал о последних часах адмирала Колчака: «Председатель ревкома товарищ Ширенков [А. А. Ширямов. — Г. М.] принял мое предложение убить Колчака без суда. Я... рано утром 7-го февраля вошел в камеру Колчака. Он не спал. Я прочел ему постановление ревкома, и Колчак меня спросил: “Таким образом, надо мною не будет суда?” Должен сознаться, что этот вопрос застал меня врасплох. Я ничего не ответил и спросил его только, не имеет ли он какую-нибудь последнюю просьбу. Колчак сказал: “Да, передайте моей жене, которая живет в Париже, мое благословение”. Я ответил: “Хорошо, постараюсь исполнить Вашу просьбу”. Колчак и находившийся тоже в тюрьме министр Пепеляев были выведены на холм на окраине города на берегу Ангары. Колчак стоял спокойный, стройный, прямо смотрел на нас. Он пожелал выкурить последнюю папиросу и бросил свой портсигар в подарок правофланговому нашего взвода... Наши товарищи выпустили два залпа, и все было кончено. Трупы опустили в прорубь под лед Ангары...» (цит. по: *Капитан 2-го ранга Чириков Н. С.* Верховный Правитель Адмирал А. В. Колчак // *Морские записки, Нью-Йорк, т. XX. № 1–2 (56), с. 42–43*).

Так погиб замечательный полярный исследователь, командующий

российского Императорского Флота адмирал А.В.Колчак, Верховный Правитель России, честный и непримиримый боец за нее — Единую и Неделимую, — втянутый в бурный водоворот политических и революционных потрясений в Сибири и на Дальнем Востоке. Светлая личность этого человека и его скорбная кончина сделали его одним из крупнейших деятелей Белого движения.

Каппелевская армия, узнав о гибели Верховного Правителя, прекратила штурм Иркутска и обошла его, завершив последний этап Ледяного похода переходом через замерзший Байкал.

И.И.Серебренников называет его Вторым Ледяным походом... С утра 10 февраля от села Голоустного на лед Байкала вступили первые колонны Каппелевской армии. Вступили не тревожимые ни к е м. Мрачный и величественный Байкал. Ледяное отчаяние пустыни. Мрак и темнота. Ни следа, ни дороги, ни огонька.

И после долгого, казавшегося бесконечным пути — впереди забрезжил свет. Еще немного, и замелькали огни станции Мысовая Забайкальской железной дороги, где для приема больных и раненых отступавшей армии уже стояли поезда атамана Г.М.Семенова.

Во второй половине февраля 1920 года, писал И.И.Серебренников, каппелевские колонны Белой армии вошли в семеновскую столицу г. Чита. Сибирский Ледяной поход продолжался пять месяцев, до Читы дошли самые сильные, самые стойкие и выносливые... Это были каппелевцы — 25 тыс. закаленных бойцов.

Вторая группа под командованием полковника Сукина (11-й Оренбургский казачий полк, части 3-го Барнаульского стрелкового полка, другие), проделав за зиму огромный кружной путь по таежной глухомани Северного Прибайкалья, пришла в Читу в составе 4–5 тыс. чел.

Тяжелейшие жертвы были принесены не напрасно. «Белые» сохранили основной костяк боевых сил, высокую боеспособность, спасли от гибели своих жен и детей. В этом и был смысл всех лишений и страданий Сибирского Ледяного похода Белой армии. После прихода в Забайкалье каппелевские части составили 2-й и 3-й отдельные стрелковые корпуса войск Российской Восточной окраины. Войцеховский был назначен командующим армией — при главком Семенове.

В память Сибирского Ледяного похода был выбит орден участника похода. Он состоял из серебряного тернового венка — символа страда-

ния за Россию — и обнаженного золотого меча — знака того, что борьба за Россию еще не закончена. Я поместил изображение этого ордена на обложке своей книги «Российская эмиграция в Китае». В структуре ордена очевидна его преемственность с орденом южнорусского Ледяного похода (золотой терновый венок и серебряный меч). Орден был памятью отступления, и поэтому в обиходе его называли «Понужаем».

По прибытии в Читу каппелевцы 22 февраля похоронили своего командира в ограде читинской церкви. При оставлении ими в сентябре города останки генерала в цинковом гробу были перевезены в Харбин и при большом стечении народа перезахоронены у северной стены Св.-Иверского храма. Над могилой была зажжена негасимая лампада.

Хранившие память о своем командире, делившем с ними все невзгоды, его боевые товарищи стремились поставить на могиле В.О. Каппеля памятник. По свежим следам событий это было сделать трудно: продолжалась гражданская война и после Забайкалья каппелевцы, которых после разгрома Семенова китайские власти пропустили на территорию Приморья, сражались против «красных» еще и в этом крае...

Были собраны народные пожертвования, и памятник воздвигнут в 1929 г. 28 июня он был освящен правящим архиепископом Мефодием, в окружении тысячной толпы. Памятник представлял собой гранитную глыбу с каменным же крестом над нею, у основания которого изваяна эмблема каппелевской армии — меч в терновом венке. На надгробии памятника высечена надпись: «Люди, помните, что я любил Россию и любил вас и своей смертью доказал это. Каппель».

П о м н и м.

Помним и то, что после прихода в Харбин в августе 1945-го Советской армии на могилу героя Гражданской войны генерала В.О. Каппеля приходили бойцы и высшие командиры этой армии и отдавали Солдатский долг памяти этому человеку... И то, как по распоряжению какого-то сотрудника советского Генерального консульства в Харбине в 1956 г. могила была осквернена: памятник разрушен, вывезен и брошен у Нового кладбища, а саму могилу — сровняли с землей. Судьба праха остается неизвестной. Несколько иную версию излагает В.В.Перминов (см. его «Генерал Каппель» // Народная газета, 17 июня 1994 г.; его же «Где прах генерала Каппеля?» // НСМ, 1999, № 60). С работой С.Федоровича «Генерал Каппель» мне, к сожалению, не удалось ознакомиться.

Через несколько дней после освящения памятника волжане из каппелевской армии праздновали свой корпусной праздник. Присутствовало около 200 чел. За столом было оставлено одно свободное место, перед ним поставили прибор, возле которого стоял букет белых роз. Это было место генерала Каппеля.

Память Владимира Оскаровича Каппеля отмечалась дальневосточной российской эмиграцией ежегодно.

Этот доблестный офицер императорской Российской армии остался навсегда народным героем Белой стороны в Гражданской войне, героем, горевшим пламенем неистребимой веры в возрождение России, в правоту своего дела. Как говорилось в одной эмигрантской газете в 1940 г. — он горел сам и зажигал своей верой потухшие надежды. Имя покойного генерала Каппеля овеяно величием духа, искусством водительства ратным, умением влить в умы и сердца людей веру в конечное торжество Белого движения (*Памяти Белого вождя: К 20-й годовщине кончины ген.-лейтенанта В.О.Каппеля // Шанхайская заря, 1940, 26 января, № 4735*).

Важнейшие для судеб эмиграции события происходили в это время и в полосе отчуждения КВЖД.

Все белые правительства Сибири и Дальнего Востока включали русское население полосы отчуждения в состав граждан России. После падения Омского правительства Директор-распорядитель Правления Общества КВЖД Д.Л.Хорват совершенно обоснованно выступил с декларацией о принятии им на себя всей полноты государственной власти в отношении русского населения полосы отчуждения впредь до образования общепризнанного российского правительства.

Левые пробольшевиетские круги Харбина, группировавшиеся вокруг т.н. Объединенной конференции, находившейся в ведении Дальневосточной республики и финансируемой ею, объявили борьбу против Хорвата под лозунгом «Вся власть над русским населением в полосе отчуждения КВЖД Дальневосточному Временному правительству во Владивостоке» и организовали забастовку, которая — также в полной мере — отвечала планам и интересам китайских властей: как в отношении отстранения авторитетного и влиятельного русского Директора-распорядителя, так и ликвидации русского управления зоной КВЖД,

и поэтому была ими поддержана. Воспользовавшись ситуацией, Бао Гуйцин объявил о том, что Хорват не вправе осуществлять в полосе отчуждения какую-либо политическую власть, принадлежащую в полном объеме суверенному Китаю и ему, Бао, как представителю этого правительства в полосе отчуждения КВЖД.

Д.Л.Хорват был вынужден отказаться от поста Главного начальствующего в этой полосе, а позднее вышел в отставку и с поста Директора-распорядителя Общества КВЖД. Своим заместителем он оставил И.К.Пименова, хорошо знавшего Б.В.Остроумова и способствовавшего позднее назначению того на пост Управляющего КВЖД. А пока исполняющим обязанности управляющего оставался В.Д.Лачинов.

Организаторские способности Д.Л.Хорвата особенно ярко проявили себя в выборе им своих сотрудников. И Лачинов, и сменивший его позднее Казакевич — оба были прекрасными инженерами.

Василий Дмитриевич Лачинов (1872—1933, Харбин) — помощник начальника Службы тяги с 1903 г.; начальник этой важнейшей службы с 1 октября 1907 г. по 31 марта 1918 г. Помощник Управляющего дорогой по железнодорожной части: 1 апреля — 27 апреля 1918 г. И.о. Управляющего дорогой с 28 апреля 1918 г. по 5 ноября 1920 г. Товарищ Председателя правления Общества КВЖД с 6 ноября 1920 г. по 5 июля 1921 г. Старший консультант правления общества с июля 1921 г. по октябрь 1924 г.

Жена его — Вера Дмитриевна — играла большую роль в благотворительных организациях Харбина. Сыновья — Борис и Дмитрий, дочь — Нина. Потомки семьи Лачиновых живут в настоящее время в Англии.

С 7 ноября 1920 г. исполняющим обязанности Управляющего дорогой стал Дмитрий Петрович Казакевич (16 декабря 1869 г., СПб. — 3 февраля 1924 г., Сиэтл). Представитель знатного дворянского рода (его отец — Петр Васильевич Казакевич был ближайшим соратником графа Н.Н.Муравьева-Амурского и первым генерал-губернатором Приамурья), он окончил Санкт-Петербургский Институт инженеров путей сообщения. Поступил на службу Общества КВЖД 1 октября 1902 г. начальником одного из строительных участков около Хайлара. В период восстания ихэтуаней и русско-японской войны находился в Петербурге. В третий раз приехал в Маньчжурию в 1911 г., оставив семью в России. Был назначен помощником начальника Службы пути — Немчинова. С 1915 г. — после отъезда в Россию Немчинова — был назначен на

его место. С 1 июня 1918 г. по 6 ноября 1920 г. — исполнял должность помощника Управляющего дорогой по Железнодорожной части. С 7 ноября 1920 г. по 1 февраля 1921 г. — и.о. Управляющего дорогой. Уехал в США и вскоре погиб на лесопилке в результате несчастного случая. В Сиэтле ему поставлен памятник.

Сын — Владимир Дмитриевич Казакевич — так описывает служебный дом отца в центре Нового Города: «Двухэтажная вилла американского типа, с двумя балконами. Теннисная площадка. Центральное отопление на один дом. “Зимний сад” — застекленная терраса, площадью около 20 кв. м. Вокруг нее проходила труба водяного отопления, на которой устроена лежанка, и на этом теплом днище стояли кадки с цветами. Две стороны террасы выходили в глубь сада, а одна — в сторону двора.

Был садовник — китаец. Питомник КВЖД присылал своих людей, которые приходили, подстригали сад, все налаживали. Обязанностью китайца-боя было следить за двором, качать воду и т.п.»

Владимир Дмитриевич, окончив Харбинские Коммерческие училища, в 1921 г. уехал в Америку; прожил там 28 лет, из которых 26 в Нью-Йорке. В 1949 г. возвратился в СССР, был научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, где я с этим интереснейшим человеком и познакомился. С 1971 года он неизменно давал отзывы на мои первые «писания» — тогда еще, конечно, только «в стол», по маньчжурским делам и высказывал некоторые соображения, весьма полезные для меня, за что я ему сердечно благодарен. Оставил мне свои интересные воспоминания.

Но вернемся к событиям в полосе отчуждения.

Далее, по приказу Чжан Хуансяна 14 марта 1920 г. китайские войска неожиданно, в часы служебных занятий русского Штаба охраны дороги заняли обширное здание этого штаба на Большом проспекте и подняли над ним китайский флаг. Вслед за этим китайская сторона объявила, что берет в свои руки полный контроль и всю полноту административной власти в полосе отчуждения, переименованной ею в Особый район Восточных провинций (ОРВП), и вводит сюда новые воинские части. Это означало ликвидацию Охранной стражи дороги (расформирована 15 июля 1920 г.) и русской полиции в Харбине и на линии. Но некоторые ее чины вошли в состав китайской полиции. Со-

хранив свою выправку и форму, «как мимолетная тень недавнего прошлого, — писал Е.Х. Нилус в «Историческом обзоре КВЖД», — изредка мелькают еще и теперь [это 1923 год. — Г.М.] на уличном фоне международного Харбина фигуры в серых солдатских шинелях со всеми атрибутами былого полицейского звания».

После захвата Штаба русской охраны дороги было расформировано и Управление военного коменданта города Харбина, которым в то время оставался ген.-майор Михаил Михайлович Иванов. Он жил в Модягоу и скончался 7 ноября 1935 г. в крайней бедности.

Ослабление русской охраны дороги и полиции вызвало, естественно, рост преступности в Харбине и на линии, где криминальная обстановка и так была на грани критической. Почти безнаказанно орудовали многочисленные хунхузские шайки, занимавшиеся грабежами и убийствами — главным образом своих же собратьев, китайцев. В городе было немало случаев похищения с целью выкупа детей состоятельных людей. Здесь действовали бандитские шайки, основной контингент которых часто составляли выходцы из СССР, свободно приезжавшие в Харбин и «работавшие» рука об руку с местными преступниками.

«Наименьшим злом», если так вообще можно выразиться в отношении преступности, были различного рода мошенники и мелкие грабители-воры. В основном китайцы; один, наиболее ловкий, получил прозвище «Ванька Золотой зуб» (но, видимо, под таким «именем» в действительности скрывалось несколько человек); была категория воров, прозванных «С добрым утром!» и специализировавшихся на ограблении квартир и беспечных домохозяек в ранние утренние часы, когда те либо еще спали, либо уходили в лавки за продуктами.

Имел место немало повеселивший обывателей случай, когда ловкие воры в 1922 г. сняли и унесли с собой всю сбрую у задремавшего у Железнодорожного собрания русского извозчика... Они так и остались непойманными. Был задержан китайский уличный торговец вразнос, у которого обнаружили четыре аршина разной длины... И тому подобное (особенно различные подделки и фальсификации), описания таких случаев можно умножить.

Но главной проблемой в это время оставались действия жестокой

и преступной, терроризировавшей город, банды некоего Корнилова, грозы Харбина, имя которого стало нарицательным.

Корнилов, Иван. В 1914 г. окончил Харбинские Коммерческие училища, был студентом Петроградского университета.

Начал с того, что попытался с сообщниками ограбить главный чуринский сейф. Чтобы проникнуть в помещение, они стали проламывать потолок; куски штукатурки упали и привлекли внимание сторожей. Был схвачен и получил год тюремного заключения. Выйдя на свободу, совершил при ограблении состоятельных коммерсантов города несколько убийств, нагнав страх на весь Харбин. Но некоторые считали его «героем», кем-то вроде Робин Гуда.

27 января 1923 г. Корнилов снова попал на скамью подсудимых за убийство семьи Фишберг и был приговорен к бессрочной каторге. После этого его сообщники — Ломаковский (приговорен за сбыт фальшивых денег) с женой — разработали план бегства из харбинской тюрьмы. Необычайно дерзкий побег прямо из зала суда на третий день Пасхи удался. Преступники разделились. Корнилов, заметая следы, вбежал в дом Мичкова, по внутренним лестницам «мичковского небоскреба» и крышам соседних домов пробрался на Кавказскую улицу, затем от угла к углу на Китайскую, дальше на Аптекарскую, затем на Артиллерийскую. Был ранен.

С Ломаковским встретился в Нахаловке. Здесь они приобрели запас продуктов и оружие. Меняя квартиры, переодеваясь и гримируясь, в течение двух месяцев Корнилов и чета Ломаковских скрывались на Крестовском острове, Интендантском разъезде, в Московских казармах и, наконец, на окраине Модягоу.

Корнилова не раз замечали, но, ловкий, он всегда ускользал от преследования. Одновременно шайка сводила счеты с людьми, которых она считала предателями, виновными в своем аресте, жестоко убивая их, и разрабатывала планы нападений еще на трех богатых харбинских предпринимателей с целью добыть денег для своего исчезновения из города. Мало того, находясь на свободе, они даже дали согласие одному предприимчивому американцу на съемки фильма о себе после своего сенсационного бегства, и такая кинокартина с их участием была создана!

Но на ноги были поставлены все агенты городского и железнодорожного сыска. Были обшарены все закоулки Харбина и его окрестностей. Круг поисков бежавших преступников неумолимо сужался. Наконец,

последнее убежище кровавой тройки было установлено точно. Стало известно, что Ломаковские по поддельным паспортам скрываются как квартиранты в Гондаттьевке (именно так ее название писалась ранее) — «небольшом, возникшем два года назад поселке на краю Модягоу», в доме Ромашева, по адресу Глебовский переулок, 1726 (это номер выделенного домохозяину железнодорожного участка), а Корнилов живет с ними под видом «гостя».

Глубокой ночью цепи полицейских окружили дом Ромашева и весь поселок. Как повествует газетная хроника, ранним дождливым утром 17 июня 1923 г. жителей поселка разбудил оглушительный залп. Первая мысль у них была о нападении хунхузов на расположенный рядом пороховой склад. Но тут дело было другое...

Из дверей дома выскочил успевший одеться Ломаковский с двумя наганами в руках и, дико закричав «Кто храбрый — стреляй!», пустился наутек в поле. По нему был дан залп, сделано еще несколько выстрелов, и бандит упал.

Корнилову предложили сдаться («Ванька, сдавайся, а то расстреляем!»). Наступило молчание, после которого по дому и постройкам был дан второй залп. Из уборной в углу двора раздались истерические женские вопли. Еще минута — и из дверей выползла раненная в обе ноги Ломаковская, первым вопросом которой к подбежавшим полицейским был «Что с Мишей?» (мужем).

Через некоторое время из выгребной ямы той же уборной вытащили и Корнилова, всего в нечистотах. «Не будь бабы — не поймали бы», — сначала нагло бросил он. Но, скрученный по рукам и ногам, вскоре совершенно поник и в автомобиле, отвозившем его в тюрьму, сидел смертельно бледный.

Ломаковский умер в 10 час. утра. Пятью часами позже в больнице Красного Креста ушла из жизни и его жена.

«Вставайте, Корнилов пойман» — такой фразой начиналось утро в двух третях харбинских квартир, — писала газета. Сыщики Иван Семенович Волков, помощник начальника Сыскного отделения Главного полицейского управления, и Александр Федорович Кирста, помощник начальника железнодорожного розыска, выследившие и арестовавшие Корнилова, были представлены к орденам и денежной награде.

Потом было следствие, выявившее весь спектр преступлений Корнилова, жизненный путь которого был усеян человеческими жертвами...

А тем временем...

23 июня газеты взорвались анонсом:

«В субботу 23 и воскресенье 24 июня
Корнилов и Ломаковский на свободе
в жизни после побега.

Только эта есть настоящая правдивая картина.

Снята и воспроизведена Пауль С. Кролей.

2000 футов захватывающих интересных походов легендарных бандитов. Смотрите, как они улыбаются и смеются. Как Ломаковский готовится к убийству, его различные методы и приемы в обращении с оружием. Картина полна жуткими моментами с начала и до конца и иллюстрирует агентов сыска, участвующих в поимке бандитов во главе с Кирста, Волковым и полковником Сун.

В театре “Весь Мир” картина будет сопровождаться также сеансами Театра Миниатюр “Водевиль”.

Дирекция П. С. Кролей».

Вскоре в газетах замелькало объявление о конкурирующей кинокартине:

«“Арест Корнилова и его сподвижников. Корнилов в кандалах” — фильм С. С. Машина о Корнилове.

Исключительная уголовная хроника. Настоящий Корнилов только у нас! Не давайте себя обманывать! Смотрите только нашу фильму!»

Картина была заявлена к демонстрации в «Модерне», первое время были аншлаги, выстраивались длинные очереди за билетами. Но вскоре наступило разочарование. Оказалось, что съемки были сделаны в Гондательевке: домик, в котором укрывался Корнилов, место, где смертельно ранили Ломаковского, оцепление улиц, чины розыска... Сама же картина поимки зафиксирована не была — по техническим причинам. Корнилов был снят уже в тюрьме.

Таким образом, как писали рецензенты, в картине «нет интригующих действий»; кроме того, Машин, вполне в современном духе, пережегал сцены своего фильма коммерческой рекламой: например, труп Ломаковского и призыв «Курите лучшие папиросы Лопато», снова какая-то сцена, и новая реклама, «совершенно затушевывающая впечатление самой фильму».

Машинская лента, демонстрировавшаяся в «Модерне», быстро потяла успех у зрителей.

Конкурент тем временем разворачивался все шире. Вот его объявление:

«Сегодня и завтра одновременно в двух иллюзионах — на Пристани в саду “Луна-Парк” (Комсоб) и в Новом Городе в “Новом Мире” демонстрируется сенсационная картина — “Корнилов и Ломаковский на свободе после побега” — снята Кролейем.

Фильма полна захватывающими моментами. Преступники оказались прекрасными кинематографическими артистами и с большим самообладанием провели свои роли. Они демонстрируют методы и приемы в обращении с бомбами и оружием, они готовят нападение и готовы к встрече с преследователями.

Фильма Кролея интересна тем, что снята с натуры.

Предстоит посмотреть тех легальных лиц, имена коих вот уже долгие месяцы не сходят с уст харбинских жителей».

А что это за «Луна-Парк» в Харбине?

Он был задуман артистом Шумским, как известный сад в Петрограде, и располагался на второй половине Летнего Коммерческого собрания (рядом с Городским садом на Пристани). Это была открытая сцена, где демонстрировались картины иллюзиона, разыгрывались миниатюры, шли отдельные аттракционы. Ему, конечно, было далеко вато до своего столичного собрата, но и харбинский «Луна-Парк» представлял собой место, где каждому было доступно провести вечер не скучая. Сюда перешла труппа «Сибкота» («Сибирского кота») со своей программой кабаре, во главе с артистами Ардатовым и Ромославским, выступал с поразительным художественным свистом Бегичев (оперные арии!), другие.

Но я отвлекся.

Однако как же вдруг оба бандита стали подвизаться в качестве артистов кино? Где снимали картину? (Говорили, что она снималась в Мукдене.) Правда ли вообще вся эта история?

Да. Все правда.

И снимались Корнилов и Ломаковский не в Мукдене, а в Харбине, смело появляясь в центре города и открыто разгуливаясь по самым людным местам.

Как выяснилось позднее, дело обстояло так.

Корнилов явился к американскому кинорежиссеру, предложил свои услуги, договорился о гонораре, получил аванс в 1000 (местных) долларов (остальные три тысячи он должен был получить 17 июня, но не успел), заключил контракт на участие в съемках — свое и Ломаковского. Кролей возил их обоих по городу в автомашине, производил съемки по своему заранее разработанному сценарию, в нужных ему местах. Один раз Корнилов даже снимался вместе со случайно встретившимся ему полицейским...

Картина была снята с чисто американской предприимчивостью и размахом и действительно являлась сенсацией. Но перед демонстрацией ее полиция предложила Кролею представить фильм на предварительный просмотр, от чего тот, как гражданин США, уклонился. Тогда полиция обратилась к американскому консулу, получила фильм, произвела в нем вырезки и в таком виде разрешила в прокат.

На суд над Корниловым публика допускалась в строго ограниченном числе и по заранее выданным билетам. Корнилов предполагал, что его будут судить по законам Советской России, но его судили по законам Китайской Республики.

В тюрьме И. Корнилов раскаивался. Он утверждал, что никогда не стрелял первым, что он по убеждениям анархист, что его мечта — уехать в Германию и там закончить образование. К перспективам приговора относился оптимистически.

— Я хорошо знаком с законами Китая. Ни одна статья закона, ни декрет президента о смертной казни в отношении европейцев не может быть применен ко мне, так как я никого из стражи не убивал и вооруженного сопротивления во время поимки не оказывал, — заявлял он. — Самое большее, что меня ожидает, — это 10-летнее заключение в тюрьме. При этом возможно также применение ко мне досрочного освобождения. Хотя, может, и через несколько лет, но я все-таки уеду в Германию... Мне же всего 30 лет, хочется еще жить...

У Корнилова была редкая память, ему хорошо давалось изучение китайского языка и вообще языков. Он расспрашивал о товарищах по Коммерческому училищам, интересовался, что дало им знание китайского языка. И когда узнал, что многие из них хорошо устроились и зарабатывают большие деньги, глубоко задумался...

Приговор суда Корнилову: смертная казнь.

Оставалась еще надежда — ведь он был иностранец... Но в октябре 1923 г. был издан указ президента Китайской Республики о распростра-

нении смертной казни на иностранцев, лишенных права экстерриториальности в Китае... А русские к этому времени уже давно были лишены этого права.

Иван Корнилов еще некоторое время содержался в тюрьме, но в конце концов смертная казнь была к нему применена — в соответствии с китайскими законами — путем медленного удушения.

Но я забежал вперед и нарушил хронологию повествования. Вернусь к 1920 году.

Всем событиям этого, самого тяжелого в истории дальневосточной эмиграции, года одним лишь отстранением Д.Л.Хорвата не суждено было завершиться.

23 сентября последовал указ президента Китайской Республики о прекращении полномочий посольства бывшей Российской империи в Китае. Пекинское правительство заявило о непризнании русского посланника и консулов, отмене экстерриториальности русских в Китае, переходе их под защиту и покровительство китайского правительства и о передаче бывших русских концессий в Тяньцзине, Ханькоу и Шанхае новому созданному Особому бюро по русским делам.

На другой же день — 24 сентября — «в связи с переходом банка под французское покровительство» над зданием Русско-Азиатского банка в Харбине был поднят французский флаг.

Российское посольство в Пекине в эти и последующие дни:

«Над чугунными воротами уже спустили торжественно и медленно трехцветный флаг.

Почтенный бой из привратничкой встречает посетителей без прежнего предупредительного внимания, и его французский язык с трудом поддается уяснению.

Роскошная усадьба с дорожками, усыпанными гравием, с причудливо, в тени деревьев, разбросанными скамеечками для отдыха, клумбами, с площадкой для тенниса и домами, такими просторными, уютными и барскими...

Дома, тонущие в зелени, с террасами, куда никогда не посмеет проникнуть палящее солнце, беседки в виде пагод, пальмы, кипарисы, туи, и дурманящее благоухание цветов, и страстный звон цикад.

Комфортабельные кабинеты с тяжелой мебелью, с кожаными холо-

дящими креслами, куда так заманчиво скрыться от нестерпимой жары; можно с таким уютом тянуть коктейли... Здесь перебивали все...

Здесь начал Колчак, когда возвращенный телеграммой Кудашева из Месопотамии, войдя в кабинет князя, он произнес своим глухим, но внятными голосом знаменательные слова: “По приказанию английского правительства прибыл в распоряжение Вашего Сиятельства”»...

Таким увидел российское посольство журналист, побывавший в нем вскоре после описанных выше событий.

Здесь нужно сказать и о том, что все белые правительства Сибири и русского Дальнего Востока считали все российское население полосы отчуждения КВЖД — гражданами России.

С российским гражданством жителей полосы отчуждения было связано и то обстоятельство, что молодежь призывного возраста в Харбине и в Манчжурии в целом призывалась в армию — разумеется, в Белую. Судьбы призывников складывались по-разному.

Вот пример одного из них — Василия Павловича Тешина. Родился 2 июля 1899 г. в Нижегородской губернии. В Харбин прибыл с родителями в 1901 г. Учился в гимназии Андерса, затем в StLois College в Шанхае (3-годовалый курс), вернулся в Харбин. Работал на Табачной фабрике Лопато, обеспечивавшего своим служащим великолепные условия...

И вот 24 марта 1919 г. по досрочному призыву в армию Колчака был мобилизован и отправлен в Раздольное Приморской области. Стал рядовым в конно-пулеметной команде Приморского Драгунского полка. Здесь вступил в революционную организацию, возглавлявшуюся большевиками-фронтовиками П.В.Коноваловым и Г.И.Исаевым. Служил во 2-м Революционном кавалерийском полку Народно-революционной армии. С выступлением японцев в ночь на 5 апреля 1920 г. был принужден вернуться в Харбин.

Благодаря родственнику, служившему в белом штабе, эти обстоятельства биографии ему удалось скрыть. Работал в фирме компаньона отца — рыбной торговле бр. Трезубовых. (Водопроводная ул., 24). Высокое социальное положение, превосходные условия жизни не позволили развиваться в этом человеке чертам какого-то экстремизма; политикой он более не занимался, но отличался демократическими взглядами. Ушел в личную жизнь, в охоту, которая, наверное, отняла половину его жиз-

ни... Как исключительно честный и добросовестный работник, всю жизнь получал хорошее вознаграждение за свой труд.

Тешины — Павел Васильевич и Татьяна Илларионовна — уроженцы Нижнего Новгорода, купеческая семья, занимавшаяся рыбным делом. В Маньчжурию приехали в 1901 г. с целью расширения своих торговых предприятий. Ими был открыт магазин, построена коптилка, приобретен собственный дом (Короткая ул., 12). Большая семья: кроме старшего сына Василия, — Анатолий (1910), дочери Анна (1906), Фаина (1908), Анастасия (1915).

И в этой вполне благополучной семье происходит трагедия. Родив Настеньку, Татьяна Илларионовна внезапно, без каких-либо видимых причин, кончает жизнь самоубийством...

Почему обо всем этом так подробно?

Это семья моей прелестной жены Таюши — Таисии Васильевны Мелиховой, урожденной Тешиной...

Деятельность русских судебных учреждений в Харбине (по праву экстерриториальности русские имели свой Пограничный окружной суд, председателем которого бессменно с 1898 г. состоял Василий Александрович Скворцов) была официально закрыта 1 октября 1920 г. Это тоже была крайне критическая ситуация, когда русские в Китае на какое-то время оставались «без своего и чужого суда».

Российскими учреждениями в зоне Китайской Восточной железной дороги теперь оставались только Общественные управления г. Харбина, г. Маньчжурия и линейных поселков.

Харбинское общественное управление (ХОУ) со своей прекрасной, проверенной временем всеохватывающей структурой (Собрание уполномоченных, Городской совет) тоже было движущей силой развития города как в экономическом, так и в культурном отношении, и всему голова. Оно работало хорошо, но, конечно, всегда оставалось множество недоделок, которые давали богатую пищу русской харбинской прессе, метавшей свои сатирические молнии чаще всего в различные структуры горсовета. Про его председателя П. С. Тишенко в этой связи в шутильной газетной «Харбинской энциклопедии» так и говорилось: «Тишенко — Главный предмет питания всех харбинских фельетонистов».

Председателем Собрания уполномоченных был профессор Юридического факультета в Харбине Г.К. Гинс; его заместителем — крупный

русский педагог, начальник Учебного отдела КВЖД Н.В.Борзов. Уполномоченными были русские, китайцы, японцы, по одному-два представителя некоторых европейских стран. Избирались они на трехлетний срок. Собрание имело ряд постоянных комиссий: Ревизионную (председатель Н.Л.Гондатти), Оценочно-налоговую (Д.П.Качесов), Бюджетную (П.И.Кузнецов), Инициативно-финансовую (Я.Р.Кабалкин), Школьную (Н.В.Борзов), Врачебно-ветеринарно-санитарную (И.Я.Оксанов), Строительную, Трамвайную и Попудную (возглавлявшиеся архитектором Ю.П.Ждановым) и Благотворительную (предс. И.Я.Яппо).

Я уже писал об обсуждении на Трамвайной комиссии актуального для города вопроса о пуске трамвая («Маньчжурия далекая и близкая», книга первая). Тогда имело место острое соперничество японской и китайской фирм, стремившихся получить концессию на проведение трамвая. Предпочтение было отдано китайской компании. Японцев это решение, конечно, не удовлетворило.

Страсти вокруг трамвайной концессии вылились в оригинальную форму высмеивания одним конкурентом другого. Несколько дней подряд по Водопроводной улице среди бела дня взад-вперед на лошадиной тяге таскался бутафорский трамвайный вагон, сделанный из китайских арб и брезента. За ним по мостовой волочилась помятая жестяная банка. В вагоне сидели японцы. А снаружи были помещены карикатуры и надписи на китайском языке. Была одна и на русском: «Скоро! Скоро! Еще только 13 лет — и обыватель получит трамвай!»

Зрелище привлекало внимание прохожих...

Председателем Городского совета много лет подряд был бессменный (и бессмертный) П.С.Тищенко, один из наиболее уважаемых старожилов Харбина, его историк и бытописатель, знаток харбинских обычаев и привычек.

Петр Семенович Тищенко родился 21 января 1879 г. По образованию востоковед: с отличием окончил китайско-монгольское отделение Восточного института (1906). Старейший собрат по перу харбинских журналистов — помощник редактора и редактор официоза КВЖД — «Харбинского вестника». Автор серьезного труда «Китайская Восточная железная дорога, 1 июля 1903 — 1 июля 1913» (Харбин, 1914).

В его активе — многолетнее руководство харбинским самоуправлением. Он Городской голова, председатель Городского совета ХОУ (сен-

тябрь 1917—20 марта 1926) вплоть до ликвидации китайскими властями русского муниципалитета в Харбине.

Исключительно широко печатался в местной прессе: статьи по истории Харбина, краеведению, о харбинских старожилах; талантливый фельетонист. Большое число малоизвестных исторических фактов в его публикациях делает их исключительно ценными для исследователя прошлого г. Харбина.

Члены горсовета — П.П.Крынин, Ли Шаогэн, Н.С.Лопухин, Лю Миншэнь, В.А.Семянников, Сеогеро Сеодзи.

Несколько слов о них.

В непосредственном заведовании Тишенко находились: Канцелярия, Юридический отдел, Городская аптека, Карета скорой помощи, Амбулатория. Под началом Крынина были: Хозяйственный отдел (с отдельными объектами, в числе которых, в частности, был Городской сад), Врачебно-санитарный и Ветеринарный отдел — с соответствующими учреждениями; он заведовал и образовательными учреждениями Учебного отдела ХОУ (инспектор В.М.Анастасьев), в подчинении которого находились Городское высшее начальное училище и Первое—Пятое городские училища. У Лопухина были Торгово-налоговый отдел, Страховой фонд, Бухгалтерия, Касса. В ведении Семянникова — Строительный отдел и Попудный сбор (обоими руководил инженер М.М.Осколков), Мостовой сбор и отдел концессий.

Структура русского муниципалитета Харбина охватывала, как мы видим, все стороны хозяйственной жизни города.

В это время горсовет принял решение построить каменные Торговые ряды в Новом Городе — напротив Чурина, на углу Новоторговой и Большого проспекта — и они быстро были построены. Это ряды Городского Пассажа. Часть их по Большому пр. между Новоторговой и Стрелковой ул. и получила название Пассаж Товарищества, состоявший из более чем 80 контор и магазинов.

Теперь несколько слов еще об одном деятеле Гражданской войны на Дальнем Востоке — атамане Григории Михайловиче Семенове.

3 июля 1920 г. была опубликована декларация правительства Японии об эвакуации воинских сил, поддерживавших Семенова, из Забайкалья. Семенов обратился с просьбой к японцам приостановить эвакуацию,

но получил отказ, ибо, как заявила японская сторона, этого «не позволяет положение, которое нас со многих сторон жмет».

События в Забайкалье с этого момента наряду с собственными страданиями теперь были постоянно в центре внимания Харбина, и все местные газеты их подробно освещали. Вопрос об оставлении Читы вплотную встал перед атаманом уже в августе 1920 г. Военная эвакуация «столицы» закончилась в середине месяца. 20 октября Семенов на аэроплане улетел из Читы на станцию Даурия. Семеновцы спешно отступали на юг, к китайской границе. Запасные пути пограничных станций Оловянная, Даурия были забиты воинскими эшелонами с деморализованными чинами бывшего грозного Особого Маньчжурского отряда, военнопленными немцами, австрийцами, венграми, отставшими от своих эшелонов чехословаками и их семьями, классными вагонами с бесчисленными семеновскими штабными и интендантскими учреждениями, охваченными паникой и разложением.

«На 5-м пути, — писала «Заря», — в одном из вагонов мрачного атаманского броневика вдруг открылась “золотая жила”. Вконец растерявшийся начальник личной канцелярии атамана раздавал хранившееся у него золото по бумажке любого генерала, которых в свое время Семенов производил десятками. Золото раздавалось прямо в слитках».

По оценке харбинской просоветской газеты «Вперед», у Семенова перед эвакуацией Читы было, якобы, 800 пудов золота. Так это или не так — теперь трудно проверить, но факт этот подтверждается многими очевидцами.

Через два дня Даурия была занята частями армии Дальневосточной республики и партизанами. В ночь с 25 на 26 октября Семенов покинул свои войска и бежал в Маньчжурию. Семеновская эпопея в Забайкалье закончилась. Однако окружения семеновско-каппелевских частей, тоже отступивших в Маньчжурию и Монголию, Народной армии ДВР осуществить не удалось. Белые войска, численностью более 20 тыс. чел., и хлынувшая вместе с ними волна беженцев захлестнули первый пограничный, уже на китайской стороне, город Маньчжурия и ближайшие к нему станции Западной линии КВЖД — место, где всего два года назад возникло семеновское движение.

Станция Маньчжурия (город с Маньчжурским общественным управлением с 1908 г.). Здесь, где зимой 1917 г. в гостинице «Никитинское

Подворье» формировались штабы Семенова и Унгерна, семеновское движение осенью 1920 г. нашло свое последнее убежище после разгрома на территории России.

Город Маньчжурия...

Был заложен в 1900 г., начале постройки КВЖД со стороны России как первая станция дороги от конечного пункта Забайкальской линии, на русской территории, на голом пространстве, окруженном сопками, которые вскоре получили русские названия — Сахарная, Офицерская, Синие горы — на самой русско-китайской границе. Возник русский город, со строгой планировкой, прямыми, чистыми, перпендикулярно расположенными друг к другу улицами. Присутствие 25-тысячной армии строителей КВЖД, выгодное географическое положение (район, где смыкались экономические интересы Китая, монгольской Барги и русского Забайкалья), близость озера Далайнор с его богатейшими рыбными запасами, Чжалайнорских угольных копей — придали развитию станции стремительно быстрый, просто сказочный размах. Были построены Св.-Иннокентьевская церковь, вскоре ставшая собором, Св.-Серафимовский храм, возникло Железнодорожное собрание, затем Общественное собрание, Русский клуб, школа, ставшая классической русской гимназией им. И.А.Крылова, железнодорожная школа — обе с превосходным педагогическим персоналом, потом появились татарская, еврейская и китайская начальные школы, католический костел, синагога, мечеть, китайский храм. Уже в 1908 г. станция Маньчжурия получила статус города; здесь было создано Маньчжурское Общественное управление; начала издаваться собственная «большая» (очень интересная!) газета «Зарубежная мысль» и позднее — «Живое слово». Открылось Российское консульство, русская и китайская (она называлась Английская морская, так как всеми таможами Китая в то время заведовала Англия) таможни, появились консульства Японии и даже Германии.

Несмотря на такой, подлинно интернациональный, характер города, в нем строго соблюдался традиционный русский уклад жизни, о котором так тепло написал Евгений Зайнитдинов в НСМ (№ 12, октябрь 1994).

Что же стало с этим тихим патриархальным городом глубокой осенью и зимой 1920 г.?

Внезапный наплыв огромной людской, разношерстной массы — более 20 тыс. чел., часто не имевших даже своей крыши над головой. Сме-

шение языков и народов, всех классов и сословий прежней России. На одном полюсе — обезоруженные при переходе китайской границы, деморализованные в результате поражения казаки, остатки еврейской, бурятской, китайской и прочих семеновских национальных «рот», монголы-хорченцы, каппелевские офицеры и солдаты — все в разной военной форме, с разными знаками отличия. Между ними бывшие военнопленные. Все бездомные, голодные, оборванные.

На другом полюсе — узкий круг высших семеновских офицеров, многие из которых сколотили себе за время пребывания в Забайкалье порядочный наличный капитал; состоятельные бывшие сибирские и забайкальские крупные и мелкие заводчики и купцы, тоже с немалыми деньгами; местные состоятельные предприниматели и коммерсанты; сытые и обеспеченные старые железнодорожные служащие.

Взаимные претензии и сведение счетов. Кошмарные зимние ночи — драки, грабежи, убийства, — усугубляемые налетами с «той стороны». Горечь поражения, отчаяние сходились рука об руку с бесшабашным желанием прожить «по-старому» еще хотя бы денек, прогулять, выиграть или проиграть все, что оставалось в кармане. Расцветали и сгорали десятки ресторанов, увеселительных заведений, опиумных притонов, игорных и публичных домов.

Но наплыв большой массы людей должен был вызвать к жизни и действительно вызвал подлинную предпринимательскую активность, благо капитал для этого имелся. Открылись 60 ресторанов, гостиниц и постоялых дворов, 150 различных мастерских. Уже в 1921 г. в городе работали 1115 торгово-промышленных предприятий, половину из которых составляли мелкие. Это были бакалейные, гастрономические, чайные, винные, табачные, обувные и мануфактурные магазины, мясные, кондитерские и хлебопекарни. Наиболее крупными торговыми предприятиями были те, которые занимались торговлей с монголами и экспортом сырья (шерсти и пушнины). Это были фирмы: братьев Акчуриных, Бидермана, Ганина, Кауфмана, Трухина и Смолянского и другие. Братья С.Ф. и Д.Ф. Ганины в своем овцеводческом хозяйстве занимались также метизацией монгольской овцы с мериносовыми баранами. Среди имевшихся 10 фабрик и заводов следует назвать кожевенный завод Катаева, мыловаренный — Якома, пивоваренный — М.Н.Суринова, мукомольную мельницу М.К.Жданова и Ко, три во-

дочных завода, три обувные фабрики и три кондитерские. Большая роль в экономике города, не имевшего собственных источников сырья, принадлежала складам — топлива и лесных материалов братьев Воронцовых, сена — Проскурякова, Колодяжного, Навтановича.

1921 год был годом наиболее благоприятным для экономики г. Маньчжурия, вслед за которым наступил упадок. Из-за постоянного оттока населения (1923 г. — 18,3 тыс. чел., 1924 — 13,6 тыс. чел., 1925 — 12,0 тыс. чел., из которых русских было 8,5 тыс., китайцев — 3,0 тыс., прочих — 0,5 тыс.) количество предприятий неуклонно сокращалось, падали и доходы МОУ.

Однако культурная и благотворительная жизнь в городе не замирала.

Во главе последней стоял епископ Иона Ханькоуский, позднее причисленный Русской православной церковью за границей к лику святых. О нем существует большая литература.

С разгромом Семенова в Забайкалье и уходом массы казаков в Маньчжурию новый импульс для развития получило Трехречье.

Трехречье в административном отношении тяготело к г. Хайлару, но несравненно больше, в духовном плане — к Харбину.

Знакомство русских землепроходцев с северо-западной частью Барги началось еще в XVII веке. Русский Аргунский острог (заложен в 1682 г.) был поставлен на правом берегу Аргуни и утвердил власть Русского государства над местным населением этого района вплоть до Большого Хингана, где только и начинались границы Срединного царства (Китай). Но по Нерчинскому договору 1689 г. между Россией и Цинской империей, единственная, действительно установленная договором граница между двумя государствами была проведена именно по Аргуни «до самых ее вершин» и остается с того времени, уже более 300 лет, официальной государственной границей между Россией и Китаем. По этому договору Аргунский острог в устье Аргуни русские люди должны были перенести с правого на левый (русский) берег, что и было сделано. Вдоль реки, с русской стороны были поставлены казачьи караулы; с китайской стороны никакой охраны не было. В этих условиях экономические, торговые и прочие связи народов двух стран, «разделенных» этой границей, сохранялись и нормально развивались. Равно как и их глубоко дружественные отношения. И с разрешения местных маньчжуро-

цинских властей забайкальские караульские казаки пригоняли сюда на правобережье свой скот на выпас, заготавливали сено, охотились, вели взаимовыгодный торг с местным населением. Многие казаки имели здесь постоянные заимки.

Такое положение сохранялось на Аргуни вплоть до революции.

Гражданская война, вспыхнувшая в Забайкалье, велась обеими сторонами с исключительной жестокостью и переменным успехом в течение более пяти лет (1917–1922 гг.). К примеру, пограничный пункт Цурухайтуй на самой китайской границе пять раз переходил из рук в руки. Раскалывались семьи, брат шел на брата. Царили безвластие и произвол. Лидия Ивановна Пинегина, коренная забайкальская казачка, приводит в воспоминаниях рассказ своей бабушки, которая в дни бесконечной смены власти выходила на крыльцо дома и садилась с дробовым ружьем в руках. На плечах телогрейка, а под нею на левом плече царский погон — не помню какой — кажется, подполковничий, а на правом плече — красный бант. В зависимости от того, кто приходил, заявлялся и посягал на имущество, она приоткрывала соответствующее плечо и кричала:

— Не дам! Не позволю! Стреляй! С ю д а...

И всегда выходила победителем. Да и Пинегиных в Старом Цурухайтуйе все знали и грабить не решались.

Мирное казачье население Приаргуны было измучено непрекращающимися столкновениями, и не удивительно, что в этих условиях многие казаки, особенно из приграничных станиц, еще до разгрома в Забайкалье Семенова предпочитали уйти от бесконечной смуты или, по крайней мере, обеспечить безопасность родных и близких, для чего переправляли их с кое-каким имуществом на свои заимки на китайском берегу.

Так еще задолго до завершения кровавой схватки в Забайкалье здесь, на правобережье, стихийно возникали казачьи поселки. В последующем они стали концентрироваться в плодородных речных долинах правых притоков Аргуни, т.е. в Трехречье. События сентября—октября 1920 г. добавили к этому казачьему населению массу казаков, которые отступили в Маньчжурию под натиском «красных». Здесь они были разоружены китайскими властями, и большинство вернулось к мирному труду — сельскому хозяйству, дав всей последующей жизни пример упорства и мужества русских людей, закинутых на чужбину, и заложив основу своего будущего благосостояния. Казачьи поселения, постепен-

но распространяясь в глубь Барги, в конечном счете достигли линии КВЖД в районе станции Якешу.

Так начиналось становление Трехречья. Но какие факторы способствовали развитию и расцвету этого края?

Казаки, естественно, продолжили здесь традицию своего демократического самоуправления: в поселках — выборные атаманы, в центре — одной из трехреченских станиц (Драгоценке) — станичный атаман. Традиционным оставался и быт, в основе которого лежал каждодневный труд.

Внешние, так сказать, обстоятельства способствовали налаживанию нормальной жизни. Китайские власти в 1917—1931 годах оставили казаков в покое, не вмешиваясь в их дела. Китайского населения в Трехречье не было, а по этой причине не могло возникать и конфликтов, которые потребовали бы вмешательства китайской администрации в Хайларе. Никакой воинской повинности, как было на Родине, здесь, в Китае, казаки как иностранцы не несли. А казачья повинность в России, напомним, была действительно очень нелегкой. Каждый из сыновей уходил служить, т.е. отрывался от хозяйства, на четыре года; каждый должен был явиться на службу в полном казачьем форменном обмундировании (казенным было только оружие) и на собственном коне, в полной верховой конской сбруе (казачье седло, переметные сумы, уздечка, недоуздок). А в семье по три-четыре сына... Затраты были немалые!

В Китае же ничего этого не было. Все взаимоотношения с китайской администрацией начинались и кончались сбором с казаков налогов.

Налог собирался на месте приезжим из Хайлара китайским чиновником, который сам определял и размер этого налога, — пишет Н.С. Сибиряков («Конец Забайкальского казачьего войска, с. 223—224). — При этом чиновник соблюдал прежде всего интересы свои, интересы Цицикарской провинции и управляющего провинцией генерал-губернатора. Угощения, подарки побогаче от всего сельского общества, жалобы на неурожай, падеж скота — и налог облегчался, отнимая от хозяина лишь малую толику его доходов. А низкие налоги — это возможность расширенного воспроизводства, т.е. именно то, на чем и основывалось возрождение и бурное развитие хозяйств эмигрировавших в Китай казаков-забайкальцев. По их признанию, Трехречье было в этом отношении подлинным «золотым дном».

Как протекала жизнь в первые годы? Ежегодный — обычный круг

сельскохозяйственных работ: поднимали целину, сеяли пшеницу, собирали, как правило, богатые урожаи; заготовливали сено, выращивали возраставшее поголовье скота — овец, коров, лошадей. В страдную пору семья трудилась с утра до вечера.

Но и отдыхать тоже умели и не забывали. Отмечали все православные праздники — в особенности Рождество, Масленицу и Пасху. В девяти крупных поселках были построены храмы, в каждом — школа. Праздновали с присущими казакам традициями и обрядами, широкими пирушками, неудержимым весельем! «В Рождество и на святках, — вспоминает Н.С.Сибиряков, — христославщики, маскарадные карнавальчики с ряжеными, обходившими все дома подряд, строительство баррикад из саней поперек улицы. А бывало, пока казак бражничает в гостях у друга, перевозжают его застоявшегося на морозе коня вместо удил за неподвижную часть упряжи. Дурная шутка, а шучивали. Выйдет захмелевший гость, отвяжет лошадь, нукнет.. и понесет неуправляемый конь. Хорошо, коли только ушибами отделается седок. На Масленице — кавалькады: всадники и всадницы на лошадях и верблюдах, тройки, где в кореню лишь хомут да дуга. Женщины в ярких шальях, полошущихся при скорой езде. На Пасхе — высоченные общественные качели. Визг, хохот, испуганные крики, когда стоящие на козлах парни так раскачают, что того и гляди через матицу полетишь».

С местным населением — в основном тем же, что и в соседней России — тунгусами, эвенками, монголами — связь казаков всегда была крепкой, и иначе быть не могло. Контакт с ними просто нельзя было не иметь. Ведь все занимались одним общим делом — будь то скотоводство или охота. Монголы были пастухами, которые пасли казачьи табуны, стада коров, отары овец. Монголки и бурятки приезжали в казачьи станицы выделывать шкуры, стегали и шили одеяла из мерлушки. Русские же выделывали кожи, сбивали войлоки и снабжали ими монголов. Сложилось тесное, но четкое разделение совместных обязанностей и совершенно естественные контакты. Народы Барги и Трехречья хорошо знали уклад и быт соседей, их праздники. Всем им было присуще широкое гостеприимство.

С «той стороной» тоже сохранялись и поддерживались своеобразные отношения. Была и открытая вражда, но друг в друга через реку не стреляли. Были и разделенные семьи: например, родной брат живет через

Аргунь... Контакты тоже поддерживались, разного рода. Но в основном до 1929 года...

Не только сохранялось, но и культивировалось высокое искусство лихой и отважной джигитовки — недаром на Всеманьчжурском Конном празднике в Харбине в 1942 г. она вызвала бурный восторг тысяч собравшихся зрителей — русских, китайцев и японцев (особенно у последних).

А на состязаниях в столице Маньчжоу-дого — Синьцзине (Чанчуне) призовые места заняли казаки Пешков, Родионов и Плотников...

К моменту возникновения советско-китайского конфликта, по данным И.И.Серебренникова, в речных долинах Барги насчитывалось около 800 русских земледельческих хозяйств с населением до 5 тыс., в частности, в районе Трехречья обосновалось 21 русское селение с 375 хозяйствами и населением свыше 2 тыс. Они просуществовали здесь до середины 50-х годов.

Но цифра народонаселения Трехречья нуждается, на мой взгляд, в серьезной корректировке. Японские власти оценивали численность казаков в Трехречье цифрой в 5,5 тыс. Тоже, по-моему (намеренное?), преуменьшение. А может быть, просто не учитывалась многочисленность казачьих семей? Мало было семей, имевших менее восьми детей, а были и с пятнадцатью, — утверждаю это не я, а Н.С.Сибиряков. Иметь много детей — это было и необходимо: не хватало, совершенно не хватало рабочих рук.

Что особенно хочется подчеркнуть, завершая раздел о жизни казаков в Трехречье, так это их верность традициям и знание своих корней, предков, верность заветам предков. Об этом хорошо говорит поэт Алексей Ачаир — сам казак Ачаирской станицы, в стихотворении «Деды»:

— Ты знаешь, кто был дед
и кто был прадед дедов?..
Ты говоришь все деды...
А много было дедов?
— Их было девять, сын,
пришедших на восток.
— А ты, отец, ты будешь,
значит — стой —
Который дед? Десятый?
А нередко

И мать, и ты меня зовешь
вот так же: детка, —
Одиннадцатый дед!.. Вот как
смешно: все дед!
А я без бороды. Мне только
восемь лет..

И смотрит мальчуган — то
на отца, то в дали.
Пред ним, пред малышом, все
деды смиренно встали
И каждый говорит, как сказку,
про судьбу,
Как все они вели жестокую
борьбу,
Как строилась земля, как
ширилась веками,
Как охранялась Русь своими
казаками...
Как Бульба воевал, как вырос
Тихий Дон,
Как забурлил Яик и стал
защитой он..
Как, раз пустив струги по
Чусовой с Урала,
Россия возросла и как великой
стала,
Из всех чудесных стран
чудеснейшей страной...
Так дедовская Русь
построена и мной? —
И мальчик — пасынок страны
страны своей, в изгнанны
Прижавшийся к отцу, весь в
робком ожиданьи:
Когда его страна — где он
не может быть, —
Всех дедов и его научится
Любить?!

Теперь еще немного об атамане Семенове.

Объективная оценка участия атамана в Гражданской войне уже дана мной в книге «Российская эмиграция в Китае». Повторяться нет необходимости. Но здесь я хотел бы дополнительно обратить внимание на еще одну черту, характеризующую режим атамана, узнать о которой, на верное, станет неожиданностью для многих.

К чести атамана, во время его правления на территории Забайкалья (и вообще Сибири) не было никаких еврейских погромов, которые в то время, к сожалению, широко происходили на Украине, в Галиции и Польше. Напротив, свободу самовыражения и возможность заниматься разнообразной деятельностью, в том числе религиозной, получили все национальные общины края, и в том числе еврейские. Официальный орган Сибирского казачьего войска «Сибирский казак» в ноябре 1919 г., опровергая слухи об якобы готовящихся погромах, писал: «Кзаки — не погромщики, казаки — честные воины, идущие на врагов народа с оружием в руках, но никогда казаки не обращали и не обратят свой священный гнев против мирных граждан, против безоружных и незащитных людей. Разве могут быть евреи, мирно проживающие в городах, под защитой русского закона и правительства, ответственными за действия еврейских комиссаров и большевиков? Нет! Там много и немцев, и мадьяр, и изменников латышей, и русских изменников. Их много больше, чем евреев, и они составляют главное ядро красноармейцев... Мы, казаки, всегда на страже и по первому слову правительства уничтожим банды погромщиков, если таковые появятся».

Г.М.Семенов не делал и каких-либо заявлений с обвинением евреев в российских бедах. Широко известен факт существования в его войсках отдельной еврейской роты. Очевидно, как признание его позиции в отношении евреев, осенью того же 1919 года атаман получил от С.Л.Скидельского чек на 100 тыс. руб. для приобретения теплой одежды для казаков. В ответном благодарственном письме Семенов писал: «Милостивейший государь, Соломон Леонтьевич, извещаю, что Ваше щедрое и доброхотное пожертвование на 100 тыс. руб. на теплую одежду доблестным казакам мною получено и направлено по назначению. Считаю своим приятным долгом отметить Ваш истинно гражданский и чисто патриотический поступок, особенно ценный в настоящее время, когда государство переживает тяжелые финансовые затруднения. Пусть этот Ваш благородный порыв помощи армии послужит добрым

примером для других граждан и выведет их из преступной индифферентности и пассивности к несчастьям, переживаемым дорогой Родины. Прошу принять от меня и армии сердечную благодарность и уверения в совершеннейшем почтении» (*Романова В. В.* Евреи на Дальнем Востоке России. Хабаровск. 2000, с. 140, 150–151).

Ну, а в Харбине?

Для Харбина были вообще характерны широкие экономические возможности, атмосфера национальной и религиозной терпимости, либерального отношения к евреям, созданная демократической администрацией КВЖД, отсутствие антисемитизма. Среди первых строителей дороги, ее инженеров, подрядчиков, а также торговцев и промышленников города было много евреев. Харбинская еврейская духовная община (ХЕДО) возникла здесь уже в 1903 г. Солдаты-евреи принимали участие в русско-японской войне, и многие проявили в ней смелость и мужество. Так, Иосиф Трумпельдор — впоследствии один из создателей Еврейского легиона, сражавшегося в Первую мировую войну против Турции, — потеряв в боях с японцами левую руку, все равно остался в строю; он — полный Георгиевский кавалер, имевший все четыре степени этого высокого ордена Российской армии.

К этому военному времени относится и открытие в Харбине Еврейского кладбища — сегодня единственного из сохранившихся во всем Китае...

И теперь я хочу рассказать о таком явлении в жизни Харбина, как русско-еврейская культура.

...Этот мягкий южный говор. Юмор. Еврейские словечки. Совсем так же, как в Одессе. Темперамент — тоже южный. И глубокая внутренняя культура. Понимание твоих проблем и огорчений.

Теплота семейных отношений. Преданность семье. Еврейский быт Харбина...

Сколько о нем можно рассказать... Еврейские праздники, которые праздновали и русские, которые *о т ч а с т и* — нет, тоже в очень многом — по названиям, а главное, по своему духу — были *н а ш и м и*.

Еврейский Новый год. Праздник этот не из веселых. Он длится два дня и наполнен утренними, дневными и вечерними богослужениями в двух харбинских синагогах. Особенность службы — трубные звуки, издаваемые через рог. Смысл в том, что эти торжественные трубные звуки должны вызывать в памяти акт Сотворения мира; Десять запове-

дей Божьих тоже были даны людям при трубных звуках. Эти два дня праздников еврейские учреждения и магазины закрыты; приносятся взаимные поздравления.

Совсем иной характер носит еврейская Пасха — с гуляниями и хрусткой белой мацей, и особенно веселый Праздник Кушей (Кучки) — с карнавалами и переодеванием. Все это было с нами — рядом, многие годы.

Мои школьные и пристанские друзья, которых я вспоминаю в связи с этими праздниками и нашими вечеринками, играми за Сунгари, — Коля (Николай Товиевич) Пешковский, Гаррик Вольфенштейн (по прозвищу «Вольф» или «Пинчер»), Натан Рывкин... Где вы?

Многочисленные еврейские коммерсанты и предприниматели Харбина и Маньчжурии... Высокая коммерческая культура, хватка, деловитость. И честность. Никогда не подведут своего компаньона. Это я знаю отнюдь не понаслышке. Мой отчим, Иван Андреевич Миронов, тоже коммерсант, многие годы работал с компаньонами-евреями — Иосифом Коссовским, Лазарем Берковичем, другими.

Многих я знал: они часто бывали у нас в гостях.

Замечательный пласт еврейской русской культуры был частью жизни харбинцев — и производственной, и общественной. Он безвозвратно исчез — вместе с русским Харбином. И исчезает сегодня у нас в России, на Украине, даже в Одессе... А жаль! Сами того не замечая, мы теряем очень многое и в н а ш е й культуре и пойдем это, видимо, к сожалению, слишком поздно!

Как было в Харбине? Конечно, было всякое... Но не побоюсь, повторю: Харбин жил без сословий, без черты оседлости. Отвергая какую-либо дискриминацию в отношении евреев, харбинская «Маньчжурская газета» еще в 1912 г. писала:

«Совет Китайского [! — Г.М.] коммерческого общества выступил против здешних евреев-коммерсантов... Неуместно переносить какой-либо еврейский вопрос сюда, в русскую колонию, где мы должны поддерживать престиж культурной страны и, как таковой, долженствующей признавать равноправными между собою все народности, населяющие ее».

Вопрос этот обсуждался на заседании Харбинского Биржевого комитета. «Биржевой комитет находит рекомендуемую меру неприемлемою как по принципиальным, так и по практическим соображениям, — та-

ков был итог этого обсуждения. — Все русские подданные в Маньчжурии, как и всюду в Китае, пользуются совершенно одинаковыми правами и одинаковым покровительством России перед китайским центральным правительством и местными туземными властями. 12-летний опыт жизни Харбина говорит наглядно о возможности мирного сожительства русских подданных всех национальностей при полном отсутствии антагонизма между ними. Изменять этот порядок Биржевой комитет не видит решительно никаких оснований.

Что же касается практической стороны вопроса, то всякое ограничение русско-подданных евреев в правах нанесло бы чувствительный удар русскому делу в Маньчжурии, потому что евреи занимают весьма видное место в нашей торговле и промышленности в этой стране, вложив свой труд, свои знания и свои капиталы во всевозможные предприятия именно в Харбине и вообще на русской концессионной территории».

Еврейская община Харбина — старейшая в городе, существовала с 1903 г., когда насчитывала в своих рядах уже около 500 членов. Совет Харбинской еврейской общины возник в апреле 1919 г., и его целью было улучшение организации местного еврейского населения, обслуживание его нужд и потребностей (председатель Яков Давидович Фризер). При совете работали постоянные комиссии: Строительная (председатель И.Л. Раппопорт — о нем я скажу ниже), Социальной помощи, Культурно-просветительная, Религиозная (председатель раввин Аарон Моше Киселев), Контрольная.

Община имела: две синагоги — Главную (1909) и Новую, построенную в 1918 г., национальную школу — Еврейская гимназия (с 1918 г.), школу Талмуд-тора имени Л.С. Скидельского (1921); много еврейских юношей и девушек учились в Харбинском Общественном коммерческом училище. С 1912 г. существовала Еврейская общественная библиотека, насчитывавшая до 13 тыс. томов по всем отраслям знаний — на еврейском, русском и иностранных языках и открытая для желающих.

С начала 20-х годов действовал ряд местных отделений всемирных сионистских организаций, ставивших своей задачей воссоздание Палестины, создание здесь правоохранного убежища для еврейского народа, приобретение земель в его неотчуждаемую собственность — Харбинское отделение Всемирной сионистской организации (уполномоченный для Дальнего Востока А.И. Кауфман), ее Дальневосточное районное бюро (председатель он же), Дальневосточное бюро Еврейского

национального фонда (Главное бюро в Иерусалиме; зарегистрировано по законам Англии) — председатель Г.Э. Эпштейн; Основной фонд — Керен га Йесод (председатель И.Х. Соскин), Женская сионистская организация (отделение Всемирной женской сионистской организации, главное бюро в Лондоне) — председательница Н.Ф. Фризер; Городской комитет Сионистской организации в Харбине (председатель С.Г. Яб-ров). Все они находились по адресу: Биржевая, 59 (с 1925 г. № 28), дом Крол Стеси Самуиловны.

Была также и активно работала такая интересная и редкая организация, как Дальневосточное еврейское центральное информационное бюро для эмигрантов и пострадавших от войны, погромов и стихийных бедствий (Аптекарская, 16). Бюро ставило перед собой задачу разыскивать пропавших без вести лиц — не только евреев, подчеркну это, но людей других национальностей, потерявших родных и близких во время Первой мировой войны. Бюро имело отделы и уполномоченных в таких городах Дальнего Востока, Сибири, Китая и Японии, как Владивосток, Чита, Иркутск, Томск, Благовещенск, Шанхай, Тяньцзинь, Иокогама (председатель бюро в Харбине Г.М. Циркель-Лившиц).

Действовали молодежные организации — Брит-Трумпельдор и Мак-каби, преследовавшие как национальные, так и культурно-спортивные цели и воспитывавшие еврейскую молодежь в духе национализма и национальных особенностей, обычаев и традиций.

В Харбине издавался еженедельник «Сибирь-Палестина» (редактор А.И. Кауфман) и с конца 1920 г. (в течение около 25 лет) орган еврейской прессы — «Еврейская жизнь», общественно-литературный журнал, посвященный еврейским интересам в странах Восточной Азии.

Еврейская колония имела в Харбине, начиная с 1918–1920 гг., разветвленную сеть благотворительных учреждений, открытых для людей всех национальностей, и, кроме того, принимала активное участие в благотворительных акциях российских эмигрантов.

Дамское еврейское благотворительное общество (существовало с 1906 г., председательница Б.И. Шварц-Кауфман) оказывало разнообразную помощь беднейшему еврейскому населению. В 1921 г. оно открыло Трудовую школу, где бесплатно обучались кройке и шитью до 40 еврейских девушек.

Еврейская бесплатная и дешевая столовая (существовала с 1919 г.) от-

пускала в первые годы более 300 обедов в день — всем нуждавшимся, тоже без различия возраста и национальности.

Общество попечения о бедных и больных евреях «Мишмерес-Хейлим» (Артиллерийская, 4), которое имело бесплатные медицинскую и зубоветеринарную амбулатории, оказывало безвозмездную помощь состоятельным больным и на дому, бесплатно отпускало лекарства. Действовало оно до открытия в 1935 г. Еврейской больницы, стоящей в своем первоначальном виде, как я сам в этом убедился, на углу Биржевой и Китайской (теперь Чжунъян дацзе — Центральная) улиц Пристани и в декабре 2001 г.

Приют для престарелых «Мойшав Зкейним» — Богадельня (какое прекрасное слово!), построенная в 1920 г. на средства И.А.Рабиновича, предоставляла убежище для 25 стариков и старушек, живших здесь в прекрасных бытовых условиях на полном пансионе (включая белье, обувь, платье, медицинскую помощь) и окруженных заботой.

Харбинское еврейское благотворительное общество для выдачи беспроцентных ссуд («Гмилус Хесед», существовало с 1913 г.) имело целью, как явствует из его названия, предоставление таковых малоимущим торговцам, ремесленникам, предпринимателям мелкого кредита.

Кредитами покрупнее — тоже для мелких и средних коммерсантов и промышленников — занимались: Еврейский дальневосточный коммерческий банк и возникший в 1923 г. Еврейский народный банк, единственный просуществовавший в Харбине до 1951 года.

Я не раз уже упоминал выше Абрама Иосифовича Кауфмана, известного в городе врача, крупного общественного деятеля, прожившего в Харбине более 34 лет.

К сожалению, когда я писал первый вариант этого раздела, опубликованный в нью-йоркском «Новом русском слове», а затем перепечатанный в «Бюллетене» Ассоциации выходцев из Китая в Израиле — Игуд иоцей син, плодотворно работающей здесь уже более 50 лет, я еще не располагал биографическими данными о нем, известными, как я был уверен, бывшим харбинцем, проживающим ныне в Израиле. И верно. Связавшись с сыном доктора — Тедди Кауфманом, возглавляющим эту ассоциацию, я получил исчерпывающие сведения о его отце.

А.И.Кауфман (1885–1971) родился в г. Мглин Черниговской губернии. Получил образование в русской школе. Учился на врача в Берн-

ском университете (Швейцария). Крупный деятель сионистского движения; принимал участие в 6-м Базельском Сионистском конгрессе (1904). В 1909 г. получил звание доктора медицины. В том же году женился на Берте Исаевне Шварц, и они вместе вернулись в Россию, поселившись в Перми.

В 1911 году они оба были приглашены на работу врачами в Еврейскую общину Харбина; жили на Биржевой ул., д. 71.

Доктор Кауфман возглавил местный отдел Сионистской организации; основал Национальный комитет евреев Дальнего Востока (Китай, Маньчжурия, Япония). В 1918 г. в качестве врача был призван в Белую армию.

Демобилизовавшись в 1921-м, пешком через пустыню Гоби вернулся в Харбин. В 1921–1923 гг. А. И. Кауфман в рамках широко развернутой эмиграцией кампании помощи голодающим советской России, в качестве председателя Харбинского общественного комитета помощи голодающим, осуществил огромную работу, организовав и отправив в Россию 14 эшелонов с продовольствием (подробнее о помощи белой эмиграции голодающим соотечественникам в «красной» России см. Главу VII).

Судьба доктора после 1945 г. тоже не оставила меня безучастным. Я знал, что он был незаконно арестован советскими оккупационными властями и депортирован в СССР. Более ничего долгое время о его дальнейшей судьбе я не знал. А. И. Кауфман прошел сталинские лагеря, не сломившие этого человека; по многочисленным настойчивым демаршам советскому правительству тогдашнего посла государства Израиль в СССР г-жи Голды Меир — был освобожден (1956), получил возможность выехать в Израиль к семье (1961), написал объективную и спокойную книгу «Лагерный врач: 16 лет в Советском Союзе — воспоминания сиониста» (Тель-Авив, 1973).

Еще одна судьба в Харбинской эпопее.

В тех благоприятных условиях, которые сложились для деятельности еврейских предпринимателей в Маньчжурии, они, вместе с русскими, сумели сделать очень многое и внесли большой вклад в развитие торговли и производительных сил как края, так и Китая в целом.

О влиянии еврейской общины на культуру Харбина.

Было это влияние значительным. В городе в 1918–1924 гг. (и, конеч-

но, позднее) широко шли еврейские пьесы, ставившиеся как коллективами русских артистов, так и Еврейским музыкально-литературно-драматическим обществом ИМАЛДАГ, тоже имевшим свой клуб и сценическую площадку.

Прославленный К.А.Зубов с успехом осуществил в апреле 1922 г. грандиозную постановку еврейской исторической трагедии «Бар-Кохба (Сын Звезды), или Последние дни Иерусалима», впервые переведенной для этого на русский язык (автор — А.Гольдфаден). В постановке приняли участие синагогальный хор, а также русский балет и оркестр.

Очень многих харбинцев привлекало искусство артиста Ф.П.Пружанова, которому «Заря» посвятила следующие строки: «Искусство будней пленяет нас не меньше Большого искусства. Маленькая фигурка на небольшой сцене. Но весь зал катается от хохота. На сцене человек так, как он есть... С его скорбями и весельем.

И невидимые нити связывают с ним весь зал.

Великолепный физиономист и танцор, король жеста и движения, блеск и огонь маленькой сцены...

Пойдите, посмотрите Пружанова, и вы увидите то маленькое искусство, в котором можно быть великим!» (статья Доктора Финка [Вс.Н.Иванов] «Короли малых сцен»).

Перед отъездом в Америку, чета русских еврейских артистов, как они себя называли — Б.Юнеско и Ф.Пружанов — поставила оперетту в 3 актах «Мадмуазель Ейцер Горэ» на еврейском языке (не знаю уж, на идиш или на иврите), прошедшую с огромным успехом. Пружанов выступал исключительно в Саде-Театре «Палермо» (Коммерческая, 30), отметившем в 1922 г. свое 15-летие.

Исполнение некоторых еврейских песен включила в один из своих больших концертов любимица харбинской публики А.И.Загорская. Вслушаемся в названия этих песенок: «Шлоф майн кинд», «Дер пароль», «Ейли-Ейли», «Де мезинке», «Ломлир зих Ибер бейтн». Исполнила она и новые в то время русские песни: «Весною», «Завет женщинам», «Незабудки», «Хочу цветов», «Угол», «Пикадилли», «Сломанные лошадки».

Наконец, зимний музыкальный сезон 1920/21 года в Желсобе (19 сентября) и в Комсобе (23 сентября) был открыт знаменитым квинтетом имени Л.С.Скидельского, созданным братьями Соломоном и Семеном в память своего отца. Выступив в роли меценатов, они затрати-

ли на создание своего детища крупные средства. Состав квинтета: первая скрипка — А. Гиллерсберг, вторая скрипка — А. Кончестер, альт — И. Подушко, виолончель — И. Шевцов, рояль — И. Гиллерсберг.

Солистом вечера в Железнодорожном собрании был И. Шевцов. В программе вечера: Квартет Шуберта, Концерт Де-Сверна, Квинтет Синдинга.

Этим выступлением открывалось концертное турне квинтета по Китаю, Японии и Филиппинским островам...

Теперь о праздниках в российской колонии в Маньчжурии.

Что хотелось бы сказать в о о б щ е о праздниках в Харбине?

Прежде всего то, что их было много. Число праздников диктовала особенность жизни большой многонациональной колонии в К и т а е — прежде всего присутствие здесь последователей многих конфессий — православия, католичества, лютеранства, иудаизма, ислама. Было сильно влияние Японии. Наконец, это был именно Китай со своими национальными и государственными праздниками. Таким образом, праздничные дни были русские, китайские, еврейские, японские, польские и другие (в Харбине проживали представители 35 различных национальностей). После 1924 г. — перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление — к ним добавились еще и государственные праздники СССР. И все они — русские православные, китайские, советские — входили в Табель праздничных дней на КВЖД, который в 1928 году, например, насчитывал 90(!) таких дней.

Не верите? Хотите — проверьте.

А в 1923 г., еще до нововведений, в преддверии Нового года и Рождества появился фельетон «Отставка праздникам», в котором журналист «протестовал» против обилия в Харбине всякого рода праздников, от которых некогда отдохнуть... Такие же настроения в отношении подготовки к праздникам чуть позже выражались в другом фельетоне — «Муки праздничные» Виктора Сербского (псевдоним весьма популярного в 20-х годах журналиста Льва Валентиновича Арнольдова):

«Мы живем на грани двух эпох. Перепутались времена года. В Харбине — в особенности: Харбин любит праздновать все в удвоенном количестве.

Именины — дважды: и на Онуфрия, и на Антона.

Рождество — дважды: 25 декабря для иностранцев и 7 января для православных.

Пасху — трижды — русскую, еврейскую и польскую.

А Новый год — даже четырежды: 1 января, 14 января, китайский и еврейский.

Вот тут и попляши!»

В дополнение к этому в летний период рабочие и служащие КВЖД получали «льготную субботку», т.е. выходной день, когда они могли съездить на какой-нибудь из многочисленных курортов дороги. Во что это выливалось? В то, что в пятницу (в укороченный рабочий день!) железнодорожник садился в поезд, который доставлял его, предположим, в Чжаланьтунь, где он со всеми удобствами отдыхал. Два с половиной дня, между прочим... А вечером в воскресенье садился в поезд, который в понедельник к 9 часам утра доставлял его прямо на рабочее место...

Неплохо, не правда ли?

Праздники!..

Действительно, много их было в Харбине и на Линии — русских, китайских еврейских, японских, польских...

Но один был истинно общенациональный, международный — Масленица.

Широкая Масленица... Блины! Со всеми онерами... «У Чурина все для блинов!» — писала «Заря». Приведу эту заметку для иллюстрации Масленицы «по-харбински» в 1936 году:

«В винно-гастрономических отделах Т/Д Чурина и Ко в дни широкой Масленицы — особое оживление.

Харбинцы спешат здесь запастись всем, что нужно для масленичного стола, начиная от особого сорта муки для блинов и кончая соответствующими приправами и винами. Привлекает взор покупателей исключительный выбор балыков — от 1,2 гоби фунт [гоби и ниже фэн (копейка) — денежные единицы марионеточной империи Маньчжоу-диго. — Г.М.] и дешевле, тут и осетровые, тайменевые, белорыбьи, нельмовые, сазаньи и пр.

Икра осетровая зернистая и паюсная, икра кетовая.

Особенно рекомендуется вкусная чавыча, напоминающая хорошую двинскую семгу, но вполне доступная для покупателя по цене — всего 44 фэна фунт, кета малосольная предлагается по 20 фэн фунт, хрящи осетровые — 25 фэн фунт, осетрина соленая — 40 фэн, сельди разного

вкуса от 15 фэн штука. Кильки, шпроты сардины, крабы, грибы, масло, первосортная сметана и т.д.

К блинам же — водка чуринская “Жемчуг”, собственные вина, “Золотой букет” 1 гоби бутылка, рислинг — 1,25 и т.д.

Все продукты гастрономии — лучшие по вкусу и доступные по цене, чем где-либо».

А в 1923 г. газета в статье — «Масленица по-харбински!» писала: «Масленица праздновалась всюду — дома, в клубах, ресторанах, театрах, в... участках. В поместье участков пьяных приводили взводами...»

В тот год на Масленицу на сцене Желсоба был устроен (настоящий!) «Бой быков в Севилье» — гвоздь программы. И была одна жертва... Павшую от рогов быка лошадь продали «ради шутки» с аукциона, победителем которого стал Наум Харитонович Соскин.

В то время была популярна миниатюра, в которой выступала артистка Леля (Ольга) Алексеева со своим партнером. В миниатюре были такие слова:

Без женщины мужчина —
Как без паров машина,
Как мир земной без дураков,
Как местный Соскин без бобов.

Это мне напомнил в какую-то веселую минутку мой отец. «Купцы наши, — говорил он, — действительно, драли с нас шкуру, но много занимались благотворительностью!»

В одном из концертных номеров — «Серенада четырех кавалеров» — артисты объяснялись в любви к... КВЖД, сидевшей в образе артистки Даниловой на балконе.

А Григорий Григорьевич Сатовский-Ржевский (старший) вспоминал о Масленице в статье «Блины по Гоголю» так:

«Чем на Руси в старину поминали “широкую Масленицу”?»

Взрывом узаконенного веселья, каким “на последях”, перед длинным и строгим великим постом, — по церковному “четыредесятницею” — платили люди дань слабостям своей телесной природы. А так как “веселие Руси есть питание” — по словам Равноапостольного князя Владимира, — то, конечно, преддверие периода обязательного воздер-

жания ознаменовывалось, прежде всего, усиленным возлиянием... Далее следовали чисто национальные, шумные развлечения, приготовленные к зимнему времени года: катанье с гор, катанье на санях на тройках, хождение по соседям “ряжеными”, катанье по улицам чучела Масленицы, которое и сжигалось, наконец, за околицей в последний день карнавала, — Прощеное Воскресенье.

Но все это — только второстепенные аксессуары “русского карнавала”, — впереди всех их стоял обычай вытеснения всех “перемен”, т.е. блюд, народного стола — единоподержавными блинами, этим символом “красного солнышка”, вступавшего, после зимнего “солнцеворота” в свои права.

И впрямь — что это за Масленица без блина? Блин — ее альфа и омега, и не было на Святой Руси хижины, где бы во дни мясопуста не воздавали чести этому тяжелому кушанью со множеством к нему “припеков” и “прикрас” — яйцами, сметаной, маслом и бесконечными дарами обильных вод — рыбную снетью...

“Чревоугодным” и даже “чревонеистовым” временем была старорусская “широкая Масленица”, но каким же веселым!

Но... ранние воспоминания мои о “русском карнавале” — не из приятных, хотя зато они одухотворены памятью о первичном влиянии на меня... Гоголя!.. Вот как это было.

В лето тысяча восемьсот семьдесят шестое гостившая в доме моих родителей шестнадцатилетняя сестра матери Милочка переживала период лихорадочного увлечения русскими писателями-классиками...

Некоторые места из “Вечеров на хуторе”, “Старосветских помещиков”, повести “О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” даже “Невского проспекта” произвели на нас такое впечатление, что, запомнив их почти слово в слово, мы пытались разыграть их в лицах, опередив, таким образом, русскую сцену лет на сорок. Помните, особенно удавались нам диалоги Чичикова с Коробочкой.

В ту пору стояла Масленица... При виде блинов я, разумеется, попробовал воспроизвести сцену завтрака Чичикова у Коробочки, когда он отправлял в рот по три блина враз, обмакнув их в растопленное масло... Я стал проделывать то же, разрезывая блин на три части и засовывая в рот сразу все три.

Напрасно Милочка пыталась образумить меня. Сестра Наташа хохотала, как сумасшедшая, и это льстило моему актерскому самолюбию.

Где же тут было думать о хорошем проживании этой неудобоваримой пищи!

Однако очень скоро я почувствовал всю отрицательную сторону своего сценического успеха, а к вечеру перепуганные родители поспешили послать за домашним врачом.

В детской запахло “беленным спиртом”, горчичным маслом, “иноземцевыми” и мятными каплями, а наутро в кабинете отца прозвучал и грозный диагноз моего недуга, поставленный доктором Лисснером: “гастрическая горячка”.

Вот какими оказались результаты моего первого знакомства с Гоголем!

Не потому ли я и полюбил так крепко нашего великого писателя: страдания-то забываются труднее радостей...»

Не удивляйтесь здесь дате «1876» в рассказе Г.Г.Сатовского-Ржевского. Он и Захарий Маркович Клиорин (род. в 1881 г.) были старейшими русскими журналистами Харбина. Григорий Григорьевич родился 5 ноября 1869 года, и к моменту публикации этой статьи (1936 год) ему было 67.

Ну, а поскольку уж мы упомянули о старейших журналистах русской прессы Харбина, то давайте продолжим эту тему.

Русскоязычная периодическая печать Харбина и Северной Маньчжурии в целом — феноменальное явление в жизни Российского зарубежья. Было время, когда в этом сравнительно небольшом городе после революции одновременно выходили в свет около десятка больших русских газет, а всего в истории Харбина их было более пятидесяти.

Газеты отражали всю пестроту политического спектра взглядов и воззрений российской эмиграции в Китае (они выходили также в Шанхае, в Тяньцзине и других городах) — от ультралевого (большевистского) до правого — монархического и ультраправого — фашистского. История периодической печати российской эмиграции в Китае еще не раз привлечет к себе внимание исследователей.

«Харбинский Вестник» (редакторы П.С.Тищенко, И.А.Добролюбовский) с 1 января 1918 г. сменил свое название на «Вестник Маньчжурии», но просуществовал после революции только до 1920 года.

Параллельно с ним с 1919 г. выходил просеменовский «Свет», занявший резкую антибольшевистскую позицию. Редактором-издателем его

и был как раз Г.Г. Сатовский-Ржевский, столичный и сибирский журналист, бывший народник, подписывавший статьи, особенно чрезвычайно популярный в свое время «Дневник журналиста», псевдонимом «Гарри С.-Р.». «Хорошо образованный и понимающий человек», — так о нем отзывались даже его политические противники.

Приведу сценку на одном из «рефератов», регулярно проводившихся в Харбинских Коммерческих училищах, где учился мой отец. — «На лекции приглашенного профессора Юридического факультета Зандера, — вспоминает он, — произошел такой случай. Почти в середине лекции в зале появился невысокий человек с внешностью Черномора, прошел к первому ряду, сел. Его появление не вызвало бы никаких эмоций, если б через некоторое время мы с удивлением не заметили, что с ним делается что-то странное! Он вдруг начал как бы в ужас хвататься руками за голову, откидываться на спинку стула, вытягивая при этом ноги горизонтально, время от времени всплескивал руками. Однако он не производил впечатления пьяного! Как потом выяснилось, это был редактор довольно реакционной газеты “Свет” — талантливый журналист и большой оригинал — Сатовский-Ржевский. Своим поведением он, оказывается, выражал несогласие с мнением профессора Зандера! Зандер мужественно закончил свою лекцию, а назревавшее недоразумение было тактично улажено ответственными за вечер учениками старших классов».

Скончался Григорий Григорьевич в Харбине 10 сентября 1943 г. Тираж его довольно популярного «Света» доходил до 8 тыс. экз.

Талантливая семья дала Харбину и миру также Дмитрия Григорьевича Сатовского-Ржевского, известного журналиста, автора раздела «Эмигрантская печать в Маньчжу-Ди-Го» в «Великой Маньчжурской империи» (Харбин, 1942) и поэта и журналиста Григория Григорьевича Сатовского (младшего).

Из газет дореволюционного периода после 1917 г. продолжала выходить частная газета «Новости жизни» (1914–1929), редактировавшаяся опытным журналистом З.М. Клиориным, а позднее — С.Р. Чернявским. После Февральской революции газета стала на революционные позиции, всемерно способствуя подрыву престижа и авторитета русской власти в полосе отчуждения; затем активно поддерживала сменевеховство, а после 1924 г. — советскую власть — в крае и СССР.

Открыто просоветской была и газета «Вперед» — орган т.н. Объединенной конференции профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД (1920–1921; редактор-издатель М.Хаит, секретарь — студент А.С.Чернявский, убитый толпой в 1920 г.). Газета пыталась вести полемику со всеми другими («белыми») газетами. Этого же курса придерживалась, приняв эстафету от закрывшейся «Вперед», советская «Трибуна» (1922–1925; редактор-издатель И.Н.Рамбах).

Однако на правом фланге харбинской печати журналистов и газет сконцентрировалось значительно больше. К «Свету» примкнул основанный в 1920 г. влиятельный «Русский голос» С.В.Востротина — личности весьма примечательной (см. Российская эмиграция в Китае, с. 209 и др.).

С 1921 г. издавал вечерний демократический «Рупор», редактировавшийся вначале поэтом и писателем Сергеем Яковлевичем Алымовым и журналистом и востоковедом Ильей Ивановичем Петелиным, которых позднее сменили И.Л.Миллер и Е.С.Кауфман. Газета уделяла большое внимание культурной жизни российской колонии и, с этой точки зрения, чрезвычайно интересна сегодня.

Однако абсолютную популярность у широкого круга читателей завоевала вечерняя (а затем и утренняя) ежедневная демократическая «Заря», во главе с известными столичными журналистами Георгием Николаевичем Шипковым и Мечиславом Станиславовичем Лембичем. О последнем обязательно нужно рассказать подробнее.

М.С.Лембич — сын потомственного дворянина, нефтяного деятеля в г. Грозном. Журналистскую работу начал в московском «Русском слове».

Во время Первой мировой войны прославился как автор серии статей и очерков в этой газете под общим заголовком «Среди врагов» и «В тылу у неприятеля». Происхождение их таково. Будучи военным корреспондентом, Лембич незадолго до эвакуации русскими войсками Варшавы приехал в Польшу и остался в занятом немцами городе, прожив там несколько месяцев. Затем он перебрался через линию фронта обратно в расположение русских частей и возвратился в Москву. Здесь он был удостоен боевой награды — георгиевской медали, приколотой ему на грудь лично императором Николаем II.

После революции, не приняв ее, уехал из Москвы на юг к ген. Лавру Корнилову, где зарождалась Добровольческая армия. Издавал здесь газету и за боевые отличия получил Георгиевский крест. В 1919 г. по поручению ген. А.И.Деникина он отправился через советский фронт в Сибирь, к адмиралу А.В.Колчаку. Свой путь Лембич выбрал через Каспийское море и на парусной рыбацкой лодке отправился в г. Гурьев. Чуть не погиб во время внезапно налетевшего шторма, сломавшего мачты на суденышке, и был спасен английским военным крейсером. Затем проделал путь от Каспия до Омска — 4500 верст — на лошадях.

Вместе с отступившей Белой армией попал в Харбин и основал здесь издательство «Заря», которое и развил в последующие годы в самый крупный на Дальнем Востоке эмигрантский газетный концерн, имевший свои газеты в Харбине («Заря»), в Тяньцзине («Наша Заря») и в Шанхае («Шанхайская Заря»), а также и отделение издательства в Париже.

Поистине, жизнь, достойная отражения в летописи!

«Заря» с первого же периода своего возникновения благодаря имени и организаторскому таланту М.С.Лембича привлекла к сотрудничеству лучшие эмигрантские литературные и журналистские силы Европы и Америки, и на ее страницах с начала 20-х годов можно было часто встретить имена Н.А.Тэффи, Дон-Аминадо, Б.Зайцева, И.С.Лукаша, А.Ренникова, Саши Черного и других. Естественно, что участие в газете таких писателей и журналистов повышало ее уровень.

«Заря» давала на своих страницах разностороннюю, объективную и правдивую информацию, не боясь острых для эмиграции тем, и была полезна людям, оказавшимся в изгнании. Но газета имеет еще одну большую заслугу перед дальневосточной эмиграцией — ее главным читателем. Об этом писал Г.Н.Шипков приблизительно следующими словами: ни одна из русских газет Зарубежья не бралась разубедить эмигранта в солидности его «чемоданной психологии», по которой «все эти Харбины с Шанхаями» — как и Париж, Константинополь, Прага — считались только пересадочными пунктами, откуда вот-вот откроется обратный путь — домой, на родину со всем своим скарбом. Своим «местным» и «чисто городским колоритом» маленькая вечерняя «Заря», — писал Шипков, — стремилась помочь читателю «распаковать» чемодан. Призывала осмотреться, органически врасти в жизнь края — потому что свершившееся, очевидно, должно было остаться надолго.

Что касается других типографий, издательств и книжного дела, то после революции многие из харбинских книжных магазинов и газет открыли собственные типографии и занимались коммерческой издательской деятельностью. Крупнейшим издателем оставалось Управление КВЖД, типография которого (с 1898 года!) располагала современным оборудованием и шрифтами на пяти языках. Она исполняла заказы и частных лиц, и других, посторонних дороге, организаций. Возросшую роль стала выполнять и типография Учебного отдела дороги, занимавшаяся, главным образом, выпуском учебных пособий, катастрофически не хватавших многочисленным харбинским школам.

Продолжали издательскую деятельность Общество русских ориенталистов (журнал «Вестник Азии»), Типография и издательство б. Штаба Заамурского Округа пограничной стражи, получившая название «ОЗО» (Общество заамурских офицеров); типолитография «Коммерческая пресса», имевшая также книжный магазин (Новоторговая, 43), издательство В.А.Траинина с книжным магазином (Китайская, 22) и другие.

Возник и целый ряд новых издательств, имевших, как я уже говорил, и книжные магазины: «Русское дело», Р.М.Бурсук (магазин — Китайская, 11), Товарищество «Просвещение» (дом б. Чистякова, Вокзальный проспект, угол Строительной), Товарищество «Печатное дело» бр. Мошковых и Махлина (Диагональная, 21; книжный магазин — Китайская, 5) и другие (не буду утомлять читателя — всего более 25).

Ведущее место принадлежало издательству «Русское дело» и издательству Михаила Васильевича Зайцева. Об этих двух несколько подробнее.

Единоличным владельцем фирмы «Русское дело» был ген. Николай Михайлович Щербаков (в 1925 г. проживал в Харбине по адресу: Ажихейская, 6), но учредителями и практическими руководителями ее были лица с высшим специальным и филологическим образованием.

Вклад фирмы в дело народного образования в Харбине поистине огромен — она издала более 60 тыс. учебников для средней и начальной школы. Издательская работа ее была особенно ценной, если иметь в виду, что город и периферия постоянно ощущали острую нехватку таких изданий. Именно «Русское дело» и восполняло этот изъян, давая учащимся по несколько тысяч учебников в год. В двух магазинах фирмы постоянно имелся широкий выбор учебных пособий для всех типов школ. Мне представляется, что именно это направление работы изда-

тельства, внимательнейшее отношение к нуждам учащейся молодежи и создали ему популярность и привлекли к нему прочные симпатии клиентов. Молодежь и явилась основой быстрого развития этого издательства и книжного дела и его процветания в 20-х — 30-х годы.

Фирма, возникшая в Харбине с октября 1920 г., явилась пионером в области культурной работы в городе. Начав дело с маленького книжного киоска в Пассаже Кунста и Альберса, затем в старорусского стиля «Избушке» с надписью на фронтоне «Русское дело» на Большом проспекте близ Таможенной улицы, Н.М.Щербаков через 10 лет уже имел в Харбине два книжных магазина и процветающий филиал «Русского дела» в Шанхае.

Фирма открыла здесь под своим названием в 1925 г. книжный и писчебумажный магазин и библиотеку. Предприятие быстро расширялось, переходя в более просторные помещения, и, в конечном счете, как свидетельствует В.Д.Жиганов в известной книге-альбоме «Русские в Шанхае», стала лучшей и самой крупной в городе. Она располагала последними новинками издательств Европы и Америки; в 1925 г. в ней насчитывалось 480 томов, а в 1936 г. — уже до 15 тыс. томов различной литературы. Был прекрасный подбор книг по русской беллетристике, и особенное внимание постоянно уделялось формированию фонда детской литературы (до 2 тыс. томов).

В 1923 г. возникло и книгоиздательство Михаила Васильевича Зайцева, занявшее постепенно ведущее место по объему книжной продукции на рынке Северной Маньчжурии. Вот что говорится о нем в книге «Великая Маньчжурская империя»:

«Издательство выпустило за последние 10 лет [т.е. примерно с 1932 по 1942 гг. — Г.М.] около 150 книг самого разнообразного содержания, преимущественно беллетристики.

Это самое крупное из местных эмигрантских книгоиздательств, имевшее до войны хорошо налаженную связь со всеми книжными центрами русского Зарубежья. В частности, в издании М.В.Зайцева увидели свет не только произведения почти всех местных авторов, как-то: Н.А.Байкова, Ф.Ф.Даниленко, Н.Резниковой и др., но и довольно много книг заграничных, главным образом парижских, писателей — Тутковского, Наваль и др.

Среди изданных М.В.Зайцевым книг преобладает беллетристика,

приблизительно 60% из которой составляют романы, 25% — повести и рассказы и 15% — мемуарная литература. Кроме того, М. В. Зайцев издал немало детских книг. Средний тираж беллетристических произведений — 500 экземпляров, детских книг — 1000. Работа книгоиздательства носит антикоммунистический характер».

Последняя фраза являлась дежурной для японской пропаганды (ведь это 1942 год, Маньчжоу-диго). Это было вполне обычное эмигрантское издательство, вынужденное, конечно, время от времени печатать заказываемую ему политическую литературу. Однако до начала 40-х годов и этого не было. Чтобы убедиться, достаточно будет проанализировать рекламные объявления этого издательства за ряд лет.

Тем не менее в 1946 году Михаил Васильевич был арестован и приговорен советским армейским трибуналом к 10 годам лагерей. Позднее, как и абсолютное большинство арестованных таким же образом в Маньчжурии русских людей, — полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Известным издателем и общественным деятелем в Харбине был также и Всеволод Александрович Морозов. Родился он 20 ноября 1891 г. в Омске. Старший сын мирового судьи, позднее товарища министра юстиции в правительстве А. В. Колчака Александра Павловича Морозова.

Окончил Омскую Мужскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета (1914). Война и революция, можно сказать, поломали его судьбу. Получив назначение в Петербургскую Судебную палату, он вместо поступления на службу стал ратником ополчения. Затем была гражданская война, Сибирский Ледяной поход, который он проделал в составе Сибирского Казачьего полка армии В. О. Каппеля. В чине штабс-капитана, без документов об юридическом образовании, попал в Харбин и вынужден был работать помощником присяжного поверенного С. И. Егорова, а позднее, что можно назвать судьбоносным, — у Василия Федоровича Иванова, с которым они стали друзьями. Оба были членами Монархического объединения (МО) и единомышленниками в своих монархических убеждениях, которых Всеволод Александрович не скрывал ни в «японский период», ни после прихода в Маньчжурию Советской армии. С началом Великой отечественной войны Советского Союза — убежденный «оборонец».

Издавал книги Монархического объединения и работы В.Ф.Иванова. Вел большую общественную работу в качестве председателя литературно-художественного кружка при МО, «переросшего» затем в Литературно-художественный кружок им. Августейшего поэта К.Р. Автор ценных мемуаров, хранящихся ныне в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и частично опубликованных (НСМ, № 27, о работе кружка и № 29, о члене кружка — талантливой харбинской поэтессе Ниночке Завадской, рано ушедшей из жизни).

В.А.Морозов — отец писательницы Галины Всеволодовны Логиновой (родилась 27 апреля 1915 г. в Омске) — моей милой и преданной корреспондентки.

Она автор романов «Лана» (Харбин, 1939) и «Дом на песке», пока остающегося в рукописи; рассказа «В белой церковке», получившего третью премию на (Втором) Восточно-Азиатском конкурсе русских поэтов и писателей 1942 г., и ряда других, а также интересных воспоминаний («Проблемы Дальнего Востока». М., 1996, № 1 (Институт русского языка НОАК в Дальнем); НСМ апрель 2000, № 74 (о своей работе в «Заре»; в этом же номере газеты — поздравление ей в связи с 85-летием); «Друзьям от друзей», июнь 2000, № 52, с. 51–53 («В роше столетних берез»; см. также с. 70–71) и других.

Потеряв мужа в 1945 г., увезенного в СССР и умершего в сентябре 1948 г. в концлагере под Тавдой, позднее реабилитированного, Галина Всеволодовна осталась одна, с двумя сыновьями Всеволодом и Алексеем на руках.

Всеволод Александрович Морозов фактически заменил внукам отца. Скончался он 28 декабря 1979 г. в г. Киселевске Кемеровской области.

Галина Всеволодовна проживает здесь с сыном, внучками и правнучкой (Настенька, 1991 года рождения, собирает коллекцию почтовых открыток).

Теснейшим образом связанной с издательским делом была в Харбине, конечно, и книготорговля. Уже в первой половине 20-х годов появилось довольно много русских книготорговых предприятий — магазинов и товариществ. Помимо уже названных выше, активно торговали книгами Т/Д И.Я.Чурин и Ко, Товарищество М.И.Борисов и Е.М.Перов (книжный склад и магазин: «Громадный выбор книг по беллетристике

и по всем отраслям знания. Постоянное получение книжных новинок из Берлина, Парижа, Праги, Риги и других городов. Книги довоенных изданий. Новинки из Ленинграда и Москвы. Пополнение библиотек. Заказы исполняются немедленно. Каталоги бесплатно»); Е.И. Вахрушева (Диагональная, 20 — «Книги и учебники в большом выборе и по всем отраслям знания, литературы и музыкальных нот. Роскошные, ценные и редкие издания. Классики, детские книги довоенного издания. По удешевленным ценам... Каталог высылается бесплатно»), а также Джинжих-швили (Новоторговая, 13), «Культура» Я.М. Славучича (Мостовая, 37), «Пламя» (2-я Диагональная 400 — это, конечно, не номер дома, а номер участка на Пристанни), «Пробуждение», «Русско-Маньчжурская книготорговля» и другие.

С последней была связана история одного из ее владельцев, знаменитого харбинца — «сибирского Сытина» — Владимира Михайловича Посохина.

Родился он в 1864 г. в Пермской губернии, в семье священника. Образование получил в Пермской Духовной семинарии. В августе 1883 г. начал служить в книжном магазине П.И. Макушина в Томске и в этой работе нашел призвание всей своей жизни.

— В это время, — рассказывал он, — в Сибири и Туркестане не было ни одного книжного магазина, и книги рассылались из Томска — с севера от Березова Тобольской губернии и Нижнеколымска Якутской области — до Самарканда, Ташкента и Верного на юге; с запада — от Тюмени Тобольской губернии — до Владивостока и Петропавловска-на-Камчатке на востоке. Причем, например, в Анадырский округ [где несколько позднее проводил научные изыскания Н.Л. Гондатти. — *Г.М.*] можно было посылать книги, журналы и газеты два раза в год: зимой — через Якутск на собаках, а летом — через Николаевск-на-Амуре или через Владивосток на пароходе. Сами мы получали книги из Москвы и Петербурга; они шли летом на пароходе — от Нижнего до Перми, от Перми до Екатеринбурга — по железной дороге, от Екатеринбурга до Тюмени — гужом (пока не была проведена железная дорога до Тюмени), а от Тюмени до Томска — на пароходе.

В 1893 г. Владимир Михайлович открыл в компании с Макушиным книжное дело — уже в Иркутске, откуда стал снабжать книгами Восточную Сибирь и Дальний Восток. Здесь он развернулся в полную силу

и продемонстрировал подлинно сибирский размах: завел при магазине собственную, крупнейшую в Сибири, типографию, в которой, в частности, печатал книги на бурятском и якутском языках, издательство, книгохранилище, основал газету «Иркутская жизнь» (тираж более 20 тыс. экз.)

Мало того, Посохин организовал товарищество, построившее в Иркутске громадную Первую паровую мельницу (1911 г.), основал акционерную компанию по сооружению железной дороги Иркутск—Лена (Ленские прииски), открыл большой кожевнный завод.

Самым же замечательным начинанием В.М.Посохина непосредственно перед революцией явился план электрификации Иркутского района, для чего он, вместе с Н.Р.Курбатовым, инициировал создание крупного акционерного общества по строительству на р. Иркут грандиозной гидроэлектростанции.

В.М.Посохин рассматривал свою предпринимательскую деятельность как фундамент для широкой общественной и культурной работы. Самые различные культурные общества, библиотеки, газетные начинания, научные экспедиции — получали от него весомую материальную поддержку. Наиболее крупным культурным начинанием Посохина была постройка в Иркутске Народного дома — с оборудованным зрительным залом, библиотекой, музеем и пр. Он создал также в Иркутске Коммерческое училище, содействовал открытию здесь университета, широко учреждал стипендии для студентов.

В Иркутске Владимир Михайлович состоял председателем Биржевого комитета (с 1915 г.), основателем и учредителем Общества взаимного кредита, гласным Городской думы. За 37 лет своей деятельности Посохин сделал очень много для просвещения Сибири. Имена его и Макушина знала вся Сибирь.

Революция перечеркнула планы В.М.Посохина и его просветительскую деятельность, разорила дотла этого крупного сибирского предпринимателя и мецената и вынудила его в 1920 г. эмигрировать.

В Харбине на уцелевшие крохи капитала Посохин восстанавливает то основное направление своей деятельности, которому посвятил всю свою жизнь на Родине, — распространение книги. Он открыл собственный книжный магазин, не оставил и общественной работы. В.М.Посохин стал первым председателем Торгово-промышленного союза, чле-

ном Комитета по созданию в Харбине высшего учебного заведения. В течение многих лет был также членом Приходского совета Св.-Иверской церкви, членом Правления Харбинских музыкальных курсов, Духовной семинарии.

17 августа 1933 г. харбинская общественность отметила полувековой юбилей работы В. М. Посохина в книжном деле.

Скончался он в Харбине 10 января 1945 г.

Жил долгое время рядом с нами, и мы должны сохранить об этом человеке благодарную память.

Был в Харбине еще один книжный магазин, который остался в моей памяти на всю жизнь. Не знаю даже почему — впечатления детства, наверное...

Для нас, мальчишек, живших в 40-х в Модягоу, был хорошо известен магазин «Букинист», располагавшийся на Гоголевской улице (книги, письменные принадлежности, марки).

Дверь с колокольчиком, попадаешь, через две ступеньки, вниз в продолговатое полутемное помещение, заполненное всякими чудесными вещами, среди которых — и далеко не в последнюю очередь — под стеклом прилавка наборы марок для коллекции. За этим прилавком тебя встречает строгий, одетый в темный костюм хозяин — смуглый человек с длинными черными усами. Строгий — отпускает без лишних слов товар — и ты уходишь. Заходишь в магазин много раз — вроде бы ты уже постоянный покупатель — и по-прежнему ни одного лишнего слова.

Не знаю почему, но образ этого человека глубоко запал мне в душу. Кто это был? Как его звали?..

С прошлым Харбином после отъезда нашего в Союз, казалось, все разорвано. Не до того было... Но этого человека я часто вспоминал. Разыскивал, но ничего узнать о нем не мог.

И вот, памятный многим III Конгресс соотечественников в Санкт-Петербурге летом 1993-го. Званный вечер для всех в одном из ресторанов, новые знакомства, беседы. Знакомлюсь с одной приветливой и приятной дамой, петербурженкой. Выясняется, что она тоже жила в Модягоу. Задаю ей свой сакраментальный вопрос.

— Боже мой, — восклицает она. — Это же мой отец!..

Я онемел... Затем обрел дар речи.

Артем Романович Пархомец — вот имя моего знакомого незнакомца.

Очень приятная для меня находка! Поистине, Пути Господни неисповедимы.

Еще одна беженская судьба, еще один пример борьбы за выживание...

А его дочь — петербурженка Галина Артемьевна Пархомец.

Вот такая маленькая история.

С октября 1920 г. на разных станциях КВЖД — на Западной и Восточной линиях — мало кто обращал внимание на невысокого худощавого человека, разъезжавшего с удочками, иногда с охотничьим ружьем, но неизменно с записной книжкой в боковом кармане, в которую он иногда что-то заносил мелким, но разборчивым почерком. Этот человек обращал внимание на все и замечал все.

Это был совершавший инкогнито инспекционные поездки по КВЖД ее будущий управляющий Б.В.Остроумов, прибывший в Харбин в октябре 1920 г.

О чем писали газеты

В годовщину кончины епископа Ионы протоиерей о. Вознесенский писал: «Епископ Иона был беженец и видел все опасности и всю нужду беженства. Идеально-пасторской любовью ответил он на эту нужду, и эта любовь зажгла вокруг него очаг чисто русской жалости ко всем обездоленным, особенно детям.

Детей епископ Иона любил больше всего и заботился о них с чисто родительской любовью».

Заря, 1926, 20 октября, № 279.

Объявление

«Членов Харбинской организации Р.С.Д.Р.П. [Российской социал-демо-

кратической рабочей партии. — Г.М.] и лиц сочувствующих просят явиться на Общее собрание в субботу 17 июля (1920 г.) в 6 час. вечера, помещение Конференции. Там же будет произведена регистрация членов».

Вперед, 1920, 15 июля.

«Успех кинофильма “Былая слава России” сопровождался скандалом в “Декадансе”. 50 молодых людей стали свистеть и посыпать присутствующих в зале голландской сажей. Вызванная полиция арестовала 6 человек 17–19 лет».

Заря, 1924, 15 мая, № 110.

Заметка «Сладкий сон»

«Приехавший в Харбин для приискания занятий Воробьев, целый день бесплодно проведя по городу, вечером с устатка выпил и уснул в садике около вокзала.

Во время сна с него сняли брюки, ботинки, шляпу, часы, кольца и взяли деньги, всего на сумму 500 золотых рублей».

Заря, 1920, 12 августа.

На КВЖД Б. В. Остроумов

Признаюсь, что немного горжусь тем, что вырвал имя этого выдающегося русского инженера из забвения, окружавшего его на родине (см. мои работы: Деятельность Б.В.Остроумова на КВЖД (1921 — февраль 1922) в кн.: Культурное наследие русской эмиграции. 1917—1940. Книга первая. М., 1994, с. 153—160; Российская эмиграция в Китае. 1917—1924 гг., глава IV, с. 154—200). Советская родина обошлась с этим своим выдающимся сыном далеко не самым лучшим образом. Не знаю даже, появилось ли его имя на золотой доске окончивших Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения.

Разумеется, я не стану здесь повторять биографию этого выдающегося питомца столичного института, равно как и писать об исключительно активной производственной и патриотической деятельности Остроумова по подъему работы КВЖД и его борьбе за то, чтобы дорога оставалась в русских руках и служила интересам будущей России. Повторю только, что Остроумов неизменно и последовательно представлял в своем лице КВЖД как русскую дорогу, собственность российской государственной казны, стремился защитить ее от поползновений извне, отстаивал ее интересы, осуществлял свою политику именно в этих интересах — дороги и России. Остроумов был инженером-путейцем, а в Институте путей сообщения, как известно, не учили ни государственному, ни международному праву, ни дипломатии. Но Остроумов оказался тем русским самородком, который в сложных политических условиях проявил настоящее дипломатическое искусство, тонкое дипломатическое чутье и блестяще справился со стоявшими перед ним задачами.

Здесь я буду говорить главным образом о личных качествах инженера Остроумова и его влиянии на различные стороны общественной и культурной жизни Харбина и Маньчжурии, о чем ранее душевно написал рано ушедший от нас Пита Фиалковский в статье «Лучший управляющий (к 120-летию со дня рождения Б.В.Остроумова)» // НСМ, 1999, № 70, с. 5.

Внешность?.. Конечно, многие видели его фотографии. Но когда я спросил об этом своего отца, работавшего с Остроумовым с начала и до конца постройки Хухайской железной дороги, он не задумываясь сказал: «Невысокого роста, монгольский тип лица». И тут же добавил как самую неотъемлемую черту облика Остроумова: «Человек исключительной энергии и организаторских способностей, отличный инженер».

Важнейшие черты характера?.. — Трудоголик. Прошел, начиная с низшей, все ступени железнодорожной службы. Смысл своей жизни видел в неустанном труде, не мыслил себя вне работы по железнодорожному делу, вникал в малейшие его детали, подчинял в с е делу, в данном случае — ей — КВЖД. Вместе с тем — личность в полном смысле этого слова — общественная.

Стиль и манера поведения? Штурм и натиск. Стремительное продвижение к поставленной цели. Любимейшее словцо — «Скорей!» Строгость, требовательность, сочетавшиеся с чувством справедливости. Для такого высокого должностного лица, каким являлся в Харбине Управляющий КВЖД, его манера держать себя — может быть определена как раскованная. Создавалось впечатление, что он, Остроумов, одинаково непринужденно чувствует себя и во фраке, и в промасленной тулупе железнодорожного смазчика, за которого иногда себя выдавал при своих инспекциях. Любил использовать эффект неожиданности.

Несколько иллюстраций к сказанному.

Обедая на стройке дороги за одним столом с Остроумовым, папа как-то стал перчить суп.

— О! Мелихов, старая перчица! — воскликнул Остроумов. — Ведь вы — молодой человек, зачем же вам себя возбуждать? Я когда в тюрьме сидел, у меня припадки были! Так они, сволочи, говорили, что это оттого, что я остался без наркотиков. А это потому, что для энергии выхода не было!

А легендарные остроумовские инспекции, когда он, инкогнито, в ра-

бочей одежде, иногда даже «зайцем» на тормозной площадке, носился из конца в конец по всей магистрали, появлялся там, где его вовсе и не ждали, видел все своими глазами, — пушил, наказывал, увольнял, хвалил, повышал в должности.

Известен случай с землячкой моей бабушки Матрены Георгиевны — Верой Малышевой. Муж — дорожный рабочий. Получили новое жилье на ст. Хинган, а мастер не дал ей краски покрасить пол. Недолго думая, она «покрасила» пол дегтем. Приехал Остроумов. Он всегда близко знакомился с жизнью линейцев, заходил в квартиры. Хозяйки уже знали это и всегда особенно тщательно прибирались. Зашел к Малышевым. «Что это такое?!» Объяснила.

— Сейчас же мастера сюда! А сами — в квартиру мастера!..

Самого Федора Малышева спросил:

— Вы в путевой форме, а почему разнорабочий?

— Обстоятельства так сложились.

— Как рассчитать кривую?

Ответил. И сразу был повышен в сложной железнодорожной табели о рангах на несколько позиций.

Отметил в Бухэду хорошую работу инженера Калошина. И перевел его в Харбин, в Управление.

А с Лидией Липковской? Потанцевал и вдруг предложил продать ее песенку с аукциона...

Рассказы о подобных случаях, право же, можно умножить.

Несколько лет гражданской войны крайне отрицательно сказались на общем состоянии такого крупного российского государственного предприятия, каким была Китайская Восточная железная дорога. Наступившая после революции неопределенность ее статуса, нестабильность будущего, продолжавшееся обесценение русских денег привели к тревоге и неуверенности в среде ее многочисленного персонала, что сказалось на качестве его работы. Наконец, огромные долги союзников за железнодорожные перевозки, которых они практически не оплачивали, изношенность парка паровозов и вагонов имели результатом то, что к началу 1921 г. дорога пришла в состояние технического и финансового развала, в котором ее и застал новый управляющий.

Б. В. Остроумов пришел на КВЖД 2 февраля 1921 г.

В кассе дороги к этому времени скопилось 170 млн. русских бумажных денег, но они не представляли собой никакой ценности и не имели обращения.

Остроумов вспоминал:

«И вот, когда я прибыл в Харбин, в кассе дороги не хватало для ближайшего же срочного платежа, предстоявшего, если не изменяет память, 26 февраля прошлого года — ни много, ни мало как 500 тыс. рублей.

Я тотчас поехал по коммерческим банкам и просил открыть лично мне кредит. Я помню, объехал тогда буквально все коммерческие банки».

Придя к управлению дорогой, Остроумов предъявил строгие требования к дисциплине труда. Вместе с тем он сразу же стал принимать всевозможные меры к реальному улучшению условий жизни рабочих и служащих дороги.

За короткий срок, с помощью поистине «пожарных» мер — «административного террора», как точно выразился журналист Виктор Сербский, он поднял дисциплину, установил на КВЖД образцовый порядок. Остроумов просто заставил железнодорожников снова работать по-настоящему. Результатом было резкое повышение производительности труда.

Остроумов буквально преобразил КВЖД, превратив ее из большого предприятия с огромным дефицитом и погрузившимися в апатию рабочими и служащими в активно работающую и высокодоходную железную дорогу. Уже в 1921 г. дорога дала 2030 тыс. зол. руб. чистой прибыли, в 1922 г. — 5598 тыс., в 1923 г. — 7251 тыс. (см.: Российская эмиграция в Китае, с. 174); за 1924 год пришедшая с 3 октября советская администрация вынуждена была в конце концов опубликовать эту цифру дохода — более 12 млн. зол. руб.

Да и с внешней стороны: как только в кассе дороги появилась при Остроумове первая свободная наличность, стал восстанавливаться нарядный вид всех железнодорожных сооружений — все красилось, прибиралось, озеленялось; на станциях разбивались парки, скверы, цветники. За этими «мелочами» Остроумов лично следил — сурово распекая нерадивых.

Новый управляющий осуществлял поощрительную политику жилищного строительства, предоставляя желающим за минимальную сумму аренды земельные участки и выдавая ссуды на строительство. Это привело к возникновению в Харбине — в Ченхэ — Остроумовского городка, а в Модяоу — Славянского (Гондательки).

Когда не захотевшие при новых остроумовских порядках работать на дороге ее служащие, а также пенсионеры стали увольняться, то КВЖД

Остроумова, несмотря на финансовые трудности, пошла на выплату им в полном объеме выходных пособий — т.н. заштатных. Это явилось собой разительный контраст с поведением в аналогичных обстоятельствах новой советской администрации, создавшей на КВЖД на добрый десяток лет проблему т.н. заштатников. Советская администрация, при огромных получаемых дорогой прибылях, попросту «попридержала» на несколько лет выплату людям законных выходных пособий — по существу их же собственных личных сбережений, хранившихся в Сберегательно-вспомогательной кассе дороги.

Совершенно особой была роль Остроумова в области охраны здоровья населения. КВЖД вела решительную борьбу с эпидемиями и ввела страхование всех принимавших участие в этой борьбе врачей. По указанию управляющего, Врачебно-санитарной частью КВЖД в живописных районах дороги был создан ряд курортов — «климатических станций», как их в то время называли, для отдыха и лечения железнодорожников: Эрценьцзянцзы (минеральные воды), Имяньпо, Чжаланьтунь, Барим (горно-лесные), Хинган, Лаошаогоу, Фуляэрди (легочные, кумысолечение) и другие.

Изданная в это время книга «Климатические станции КВЖД» содержала иллюстрации, детальное описание всех этих курортов.

Реклама призывала:

— пить кумыс в Фуляэрди, играть в лаун-теннис в Чжаланьтуне, ловить форелей в Бариме, вдыхать медвяные запахи на Хингане, любоваться красочными пейзажами в Имяньпо, поохотиться на фазанов на ст. Эхо, погулять по холмистым берегам Лаошаогоу.

Вместе с тем подчеркивалось, что и в Харбине тоже есть уголки, где люди могли бы отдохнуть и поправить свое здоровье.

В газете «Русский голос» в субботу 26 мая 1923 года сообщалось об открытии курорта Чжаланьтуня, названного чудным очаровательным уголком земного шара.

Объявлялась вся обширная программа торжеств:

«Все виды дачных удовольствий: рыбная ловля, игра в крокет, теннис, катание на лодке, прогулки пешком и верхом (а также в экипаже).

Условия поездки: поезд “Люкс” вечером из Харбина, — в Чжаланьтунь он в 9 часов утра.

Открытие климатической станции: молебн, освящение.

Обзор курорта, парка, роши, славящейся как одно из живописнейших мест для прогулок.

Вновь отстроенная веранда Международного Общества спальных вагонов.

Общий завтрак. Свободный выбор блюд.

В парке великорусский струнный оркестр в составе 35 музыкантов.

8 час. вечера — обед.

Вечером летний карнавал с блестящим фейерверком и световыми эффектами на воде, иллюминацией окрестностей и т.д.

Часть второго дня — рыбная ловля».

На курорте обращал на себя внимание пышный наряд многочисленных клумб и цветников. Работал здесь целый штат лучших харбинских садовников, доставивших сюда около тысячи ящиков с разнообразными растениями. В результате получился настоящий шедевр садоводства.

К жизненно важной области нужно отнести и образование. Заслуги Остроумова в этой сфере также велики.

В этой книге я не могу рассмотреть многие, тоже важные, стороны общественной жизни русских в Маньчжурии, в том числе систему начального, среднего и высшего образования (нельзя объять необъятное), но в связи с деятельностью Б.В.Остроумова должен отметить, что при нем была упорядочена, укреплена и окончательно регламентирована вся система заведования многочисленными образовательными учреждениями дороги (не только железнодорожными школами).

Это заведование было возложено на два комитета: Комитет образовательных учреждений (КОУ) и Комитет по делам высших и специального типа учебных заведений.

По регламенту, все постановления этих комитетов вступали в силу по утверждению их Управляющим КВЖД. Председатели Комитетов: первого — утверждались, а второго — назначались Управляющим дорогой на неопределенный срок и освобождались от занимаемой должности только его распоряжением.

КОУ был органом распорядительным. На него возлагалось заведование образовательными учреждениями, содержащимися на средства КВЖД, и наблюдение за общим состоянием дела в учебных заведениях, пользующихся дотацией или какой-либо поддержкой от дороги. Пред-

седателем КОУ был проф. Г.К.Гинс, секретарем — проф. Н.И.Никифоров.

Исполнительным органом КОУ был Учебный отдел КВЖД, ответственный за текущую деятельность школ. Начальником его являлся Н.В.Борзов.

При сильном и великолепно организованном Учебном отделе находились: Центральная справочная учительская библиотека, Библиотека-читальня служащих 8-го участка Службы пути, подвижные вагоны-библиотеки (числом три), Библиотека-читальня для служащих китайской национальности при депо Харбин, Склад учебников и учебных пособий, Подвижной кинематограф и при нем Комиссия по подбору и систематизации картин (контрагент Учебного отдела фирма «Кино-Атлас»), Школа кройки и шитья, летние детские площадки, летние детские колонии Учебного отдела.

На полном иждивении КВЖД (по смете Учебного отдела, т.е. бесплатными для учащихся) состояли железнодорожные школы 1-й и 2-й ступени (высшие начальные училища). На 1 января 1924 г. в школах КВЖД получали бесплатное образование свыше 12 тыс. детей. К открытым 4 китайским школам прибавлялись еще 6. Дорога содержала также и китайскую гимназию. Ее кредиты на просвещение на 1924 г. составили 635 тыс. руб. Специальное прибавление было сделано на открытие китайских школ (*Воротников В.* Полмиллиона на просвещение // *Заря*, 1924, 5 января).

В ведении отдела (т.е. субсидировавшиеся частично или получавшие поддержку от дороги в виде бесплатного помещения, отопления, освещения и пр.) находились: Гимназия им. ген.-лейтенанта Д.Л.Хорвата, Харбинская Вторая мужская гимназия Я.А.Дризуля, Новая смешанная гимназия, Харбинские ремесленные курсы, Технические курсы при ГММ, Курсы русского языка (организованы для служащих и мастеровых китайской национальности), Курсы китайского языка для подготовки к службе на КВЖД, районные школьные комитеты.

Председателем Комитета по делам высших и специального типа учебных заведений был Н.Л.Гондатти. В ведении комитета состояли: Русско-китайский политехнический институт (РКПИ позднее — ХПИ), Юридический факультет, Высшая медицинская школа (она была создана на базе Центральной больницы КВЖД), Восточно-коммерческий институт профессора К.Апелля, Мужское и Женское Коммер-

ческие училища, Подготовительная школа родительского комитета этих училищ, Техническое железнодорожное училище и Мастерские РКПИ.

Совершенно очевидно, что дорога несла значительную долю расходов по начальному, среднему и высшему образованию для российской эмиграции и местного китайского населения. Что же касается лично Остроумова, то он является одним из прямых создателей РКПИ, разработчиков студенческой формы и наплечников. Он же распорядился сшить в магазине И.Я. Чурина бесплатно форму для малоимущих студентов для первого, прогремевшего на весь Харбин Студенческого бала, на котором юноши-студенты впервые в Маньчжурии были в красивой форме и с блестящими «золотыми» наплечниками с вензелями на плечах.

Остроумов же вручал и дипломы первому выпуску инженеров РКПИ в 1924 году.

На молниеносном чествовании Остроумова по случаю двухлетия его деятельности на дороге профессор Н.И. Никифоров отметил, в частности: «Остроумов поднял на образцовую высоту школы дороги — не только низшие, средние, но и высшую».

Сам Остроумов сказал:

«Позвольте и мне помечтать вслух, дорогие друзья! Вся моя жизнь отдана делу служения русскому транспорту. Но то, что достигнуто на Китайской дороге за эти два года, — дело не моих, а ваших рук...

Я уже сейчас могу предугадать грядущую судьбу Китайской дороги.

Я вижу вторую колею на главной магистрали, вижу маньчжурские равнины, зацветшие новые города, вижу Харбин, каким он будет через десяток-другой лет.

Думаю, что общая у нас всех мечта — закончить работу здесь, вернуться в Россию и отдать Родине наши силы!..»

С улучшением своего финансового положения КВЖД не только заботилась о дальнейшем (и значительном!) укреплении своего хозяйства, но и щедро финансировала удовлетворение духовных потребностей и железнодорожников, и всего многонационального населения Харбина и линии в целом. В книге «Великая Маньчжурская империя» автор, обозначивший себя инициалами Н.К., справедливо пишет об этом так (с. 279–280):

«Официально дорога продолжала управляться Международным техническим комитетом, в составе Правления Общества КВЖД была по-

ловина китайцев, сам председатель Правления был китаец, но огромная энергия Управляющего дорогой приводила к тому, что административные железнодорожные дела все велись через него, и вся инициатива в улучшении железнодорожного хозяйства исходила опять-таки от Управляющего дорогой. Все с Остроумова начиналось, и все на Остроумове кончалось.

Никаких административных прав над населением полосы отчуждения КВЖД Остроумов не имел и не мог иметь. Тем не менее его личное влияние в общественной жизни русской колонии в Маньчжурии было огромным. Под его непосредственным покровительством блестяще преуспевало, например, русское театральное дело. Оживилась клубная жизнь. Железнодорожное собрание приобрело значение крупного общественного центра, причем у Остроумова нашлось время и желание заняться переустройством внутренних апартаментов собрания. Банкеты, балы, сделались в руках Остроумова средствами ближайшего общения с деловыми и культурными кругами русского общества. Даже дачные курорты не ускользнули из круга наблюдений и внимания Остроумова, который много сделал для благоустройства Чжаланьгуня, покровительствуя и другим дачным местностям. Создавая бодрое настроение среди русского населения, Остроумов поддерживал живейший контакт с коммерсантами экспортерами, с лесными концессионерами, проектировал новые торговые организации».

Дополню сказанное тем, что при Остроумове в Харбинском Железнодорожном собрании оформилась постоянная русская опера, постоянный драматический коллектив; собрание взяло на себя организацию симфонического оркестра в составе 70 музыкантов (под управлением дирижера А. Ю. Слуцкого).

При Остроумове было осуществлено значительное улучшение Библиотеки-читальни Главных механических мастерских КВЖД (ставших, по иронии судьбы, позднее в Харбине главным центром советского влияния); начали работать передвижные (поездные) библиотеки рабочих и служащих КВЖД, а также вагоны-кинематографы.

В Управлении КВЖД был Церковный отдел, активно поддерживавший строительство православных храмов в Харбине и на Линии. Сама же дорога оказывала материальную поддержку католическому костелу и строительству Новой синагоги, предоставив для нее участок. Когда главноначальствующий Особого района ген. Чжу Цинлань собирал в марте 1923 г. средства для строительства буддистского храма Цзилэсы

(в конце Большого проспекта), КВЖД пожертвовала на это дело 25 тыс. руб.

Субсидия Правления Общества КВЖД Обществу изучения Маньчжурского края (ОИМК) на 1923 г. составила 5 тыс. руб. золотом, плюс к этому ему было предоставлено помещение в здании Московских Торговых рядов, ставшее позднее Музеем ОИМК.

Оказал большое влияние Остроумов и на развитие спортивной жизни. У него была одна из лучших в городе конюшен.

Можно, безусловно, согласиться, что влияние Б.В.Остроумова на хозяйственно-экономическую, на общественную и культурную жизнь полосы отчуждения КВЖД было действительно громадным, и поэтому я говорю о нем не только здесь, но и в других частях книги.

Выше я уже писал о том, какое внимание Б.В.Остроумов уделял развитию Хайлара и Западной линии, где проживало большое число татар. Он поддерживал тесные деловые и дружеские отношения со многими местными татарскими предпринимателями в Харбине и Хайларе, а также и с монгольскими правителями Барги, часто даже приезжавшими к нему по делам в Харбин.

Пришло время рассказать о татарской колонии в Маньчжурии.

Но прежде чем приступить к этому обстоятельному разговору — о богатейшей общественно-экономической и культурной жизни татар в Харбине и Хайларе, надо сказать несколько слов о том, какими путями попадали татары на Дальний Восток и в Маньчжурию.

А начать следует с того, что татарский народ проявил себя в истории многими важными географическими открытиями и высокими культурными достижениями, прославился занятием торговлей и предпринимательством. Для нас важны именно путешествия и географические открытия татар, которые в конечном счете и привели их на Дальний Восток.

Главным стимулом, побуждавшим татар к движению на Восток, была торговля. Татарский народ выдвинул из своей среды много именитых купцов и дипломатов, сыгравших важную роль в установлении торговых, экономических и культурных контактов Русского государства со странами и народами Востока — Бухарой, Монголией, Китаем и другими — еще со времен раннего средневековья.

Татарские купцы из Казани издавна вели обширную торговлю со своими соседями на Западе и Востоке. Здесь на Востоке их путь лежал

в Среднюю Азию, в Туркестан, в монгольские кочевья, которые еще с глубокой древности были связаны Великим Шелковым путем с далеким Китаем. Уже в начале XII века они установили опосредованные (т.е. через другие страны и народы) торговые связи с Китаем и первыми стали привозить отсюда чай, ставший вскоре столь популярным в России и Европе. В странах Средней Азии — в Бухаре, Хиве, Самарканде — татары не только торговали, но и селились, создавая свои общины, открывали постоянные дворы, лавки, кустарные предприятия и пр., и в некоторых местах составляли даже значительную часть населения.

Они легко входили в гущу местного мусульманского населения, свободно жили в его среде, заключали смешанные браки. В исторических летописях широко известны такие названия татар, как узбекские татары, бухарские татары («бухарцы») и другие, и Казань с незапамятных времен стала признанным центром, важным перекрестком торговых путей, ведущих из России в Азию, в Персию, Монголию и Китай. И важнейшим товаром, передвигавшимся по этим путям, был чай. Чайные пути из Китая вели через всю Сибирь в Ирбит, на знаменитую Ирбитскую ярмарку, отсюда через Пермь в Казань и через Казань в Москву. Татарской столице было суждено стать одним из немногих главных городов большой чайной торговли. Здесь в Казани сложились целые семьи — торговые дома, специализировавшиеся исключительно на торговле чаем.

Но через Казань вели пути не только торговые. Именно отсюда, а позднее из Тобольска, начинались пути в монгольские кочевья и в Китай послов Московского государства и его торговых караванов. Обратный их путь в Россию тоже пролегал через Казань. Состав многих из этих посольств и караванов часто формировался из местных казанских жителей. Это обстоятельство способствовало еще более широкому ознакомлению татар с Восточной Сибирью и Китаем.

Освоение русскими людьми Восточной Сибири вызвало к жизни не только оживление торговых связей Русского государства со Средней Азией и Монголией, но и поставило на повестку дня необходимость установления торговых и дипломатических отношений с другой крупнейшей империей Восточной Азии — Китаем. Торговля с такой большой страной, как Китай, привлекала русское правительство ожиданием крупных выгод, которые она могла принести. И именно татары дали ранней истории русско-китайских отношений много славных имен

участников посольств, торговых караванов, именитых купцов и даже государственных российских послов. Среди них надо прежде всего назвать имена Петра Ярыжкина и, особенно, Сеиткула Аблина.

Когда в Китай, а точнее, в Цинскую империю, как он тогда назывался, был направлен русский торговый караван, общее руководство которым было поручено назначенному первым русским послом в эту страну московскому дворянину Федору Ивановичу Байкову, то во главе каравана были поставлены служилый татарин Петр Ярыжкин и торговый «бухарец» — С.Аблин.

Им принадлежит выдающаяся роль в развитии русско-китайских связей этого раннего периода. Торговый караван Аблина и Ярыжкина прибыл в Пекин в начале лета 1654 г. и пробыл здесь почти год, принес русской казне огромную прибыль.

Позднее (в 1666–1669 гг.) Русское государство вновь направило в Цинскую империю большую торговую миссию во главе с С.Аблиным и тоже очень удачную.

Но это, так сказать, только предыстория проникновения татар на Дальний Восток.

В конце XIX — начале XX вв. татарские купцы завязывают уже прочные торговые связи с Монголией, Китаем и Маньчжурией. Толчок к развитию этих связей дало открытие Великого Сибирского пути и постройка его завершающего отрезка на пути во Владивосток — Китайской Восточной железной дороги. Эти два грандиозных строительства открыли, в частности, и новый этап в продвижении татар на Дальний Восток и в Маньчжурию и в их торговой деятельности в этих обширных районах. Многие представители татарского народа стали прибывать в Маньчжурию и прочно обосновываться тут с первых же дней постройки КВЖД и Харбина.

Они приезжали из Забайкалья, Читы, Благовещенска — на телегах с товарами, обычно через китайский Цицикар. Ехали вдоль строившейся линии железной дороги и торговали — часто просто в палатках и шалашах.

Именно такой путь проделали из Нерчинска в Харбин отец и дед известного инженера-политехника Махмуда Хакимовича Таирова. Найдя себе компаньона — Шамшадина Агеева, они нагрузили товарами две телеги и открыли торговлю в Харбине. Выбрали себе хороший участок — на углу Китайской и 10-й Старо-Пристанской (будущей Страховой) ул. (рядом был построен «Модерн», недалеко расположился при-

станской Чурин) и открыли в собственном доме магазин. В последующем дед и старший сын перешли на торговлю пушниной, упрочив таким образом благосостояние своей семьи.

Махмуд, из семьи харбинских старожилов, автор интереснейших статей и воспоминаний о прошлом Харбина, его людях, постройках, музыкальной и общественной жизни, — материалов, которые могут служить источниками.

Окончательно избравшие Маньчжурию полем своей торговой и хозяйственной деятельности татарские коммерсанты с разрыванием постройки КВЖД стали селиться именно здесь — на станциях и поселках ее Западной линии — Маньчжурии, Хайларе, Чжалайноре и, конечно, в Харбине. Постепенно наиболее крупные татарские колонии сложились в двух центрах КВЖД — городах Харбине и Хайларе, но многие представители этого предприимчивого и хозяйственного народа расселились и по другим крупным городам, в том числе и Застенного Китая.

Благодаря коммерческим способностям, сметке, трезвости, национальной и религиозной сплоченности татары быстро добивались успехов. Они обзаводились собственными домами, торговыми и промышленными предприятиями и очень скоро заняли видное положение в таких отраслях, как торговля пушниной, шерстью, шкурами, мануфактурой, готовым платьем и других. Своим трудом они, работая в тесном контакте с представителями других национальностей, при взаимной помощи и поддержке, характерных для освоения россиянами Маньчжурии, содействовали быстрому развитию торговли и промышленности страны, завоевав всеобщее уважение.

В Харбине одним из первых торговых предприятий в городе на главной — Китайской улице — был открытый в 1899 г. магазин братьев Агишевых — готовое платье, мануфактура, обувь, а вскоре число магазинов и лавок, принадлежавших владельцам-татарам, возросло до 10 — все в собственных помещениях, на собственных участках, купленных у дороги, — татары были и в числе первых домовладельцев Харбина. На одной Китайской ул., когда она только еще начинала складываться, а было это более ста лет назад, участки и дома имели И.Х.Байчурин, А.А.Таиров, Т.Х.Деушев, Ш.Агеев, У.Н.Агишев и другие, вошедшие в качестве членов и руководителей во многие общественные и культурные организации Харбина.

Мусульманская духовная община в Харбине — Тюрко-татарская духовная и национальная община — как она стала называться позднее, была старейшей в Восточной Азии (основана в 1906 г.). Она и возглавляла всю духовную и общественную жизнь харбинских татар.

В том же 1906 г. в городе была построена мечеть (тогда еще одноэтажная и деревянная). Примерно в то же время возникли первые мечети в городах Маньчжурия и Хайлар; в местах массового проживания татар образовывались общины и различные национальные культурно-просветительские общества. В 1908 г. была открыта первая в Маньчжурии тюрко-татарская смешанная школа «Гинаят», названная так в честь духовного руководителя и неумолимого общественного деятеля общины ахуна Гинаятуллы (Иниятуллы) Садыковича Селехметова (Селихметова). По его инициативе в том же году при общине была открыта бесплатная библиотека и читальня с книгами на татарском, арабском и русском языках. Библиотека постоянно пополнялась новинками, и ее читателями были многие жители Пристани — без различия национальности. Работала она до последних лет существования тюрко-татарской общины, и ее образовательную и культурную роль в жизни татарской эмиграции и воспитании ее молодого поколения трудно переоценить.

Таким образом, после Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке татарские эмигранты, среди которых было много офицеров и солдат Белой армии, нашли в Северной Маньчжурии уже налаженную жизнь своих единомышленников, школы, мечети и пр. и имели возможность получать материальную поддержку от своих земляков. Революция же вынудила эмигрировать из России и многих состоятельных татар, часть которых сразу же уехала и в собственно Китай.

Общественная жизнь татар в этот период повсеместно значительно оживилась. В Харбине на Биржевой (№ 55/8, угол Артиллерийской) было построено каменное двухэтажное здание, в котором разместилось правление общины, школа, библиотека, приют для престарелых и немощных и интернат для школьников. Деятельность общины сосредоточилась на религиозном, культурно-просветительском и благотворительном направлениях. Был создан Женский союз, целью которого стала защита прав и интересов татарских женщин, их взаимопомощь. Председательницей Союза была Э.Кудякова, секретарем — Г.Газизова, она же и секретарь Кружка молодежи тюрко-татар (Артиллерийская, 33/8), председателем которого являлся Ханафи Кудяков. Кружок имел четыре

секции — спортивную, культурно-просветительную, музыкальную и театральную. Последние две поставили на своей сцене несколько национальных спектаклей, имевших большой успех в среде татарской общины. Впрочем, их зрителями были и многие другие харбинцы, жители Пристаней.

Помимо харбинской, большой по численности, как уже говорилось выше, была и хайларская татарская колония. Купцы-татары вели здесь крупные торговые операции с монголами. В Хайларе имелись начальная и высшая начальная школы. При общине работали также Общество призрения стариков и сирот, Женское общество.

В 1923 г., опять же по инициативе Г.Селехметова, было принято решение о строительстве в Харбине двухэтажной соборной мечети — в честь 1000-летия принятия ислама предками тюрко-татар. Когда я был в Харбине в 1990 г., я сразу же посетил участок бывшей татарской общины на родной Биржевой улице: на мечети висела доска с надписью о том, что она охраняется как памятник культуры города Харбина; однако участок и все постройки на нем находились в крайне запущенном состоянии.

К декабрю 2001 г., когда я снова побывал в этих местах, положение радикально изменилось. Мечеть была отреставрирована, покрашена светлой краской, двор — очищен, дворовые постройки стояли как новенькие... Изменилось и окружение: исчез знаменитый в харбинской истории бетонный трек соседнего стадиона, на котором было в свое время поставлено столько рекордов нашими велосипедистами... Вместо него сегодня — небольшая пустынная площадка.

На углу Биржевой и Артиллерийской, на «краю» бывшего стадиона, во второй половине 20-х годов называвшегося «Первым общественным стадионом ОРВП» и являвшегося центром харбинского спорта, занимающая часть его площади, поднялось высокое жилое здание. Мы снимали в это время документальный кинофильм о моей семье и русском Харбине и запечатлели эти изменения, новую бывшую Биржевую улицу на киноплёнку...

В заключение рассказа о тюрко-татарской общине Харбина и Маньчжурии следует отметить, что за всю историю ее существования не было ее национальной замкнутости, изолированности от общей культурной и общественной жизни эмигрантских Харбина и Маньчжурии.

Харбинские татары не чуждались широкого участия в этой жизни, татарские коммерсанты делали щедрые пожертвования на общественные, культурные и благотворительные нужды города, не забывая при этом и внутриобщинной благотворительной работы. То же самое можно сказать и о татарских общинах в городах Хайларе и Маньчжурия.

Приход на Китайскую дорогу Остроумова с его подчас крутыми административными мерами вызвал много шума и разговоров в Харбине и на Линии, не заслонивших, впрочем, обсуждения в городе драматических событий, происходивших с последним выпускным классом Коммерческих училищ в том же 1921 г.

«Большая программа — в училищах изучался 31 предмет, и строгие во всех отношениях требования, повлекли за собой то, что к 6-му классу у нас, — пишет папа, — из 41 ученика осталось 28.

Шестой же класс стал настоящим “чистилищем” в мужском училище, и после него в седьмой класс нас перешло только 16 человек! В таком числе стали мы и восьмиклассниками. Без особых событий закончилось первое полугодие и началось второе. В феврале мы отметили традиционную “стодневу” — сотый день, который отсчитывался от дня выпускного акта, а сам акт обычно бывал в последние дни мая.

В “стодневу” в стенах училища устраивался в складчину ужин (с вином), ребята пели, танцевали и т.д. На ужине обычно бывали некоторые преподаватели. Многие члены родительского комитета были против устройства “стодневок”, считая, что они “не к лицу” такому учебному заведению, как наше. Но традиция была крепкой, “стодневки” проходили спокойно и корректно, и наша строгая, но прогрессивная администрация их не запрещала.

С 1917 г. все переходные и выпускные экзамены в школах были отменены, и мы знали, что закончим занятия 16 апреля, а все остальные классы будут продолжать заниматься. Все шло хорошо. Но вот наступил роковой для нашего 8-го “Б” класса день: вторник, 5 апреля 1921 года! Этот день запомнился на всю жизнь!

В классе отсутствовали трое, и нас было 13 человек. Прошли два первых урока, и выяснилось, что 3-й, 4-й и 5-й уроки будут свободными из-за болезни преподавателей, а 6-й урок — английская литература — состоится. Как водится, обратились к классному наставнику с просьбой

переместить или отменить шестой урок. Сам он сделать этого не смог и вскоре сказал, что к нам придет инспектор. Пришедший Н.Ф. Волонцевич сообщил нам, что переместить урок не представляется возможным, а отменить его он не может потому, что преподаватель сказал, что урок ему необходим для окончания курса. “Поэтому делайте, что хотите в это время, но шестой урок должен быть”, — закончил инспектор.

Мы посидели, потолковали: “Идти играть в футбол или лапту? Не хочется! Идти домой, а потом прийти к уроку? Пожалуй, не стоит!” Так и решили: к уроку не возвращаться, пропуск одного занятия как-нибудь обойдется!

Наутро пришли в училище, а швейцар, пропуская всех учеников, нас не пропускает. “Что такое, что случилось?” — “Не могу знать, приказано не пропускать!” Подошел взволнованный Э.М. Ренц и схватился за голову: “Что вы наделали! Вчера было созвано экстренное заседание Педагогического совета, и вас всех исключили!”

Мы стояли потрясенные неожиданностью, а потом посыпались вопросы: “Но как же так?” — “Что делать?..” Эдгар Мартынович сказал: “Не все еще потеряно, мне кажется, что окончательно участь ваша решится позже. Не делайте опрометчивых шагов. Советую обратиться в Родительский комитет; может, он сумеет чем-нибудь помочь вам!”

В родкоме случай с нами был уже известен, весь город говорил об этом. Наметились следующие предложения:

— продолжить занятия с нами до конца мая;

— держать выпускные экзамены кому-нибудь одному за весь класс.

Через два дня мы узнали, что предложения администрацией училища не приняты. Нового для нас ничего не было, что делать дальше мы не знали. Собрались мы в воскресенье 10 числа, и тогда впервые кто-то робко сказал: “Так что же, может быть, держать экстерном в какой-нибудь гимназии?” Эта мысль, которая, вероятно, мелькала у каждого из нас, а теперь высказанная вслух, прозвучала, как удар хлыста. Стало больно и горько: неужели придется сделать это?.. Решили: отложить принятие какого-либо решения этого вопроса — время еще терпит!

Во вторник 12-го мне передали вызов к Н.В. Борзову.

Я смело мог говорить от имени всей группы — мысли-то у нас были общие. И вот я во второй раз в кабинете директора и опять, как провинившийся!

— Я вызвал вас потому, что мне передали — ваш класс собирается держать экстерном в какой-то гимназии, это так?

— Мы говорили об этом, но решили, что это самая крайняя мера.

— Что заставило вас поднять этот вопрос вообще?

— С нами никто не говорит о нашей судьбе, мы находимся в полной неизвестности, что-то нужно предпринимать.

— Совершив тяжелый проступок, вы, по-видимому, все же ищите легкого выхода?

— Нет, для нас это очень тяжелый выход, мы не можем примириться с мыслью получить аттестат гимназии, а не училища, которое очень дорого нам.

— Очень хорошо! Но вы понимаете, что, желая даже помочь вам, мы не можем оставить ваш проступок без наказания. Ведь после вас у нас останутся сотни учащихся, а каким примером будет для них случай с вами?

— Мы готовы к любому наказанию.

— Рад слышать это! Мы решили дать вам возможность получить аттестат нашего училища на следующих условиях: 1) публичный выговор перед всем училищем, 2) выпускные экзамены по всем предметам.

— Большое спасибо, я уверен, что мои товарищи будут согласны на это.

Конечно, в тот же день наши ребята приняли условия, а на следующий день весь класс подтвердил свое согласие администрации училища.

Выговор был назначен на 15 апреля. На нем были все 13 человек... Не буду говорить о деталях этой процедуры... В тот же день мы получили расписание экзаменов и часть программ. Первый экзамен был назначен на 20 апреля — на четвертый день Пасхи. От экзаменов были освобождены трое, которые отсутствовали на уроках 5 апреля; в их числе был и Володя Швецов, для которого золотая медаль теперь была уже реальностью. Кроме того, перед экзаменами выяснилось, что ученик Плохов отказался держать экзамены. — “Плохов сплеховал,” — шутили мы, а нам самим было не очень весело.

Итак, к “старту” оказались готовы 12 человек, предстоял напряженный труд! Еще две недели назад и моя золотая медаль была несомненной, а теперь “ставка” на нее казалась очень высокой и неверной! Об

экзаменах скажу, что они были “настоящие” — безо всяких скидок, но в общем проходили успешно для нас. Экзамены принесли мне огромную пользу и позволили сделать два вывода, ставшие девизами в моей будущей жизни. Первый: даже при отличном знании темы, не торопись излагать ее со скоростью курьерского поезда, правда, я не страдал этим недостатком и раньше, но не придавал ему большого значения. Второй: распределяй время подготовки к экзамену так, чтобы его хватило для прочтения курса, его повторения и нормального отдыха.

Сделать эти выводы мне помогли два экзамена: по законоведению и истории. На первом я более чем отлично знал 21-й билет — “Условное осуждение и досрочное освобождение” — тема очень интересная и выигрышная. И на экзамене я вынул билет № 21! Это поразило меня и очень взволновало. Захотелось “блеснуть” и рассказать все быстро! Начал отвечать, сбился, заволновался и только ценой большого усилия “взял себя в руки” и ответил успешно.

На экзамене по истории нужно было сдавать: Русскую историю XIX—XX вв., Всеобщую историю тоже этого же периода, Историю торговли. На подготовку было дано два с половиной дня (считая полдня от предыдущего экзамена).

“Русская история” всегда очень интересовала меня, и я решил прочитать “Историю” профессора Ключевского. Уникальный труд, написанный чудеснейшим языком! Я читал эту замечательную книгу, почти не отврываясь, с увлечением, как интереснейший роман! И когда закончил ее и спохватился — шел девятый час вечера перед экзаменом! Немедленно принялся за “Всеобщую историю”. Ее я прочитал к двум с половиной часам утра. Попросив разбудить меня в пять тридцать, я только к уходу на экзамен успел прочитать “Историю торговли”. Голова была ясная, но настроение подавленное!

В экзаменационной комиссии состояло пять человек. В билете у меня было: Александр I, Освободительная война, 1813 год, Венский конгресс; Французская революция 1830 г.; Торговые связи Финикии, Вавилона. Уверенно начинаю отвечать, говорю минут пять, все четко представляю себе, чувствую, что отвечаю хорошо.

Вдруг наш историк М. К. Дунаевский прерывает меня:

— Простите, каким пособием Вы пользовались?

— “Историей” профессора Ключевского.

Михаил Ксенофонтович как-то победоносно посмотрел на членов комиссии, а мне: “Продолжайте!”

Продолжаю, подхожу к Венскому конгрессу, говорю о нем уже мину-
ты три и слышу председателя комиссии Н.Ф.Волонцевича:

— Господа, достаточно, не так ли?

— Да, да, конечно.

Ответ был признан блестящим, отвечал я 12 минут!

Так, постепенно и закончились экзамены, я выдержал их все на “5”.
Наш 12-й выпуск Харбинских Коммерческих училищ оказался “уро-
жайным” на медали: каждый из трех классов получил их по две золотых
и по две серебряных.

31 мая состоялся выпускной акт. Закончилась чудесная пора!

Начиналась совсем неизвестная жизнь, но и в ней знания, получен-
ные в дорогом мне училище, всегда были мне надежной опорой и ог-
ромной помощью!»

Теперь о впечатлениях отца, уже студента второго курса Русско-ки-
тайского техникума — будущего Харбинского политехнического инсти-
тута, о начале в Харбине постановок постоянной оперы, об его впечат-
лениях о них, о любимце харбинской публики премьере Николае
Антоновиче Оржельском.

Продолжая свои мемуары, папа пишет: “Выше я уже упоминал, что
до осени 1922 г. о полноценных оперных постановках не могло быть
и речи. А стало это возможным после приезда в мае 1922 г. нескольких
артистов.

В один из майских дней я, возвращаясь после очередного урока с од-
ним из своих учеников (я подрабатывал репетиторством), увидел афи-
шу, извещавшую о концерте артистов: Альперт-Розановой (колоратур-
ное сопрано), Оржельского (драматический тенор), Луканина (бас).
Возбужденный этой интереснейшей новостью, я поспешил домой, что-
бы порадовать музыкальную молодежь, часто у нас собиравшуюся. Оче-
редное музыкальное собрание уже началось, и среди собравшихся был
и полковник В.Н.Лазарев. О приезде артистов пока никто не знал,
но мое сообщение вызвало очень большой интерес у Лазарева. “Вы не
помните инициалы имени и отчества Оржельского?” — спросил он ме-
ня. Я ответил, что не помню, но его вопрос сразу насторожил нас, и мы
просто набросились на В.Н., прося рассказать, почему он задал этот во-
прос, что он знает об этих артистах? И вот что он рассказал:

— Оржельский? Хорист Мариинского театра (жена была там же кас-
сиршей). Был произведен в солисты и вскоре ушел добровольцем на
войну. Попал ко мне в полк, правофланговый. В затишье между боями

пел. “Браво!” — кричали ему немцы. Дослужился до чина капитана и получил золотое георгиевское оружие. О дальнейшей судьбе не знаю...

После таких романтических сообщений мы уже еле-еле могли дожидаться первого концерта артистов, тем более что имя и отчество Оржельского оказались такими, какие они были у певца, знакомого Лазареву.

Май 1922 г. Первый концерт. Сидела рядом профессор пения Плотницкая.

Пел Луканин — бас. После его выступления Плотницкая говорит:

— Голос прекрасный, но сырой материал, сырой...

Наконец, выходит Оржельский — высокий, стройный. Лазарев говорит:

— Да, это он!

Оржельский начинает, поет “Нитка корольков” и вторую вещь — арию с цветком из Кармен. Спел эти две вещи, и зал был покорен им полностью. Поет арию из “Пяцев” — “Нет, я больше не паяц!...” и в этот момент у аккомпаниатора рассыпались нотные листы. Тот совершенно растерялся.

Оржельский бросился поднимать ноты, успокаивает аккомпаниатора и этим как бы успокаивает весь взволнованный зал.

Опять начинает эту арию.

Триумф...

Плотницкая говорит:

— Законченный певец, законченный и блестящий!

В антракте В.Н.Лазарев пошел за кулисы к Оржельскому.

Вернулся взволнованный, — встретились, успели поговорить, — но и огорченный:

— Оржельский простужен, глотает какое-то лекарство...

Начинается второе отделение. Оржельский по программе должен петь “Рахиль, ты мне дана...” из “Дочери кардинала”. Он еще не вышел на сцену, а аккомпаниатор, смотря в зал, берет несколько начальных аккордов арии. Уже покоренная Оржельским публика скандирует: “Просим, просим!” Выходит Оржельский, начинает арию. Спел он ее просто изумительно! Свое триумфальное знакомство с харбинской публикой он закончил арией Рауля из “Гугенотов”.

Харбин был, буквально, проходным двором для знаменитых и известных музыкантов, певцов, актеров. О некоторых из них я уже упоминал выше. В период же с 1921 по 1925 гг. в Харбине побывали знамени-

тые скрипачи Миша Эльман и Яша Хейфец. Певцы — Сибиряков — бас, артист б. Императорского театра, артист с великолепной благородной осанкой и таким же голосом; известный бас Касторский, — он был уже совсем седым, но покорял и прекрасным голосом, и такую же внешностью; Илья Мозжухин (брат известного киноактера Ивана Мозжухина), бас, постановщик интересного спектакля “Фауст”, в котором он пел Мефистофеля, одетый во все черное; Лабинский, известный всей России тенор, покорявший всех исполнением знаменитой в свое время “Тишины” композитора Кошешарова; Лидия Липковская — одна из блестящих звезд нашей оперной сцены — колоратурное сопрано; помимо концертов, где ей аккомпанировал и также выступал известный пианист Скляревский, она сыграла в двух операх — “Фаусте” и “Богеме”. В 1927 г. в Харбине был С.Я.Лемешев и пел в опере целый сезон; в то время им было напето много пластинок. Понятно, что в то время он был еще молодым артистом, но Харбин распознал в нем будущую знаменитость. В 1936 г. Харбин посетил Ф.И.Шалапин. В 1924 г. в Харбине побывал изумительнейший тенор Словцов, ему ниже я уделяю особое внимание.

Как видите, несмотря на обилие певцов и музыкантов, посещавших Харбин, и на наличие их постоянно в Харбине, организовать регулярные оперные постановки долго не удавалось: нужно было ко многому приложить руки, знания, энергию. Организатором, и притом блестящим, оказался Николай Антонович Оржельский. Он создал Товарищество оперных артистов на паях. С Желсобом была достигнута договоренность о льготных условиях предоставления театрального зала. Были приглашены к работе вторые персонажи: Александров (Чикин), Найдович, Лидарова, премьер — лирический тенор Черненко; позже в коллектив вступил молодой, не очень в себе уверенный, но, несомненно, талантливый, “металлический” баритон Сергей Эдвинович Торгуд.

Коллектив начал работу и провел сезон в довольно трудных материальных условиях: вся его жизнь велась на “свежую копейку” — на выручки от билетов; дотаций не было, их оперное товарищество начало получать от КВЖД только с сезона 1923/1924 гг. В это время КВЖД жила на золотой рубль, а весь край на “даян” — китайский доллар. Один золотой рубль приравнивался примерно (в зависимости от курса) к двум даянам. Н.А.Оржельский, который нес на себе всю тяжесть ос-

нового репертуара, получал 300 “марок” (ведь это было Товарищество!), что в среднем давало ему 90 даянов в месяц.

Много это или мало?

Для сравнения приведу несколько цифр заработков того времени. Я, занимаясь с учеником по полтора часа ежедневно, получал в месяц 30 даянов; средний служащий различных частных предприятий зарабатывал 80–150 даянов; начальник участка службы пути КВЖД — 300–350 золотых рублей; начальники Служб КВЖД — 600–900 зол. руб.; Управляющий КВЖД (в то время инженер Б.В.Остроумов) — 3000 зол. руб.

Неудивительно, что, несмотря на суровую харбинскую зиму, Оржельский ходил в тот сезон в легком, драповом пальто, что повергало нас, студентов, его почитателей, в смятение!

Зато в следующий зимний сезон мы имели удовольствие видеть Николая Антоновича в великолепной дохе. Как удалось выяснить из расспросов артистов, доха была подарена Оржельскому известным на Дальнем Востоке оперным басом В.Воиновым. Во время болезни Воинова, когда оказалась необходимой поездка в Японию, сопровождавший его Николай Антонович во всех случаях, когда это было нужно, переносил его на руках. К началу сезона певцы вернулись — Воинов поправился, а у Оржельского появилась действительно великолепная доха.

Н.А.Оржельский покорила меня после первых же его выступлений, а окончательно — после того, как я узнал о нем многое, как о человеке».

Папа не пишет, что именно он узнал, а когда я захотел восполнить этот пробел в его воспоминаниях, то начал искать... И ни в одной изданной в СССР энциклопедии, ни в одном справочнике я не нашел ни слова об этом выдающемся оперном артисте... Ни строчки — полное забвение... Из которого имя Оржельского вырывают воспоминания моего отца и тот материал, который позднее мне все-таки удалось разыскать в эмигрантской прессе. Итак, добавлю:

Оржельский был крупной величиной на российской оперной сцене. В 1910 г. он поступает в тогда еще Императорский Мариинский театр и в 1912 г. получает от Дягилева приглашение отправиться вместе с Ф.И.Шаляпиным в заграничное турне. Оржельский поет в Париже, поет в Лондоне, возвращается вновь на мариинскую сцену. Начинается великая война...

Оржельский — не подлежал воинской повинности как артист Импе-

раторских театров. Но он уходит на фронт добровольцем, вместе со своими пятью братьями, причем два отправились по призыву, а трое тоже добровольно. Всю войну Оржельский — в окопах; действительно, получил золотое Георгиевское оружие. По демобилизации в 1918 г. возвращается в Мариинский Государственный театр. Но в начале 1919-го покидает Петроград. Поет в Екатеринбурге, поет в Омске, в Иркутске, Чите и добирается до Харбина...

Папа во что бы то ни стало решил познакомиться с артистом и при первом же удобном случае представился ему. «Умные глаза вначале внимательно и строго смотрели на меня, но уже через несколько минут я почувствовал, что “экзамен” сдан и Николай Антонович стал тем милым человеком, каким я представлял его себе...

Я пользовался любым случаем, чтобы поговорить с ним, посмотреть его на репетиции.

В Политехническом институте около 12 часов дня (между 3-й и 4-й лекцией) была большая перемена. Наскоро поев, я спешил в Железнодорожное собрание на репетиции оперных артистов. Желоб был от института в двух кварталах, и мне удавалось провести на репетиции 15–20 минут. В собрании меня уже хорошо знали и на репетиции пропускали беспрепятственно. Смотрел, слушал, иногда разговаривал с хористами, с некоторыми из них у меня сложились хорошие отношения. Кстати, следует сказать, что хор оперы в 40 человек состоял из очень опытных певцов, если и не полных профессионалов, то хорошо знакомых с музыкой, певших много лет в харбинских церковных хорах. Из разговоров с ними, а разговор, каким бы он ни был, неизменно переходил на Николая Антоновича, я много раз убеждался, что Оржельский был не только отличным певцом и актером, но и очень хорошим человеком. Все очень его любили, восторженно говорили о его выступлениях и сокрушались, когда Николай Антонович выпивал! Нет, он не был алкоголиком и, вероятно, пил не больше нормального человека, любящего выпить в компании... Но это переживалось нами очень болезненно, наши требования к нему были очень высокими!

Однажды я набрался наглости (иначе и не определить мое поведение!) и в разговоре с Николаем Антоновичем начал просить его не пить! Можно было ожидать, что он просто пошлет меня, мальчишку, к черту со всеми моими советами. Но Оржельский был серьезен, внимательно слушал мои, по-видимому, взволнованные просьбы, а затем, блеснув

свою доброй улыбкой, сказал, что пьет он не так уж много, голос его так или иначе через несколько лет все равно изменится, и тогда он перейдет в драматический театр, а вообще-то он очень тронут таким вниманием к нему с моей стороны. Вспоминая этот разговор, я еще раз удивляюсь, каким простым, сердечным человеком он был, сколько у него было мягкости и мудрости!..

На сцене же, в своей темпераментной, всех захватывающей игре, Н.А.Оржельский никому из своих партнеров не делал скидки, были ли это мужчины или женщины. Поэтому, как говорили все артисты, — Мамонова после “Паяцев” и Зырянова (как позднее и Кравченко, после “Кармен”) ходили с синяками на руках, но нисколько не были в обиде на Николая Антоновича. Его изумительная игра безоговорочно увлекала всех его партнеров.

Н.А.Оржельский выступал в Харбине в 24 операх. Каждое его выступление было событием, о котором можно было бы рассказать что-то характерное. Но особенно хочется отметить оперу “Паяцы”, проходившую к тому же и в постановке этого артиста. Что же касается его непосредственного участия в опере в роли Канио, то достаточно будет привести часть газетной рецензии на первый спектакль. А в рецензии говорилось: “Исполнение господином Оржельским роли Канио сделало бы честь любой столичной сцене.

Сама же постановка поразила своей новизной, логичностью и реализмом. В зале погас свет, как обычно, началась увертюра, затем пролог.

Сейчас должен раздвинуться занавес и увидим артистов труппы Канио, в их театральных несуразных костюмах, увидим жителей селений в их кургузых курточках, увидим театр на сцене — ряды скамеек для зрителей и бутафорский помост, его изображающий!..

Но что это?! В зале вспыхивает свет, раскрываются двери, и в зал с возгласами, барабанным боем, веселым шумом вливается толпа артистов — труппы Канио. Они пляшут, весело смеются и, продвигаясь по залу, поднимаются затем по помосту (а мы и не заметили его!) на сцену. Артисты в современных костюмах, и когда они поднялись на сцену, все зрители почувствовали себя действительно непосредственными участниками всего того, что будет происходить далее, — артисты таким необычным появлением уже создали в зале атмосферу чего-то захватывающего, волнующего, тревожного!

И дальше зритель все время непосредственно связан с артистами, судьба которых оказалась столь трагичной.

Потрясающей была сцена, когда Недда, погибающая от ножа обезумевшего Канио, зовет:

— Сильвио, на помощь!

В ответ на это из зала по помосту, на сцену бежит Сильвио и умирает на помосте, сраженный ударом Канио. Все это нужно было видеть, слышать и переживать! Каждому, потрясенному таким реализмом, зрителю казалось, что несчастный Сильвио был вырван из среды зрителей, что на месте Сильвио мог оказаться любой из зрителей, находившихся в зале. Незабываемый, потрясающий спектакль!”

Меня всегда поражала изумительная легкость движений Н.А., несмотря на его рост и вес! Так было в “Богеме”, “Кармен”, “Паяцах” и т.д. В “Паяцах” сцена погони Канио за Сильвио, только что расставшегося с Неддой, поражала своею простотой и реализмом! Канио не ищет калитки в почти метровом заборе, а с необычайной легкостью перепрыгивает через него и устремляется за Сильвио, не теряя ни секунды!

Исполнение Оржельским роли Баяна в “Руслане и Людмиле” поразило и в то же время вызвало некоторое недоумение. Дело было в том, что старика Баяна он пел в полный голос. В особенности хорошо — мощно и красиво звучали последние строки песни Баяна. Но признаюсь, как-то трудно было увязать такой красивый сильный голос с образом старика Баяна. Я решил поговорить об этом с Николаем Антоновичем, выяснить — каковы его мотивы такой интерпретации роли Баяна.

То, что он мне сказал, было и достаточно, и совершенно убедительно:

— Каждый певец, — объяснил Оржельский, — если он будет только механическим передатчиком слов романса или арии — обречен на провал! Певец, больше чем обычный актер, должен своим исполнением, своим голосом воздействовать на слушателей и убеждать их в том, о чем он поет. Во все времена певец Баян, независимо от его возраста, был выразителем всех лучших чаяний и устремлений людей. И если у людей могли быть какие-то сомнения в правильности того или иного, то Баян должен был убедить и убеждал их в торжестве правды и справедливости, в бессмертии лучших сыновей своей страны. А убеждать, заставляя во что-то верить, может, конечно, тот, кто не просто говорит правду,

а говорит ее в полный голос, а это не должен быть дрожащий голос, хоть и очень доброго и мудрого, но старика!

Может быть, кто-нибудь и не согласится с этим, но я еще раз был поражен тонкостью понимания Оржельским каждой своей, даже небольшой роли!»

Здесь разрешите мне прервать воспоминания папы о сценическом мастерстве Н.А.Оржельского, о харбинской опере и различных городских развлечениях. У нас в Харбине, да и вообще у русских людей в Маньчжурии каждый год наступало время, когда все эти развлечения, балы, все светские удовольствия, даже опера — замирали, отходили на задний план или даже вовсе исчезали на время из жизни.

Наступали семь недель Великого Поста...

После шумной и разгульной Масленицы переход этот был особенно заметен. В меню ресторанов и столовых начинали преобладать постные блюда; дома — тоже — каши и постные супы, рыба воспринималась как праздник... Происходила перемена во всех сторонах жизни каждой православной харбинской семьи, если даже она не очень строго соблюдала пост. Менялось настроение, душевный настрой всех ее членов, и его можно определить как умиротворение и покой, какое-то всеобщее примирение.

И не вдруг. Начиналось все с русского православного, истово соблюдавшего в харбинских семьях обычая просить друг у друга, у всех членов семьи, прощения за причиненные ранее обиды — с Прощеного воскресенья. Вечером, перед уходом домой с последнего дня Масленицы родственники-гости падали на колени перед хозяевами, совершали земной поклон и просили у них прощения... То же совершали деды и родители перед внуками и детьми, и дети перед старшими. Звучало умиротворяющее «Бог простит», следовали объятия и поцелуи. Так бывало из года в год, и теперь понятно, почему наступавший понедельник назывался Чистым.

А на улице? Привычные с раннего детства, сопровождавшие нас всю жизнь колокольные звоны, всегда вызывавшие подъем духа и ощущение какой-то радости, сегодня уже совсем другие. Перезвон колоколов — спокойный и протяжный и оттого чуть печальный. Менялось облачение священников и все внутреннее убранство церквей. Все становилось темным, приглушенным. Иконы убирались в черные по-

крывала, что придавало добрым лицам святых и даже мягкому образу Божией Матери непривычную строгость.

Великий Пост, как и Рождественский, — это время больших духовных концертов объединенных хоров харбинских церквей — о которых так хорошо написала их участница, ныне регент хора русской православной церкви в Сиднее — Вера Троицкая (см. ее статью «Харбинские духовные концерты» // НСМ, март 2000, № 73).

Одним, возможно, наиболее ранним, по крайней мере, из известных мне, был такой концерт трех хоров — Св.-Николаевского собора, Софийской церкви и церкви Коммерческих училищ под управлением И.П.Райского 30 марта 1921 г. В нем принимала участие известная в то время певица — сопрано Каплунова, т.е. уже существовала традиция привлечения к выступлению церковного хора светских певцов.

Что касается церковных хоров, то каждая из 23 харбинских церквей имела свой, зачастую вполне профессиональный хор. Особой известностью и славой пользовались три архиерейских хора и среди них, конечно, прежде всего хор Свято-Николаевского кафедрального собора, певчие которого работали, отчасти, на профессиональной основе, т.е. получали за свою (нелегкую!) работу в хоре небольшое жалованье.

Широко известными старейшими регентами харбинских хоров были упоминавшийся П.Н.Машин, Ипполит Петрович Райский, Валериан Степанович Лукша, Иван Андреевич Колчин, Иван Максимович Воротников. Из более молодого поколения В.Троицкая называет следующих: Петр Филиппович Располов, Виталий Иулианович Сумневич, М.Н.Троицкий, Н.М.Беневоленский, А.В.Приклонский, Константин Павлючик, Д.Н.Немчинов, Георгий Ефимович Черемушкин, Игорь Баранов. Прекрасным организатором школьных хоров Лицея Св. Николая и обоих Конвентов являлся и популярный Николай Иванович Бабайлов. Уже в Австралии регентами местных церковных хоров стали харбинцы Вадим Лаптев, Л.А.Приклонская, В.Троицкая.

Выдающимися голосами обладали два знаменитых харбинских протодиакона, служившие в соборе, — о. Николай Иванович Овчинкин (могучий бас-октава) и о. Семен (Симеон) Никитич Коростелев (красивый лирический тенор).

Все поколения харбинцев любили хоровое пение, и эта любовь прививалась нам с детства — с участия в школьных хорах, которые тоже бы-

ли в каждой школе и часто выступали в школьных и даже городских концертах.

Каким-то чудесным, фантастическим праздником искусства, дивной сказкой представляется мне в наши дни один такой концерт, посвященный старинной русской песне, на музыкальном вечере в Гимназии им. Ф.М.Достоевского в начале февраля 1936 г. Чтобы не быть голословным, предоставлю слово газетному отчету.

Перед началом концерта директор гимназии В.С.Фролов сделал доклад, посвященный народной песне, отметив исключительное значение в жизни русского человека песни, сопровождавшей его от колыбели до могилы.

Далее начались выступления хора, которым дирижировал И.П.Райский. Были исполнены «Поминальные», «Заздравные» песни, вещая «Голубиная книга» и полные неподдельной, чисто русской скорби песни о «Плакун-траве» и «Прекрасном царевиче Иосифе».

После перерыва зазвучали изумительные, воссоздающие атмосферу старины «гусярские песни», из которых наибольшее восхищение зала вызвала песня «Плач Ярославны», исполненная вместе с хором абитуриенткой гимназии Л.П.Саяпиной.

Во втором отделении прозвучали хороводные песни — «Ой утушка моя луговая», «Девки звали молодца», «Стой, мой милый хоровод». Исключительное впечатление на зрителей произвели «Свадебные песни», из которых были исполнены «Сидит наша гостинька» — ученицей Г.Стрельчик, а также «На море лебедушка» и «Не летай мой сокол». Интересны были и старинные «Беседные песни» — «Чернобровый черноокий», «Калинка моя», исполненные ученицей С.Ворониной.

Отдельную часть программы составили бытовые песни — «Снится мне младешенке» в исполнении ученицы Васюковой, веселая игровая песня «Я золото хороню, хороню» — ученицы Недзвецкой, с хором.

Завершали концерт шуточные и скоморошьи песни.

И в заключение рецензии сообщается, что хор гимназии готовится к большому масленичному вечеру народной песни под названием «Русское раздолье».

А ведь это — всего лишь ученический хор одной, пусть и лучшей, гимназии города!

А вот еще один анонс, свидетельствующий о любви харбинцев к хо-

ровому пению, о том внимании и заботе, которые уделялись в эмиграции русской песне.

14 февраля того же года, пятница:

«В воскресенье в Желсобе состоится светский концерт хора И.А.Колчина, организованный правлением Общественного реального училища при мюдягоуском храме.

Концерт посвящен русской песне и включает в программу [так в тексте. — Г.М.] ряд красивых, не исполнявшихся в других концертах хоровых произведений русских композиторов.

Талантливый руководитель хора, к сожалению, очень редко появляющийся на эстраде, выбрал для своего концерта шедевры русской песни, которые делают понятным то почетное положение, которое занимает эта песня во всем культурном мире.

“Ковыль” Сахновского, сюита Пашенко с красивой народной песней “В темном лесе”, с ее причудливыми модуляциями, “Лес” Речкунова, “Соловушка” Чайковского, “Ах, не одна во поле дороженька” Александра, эффектная “Канавка” Чеснокова и его же тонкое “Теплится зорька”...

Хор состоит из 30 мужских и женских голосов; имея в каждой партии лучших певцов харбинских хоров, отличается большой спетостью».

И.А.Колчин назван глубоким знатоком своего дела, художником-музыкантом.

Концерт состоялся при полном зале и имел большой успех.

...Но понемногу и все более властно начинает вступать в свои права весна. Сильнее припекает весеннее солнце. Заметно теплеет, но еще стоят морозцы. С крыш свисают длинные сосульки. И вот наступает день весеннего равноденствия — 22 марта — Жаворонков день. Зиме приходит конец.

В этот день в русских семьях пекли «жаворонки».

Вот как об этом пишет русская писательница, хайларка, Надежда Перминова:

«Бабушка, перекрестившись, разбила шероховатую, словно из снега слепленную скорлупу о край глиняной миски-гличика, полила постного масла и молока, взбила деревянной лопаточкой и, подсыпая муку, замесила тесто. Она наделала из него ровных шаров, а потом каждый из

них раскатала в длинные полосочки, которые перевила: один посередине, другие ближе к одному из концов. Уложив первые на смазанный лист, стала класть поперек их вторые так, чтобы длинный конец раскатанной полоски был хвостом. Для большего сходства бабушка разрезала его ножом еще на несколько полосочек. Короткую часть, головку жаворонка, она поручила оформлять мне. Я вытягивала из теста носик, а там, где тесто заворачивалось, пристраивала — вминала две черных горошины — припасенную с лета сушеную черемуху».

А если уже прилетели к этому времени настоящие жаворонки, испеченную сдобу надо было обязательно показать им и попросить:

Жаворонок, жаворонок!
На тебе зиму, а нам дай лето!
Возьми себе сани, а нам дай телегу!

Надежда Ильинична Перминова, проживающая ныне в Вятке, — автор трех сборников стихов, двух работ о народных ремеслах, книги для детей и двух книг прозы. Отрывок процитирован мною из ее сборника «Соловьиная ветка» (Вятка, 1991, с. 111–112).

И вот уже наступает шестая — Вербная — неделя Великого Поста.

Это несколько дней веселого и шумного праздника среди скорбного Великого Поста перед завершающей его Страстной седмицей. Для людей это была как бы разрядка, короткая одушина в череде скромных и тихих недель... В Москве дни Вербной недели проходили особенно шумно и весело. Местом гуляний всегда была Красная площадь.

Харбинский журналист М.Ш(мидт) в статье «Бей до слез!.. Вербные дни в Первопрестольной» называет эти дни «волшебной неделей весенней радости, красок и веселья». Он пишет о красочных развалах ярмарки на древней площади, центре Москвы и всей России, — о палатках и дощатых лавках в три ряда, сотнях торговцев с лотками, о наваленных горами на земле «вербных товарах», о «сборе здесь букинистов всей Москвы».

«Свист, писк, треск — стоном стоят над площадью. Купцы, офицеры, чиновники, няньки с детьми, гимназисты и гимназистки, студенты, инженеры, кухарки, горничные, дворники, мастеровые — все за неделю, хоть день-два толкались в эти буйные весной и жизнью дни на Красной

площади...». Вечером через площадь вереницей проходили щегольские выезды московской знати и именитого купечества. А в московском Манеже традиционно на «Вербу» устраивались «конкур-гиппик» — известные на всю Россию состязания лучших наездников императорских кавалерийских полков.

«Пела и звенела старая Москва в вербную неделю. Смеялось весеннее солнце, смеялся радостный народ...» — заключает журналист.

А в Харбине? То же!

Оживление наступало уже примерно с четверга — открывались традиционные вербные базары: по всей Мостовой улице, в Доме милосердия, у всех храмов. С утра устанавливались деревянные прилавки, лотки, на которых располагались груды искусственных цветов, живые цветы, ветки багульника. На тротуаре — в ведрах, в корзинах — пучки красных веточек с пушистыми светло-серыми «барашками» — свежесрезанная верба. Продавцы — русские женщины, китайцы. Вербка и в руках у многочисленных китайских разносчиков.

Вербный базар в Доме милосердия — это, по установившейся традиции, и выставка-продажа рукоделий воспитанниц: разные изящные поделки-подарки, вышитые скатерти и салфетки, аппликации, детские платья, фартучки-нагрудники... Харбинцев призывали посетить выставку, купить работы, помочь таким образом материально этому приюту милосердия.

Пик праздника — суббота. На базарах многолюдье: взрослые, школьники (школы и предприятия закрыты), гул, оживление, праздничное настроение, у всех в руках верба и цветы. Мальчишки бьют девочек по ножкам, приговаривая «Вербка хлес, бей до слез!» Визги, шум...

Но все заканчивается к вечернему богослужению.

В храмах служат две всенощные. Раннюю (Детскую) — для детей — святят вербу, подходят под Помазание. Позднюю — тоже с освящением вербы — для взрослых.

Какая-то особенно светлая, праздничная литургия в воскресенье: вход Господень в Иерусалим...

Но быстро проходит этот короткий праздник, и с понедельника — наиболее строгий пост.

Говеют школьники. Ходят в церковь на службы; в среду после утреннего богослужения исповедуются в своих детских грехах у священника, получают под епитрахилью их отпущение; приходят на всенощную; и в Великий четверг, в праздничной школьной форме, причащаются Святых Тайн.

Говеет и причащается перед Праздником Пасхи и большинство русского населения...

Но кто мне скажет, когда именно, еще задолго до Пасхальной Заутрени в душе начинает жить ощущение, предвкушение Праздника? Когда начинается Пасха?

Я имею в виду, конечно, не фактический момент, не вечер в Светлую Великую субботу, не крестный ход вокруг церкви и ликующие возгласы с паперти — «Христос Воскресе!» Не домашнее разговление и пасхальные визиты в Первый день... Я говорю о том первоощущении, предчувствии приближающегося с каждым часом великого радостного события — Праздника праздников и Торжества из торжеств, о многочисленных п р и з н а к а х наступающей Пасхи... Когда?

Пока я не дам ответа на этот вопрос, остановлюсь на сказанном, а продолжение будет в следующей главе.

Начиная теперь разговор о развитии в российской колонии в Маньчжурии и Китае изобразительного искусства, хочу прежде всего сказать, что, хотя в области искусств труднее всего проводить какие-либо сравнения, тем не менее берусь утверждать, что уровень международных контактов русских художников здесь с их китайскими и японскими коллегами был, пожалуй, наиболее высоким и уступал, быть может, только связям в области музыкального искусства. Да и российская общественность в целом интересовалась традиционным китайским и японским искусством.

Не странно ли? При таком различии европейской и восточной живописи, используемых ими форм и средств, изображения и понимания функций пейзажа и прочем, и прочем...?

Да, все-таки! Именно так.

В среде русской интеллигенции, воспитанной на изящном вкусе, на традициях национальной терпимости, искусство Востока всегда привлекало к себе внимание. При всей его непохожести на европейское — в изобразительных средствах и приемах мы ощущали подлинность этого искусства — скрывающего, а может быть, наоборот, раскрывающего таинственный мир чувств и ощущений людей Востока, позволяющего приподнять невидимую завесу над их тайнами.

Попав в Китай, русские люди соприкоснулись с самыми различными формами восточного искусства в непосредственной близости. История

русско-китайских и русско-японских связей в области изобразительно-го искусства еще ждет своего исследователя. Здесь ниже только отдельные эпизоды, отражающие, однако, подлинный высокий дух этой важной области культурных связей русского и дальневосточных народов, демонстрирующий настоящее межцивилизационное взаимодействие в подлинном смысле этого слова.

Я имею в виду не только встречи русских в Китае непосредственно с китайской и японской живописью на выставках и вернисажах. Разве к сфере высокого народного искусства не относится неповторимая китайская и японская архитектура пагод и храмов (не говоря уж об изображениях сонма их «страшных» богов, поражающих воображение), различные предметы искусства, в том числе всевозможные художественные китайские и японские «безделушки», имевшиеся в изобилии в каждой русской семье, нарядные и оригинальные атрибуты одежды, наконец, просто праздничный китайский лубок, китайские и японские художественные панно? Разве не сталкивались со всем этим харбинцы и жители других городов Китая буквально на каждом шагу?

Но я буду пока говорить только о выставках.

Огромный успех у русской общественности Харбина имела в описываемый период выставка картин молодой китайской художницы Ян Мэйлин, отмеченная несколькими восторженными рецензиями.

А харбинские русские художники?..

Большинство их являлись питомцами высших и средних художественных школ императорской России: В.Е.Панов и Н.А.Вьюнов — С.-Петербургской Академии художеств; П.Ф.Федоровский окончил ее курс по архитектурному отделению; М.М.Лобанов не окончил курса из-за начавшейся революции. А.Е.Степанов, М.М.Пьянышев и В.П.Казанов окончили Московскую школу ваяния и живописи. А.К.Холодилов являлся питомцем Екатеринбургского художественного училища, а Н.С.Задорожный — Читинской художественно-промышленной школы. А.Н.Клементьев, преподаватель Лицея Св. Николая, закончил курс Одесского художественного училища, после чего совершенствовался за границей. А также С.С.Шешминцев, Ю.В.Смирнов, художник-китаевед А.И.Сунгуров... Всех я просто не имею возможности здесь перечислить!

В Шанхае работали В.С.Подгурский, М.А.Кичигин, Н.А.Пикулевич, Л.Н.Пашков, Я.Л.Лихонос, другие.

Талантливыми карикатуристами были Вита Загибалова, Руф Аханьев, в Шанхае — Г.Н.Сапожников (Сапажу).

Широко известны были и театральные художники, творившие прекрасные декорации к многочисленным и разножанровым харбинским постановкам, начиная с оперных и кончая яркими кафешантанными. В этой области были известны такие имена, как В.А.Засыпкин, М.Ф.Домрачев, А.Д.Сафронов, В.Д.Шилоносков, Покровский, Алин, Смирнов; позднее — Слюсарь, Лобачев (*Коренева О. Живопись // Политехник, 1979, № 10, с. 165*).

Добавлю еще одно имя — художника Ф.Тэдди, ярко работавшего в кабаре «Альказар» и вызвавшего восхищение журналиста Коли Шило, который посвятил ему следующие строчки:

Художнику Тэдди

Тебе, мой друг, художник Тэдди,
Я посвящаю не сонет,
Не мадригал и триолет,
А просто первые слова,
Что с уст срываются едва,
А уж звенят, подобно меди.

Твои изящные лубки,
Твои тончайшие мазки
Дороже многих декораций,
Придя из тьмы глубоких лет,
На них смотрел бы сам Гам-лет,
И не судил бы их Гораций.

Что подарить тебе?.. Мечты?!
Я беден так же, как и ты...
Тебе подарок мой — им вызов:
Эй, толпы леди и маркиз,
Идите вы на бенефис
С толпами лордов и маркизов!

В этой книге я не ставлю своей задачей рассказывать о харбинских художниках подробно — это дело будущего. Здесь речь пойдет только о начале 20-х годов, о нескольких художниках и их выставках и о Художественной студии «Лотос».

Мне известно, что в 1920 г. в Гимназии Оксаковской проходила выставка работ художника-портретиста Николая Алексеевича Кованцева. Выставлялись: сделанный им в Астапове первый посмертный портрет Л.Н.Толстого, портреты Д.Бурлюка, Владимира Степного, артистов Бравина, Дальгейма, Доброхотова, артистки Черкасской. Внимание публики привлекала картина, названная художником «Довольно крови» — с изображением прекрасного ангела.

В 1921 г. в Харбине побывал уехавший отсюда в Америку глава футуристов Давид Бурлюк, «поражавший общество откровениями нового искусства», — как писали о нем местные газеты. Устроенная им выставка имела успех, хотя харбинцы и посмеивались над такого рода искусством. Но Бурлюк, как личность, им понравился, и они, воспользовавшись теми неологизмами русского языка, которые художник привез с собой из России, в шутку говорили: «Харбинцы обилечиваются, а Бурлюк огалошивается» (воспоминания В.Г.Мелихова).

В то же время был в Харбине и М.А.Кичигин, и в мае 1922 г. прошла его выставка. Но о его творчестве, расцветшем позднее в Шанхае, конечно, надо говорить особо.

В этом же году была устроена выставка художника Н.Гушина. На выставку дал рецензию Сергей Алымов, назвав художника с присущей автору образностью «Коробейником красок»

Теперь о студии «Лотос».

У истоков Художественной студии «Лотос» — заметного явления в культурной жизни Харбина — стоял художник и скульптор Александр Кузьмич Холодиллов, ставший позднее бессменным секретарем этой студии.

Родился он 7 октября 1896 г. в Висимо-Уткинском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии — одном из первых возникших на Урале. По окончании начального училища поступил в ремесленное, которое окончил в 1912 г. В 1917 г. завершил учебу в Художественном училище Екатеринбурга. Работал преподавателем рисования и черчения в Екатеринбургском высшем начальном училище.

От училища Александр Кузьмич должен был ехать в Таганрог худож-

ником-декоратором, но школа была в 1919 г. эвакуирована в Читу, и он был прикомандирован к Читинской художественной школе. Был мобилизован и работал в качестве художника по оформлению фотографических альбомов и театральных декораций.

В это трудное время велось много разговоров о Китайской Восточной железной дороге и о Харбине; возникло желание от всех происходивших вокруг потрясений уехать туда и пожить спокойной жизнью. Желание это удалось осуществить осенью 1920 года.

Несколько художников — голодные, оборванные — приехали в Харбин.

Витрины и прилавки магазинов Чурина ломались от изобилия продуктов, город жил сытой, спокойной жизнью. Остро встал вопрос: как быть? что делать?

По рассказу дочери — Татьяны Александровны Ивановой (Холодиловой):

Подошел к группе молодых людей какой-то солидный, прилично одетый мужчина.

— Вы художники?

— Да...

— Не возьметесь ли писать вывески?..

Работа таким образом нашлась, и молодые художники Екатеринбургской и Читинской школ, приехавшие в Харбин, объединились вокруг нее. Коммуна сложилась на Кавказской улице Пристани на квартире Холодилова, где все и стали жить вместе.

У талантливой молодежи возникла мысль о создании в Харбине собственной художественной школы. Ее открыли — тут же и назвали «Лотос». Ученики появились сразу, и постепенно их становилось все больше и больше.

Школа практически выполняла чрезвычайно важную задачу: пробуждать у детей эмиграции, уже в это трудное время начала 20-х годов, художественные способности.

Деятельность расширялась. Встала задача подыскать новое, более просторное помещение. В коллектив вступил старший коллега, директор Екатеринбургского художественного училища, энергичный В.М.Анастасьев.

Он-то и нашел новое пристанище для «Лотоса» — в только что отстроенном доме Мееровича — Большой проспект, 24а, угол Таможенной, — в просторной, пустующей и заваленной хламом мансарде, кото-

рая скоро стала знаменитой. Соглашение было достигнуто. Всю необходимую работу художники взяли на себя: собственными руками очистили помещение, оборудовали студию, художественно оформили ее, создали павильон, начали работать...

5 февраля 1922 года харбинская газета «Рупор» сообщила, что в доме Мееровича «приспособилась художественная студия под названием «Лотос». Группа художников объединилась под руководством Анастасьева, бывшего хранителя столичной художественной галереи, и художника-архитектора Бернардацци. Большая светлая комната заставлена мольбертами и декоративными аксессуарами. Представители богемы здесь же и живут. Спят под мольбертами в приятном соседстве масок, черепов и гипсовых торсов.

Начались занятия с группой учеников по рисованию. По вечерам устраиваются «кроки» — наброски с живой природы в несколько минут».

— Нет рисовальной школы в Харбине, — заключал журналист. — Может быть, «Лотос» восполнит этот пробел?

Автору заметки, несмотря на ее язык и некоторые неточности, нельзя отказать в присутствии здравого смысла и умении правильно оценить конъюнктуру. Студия, действительно, была очень нужна и открылась как раз вовремя. Потребность горожан в художественном — так скажем — образовании оставалась совершенно неудовлетворенной и определила успех «Лотоса». Художники же были вознаграждены за инициативу. Им удалось быстро развернуть свою деятельность в широких масштабах.

Не прошло и двух месяцев, как Студия искусств «Лотос» объявила об организации регулярных занятий по живописи, рисованию и скульптуре, создав для этого группы: Первую — обучающихся рисованию, живописи и скульптуре; Вторую — для детей дошкольного возраста от 5 до 8 лет (эстетическое воспитание); Третью — сеансы набросков и этюдов и живой модели для художников; Четвертую — уроки технического рисования и черчения для ремесленников.

В 1920–1923 гг. рисование, живопись и лепку здесь вел А.К.Холодилов. В последующем художник перешел на преподавательскую работу, которая стала делом его жизни. Он преподавал рисование и черчение в Первом Высшем начальном училище (на Артиллерийской ул., угол Пекарной), в правительственной гимназии, в школах в Затоне и Ченхэ; а в 1945–1955 гг. — в Первой советской средней школе.

О дальнейшей судьбе Александра Кузьмича пишет его дочь Татьяна Александровна (*Иванова Т.А.* Несколько слов об отце // НСМ, февраль 1998 г., № 50). В 1955 г. семья выехала на Родину, на целину. Получила назначение в один из совхозов Хакасии (Красноярский край). Приехав со всем своим, невиданным в здешних краях, «арсеналом» художника — набором холстов, красок, кистей и пр., А.К.Холодилов расписывал помещение местного клуба, писал декорации для постановок, плакаты, числясь по должности... маляром (места художника в штате совхоза предусмотрено не было).

Но слух о появлении здесь талантливого живописца-оформителя быстро достиг областного центра — г. Абакан, и Александра Кузьмича пригласили преподавателем рисования, черчения и художественного ремесла в Абаканское педагогическое училище. Здесь он оформлял студенческие спектакли, вел кружок гальванопластики, которой стал серьезно увлекаться, участвовал в краевой выставке самодеятельного искусства в Красноярске. Так он бессменно проработал в училище десять лет, неоднократно получая за честный труд, как тогда было принято, почетные грамоты, премии и благодарности.

Скончался А.К.Холодилов 9 февраля 1967 г. в Абакане и похоронен на местном кладбище на высоком холме при впадении р. Абакан в Енисей, с прекрасным видом на Саянские горы...

Но вернусь к студии «Лотос».

Еще через некоторое время студия перешла на более высокую ступень обучения, введя классы: рояля, пения и оперного пения (пианист Б.М.Лазарев, класс скрипки — В.Д.Трахтенберг, начальное пение, постановка голоса — Н.А.Оржельский); теории музыки и сольфеджио (К.А.Лазарева); мелодрамы и мелодекламации (З.И.Казакова).

Художник М.А.Кичигин организовал новую группу по рисованию. Все эти классы и группы имели успех и активно посещались. После 1923 г. художники стали постепенно разъезжаться — и из мансарды, и из Харбина. Позднее, по инициативе Анастасьева, в студии появился А.Е.Степанов, поселившийся здесь со своей семьей.

Мы видим, что «Лотос» легко и свободно, имея такие превосходные кадры, вышел далеко за рамки только изобразительного искусства (за что ему честь и хвала), хотя последнее оставалось для него главным.

Пора немного рассказать о людях, фамилии которых упоминались выше.

Владимир Михайлович Анастасьев (род. в 1878 г.) был личностью даже для Харбина совершенно незаурядной. «Столичная художественная галерея», как назвал ее журналист, хранителем которой он был, — это Санкт-Петербургский Музей императора Александра II. В.М.Анастасьев, его директор, окончил таганрогскую гимназию, где одновременно с ним учились А.П.Чехов и В.Г.Тан-Богораз — люди известные всей России. Посвятив себя изучению естественных наук и искусства, Анастасьев выбрал область прикладного искусства и поступил в Строгановское училище в Москве, пройдя за два года четыре курса. Высшее образование он получил позднее в Университете Шаняевского.

Окончив с отличием училище, в том же 1901 г. выехал с организованной им артелью художников-прикладников в Шотландию, в Глазго, для сооружения Русского отдела Всемирной выставки, строившегося по проекту учителя Владимира Михайловича — академика Шехтеля.

По возвращении в Москву был приглашен сначала на должность заместителя директора вышеназванного музея, а затем стал и его директором. Одновременно преподавал в Строгановском училище рисование. В 1908 г. ему на выбор был предложен пост директора художественно-промышленных училищ в ряде крупных городов России. Интересуясь народным искусством и кустарной промышленностью, Анастасьев избирает село Красное Костромской губернии — центр кустарных промыслов. Вместе с тем, в качестве сотрудника учебного отдела министерства торговли, он почти ежегодно командировался в Западную Европу и собирал там материалы для своей будущей научной работы.

Эту деятельность исследователя прервала Первая мировая война. В этот период Владимир Михайлович, по поручению министерства, создает сеть профессиональных школ в европейской части России. На посту директора Художественно-промышленного училища в Екатеринбургe его и застает революция. В период Уральского правительства Анастасьев — управляющий министерством народного просвещения. С созданием Омского правительства он особоуполномоченный министерства просвещения в Уральском крае.

В 1920 г. выехал в Харбин, где занял должность инспектора Учебного отдела Харбинского общественного управления (ХОУ). С того времени постоянно работал на ниве народного образования. Известен как замечательный лектор по истории искусств, педагогики и эстетическому воспитанию. Выезжал с лекциями в города Китая, в частности в Шанхай.

Отметил в 1928 г. в Харбине 25-летие своей педагогической деятельности.

Об Александре Александровиче Бернардацци мне пока известно мало: только то, что он был преподавателем Харбинского политехнического института.

Борис Матвеевич Лазарев — крупный русский пианист, педагог; его ученик Г.Зингер добился международного признания. Его жена — Кириена Александровна Лазарева — тоже из известной музыкальной семьи, дочь пианиста и педагога А.И.Зилоти, внучка российского мецената, создателя Третьяковской галереи — П.М.Третьякова.

Владимир Давидович Трахтенберг (1889–1963, Сидней) — крупный музыкант и педагог, ученик С.Рахманинова и А.Глазунова. Николай Антонович Оржельский нам уже знаком. Все они, кроме Трахтенберга, жившего неподалеку на Правленской, и Оржельского, проживали при Студии.

Перенесемся в атмосферу одного из праздников художественной школы.

Дом Мееровича на Большом проспекте. Мансарда...

Вы поднимаетесь наверх и попадаете в обстановку — сказочную — иного слова не подберешь, необычную, изысканную. Весь «Лотос» — как волшебный замок. Невозможно поверить, что это мансарда под крышей обычного харбинского дома, пусть и многоэтажного... Стены увешаны работами учеников студии: масло, акварель, сангина, тут же — шкуры, гобелены, лепные работы. Студия — это ряд «углов», ярких, красочных, каждый в своем духе и стиле; отделены они друг от друга колоннами. Тут же сооружена балюстрада. Пол в коврах. С потолка свисает оригинальная люстра. В оформлении каждой детали видна опытная рука А.К.Холодилова.

Что же здесь сегодня происходит? Первый в истории студии камерный концерт.

«Битковый» сбор. Нарядно одетая публика. Все исполнители во фраках. Это Н.А.Шифферблат, В.Д.Трахтенберг, И.Э.Кениг и И.М.Ступель.

«Лотос» регулярно проводил музыкальные вечера, устраивал художественные выставки. В том числе — Передвижную художественную выставку. Ее каталог включал в себя 161 художественное полотно. 38 полотен выставил Н.А.Вьюнов, в том числе: «Владивостокские этюды», «Озеро Байкал», «Озеро Метино», «Тальмень». Далее среди участников такие имена: П.М.Поговский, Ф.П.Соболев, М.А.Кичигин, Я.Л.Лихонос, И.П.Сверкунов, С.Р.Бирнбаум, А.К.Х., Я.М.Яругский-Эруга, Ф.М.Суворовцев, М.Н.Аветов, П.М.Доброгаев, М.С.Пилецкий, А.Д.Зайцев, М.М.Горев, Альберт Бенуа, Чарданьев, Ин.Н.Жуков, К.А.Татз.

Также постоянно устраивались выставки ученических работ. Вторая такая выставка была проведена в январе 1924 г. На фотографии ее обратите внимание на виньетку «Лотоса».

Художники Харбина периодически устраивали свои балы. На Масленной неделе 15 февраля 1923 г. один такой бал-карнавал был устроен в Коммерческом собрании.

В собрании на этом балу не осталось не декорированной ни одной стены; все вертикальные поверхности верхнего и нижнего этажей и даже подвального помещения были завешаны специально для этого бала написанными художественными полотнами и светящимися панно, разнообразными шаржами в стиле настенных «помпейских» фресок. Для этих декораций художники разрисовали более трех тысяч аршин полотна...

Главная площадка бала — зрительный зал и сцена были превращены в знойно-синюю «тропическую ночь» Южной Африки... В фойе нижнего этажа (красивейшее место собрания!) была устроена «Галерея Трианон». В верхнем фойе — «Альгамбра» — павильон в мавританском стиле — и бар; в подвальном помещении Комсоба, куда для доступа публики на этот вечер даже специально пробили ход в полу вестибюля, были устроены «Кабачок Смерти» и «Комната ужасов», которые, по мнению рецензента, «не удались совершенно» и «напрасно пол прорубали».

Была обширная музыкально-вокальная программа. Но главным развлечением гостей были, конечно, танцы, «королем» которых все уверенней становился подвергнутый вначале поруганию и даже запрещению, но, несмотря ни на что, постепенно «завоевывавший» Харбин... фокстрот. Сколько о нем и об увлекавшихся этим танцем харбинцах бы-

ло написано фельетонов, сколько сломано копий в спорах о том, танцевать ли его или нет, приличен он или неприличен... Сегодня все это, как и происходившее когда-то жесткое противостояние между собой на харбинских пляжах «трусософилов» и «трусософобов» (а речь идет всего-навсего о купальных трусиках), трудно себе и представить. Но все это в истории Харбина действительно было.

Еще о бале художников.

Как признавали все, бал был исключительным по художественному оформлению. О нем потом долго и много говорили в городе — о «неузнаваемом Комсобе», о костюмах гостей: «Жемчуге» — на М.П. Соскиной, «Индийца» — на художнике Покровском, «Клеопатры» г-жи Корневской, вообще о многих «восточных» костюмах, поражавших отделкой и стиливым решением.

Харбинцы любили общаться, веселиться — с музыкой, застольными песнями, танцами. Очень любили они, конечно, и балы. Наряду с оперой, опереттой и драмой чрезвычайно популярными в городе, неотъемлемым элементом общественной жизни были балы — традиционные, устраивавшиеся из года в год еще со времен прежних, далеких, и отдельные, по частному поводу, посвященные какому-нибудь торжественному событию или дате.

Традицию устройства регулярных балов в харбинском в Железнодорожном собрании возродил в послереволюционные годы Управляющий КВЖД Б.В. Остроумов. Присутствуя на каждом таком балу в собрании, довольно-таки грозный в рабочей обстановке, управляющий всегда осведомлялся: «А где же инженер X? Почему же сегодня я не вижу коллегу Y?..» И этот интерес «начальства», определенно, являлся для старших служащих дороги стимулом для посещения балов.

Расскажу о грандиозном тематическом вечере-бале в Железнодорожном собрании «Пути сообщения» 11 января 1923 г., устроителями которого были М.В. Данилевская и Б.В. Остроумов. Бал проводился для пополнения Кассы взаимопомощи при Союзе инженеров полосы отчуждения и для Общества вспомоществования недостаточным студентам Русско-китайского политехнического института.

Фраки, смокинги, прекрасные дамские туалеты, строгие мундиры железнодорожников, формы с золотыми наплечниками студентов-по-

литехников — все перемешалось в шумной толпе. Дополнительное оживление внесло присутствие пекинских гостей — банкиров, приехавших в Харбин по приглашению Остроумова. Обширная художественная программа... И вот просторный зрительный зал уже подготовлен для танцев. А на сцене — еще художественный номер: «сибирские бродяги» с кандалами на ногах, под охраной «стражников» — и с пением каторжных песен...

Танцы.

В это время в Харбине гастролировала звезда русской оперной сцены певица Лидия Липковская, Остроумов, потанцевав с нею вальс, неожиданно для гостей предложил:

— Давайте попросим Лидию Яковлевну спеть! Но сначала — продадим ее песню с американского аукциона. Спойет она тому, кто дороже заплатит за ее песенку... А весь сбор пойдет на внесение платы за обучение малоимущих студентов.

При общем оживлении начался аукцион. Победа досталась местному богачу, бобовому экспортеру И.Х.Соскину, предложившему за песню Липковской одну тысячу 200 иен. Победитель просит певицу исполнить ее популярную «My Little Baby».

Липковская исполняет три песни из своего репертуара...

Наиболее любимым для нас, молодых, был традиционный студенческий бал в ХПИ — Татьянинский, 25 января.

Праздник ведет свою историю еще с тех времен, когда в середине XVIII века, с созданием Московского университета, при нем была построена домовая церковь во имя Св. Татьяны. Эта Святая стала считаться небесной покровительницей студентов университета. Ее День — 25 января, бывший поначалу праздником только студентов Московского университета, постепенно превратился в праздник студенчества всей России и отмечался радостно и шумно.

Студенты устраивали гуляния, татьянинские балы — с обязательным избранием на них самых красивых студенток королевой бала и принцессами.

И этот старинный русский обычай, равно как и все другие, был сохранен, неуклонно соблюдался и дальневосточной эмиграцией. Устраивали Татьянинский бал ежегодно студенты русских харбинских вузов — и часто сообща, например — вместе студенты Политехникума и Юридического факультета.

Да и не только в День Св. Татьяны. Об одном из таких балов рассказывает статья в газете «Заря», которую я привожу ниже (это 1924 год, декабрь):

«Р.К.П.

В Харбине эти три буквы читаются по всем правилам грамматики: “Эр Ка Пэ”. И значат: Русско-китайский политехникум. Одними этими буквами, даже без КВЖД, без бобового экспорта на несколько десятков миллионов рублей золотом, без сунгарийской радиоактивности и прочих местных чудес света — Харбин может быть прославлен далеко за пределами Маньчжурии. (...)

На днях Политехнический институт давал бал.

Уже с подъезда, при виде ленты автомобилей и извозчичьих шеренг, становилось ясно, что бал удался.

Вешалки внизу, на которых в обычное время умещаются шубы, шутка сказать, всего политехнического студенчества, уже к 8 вечера застопорили. Поток шуб стал заливать верхние этажи.

Верхняя раздевалка напоминала огромный ломбард, куда весь город снес всю верхнюю одежду.

В трех залах гремели до рассвета три оркестра, то чередуясь, то одновременно.

В трех залах, плечом к плечу, танцевала харбинская молодежь.

И все-таки, при полных залах и фойе, и верхний, и нижний коридоры представляли собой сплошное море голов.

В студенческом буфете приходилось устанавливать очередь.

Аудитория, превращенная в зимний сад, не успевала усладить полумраком и хвойной свежестью одних, как новые и новые толпы вливались неудержимым потоком.

Харбин редко знал более удачный бал.

И, конечно, в Харбине, со дня его основания, ни разу не сходилась под одной кровлей столько цветущей, веселой, жизнерадостной и прекрасной юности.

Взрослых, за исключением китайских сановников, во главе с председателем Ревизионного комитета инженером Чен-хан и профессуры — не было совсем.

Учащихся средних школ было мало.

подавляющее большинство составили студенты и студентки политехникума, студенты и студентки Юридического факультета и медицинской школы.

Прошедший бал — смотр харбинскому студенчеству. Экзамен его общественной зрелости.

Молодежь, которая в этой ходынке, в коварной для устроителей обстановке маскарада, сумела поддержать тот порядок, который царил в политехникуме в часы бала — эта молодежь достойна лучших похвал.

Ни одной претензии.

Ни одного инцидента.

Ответственный распорядитель студент Валерий Леонтович вышел с честью из сурового испытания.

Очень понравилась молодой аудитории миниатюра “За компанию”.

В заключение — свидетельство очевидца:

“Бал Политехнического института собрал все прекрасное из сокровищницы женской красоты. Такого множества прелестных девушек, сверкающих лучшими сокровищами мира — сокровищами молодости и жизнерадостного веселья Харбин не видел никогда”».

Но каких только еще традиционных ежегодных балов, кроме Татьянинского, бала художников и политехников, «белых балов» выпускников харбинских средних школ, не знал Харбин!

Традиционный бал инвалидов 8 декабря, бал Георгиевских кавалеров (в День Св. Георгия 9 декабря), Рождественские балы молодежи, Журбалины (балы Харбинского союза журналистов), Розовые балы Христианского союза молодых людей, «Бал Белых косынок» (традиционный бал Мариинской общины Российского общества Красного Креста)...

А ведь я не перечислил и половины!

Не верите? Пожалуйста — дополню.

Бал польской колонии «Господа Польска», Еврейский бал, традиционные Масленичные балы различных организаций, балы Общества изучения Маньчжурского края, балы-маскарады ориенталистов, балы судоходцев, железнодорожников, спортсменов, воткинцев, Охотничий, «Беженский бал», Эмигрантский (этот стал проводиться позднее — с 1935 г.), бал Общества врачей Центральной больницы КВЖД, бал Школы языкознания, Старостата студентов Юридического факультета в городе Харбине, бал Замурцев — в пользу замурцев-инвалидов, вдов и сирот...

Как я уже говорил, 1923 год ознаменовался в Харбине победной поступью фокстрота.

Еще год назад Железнодорожное собрание было категорически против того, чтобы фокстрот танцевали в его стенах. Фокстроту была объявлена форменная обструкция... Но в ноябре ресторан Желсоба уже

рекламировал «5-часовой чай и фокстрот». В газетах еще продолжалась критика «ресторанчиков с фокстротом», а Студия танцев и пластики Б.Г.Новикова распространяла свои рекламные листки по обучению фокстроту и новых танцев — тапса и танго.

Рассказывать о том, как красочно и весело проходили в Харбине балы, можно долго.

Но здесь-то и надо подчеркнуть важную функцию многочисленных харбинских балов: это был не только повод и возможность повеселиться, но (всегда!) и сбор средств (и немалых) в пользу нуждающихся: «недостаточных» ли студентов политехникума или учащихся учебных заведений харбинского ХСМЛ, инвалидов ли, нуждающихся художников, журналистов... То есть харбинские балы выполняли важнейшую функцию, проводились, как правило, в русле развитой в русском Харбине благотворительной деятельности — как «внутренней», так и международной, о которой следующая глава.

О чем писали газеты

«26 сентября на площадке тира Общества правильной охоты в Новом Городе состоится состязания футболистов на первенство города Харбина 1920 года и на розыгрыш кубка имени Гинце. Команды Орел I и Орел II».

Русский голос, 1920, 26 сентября.

С.Алымов. Пожелание на новый 1922 год:

Быть откровенным каждую мину-

ту

И каждое мгновение цена,

Уметь построить знойную Каль-

кутту

Над пеплом будничного дня

Рупор, 1922, 1 января.

«Убийство Владимира Набокова.

Выстрелы в Милюкова»:

«Стрелял поручик Шабельский-Борк из первого ряда, с восклицанием — Мы мстим за смерть царя! Сделал последовательно 12 выстрелов. Но попал в редактора русской берлинской газеты “Руль” Набокова, который сидел рядом с Милюковым и пытался защитить его своим телом. Получил две пули в грудь и на месте скончался».

Заря, 1922, 31 марта.

Вывески

На Диагональной: «Цивилизованная дешевая распродажа игрушек».

Сквозная ул.: «Орел Вася». «Московская харчевка»: Сыт, пьян и нос в табаке.

Сегодня на деньги, а завтра в кредит.
Новгородня ул.: Азиатская шашлычная и буфет «Самарканд». Новгородня, 75, против Городского Сада.
Шашлык 5 коп., Мороженое 5 коп.

Град

«Побиты все окна, крыши, 1100 стекол в одном здании Управления. Такой не наблюдался за 25 лет истории Харбина. Отдельные градины достигали весом полфунта».

Заря, 1922, 29 августа, № 190.

Беженство: от крушения к надежде

1922 год принес эмиграции в Маньчжурии самые тяжелые испытания: окончательно рухнула власть белых в последнем оплоте Белого движения — Приморье.

Маньчжурию, особенно Восточную линию КВЖД, где теперь стали расселяться уссурийские казаки, и Харбин (большое число военных, а также гражданские беженцы) наводнили новые толпы людей, потерявших все — деньги, работу, средства к существованию, Родину...

Многочисленные воспоминания представителей старшего поколения дальневосточной эмиграции о пережитом, которые мне, к счастью, все же удалось собрать, как капля воды отражают общие чувства, мысли и чаяния людей (а их были десятки и сотни тысяч!), те трудности, страдания и лишения, которые им пришлось пережить... Но чего нет в этих воспоминаниях — так это пустых жалоб, бездеятельности, пассивности. Напротив, они наполнены движением, действиями и поступками людей, их усилиями вновь найти себя, настоящей борьбой не только за свое выживание, но и за то, чтобы наладить в новых условиях жизнь, обрести в ней достойное место. Люди, не брезгуя самой черной и неблагодарной работой, брались за все, что только могло обеспечить им средства к существованию и продвижение вперед. И самое главное — они не сидели сложа руки, а учились новым профессиям и занятиям, тяжело работали, настойчиво овладевали знаниями, мужественно боролись с лишениями, стойко преодолевали бесчисленные препятствия, тяжело т р у д л и с ь, чтобы создать будущее для себя и своих детей. В этом, видимо, и крылась причина их успеха.

Воспоминания этих людей свидетельствуют, что они в трудных условиях стремились вновь обрести смысл жизни, найти себе достойное занятие, приобрести новое дело своей жизни.

Чтение этих впечатляющих документов заставляет нас страдать и сопереживать, сожалеть и восхищаться. Оно возвышает. Отдаешь дань уважения мужеству, стойкости, твердости характера, огромной жизненной силе этих людей — лучших представителей своего народа. Начинаешь испытывать чувство гордости за этих людей, за свою принадлежность к этому народу.

Наши отцы и деды, скажу я с полным основанием как историк проблемы, — испытывали не только физические, материальные лишения и трудности, гораздо более горшими были их моральные, нравственные муки — несправедливая утрата всей прежней жизни, прежних, совершенно личных, отнюдь не политических в первую очередь, порядков. Потеря всего прошлого при той неизвестности, которая окутывала их будущее.

Особую группу беженцев, их, пожалуй, основной костяк составляли в Китае русские военные — солдаты и офицеры Российской Императорской армии. Для выражения той горечи и даже отчаяния, которые испытывала эта категория беженцев, характерна статья «Обокраденные» в «Русском голосе» (1920) — это чувства людей, потерявших все.

«Я не говорю о пропаже имущества или потере близких людей, — говорит один из них, — нет. Я потерял свою родину, и когда найду ее снова или она обретет меня — Бог знает. Вот это самое чувство особенно гнетет меня».

Человек говорит о том, что ранее он был «социал-патриотом». Теперь о н и — патриоты, а он «предатель родины» и о н и называют его не только «реакционером», но и «прихвостнем буржуазии». «Вот маемся мы, в поисках работы, мыкаемся по городу, дрова в вагоны грузим, а в то же время прихвостнями буржуазии числимся... Теперь вы поймете меня и мое настроение. Обокраденный кругом, я чуть ли не ежедневно слышу толки о том, что красные творят национальное дело»...

Да. Люди страдали, терпели нужду и голод. Но боролись и выживали.

Живым примером такой стойкости в борьбе с трудностями первых лет эмигрантской жизни, высоких духовных качеств стала для меня

жизнь и судьба верных друзей нашей семьи и семьи Тешиных — Альфонса Юлиановича и Елены Кесаревны Романовских.

Имя А.Ю.Романовского известно многим — по Харбину, Шанхаю и Пекину. Он был и преподавателем нашего Лицея Св. Николая.

Боевой офицер Российской императорской армии, участник Первой мировой войны, награжденный пятью боевыми наградами («Анна» 4-й степени с особой надписью «За храбрость в дни Галицийских боев и на Карпатах»; «Станислав» 3-й степени, «Анна» 3-й степени, «Станислав» 2-й степени, «Владимир» 4-й степени — все с мечами и бантами), трижды раненный, Альфонс Юлианович после тяжелой контузии стал инвалидом, был демобилизован и освобожден от военной службы.

Описывая в своих воспоминаниях первый период своей гражданской жизни, уже после революции, он пишет: «...Во время своей службы в кооперативе я имел дело с посетителями разных взглядов на вещи, как житейские, так и политические. И часто приходилось слышать от некоторых из них неодобрительные отзывы об офицерах царской армии. Причем очень часто подчеркивалось: мы знаем, что ты бывший офицер и что все бывшие офицеры — контрреволюционеры, и все равно наступит день, когда со всеми ими мы расправимся.

При этих разговорах мое душевное состояние было не в пользу спокойной жизни на новых началах. Хотя в потемках своей души я не чувствовал своей какой-то вины перед народом, перед человечеством, перед новой властью. Но, под влиянием всех этих разговоров, чувствовал, отчасти, себя виноватым, что волею судеб пришлось мне защищать родину от внешних врагов, став случайно, из-за войны, офицером ускоренного выпуска и таким образом — участником так называемой империалистической войны. Всякая политика для нас тогда была чужда. Положа руку на сердце — мы шли и клали свои головы во имя защиты и спасения своей дорогой родины. Так было и так будет всегда при любой власти, у кого любовь к родине превыше всего.

...Но факт остается фактом, и я стал задумываться, каким образом после всех своих ратных трудов на поле брани обрести себе более спокойную жизнь. И уже в то время имел сообщение о КВЖД, что там русские живут и работают спокойно».

Уходя от «революционных» солдатских эксцессов, А.Ю.Романовский с семьей (жена, беременная вторым ребенком, дочь Ия полутора

лет) постепенно передвигался на восток, имея намерение уехать в Маньчжурию.

В Чите во время тяжелых родов умирает жена, подарив ему вторую дочь — Галинку.

«Трудно передать всех моих переживаний в этот момент, — пишет он. — Представьте себе, в незнакомом городе, где не было ни родных, ни знакомых, я, молодой человек, не имея еще полных 25 лет, остался один с двумя детьми: одной около полутора лет, а другой всего несколько дней.

Но недаром говорит старая русская пословица, — “свет не без добрых людей”. О моем положении прослышала одна военная семья из местного интендантства. Они приехали ко мне на квартиру, помогли в похоронах моей жены, забрали меня с дочерью Ией и новорожденной к себе и стали подыскивать воспитательницу к моим детям.

Поступил я на работу вновь в Интендантство, был назначен заведующим интендантскими складами. Привел в порядок могилку своей жены, поставил памятник и сделал на нем следующую надпись: “Здесь покоится прах жены штабс-капитана Романовского. Разлученный с тобой на земле, душой я вечно с тобой. Спи спокойно, мое дорогое золотце”. Так, вероятно, и стоит по сей день [это было написано в 1971 г.! — Г.М.] эта запущенная могилка, брошенная всеми. А может быть, от времени и следа уже от нее нет»...

В Харбин, в первый раз в командировку, Альфонс Юлианович попал в конце 1919 г. и был брошен здесь своей службой на произвол судьбы — с дочерьми и няней. Вынужден был уехать во Владивосток, где устроился заведующим Офицерским собранием формировавшейся здесь Пограничной стражи, и аккуратно высылал все свои средства на содержание детей в Харбине.

И тут... «Будучи в одном обществе, я встретил девушку, гречанку, на которую невольно обратил внимание, в мою душу запали ее черные выразительные глаза, и лицо, само по себе было приятное. Я стал за ней ухаживать. И во время очередной встречи почувствовал, что получаю взаимность. При общих разговорах вопрос не ставился кто и что она за человек. Но отношения наши становились все более дружественными, и в моем сердце затаилась мечта жениться на ней и этим актом найти мать своим детям. Но подходил я к ней с этим вопросом осторожно.

Но как-то невзначай я ей задал вопрос: — Вы девица? Последовал ответ: — Нет, я вдова и имею от покойного мужа двух детей — сына трех лет и дочь четырех. И рассказала всю историю своей житейской неудачи...

Когда я узнал историю о том, при каких обстоятельствах она стала вдовой, и ее семейное положение в настоящее время, мне стало ее жаль, но сердцу и не откажешь в его чувствах. А проблема соединить в одну семью четырех малюток, не повинных ни в чем, делом была серьезным, и нужно было подумать как ей, так и мне. Тем более, что ей было всего 20 лет, а мне, как я уже писал — неполных 25. Но жребий был брошен. По взаимному соглашению обе стороны решили взять на себя такую ответственность по воспитанию этих сводных детей. В один прекрасный день мы обвенчались, ее детей я усыновил и, согласно личного своего желания, в честь погибшего их отца присвоил им его отчество — Федоровичи, а не Альфонсовичи. И так получилась одна семья, в которой и горе, и радость пришлось делить пополам и иметь сплошную борьбу за свое существование...».

При эвакуации из Владивостока в Харбине обосноваться было невозможно. Удалось «зацепиться», с большими трудностями, в русском поселке при станции Цицикар. Елена Кесаревна часто просиживала до утра за иголкой, поддерживала семью шитьем, а Альфонс Юлианович весной начал было работать на дороге по лесонасаждению. Дело в том, что окружавшие Цицикар сыпучие пески заносили станцию, которая вся была в песчаных буграх, а улиц как таковых вообще не было, они все были занесены песком.

И тут А.Ю.Романовский описывает весьма характерное для КВЖД того времени явление:

«Управляющим дорогой был Остроумов, он часто наезжал, осматривал весь поселок и приказывал вести борьбу с этими сыпучими песками. Пошел я в качестве поденного рабочего. Полдня проработал, копал ямы, а после обеда зовет меня лесовод и говорит, что извините, но я Вас не могу держать на этой работе, так как учком протестует, что я Вас принял, а Вы — бывший офицер, и потому нельзя Вам дать работу на участке [А работы на участке, как отмечает автор, было очень много. — Г.М.]. И протягивает мне 30 копеек из своего кармана за полдня. Ясно, я этих 30 копеек не взял и поблагодарил, что он хотел дать мне работу, но раз протестуют, так и ладно».

Удалось взять за 120 руб. (на 20% дешевле всех остальных) подряд на планировку одной из улиц поселка. Надо было, — пишет А.Ю., — с бу-

дущей улицы сначала убрать песчаные бугры, потом ее, уже с ровной поверхностью, распланировать, уложить на нее слой навоза, вновь покрыть песком, посадить деревья. «Тогда я пригласил из бывших офицеров, проживающих на станции Цицикар, 7 человек, а сам — восьмой. Взяли носилки деревянные с ящиками и лопаты и приступили к работе. Со стороны была картина непривычная. Обыкновенно на всех работах увидишь одних рабочих-китайцев, а тут появились на улице русские ребята, в гимнастерках, в брюках галифе и в сапогах. Железнодорожники прохаживались по улице, засматривались на эту необычную картину. И пошли разговоры: работают как львы.

Эту работу закончили и сдали за 15 дней, заработав таким образом брата по 15 рублей. И вместо установленной поденной работы по 60 коп. в день каждый из нас выработал в день по 1 руб. Таким вот образом я попал в рядчики КВЖД.

Приезжал на нашу станцию управляющий дорогой Остроумов. Он имел привычку при своих осмотрах очередных станций ходить по закоулкам и задам поселка. Причем всегда бегом, а за ним следовала целая вереница служащих: начальник участка, смотритель и все другое начальство. На ходу он находил непорядки, распекал за грязь и т.д. Осмотрел принятые меры по укреплению песков, посадки деревьев признал правильными, планировку улиц таким способом утвердил. И приказал, чтобы, кроме этих работ, вокруг поселка со стороны, откуда дуют ветры и несут песок из дюн, установить деревянные щиты вышиной по три сажени каждый, чтобы задержать несущиеся пески и не дать им засыпать ж.д. поселок ст. Цицикар.

Эту работу мне, как уже рядчику, удалось заполучить тоже. Которую я и выполнил со своей вновь организованной рабочей группой из бывших офицеров. Так что на некоторое время мы нашли источник для своего существования», — так завершает Альфонс Юлианович описание этого первого этапа своей новой жизни (рукопись находится у автора).

Ноябрь—декабрь 1920 г. КВЖД забита беженскими эшелонами. Теплушки... Молодая мама в вагоне (мальчик спит в уголку на сложенном вдвое зимнем пальто) ночью вяжет крючком бесконечные пуговицы. Час-другой — дюжина пуговиц. Получишь завтра пол-иены, значит,

три бутылки молока для тебя. Посидеть всю ночь — то и четыре дюжины можно сделать. Но только свечи! Ведь фунт 50 цент.

Но не нужно акцентировать лишь одни страдания этих русских людей, напомним: только за границей они с п а с л и с в о и ж и з н и.

А такое нарочитое, сохраняющее определенный политический подтекст, подчеркивание страданий, якобы бедственного положения основной массы «белых» эмигрантов, хотя теперь, слава Богу, уже не «агонии», как писалось до сих пор, отчетливо просматривается и сегодня в работах некоторых современных российских историков.

Бедняки и несчастные люди были во множестве в этот период, да и позднее, также и в советской России. Право, стоит оглянуться и посмотреть, как жили в эти годы простые люди на советской родине. Хозяйственная разруха, террор против народа, реквизиции, поборы, массовые расстрелы крестьян, духовенства, аресты, страшный голод в Поволжье, унесший сотни тысяч, если не миллионы жизней как намеренный, искомый результат политики Ленина и РКП(б), утрата духовных ценностей, постоянное неизгладимое чувство страха, оставшееся в подсознании на многие последующие десятилетия... Много можно еще к этому добавить.

Беженцы же, к счастью для них, ничего этого не испытали... Хотя они и жили на чужбине, но не испытывали гнета и унижения со стороны китайских властей. Они постепенно преодолевали трудности, добываясь для себя спокойной и обеспеченной жизни.

Врач Н., который в условиях безработицы начал с того, что бесплатно обходил больных на Зеленом Базаре, а потом, когда они поверили в него, брал с них по 30 копеек за визит...

Новоявленные невольные «купцы», начинавшие с грошовой торговли вразнос, затем на лотке, потом открывавшие собственные лавки и магазины.

Домашние хозяйки, с их домашними столовыми, где было все так вкусно и очень дешево...

Нужда вызвала к жизни появление сначала в Железнодорожном собрании, затем в других городских ресторанах и кафе так называемых интеллигентных кельнерш, составивших эпоху в жизни Харбина. О дамах, часто из среды интеллигенции, бравшихся за эту нелегкую работу, слагали стихи. Когда многие из них стали оставлять свои рабочие мес-

та, что позволили возросшие заработки мужей, газеты особо отмечали это явление как примечательное для истории Харбина.

И упрочивалось благосостояние, росли предприятия, лавки, магазины, рестораны и кафе, постепенно крепчая и приобретая вид, в конце концов достойный своего иногда слишком громкого названия.

Вместе с тем совершенно очевидно, что оставалось и немалое число людей, не нашедших себя, не добившихся высоких заработков, оставшихся бедняками. В эмиграции оказалось и очень много инвалидов, детей-сирот, просто одиноких пожилых людей, которые постоянно нуждались в благотворительной помощи и получали ее (см. раздел Благотворительные организации российской эмиграции в Маньчжурии в моей работе «Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг.», с. 62–71).

Но в целом уже в первые тяжелейшие годы российская эмиграция продемонстрировала громадную жизненную силу, умение и способность выживать в неимоверно трудных условиях. Она сумела возродить свою жизнь — напряженно трудясь, борясь за каждый кусок хлеба, изыскивая всевозможные средства к существованию. За какие-то два-три года эти люди, занимаясь торговлей, работая в промышленности, в сельском хозяйстве, сумели встать на ноги, в ряде случаев открыть собственные предприятия, создать крепкие сельские хозяйства самого разного профиля, вызвав в Харбине и на линии небывалый подъем легкой и пищевой промышленности, сферы бытового обслуживания, торговли и предпринимательства.

Вот факты, которые поражают, но это — абсолютная реальность!

В условиях беженства (как правило, потери всей собственности) к началу 1925 г. у российских владельцев в одном Харбине, благодаря их трудолюбию, настойчивости и предприимчивости, уже имелось: 5 коммерческих банков, 4 тепловые электростанции, 8 паровых мельниц, 66 заводов и фабрик (в том числе 10 водочных), более 260 различных мастерских, 12 транспортно-страховых компаний, 25 предприятий оптовой торговли, 44 торговых склада (в том числе 11 лесных), около 100 промтоварных и 180 продовольственных магазинов, более 150 предприятий общественного питания, 3 театра, 8 кинотеатров, 25 типографий и издательств, 32 гостиницы, 66 аптек, 34 книжных и писчебумажных магазинов, около 165 предприятий различных коммунальных услуг и пр., и пр. — всего более 1200 производственных, торговых и финансовых

предприятий, культурных и иных учреждений, принадлежащих российскому капиталу.

Цифры, которые можно было бы назвать фантастическими, не будь они, повторюсь, совершенно реальными!

Все это подсчитано мною по кн.: «Весь Харбин на 1925 год: Адресная и справочная книга». По образцу суворинских изданий: «Весь Петроград», «Вся Москва». Харбин, 1925, 470 с. Редактор-издатель — Сергей Тимофеевич Тернавский, проживавший по адресу: Сунгарийский пр., 25/118. кв. 1. Он выпускал такие объемистые ежегодники вплоть до 1927 г. Поистине, перед подобным титаническим трудом нужно снять шляпу!

Но это ведь только в одном Харбине! А сколько сотен таких предприятий было создано эмигрантами на всех трех линиях КВЖД и по всей Северной и Южной Маньчжурии? А в таких ее городах, как Гирин, Чанчунь, Мукден, Дайрен, Порт-Артур, всех других?.. А в Китае?

Этого до сих пор еще никто не подсчитал!

Можно подытожить так: энергия, инициатива и трудовая настойчивость российских эмигрантов в Маньчжурии в начальный период бегства — 1917—1924 гг. — не только позволили им выжить и постепенно укрепить собственное материальное положение, но и в значительной степени способствовали быстрому развитию всей экономической, общественной и культурной жизни края, внесли крупный вклад в дело его образования, науки, медицины, в развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности. И сделано это было отнюдь не только в интересах одного русского, но и всех народностей и народов, населявших в тот период Маньчжурию и населяющих ее с е г о д н я.

Всех назвать, конечно, просто невозможно... Но кто же были эти, хотя бы наиболее выдающиеся, представители российского капитала?

Но сначала отдадим долг памяти тем русским дореволюционным промышленным магнатам, купцам, золотопромышленникам, которые, разоренные советской властью, лишенные нажитых повседневным трудом средств и капиталов, прибыли в Харбин и уже не сумели здесь снова начать с нуля, основать новое дело. Все равно! — Честь им и слава!

Назову пока лишь некоторые имена:

Иван Васильевич Рязанцев, крупный промышленник Приуралья.

Александр Петрович Самарин, крупный коммерсант, в Харбине одно время представитель Забайкальского Акционерного общества. Поликарп Матвеевич Емельянов, крупный золотопромышленник, миллионер. Константин Иванович Иваницкий, тоже золотопромышленник, алтайский миллионер. Иван Алексеев, крупнейший пароходовладелец на Амуре. Василий Лаврович Жернаков, крупнейший торгово-промышленный деятель Сибири.

Наиболее крупные фабрично-заводские предприятия, принадлежавшие в 20-х годах выходцам из России (по неполному списку): альбуминный завод (В.Ф.Ковальского), «Огнеглина», «Вегедека»; лесопильные — В.Ф.Ковальского, его же фанерный в Старом Харбине, Наследников Л.С.Скидельского, Бр. Воронцовых, Бр. Поповых, Бр. Шевченко и Ко; Табачная фабрика (Т/Д Лопато С-вья), Соединенное Товарищество пивоваренных заводов, кондитерская фабрика «Виктория» (с 1923 г.), чайная фирма И.Ф.Чистякова; П.П.Деденев, Уссурийское Товарищество; «Якорь», парфюмерная и мыловаренные фабрики Торгового дома И.В.Кулаев и С-вья; Т/Д Бр. Головановы (овчинно-шубный); Тетюков и Ко (паточный); П.А.Селиванов, Товарищество Техно-Химических заводов (свечные); «Альфа» Б.М.Сапиро (сыроваренный), М.С.Барский (чугунолитейный), другие.

Теперь коротко о некоторых из упомянутых выше предпринимателях.

Лесное дело. Владислав Федорович Ковальский начал свою деятельность в Маньчжурии с 1898 г., и в 1923 г. тоже праздновал 25-летний юбилей работы в крае, вместе с КВЖД. Под пятью лесными концессиями он имел 5410 квадратных верст леса. Здесь им были проложены 400 верст подъездных путей (в том числе 100 верст широкой колеи), на что израсходован 1 млн. золотых рублей. Устройство и оборудование принадлежавших ему заводов обошлось еще в 280 тыс. руб. Одних казенных сборов (налогов) фирма заплатила за эти 25 лет 1.232.000 зол. руб.

Фирма братьев Михаила Матвеевича и Дмитрия Матвеевича Воронцовых осуществляла свою деятельность в крае тоже с 1898 г. Начав с выполнения небольших подрядов по постройке КВЖД, она в дальнейшем специализировалась на поставке лесных материалов, став монополистом для Западной линии дороги (Харбин — г. Маньчжурия, до 1 млн. штук шпал в год) и построив лесопильные заводы на ст. Якеши и в Хай-

ларе. Фирма располагала двумя обширными лесными концессиями на западных склонах Большого Хингана — Уркичихинской, к северу от Якеши, и Ядорской — по р. Иминголу, притоку р. Хайлар (Аргуни).

В 1917 г. братьями создан Первый государственный Трех Восточных провинций конский завод для разведения рысаков орловской породы. Проводилась и широкая работа по селекции местных высокопродуктивных монгольских овец и баранов новозеландской породы «ромней марш».

В 1925 г. Воронцовы учредили «Хайминское лесопромышленное товарищество», располагавшее хорошо оборудованными лесными концессиями с участием КВЖД и Цицикарского провинциального управления Китайской республики. Воронцовы были пионерами Захинганья, развивавшими здесь такие новые для этого района Маньчжурии отрасли хозяйства, как земледелие и рыболовство, а также молочное животноводство, коневодство, винокуренная промышленность, овцеводство. Ими применялись новые для края сельскохозяйственные машины и тракторы, были построены мельницы (Якеши, Хайлар), открыта сеть маслобойных (до 22) и сыроваренных заводов, продукция которых широко экспортировалась за пределы Маньчжурии; первый в Харбине рефрижератор.

Воронцовские винокуренные заводы в Хайларе производили до 100 тыс. ведер вина в год. Разносторонняя деятельность фирмы Бр. Воронцовых в Захинганье имела в 20-х годах огромное значение для становления экономики российских эмигрантов в крае. Фирма создавала необходимую опору для укрепления сотен хозяйств русских людей в Северной Маньчжурии и их последующего развития и процветания.

Все, что связано с деятельностью этой фирмы, мне близко.

На ней на Ядорской концессии, как я уже писал выше, доверенным лицом фирмы много лет подряд работал мой дед — Петр Павлович Меньшиков. Помню эти сплавы леса по стремительному горному Иминголу с его ледяной горной водой, громоздящиеся груды бревен в «заломках», мужество и отчаянность рабочих-сплавщиков. А когда Петр Павлович скоропостижно скончался в Хайларе от крупозного воспаления легких, Д. М. Воронцов принял большое участие в организации его похорон и морально поддержал семью в это трудное для нее время.

Кроме того, я располагаю воспоминаниями деда и отца о Воронцо-

вых. Папа, в частности, пишет: «Много добрых слов следует сказать пионерам лесного дела в Маньчжурии. А такими были: на востоке — Скидельский, Ковальский и ряд местных промышленников, на западе — П. П. Шевченко, Д. М. Воронцов, М. Н. Дзюба, Я. П. Чижевский, Г. Я. Мелихов. Здесь на западе очень удачливым оказался Д. М. Воронцов (станции Якеши, Мяньюхэ), да и то после нескольких неудачных лет, когда он уже находился на грани разорения. В течение нескольких лет на его концессии не было достаточных для сплава дождей. А дело по инерции продолжалось, заготовки леса велись, затраты не останавливались. Выпавшие обильные дожди совпали с переходом КВЖД на золотой рубль, и Воронцов заработал колоссальные деньги, став одним из богатейших людей даже в Харбине, куда он переселился».

Относительно концессионной деятельности моего другого деда — Г. Я. Мелихова и его компаньонов — приведу попавшуюся мне на глаза сводку «Лесное дело. Торги»: «15 июня 1915 г. в Управлении КВЖД состоялись торги на поставку дров и шпал для нужд дороги на пятилетие 1916—1920 гг. Распределение поставок было следующим. На Западной линии на участке Бухэду-Барим поставка шпал и дров была сдана товариществу “Г. Я. Мелихов, М. Н. Дзюба и Я. П. Чижевский” в количестве 40 тыс. кубов дров по цене 17 р. 50 к. за куб и 200 тыс. шпал по цене 781/2 коп. за штуку. Значительное количество получил и “Т. Д. Бр. Шевченко”, который только в 1915 г. должен поставить 17 тыс. кубов дров. Также на Западной линии значительная поставка шпал сдана Д. М. Воронцову».

И. П. Шевченко имел лесные концессии вблизи Шитоухэцзы на Восточной линии (железнодорожная ветка) и в районе Бухэду-Ял.

«Нельзя не отметить, — писал журналист, — что, несмотря на изменившиеся условия и вздорожание предметов первой необходимости, цены, по сравнению с прежними годами, не повысились».

Из числа крупных предпринимателей в лесном деле, конечно, нужно назвать также и Леонтия Семеновича Скидельского. Свою карьеру он начинал служащим у железнодорожного подрядчика; затем стал заниматься подрядами сам — для российского военного ведомства в Приморье. Сюда, на Дальний Восток, его пригласил в начале 90-х годов XIX в. строитель Уссурийской железной дороги инженер А. Н. Урсати, инициатор привлечения в Приморье многих толковых и активных деловых людей. Человек громадной энергии и коммерческой инициативы,

Л. С. Скидельский в 1903 г. получает на Восточной линии КВЖД (Харбин-Пограничная) четыре крупных лесных концессий, общей площадью 497 000 десятин, и распространяет свою деятельность также и на Маньчжурию. С этой поры лесное дело становится одним из главных направлений его кипучей деятельности. Важной инициативой предпринимателя явился сбыт леса из Приморья на английский рынок, что из-за конкуренции с европейским лесом было делом чрезвычайно трудным. Тем не менее он преуспел, и до 1925 г. Ливерпульский лесной рынок пользовался стандартом «Л. С. Скидельский».

На станции Океанская Уссурийской железной дороги этот пионер русской промышленности на Дальнем Востоке построил первый крупный фанерный завод. Бытовала шутка, что средства, полученные за рекламу этого предприятия, открывали единственную возможность существования для многих печатных изданий Дальнего Востока.

«Реклама фанеры Скидельского во всех литературных журналах Харбина и Шанхая — как ветка Палестины. Открывается в Шанхае или Харбине беллетристический альманах или сатирический листок — во всю объявленную страницу вырастает неуываемая фанера Бр. Скидельских. Выпускается публицистический сборник — снова фанера Скидельских. Задумывается ли фантастическая газета или ежемесячник — первым делом бегут за фанерой. Без фанеры Скидельского... не просуществовали бы и дня многие скоропортящиеся дальневосточные издания!» — так писала «Заря».

В Никольске-Уссурийском и других пунктах Приморья Скидельский имел большое число предприятий: лесопильные, маслобойные, олифоваренные заводы (Скидельский положил начало маслобойной промышленности Приморья), мельницы; принадлежавшие ему каменноугольные копи по реке Липовцы и в Сучане снабжали углем всю Восточную линию КВЖД. На лесных концессиях Скидельского в Маньчжурии была создана сеть вывозных рельсовых путей протяженностью в 240 верст и три лесопильных завода с распиловкой до 60 тыс. бревен ежегодно. Леонтий Семенович стал поставщиком более 80% дров, необходимых КВЖД.

В 1912 г. Скидельский взял в аренду принадлежавшие дороге Чжалай-норские угольные копи, доведя их производительность до 6–10 млн. пудов угля в год. Фирма состояла пайщиком заводов «Портланд-цемент» в Приморье. Главным заведующим счетоводством всех предприятий Скидельского, доверенным лицом фирмы был И. С. Казанин — отец известного русского китаевода и вообще изумительного, замеча-

тельного человека, моего первого консультанта по теме эмиграции — Марка Исааковича Казанина.

Подобная широкая деятельность основателя фирмы по развитию Дальневосточной окраины России получила в свое время высокую оценку Российского правительства: по Высочайшему указу Л. С. Скидельскому было пожаловано звание почетного потомственного гражданина Российской империи.

За период войны фирма выполнила различных поставок для военного ведомства на сумму около 50 млн. зол. руб.

Скончался Л. С. Скидельский 1 октября 1916 г. в Одессе. Каждая годовщина его смерти долгое время отмечалась харбинской общественностью.

Леонтий Семенович был родоначальником большой семьи: у него были четыре сына — Яков, Моисей, Соломон и Семен, семь внуков и внучек и большое число правнуков, из которых один — Роберт Борисович (сын Бориса Яковлевича) стал лордом Великобритании.

Сын Леонтия Семеновича — Соломон Леонтьевич Скидельский — с помощью горных инженеров Николая Ивановича Брусиенко, А. И. Лаврушина и других осуществил обследование другого богатейшего угольного бассейна Северной Маньчжурии — Мулинского каменноугольного месторождения (коксующиеся угли), организовав здесь Мулинское углепромышленное товарищество (МУТ) с участием государственного капитала Маньчжу-дого и добычей к началу 40-х годов нескольких сотен тысяч тонн угля в год. Важную роль в освоении месторождения сыграл выпускник С.-Петербургского Горного института С. Д. Оводенко. МУТ являлось крупнейшим горнодобывающим предприятием Северной Маньчжурии, сыгравшим огромную роль в развитии ее тяжелой промышленности. Оно давало работу тысячам российских эмигрантов в крае; им же принадлежал здесь ряд высших должностей.

Долгое время Управляющим Мулинскими копиями был Н. И. Брусиенко — отец Софьи Николаевны Брусиенко-Игнатъевой, проживающей ныне в Челябинске и входящей в состав редколлегии исключительно интересного издающегося здесь журнала «Русская Атлантида», посвященного Харбину и миру русских людей в Маньчжурии.

В организации экспорта зерновой продукции Маньчжурии на европейские рынки инициатива принадлежала еврейским коммерсантам.

Глава экспортной фирмы «С.Соскин и Ко» — Семен Харитонович Соскин начал свою работу в Маньчжурии в 1903 г. — в период, отмеченный особой кипучей деятельностью русских на Дальнем Востоке. Он стал пионером хлебного дела в Маньчжурии, приобретая, подчас с риском для жизни, зерно на Сунгари и по линии КВЖД. В 1905 г. он купил первый пароход «Саратов», и в дальнейшем стал развивать свое пароходное дело, имея к 1924 г. крупнейшее частное пароходство на Сунгари (4 парохода и 12 барж). В 1907 г. он организует первый экспорт бобов с Сунгари и в 1911—1912 гг. — в Европу — через Николаевск-на-Амуре.

Фирма расширяла свои экспортные операции: в 1917—1918 гг. — в Японию (до 10 млн. пудов хлебных грузов), открыла отделения в Ванкувере, Лондоне, Дайрене и Владивостоке, достигнув колоссальных оборотов. В 1920—1922 гг. ею было экспортировано в Европу более 40 млн. пудов хлеба (тарифов КВЖД за этот срок было выплачено свыше 10 млн. золотых рублей).

Семен Харитонович и его братья — Исаак и Наум — не только работали в фирме и банках, но были в Харбине крупными общественными деятелями — в делах Еврейской общины, общегородских и благотворительных, отличаясь высокой отзывчивостью к нуждам отдельных лиц и организаций и своей щедростью. Во время кампании помощи голодающим фирма на свои средства снарядила и отправила в 1921 г. в советскую Россию маршрутный состав с хлебом (30 вагонов зерна).

В тесно связанной с зерновым бизнесом мукомольной промышленности полностью господствовал российский капитал.

Владельцами Т-ва «Благовещенские Мукомолы» были братья Александр, Павел и Федор Опарины.

Александр Иванович Опарин окончил физико-математический факультет Петроградского университета. Вернувшись к семье в Амурскую область, он встал во главе крупнейшего здесь торгового и пароходного дела, золотых приисков, самого большого на Дальнем Востоке мукомольного предприятия — «Благовещенские мукомолы». Занимал в Благовещенске высокие выборные общественные посты — гласного городской думы и председателя Биржевого комитета. В Харбин перенес свою деятельность в 1918 г. Занимал ряд постов в Биржевом комитете; был товарищем председателя Еврейского банка, участвовал в организации торгово-промышленных съездов, руководил съездом северных и южных мукомолов; создал в Северной Маньчжурии сеть элеваторов.

Известный спортсмен. Вместе с Б.В.Остроумовым создал и спонсировал Общество любителей конного спорта. Его лошади неоднократно занимали на ипподроме призовые места.

Крупным предпринимателем в этой области был также Михаил Дмитриевич Касаткин — в Маньчжурии с 1901 г., специалист-мукомол, владелец «Пассажа Касаткина», маслобойного завода и пр.; до 1923 г. — обладатель миллионных капиталов.

Товарищество Г.Н.Бузанов и Сюй Панцзы имело мельницу на Восьмом участке.

В 1923 г. была создана мукомольная фирма «Харбинские мукомолы».

Акционерное Общество Сунгарийских мельниц (фирма существовала с 1902 г., 14 отделений в одном Харбине!), имело паровые мельницы, крупорушки и прострушки производительностью до 10 тыс. пудов в сутки, собственную электростанцию, освещавшую значительную часть Пристани. У фирмы были склады в Харбине, Мукдене, Инкоу, Хайларе, Ханьдаохэцзы и Аньда. С этой фирмой была связана деятельность Аарона Иосифовича Кагана.

Родился он в г. Двинске, трудовую деятельность начал в Либаве, где служил в хлебной конторе; в 1897 г., как только был построен Великий Сибирский путь, уехал в Сибирь. Самое крупное свое дело развил в Новониколаевске (современный Новосибирск) — центре хлебной торговли Сибири того времени, став крупным поставщиком интендантства и главой известной по всей России «Алтайской промышленной компании». Позднее, в качестве пайщика «Русско-китайского вывозного общества», связанного с Владивостоком, ознакомился с Маньчжурией, куда приехал после событий 1917 г. Здесь быстро стал крупнейшим хлебным экспортером. Во Владивостоке он приобрел имущество «Русской мукомольной компании» (мельницы и склады), шахту «Тавричанка»; в Харбине — сахарный завод в Ашихэ, стал председателем правления «Русского мукомольного товарищества», членом правления знаменитых Сунгарийских мельниц... Тех самых, которые позднее, 31 марта 1931 г., своим длительным 15-минутным гудком известили об его трагической гибели на рабочем месте.

Скончался он скоропостижно — от кровоизлияния в мозг.

В основной отрасли экономики Северной Маньчжурии — маслобойной промышленности, оставшейся в течение длительного времени на низком технологическом уровне, подлинную техническую революцию

совершила фирма Р.М.Кабалкина — «отца бобового экспорта Маньчжурии» — «Акционерная Англо-Китайская компания». Компания была создана в июне 1909 г. в Лондоне для экспорта в Европу продукции сельского хозяйства Маньчжурии и сконцентрировала свое внимание на бобовом масле.

К вопросу о постройке в Маньчжурии маслобойного завода Кабалкин вернулся в конце 1912 г.; в 1915 г. компания получила из Англии машинные прессы для переработки бобов, производительностью 50 т в сутки. Но к началу 20-х отрасль испытывала большие трудности, завод практически стал; разрешить проблему позволила деятельность нового управляющего КВЖД инженера Б.В.Остроумова. Сын Р.М.Кабалкина — Яков Романович вспоминал в 1923 г.: «Благодаря решительному вмешательству Остроумова в судьбы маслобойной промышленности... удастся благополучно изживать кризис». В 1923 г. на заводе были установлены английские рафинировочные машины, позволившие получать продукцию высшего качества, расхватываемую импортерами (известное масло «Ацетко»).

Р.М.Кабалкин уехал в Палестину, где скончался в 1933 г. в возрасте 83 лет. Его сын оставался в Харбине, долгое время был председателем Харбинского Биржевого комитета.

Большую роль сыграли еврейские коммерсанты в развитии сахарной промышленности (фирма Льва Цыкмана) и, конечно, в оптово-розничной торговле края.

Имя Ильи Аароновича Лопато — родоначальника большой харбинской караимской семьи (караимы — малая народность в Крыму и Южной Украине) было широко известно в городе. Родился он в 1874 г. в г. Троки Виленской губернии в семье огородника. Юношей поступил в торговое дело и переехал в Москву, где работал в одном из лучших в городе табачных предприятий И.И.Ферика. Прошел здесь за 10 лет все ступени производства и сбыта табачных изделий. Организовал собственное дело и в 1904 г. приехал в Харбин. Здесь открыл небольшую фабрику и постепенно развивал ее. Пригласил в дело брата — Абрама Аароновича — и в 1907 г. организовал «Торговый дом Лопато Сыновья». Нашел компаньонов и в 1913 г. создал «Великобританское Акционерное общество А.Лопато С-вей» с правлением в Шанхае, где также была открыта табачная фабрика.

В 1919 г. организует одно из крупнейших табачных предприятий Маньчжурии — в Мукдене — Союзную Табачную компанию.

Параллельно с большими производственно-торговыми операциями все время активно занимался общественной работой: городской уполномоченный, член, затем бессменный старшина Харбинского Биржевого комитета; в 1917 г. — председатель Союза коммерсантов Харбина и член Харбинского Исполнительного комитета. В 1919 г. организует и становится председателем Второго Общества взаимного кредита (позднее — Дальневосточный взаимный кредит).

В течение нескольких лет — член правления Русско-китайского политехнического института. В 1921–1922 гг. во время кампании помощи голодающим России работал в качестве казначея Харбинского Общественного комитета помощи голодающим (ХОПГ). В 1929 г. отметил 40-летие своей торгово-промышленной деятельности.

В Китае до сих пор сохранена его торговая марка и выпускаются сигареты с надписью на пачке — по-китайски и по-английски: Lorato.

Крупнейший в городе чаеоторговец Илья Федорович Чистяков происходил из крестьян Рязанской губернии. Приехал в Маньчжурию в 1902 г. из Екатеринбурга, где вел чайное дело. В Харбине начинал с небольшими средствами, открыв маленькую чайную лавочку на Пекарной ул. Уже к началу Первой мировой войны превратил свое предприятие в миллионную фирму, имевшую отделения от Иркутска до Владивостока.

Крупный благотворитель. На средства Чистякова были построены в Харбине — Софийский храм (старый) и церковные дома при нем; храм в Уссурийском крае; храм в Мукдене на кладбище павших русских воинов — с памятным всем русским мукденцам куполом в виде древнерусского шлема. Он также пожертвовал церкви Харбинских Коммерческих училищ набор колоколов. За общественно-благотворительную деятельность был пожалован императором Николаем II званием коммерции советника.

Скончался 22 ноября 1922 г. и был погребен в ограде Софийской церкви.

Иван Васильевич Кулаев — харбинский старожил, крупный коммерсант (Т/Д И. В. Кулаев и С-вья) и домовладелец. 35 лет деловой жизни в Маньчжурии (мельницы, маслобойный завод, упомянутый выше

«Якорь», парфюмерная и мыловаренная фабрика, «Дальневосточный ломбард»).

Семья с 1918 г. в США, где после смерти Ивана Васильевича создала благотворительный фонд его имени, оказавший материальную помощь и поддержку многим русским эмигрантским ученым и литераторам. Автор интересной книги воспоминаний «Под счастливой звездой» (Тяньцзинь, 1938).

Теперь о памятных всем харбинцам городских водочных заводах и их хозяевах.

Наиболее известной фигурой в этой отрасли производства я, наверное, не ошибусь, если назову имя Герасима Димитриевича Антипаса.

Грек по происхождению, этот человек был патриотом родной Греции и глубоко любил Россию и русских. Большой специалист и знаток своего дела. Его продукция могла конкурировать с водкой лучших заводов России. Свою знаменитую водку № 50 Антипас стал выпускать в Харбине с 1920 г. В городе про эту водку и ее создателя ходило немало беззлобных шуток, но своим современникам Г.Д.Антипас был известен как человек глубоко религиозный и близкий к деятелям Православной церкви в Харбине, один из крупнейших благотворителей города. Староста Иверской церкви, церкви при Доме Милосердия архиепископа Нестора, попечитель этого приюта, Герасим Димитриевич постоянно материально поддерживал благотворительную работу владыки, которому и помог вначале создать этот крупный очаг благотворительной деятельности.

Антипас проявлял большую заботу об Иверской церкви, поддерживая материально все начинания причта, щедро отпуская средства на украшение и благолепие храма, соорудил в нем придел Св. Серафима Саровского. Затрачивал он большие деньги и на другие дела благотворительности. Я знаю, что имя Герасима Димитриевича и его деятельность были известны Заграничному Синоду и что митрополит Антоний наградил его за самоотверженную церковную работу несколькими грамотами.

Скончался Г.Д.Антипас 7 мая 1932 г. и был похоронен в ограде Иверской церкви у придела Св. Серафима Саровского.

Известную в Харбине водку «Нега» производил здесь (а позднее и в Шанхае) другой грек — Александр Николаевич Лазариди. В 1923 г.

он объявил, что начинает также выпускать еще и водку «Богатырь» (интересно, помнит ли ее кто-нибудь и какую форму имела бутылка?).

Водочно-ликерный завод Евдокии Ивановны Никитиной открылся в городе в начале 1922 г. В рекламе его подчеркивалось, что мастер на заводе — от Петра Смирнова из Москвы.

Забавно отметить, что известным водочным заводом «Спритенка» в Харбине в действительности владел Сон Хошин, а заводом «Шанго» — Дорогунцева и Окунь. Впрочем, о некоторых российских и китайских производителях русской водки в Харбине еще пойдет речь ниже.

Что же касается всевозможных магазинов и складов, то в Харбине российскому капиталу принадлежало их множество — более 275. Из крупных мануфактурных магазинов готового платья и мехов в это время уже работали: Н.С.Петров и Ко, Корелин и Ко, Бр. Я. и А.Бент, И.М.Косовский, К.В.Балыков и П.С.Григорьев, Е.Т.Казачков, другие. Мое внимание привлекло большое число магазинов и салонов дамских шляпок и особенно некоторые их названия: конечно, «Антуанетт», «Элегант», «Modes Parisiennes», а также «Мария Григорьевна» (Базарная, 15), «Центральный магазин дамских шляп» и даже «Дальневосточная компания по продаже шляп». Всего же я насчитал их 34.

Из москательных магазинов — в связи с одним недавним моим приятным новым знакомством назову только один. Недавно в моей квартире раздался телефонный звонок. Молодым энергичным голосом звонивший представился:

— Я Георгий Феодосиевич Чернолужский!

Фамилия сразу же напомнила мне о магазине-складе Александры Харитоновны Чернолужской где-то в районе Новгородней улицы. Мы встретились. Приятный моложавый подтянутый мужчина. Оказалось, действительно, внук, с недавнего времени — москвич.

Жил на 1-й Линии Пристани, о которой подробно рассказал, учился в бывшей «Розовой» школе. В Союз семья вернулась в декабре 1963 г.; окончил Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С.Попова в г. Петродворец (Петергофе), получил назначение на Северный флот, где прослужил 21 год, в том числе 6 лет в плавсоставе 9-й эскадры подводных лодок; участвовал в 7 дальних походах — «автономках». Демобилизовался в звании капитана 2-го ранга. Теперь живет и работает в Москве...

Вот такой наш земляк-харбинец, которым мы, по-моему, можем гордиться.

Из харбинских обувных магазинов надо назвать «Бр. Атоян», «Конрос» (братьев Л. и Б. Тысменецких), «Бр. Г. и М. Эскины», Г.Я. Урицкого и другие. При этом надо иметь в виду, что очень много обуви шилось у мастеров на заказ.

Как обстояло в Харбине дело с обувью? Предлагаю читателю воспоминания на сей счет одного из известнейших в городе обувных мастеров по фамилии Лишка «Когда Харбин шеголял “в сапожках на рантах”»:

«В Харбине я начал работать, — вспоминает он, — в лучшем тогда салоне обуви Г.Я. Урицкого на Конной улице. Конечно, на первом месте, особенно при инженере Остроумове стояли железнодорожники... Как Харбин тогда шиковал — вы знаете. Где только ни появлялся Остроумов, все стремились туда попасть и не отстать ни в чем друг от друга.

Сколько заказывали харбинцы? Точно уже не припомню, но инженер Остроумов, скажем, брал не меньше двадцати пар в год. Его супруга — по четыре-пять пар в месяц. Известно, дамы — к каждому платью надо было подобрать... И еще — балы. Вам известно, что тогда делалось, никаких преград своим модным аппетитам дамы не знали... Обычно я брал так же, как и сейчас, 20–25 рублей за пару мужской обуви и 15–20 за дамскую. Но перед балами требовали от меня срочности прямо невозможной, материалы шли самые редкие, и были случаи, что за пару туфель платили 75 иен.

Одно скажу — заказывали дамы безумно. Четыре-пять пар в месяц брала рядовая заказчица, не считая экстренной “бальной” обуви. Бывало, одной семье, где и мужчины понимали в обуви, в год три-четыре раза счет подаешь, каждый на 250–300 рублей. А это ведь за рядовую, так сказать, обувь».

Уже приобрели твердую репутацию и такие винно-бакалейные магазины, как «Густав Опиц», «Эрмис» М.П. Иосифиди (с 1921 г.). «Цхомелидзе» (в Харбине с 1924 г., пока еще без своего компаньона Микатадзе), «К.Ю. Лейтлов» (Гоголевская, 69); кондитерские «Зазунов и Ко», «А.П. Ткаченко» — в Новом Городе и на Пристанях, «Ламбадис»; винно-гастрономические магазины: «Бр. Гурченко», «С.Г. Ощепков и Ко»,

С.Д.Тарасенко — который рекламировал продукты, полученные из СССР.

В городе работали 36 ресторанов, в том числе такие популярные, как «Мартьяныч», «Яр» (Б.И.Спивах), «Арсенич», «Стрельна» (Е.В.Симбуховского), «Помпея» и другие.

Русским принадлежали 32 гостиницы, 3 театра (не считая сцен собраний), 8 кинотеатров, 66 аптек и, что совершенно замечательно, — 34 писчебумажных и книжных магазина и 25 типографий и издательств. Среди них мне хочется упомянуть фотоиздательство «Изида». Вот его реклама:

«Фотоиздательство “Изида”

А.Я.Шнейдер-Нагорского

1-е на Дальнем Востоке

Издание фотографических книг, альбомов и картин. Издание рекламных фотографий. Принимаются к исполнению все виды фотографических работ, цинкографские, литографские и типографские работы».

А харбинские мастера художественной фотографии... Память сразу воскрешает такие имена, как П.Н.Абламский, Я.М.Лившиц, И.К.Кузин... Хотел бы рассказать о них подробнее, но по плану книги нужно снова говорить о Харбине. О некоторых итогах развития города к готовящемуся празднованию его 25-летия в июне 1923 года.

Как муниципальное целое Харбин состоял в то время по-прежнему только из тех двух районов, которые уже назывались выше. «Поселок Модягоу» по-прежнему сохранял свой полуофициальный статус. Старый Харбин к этому времени окончательно выпал из городской черты, и на него, как и на другие «городки»-пригороды Харбина — Госпитальный, Славянский, Остроумовский, Нахаловку, Гондательевку, меры городского благоустройства практически не распространялись. Развитие их, однако, уже предусматривалось и начинало входить в муниципальные планы.

Поэтому население пригородов освещало свои дома керосиновыми лампами и свечами; город же освещался четырьмя(!) электростанциями (Главных Механических мастерских КВЖД, Русско-Азиатского банка, Бинцзянской и Акционерного Общества Сунгарийских мельниц). Позднее к ним добавились еще две: Общества электрических предприятий в Северной Маньчжурии и Трамвайная, а в Фуцзядяне еще и электро-

станция «Яобин». И так продолжалось вплоть до середины 30-х годов. Эта стихийно сложившаяся ситуация с электрическим освещением в Харбине создавала большие практические неудобства, а электрические столбы на улицах города несли на себе провода в несколько ярусов.

Улицы в основной части Харбина уже все были замощены, в пригородах — конечно, нет.

Водопровод в Харбине тех лет был лишь кое-где, в отдельных зданиях. Самое широкое распространение по-прежнему имели простейшие колодцы. И колоритная фигура китайца-водоноса являла собой обычную картину даже в самых «фешенебельных» (если это определение к ним подходит) кварталах города. «Водопровод, — говорилось в «Харбинской энциклопедии», — один из хороших проектов, которые городской совет предполагает выполнить к 22-му столетию».

Но если создание единой для города водопроводной сети действительно требовало очень крупных расходов и являло собой сложный в техническом отношении проект, то не поддаются разумному объяснению постоянные нелады с канализацией, если под нею иметь в виду хотя бы только коллекторы для стока дождевых вод. Поэтому постоянно после каждого сильного дождя затопленные улицы Пристани превращали Харбин в Венецию.

Например, летом 1923 г. Харбин оказался под водой после сильного ливня 6 июня. На углу Китайской и Сквозной, между домами Мичкова, Водянского и Глебова стояло на аршин воды. Моторы автомобилям захлебывались. Это был «день рикш и извозчиков», часто переправлявших пассажиров только с одного тротуара на другой. На Китайской один из владельцев магазина игрушек «поставил на линию» модель большого океанского парохода, а верхушку одной из мачт этого морского «гиганта» почему-то украшал «не допускаемый сейчас даже на Сунгари» красный флаг с белыми на нем буквами «P.C.F.C.P.», — как писала 7 июня газета «Рупор».

По этой причине в шуливой «Энциклопедии» отмечалось: «Канализация. В “Харбинскую энциклопедию” это слово попало ошибочно. Никакой канализации нет».

Большим вопросом для ХОУ долгие годы оставался трамвай. Вначале в горсовете, как мы уже знаем, горячо дискутировался вопрос о том, кому предоставить концессию — китайцам или японцам, затем можно говорить о попытках фактической реализации многочисленных, но оста-

вавшихся бесплодными проектов. Так, 10 апреля 1923 г. в Харбин прибыл инженер Берслей — главный инженер одной американской компании, выразившей желание взять на себя сооружение в Харбине трамвая. Он приступил к ознакомлению с концессионными данными и выполненными работами. Приободрившиеся городские власти пообещали пустить трамвай осенью того же года. Но дело по-прежнему не сдвинулось с мертвой точки. Трамвайная эпопея вызывала в городе злые шутки (появлялись статьи с заголовками «Трамвай, подпираемый банкетамми», «Пора кончать трамвайную канитель» и пр.). В «Энциклопедии» в статье «Трамвай» говорилось: «Трамвай. — Будет подробно описан в особом приложении к энциклопедии, как только появится в Харбине. Пока даже в городском совете не знают, что это за штука. Никто никогда не видел».

Разочарование горожан было вполне понятно: трамвай был городу очень нужен. Широко дискутировался вопрос о возможных результатах его проведения в Харбине. Но действительность превзошла все ожидания: когда в 1928 г. трамвай в городе, наконец, пошел, он перевез 19 тыс. пассажиров.

Центрального отопления в Харбине, помимо крупных общественных зданий и коттеджей высокого железнодорожного начальства, Собора и Соборного дома и за малым иным исключением, также не было. Горожане зимой топили печи, заранее запасались дровами, углем, для чего существовали многочисленные дровяные и угольные склады. Зимой 1923 г. из-за сильных морозов печи стали злобой дня — проблеме дров и угля тоже был посвящен не один фельетон.

Недостатки этих отраслей городского хозяйства нашли отражение в пожелании в адрес П.С.Тищенко на новый 1923-й год:

Ах, Петр Семеныч, с Новым годом

Желаем вам от всей души!

Не ведать бед с водопроводом

(И водоносы хороши!).

Еще, папаша, вам желаем

Не знать ни горя, ни забот

С канализацией, трамваем...

И так Харбин не пропадет!..

При той ситуации с трамваем, которая сложилась в городе, основными видами транспорта оставались извозчики, оригинальные экипажи, называемые драндулетками (по определению той же «Энциклопедии» — «допотопное сооружение, случайно попавшее в Ноев Ковчег и поэтому сохранившееся до наших дней»), автобусы и автомобили.

Об извозчиках в Харбине я ранее уже говорил немало. В 20-е годы они изрядно «потускнели» из-за конкуренции с автобусами. Немного о драндулетках. Когда эти экипажи появились на улицах, они привлекли к себе немалое внимание харбинцев. О них в газетах публиковались даже специальные статьи (например — «Трактат о драндулетах» и другие).

Сошлюсь на полную точных наблюдений и юмора статью Б. Козловского «Городской транспорт» в «Политехнике», № 10, с. 202. Он пишет, что немало пренебрежительного вкладывали харбинцы в слово «драндулетка», но в действительности это был ладненький и хорошо приспособленный для езды по харбинским улицам легкий экипаж, хотя и тряский и не очень удобный, но зато дешевый, а следовательно, доступный для самого широкого круга пассажиров. Он имел два сиденья — одно откидное, для того чтобы было удобнее залезать в коляску; на нем располагался возница. Когда же пассажиров было два, поперек коляски клалась еще одна дощечка, шириной в 10–15 см с прибитыми к ней брусками, чтобы это «сиденье» не вывалилось из экипажа вообще. Драндулетки, как точно отмечает Б. Козловский, чаще всего нанимали китайцы, причем использовали они их, как говорится, «на все сто». «Бывало и так, — пишет он, — что на основных сиденьях сидели два взрослых пассажира, на руках которых были маленькие дети; третий взрослый пассажир с ребенком — на приставной дощечке, а возница садился на одну из оглобель или... бежал рядом с драндулеткой». Запрягали в эти экипажи и европейских лошадей, но, в большинстве случаев, неотъемлемой принадлежностью этого экипажа была низкорослая выносливая монгольская лошадка с аккуратно постриженной специальным лошадиным парикмахером гривой.

Были в Харбине и рикши, особенно в Фуцзядяне.

Серьезнее стоит поговорить об автобусах и автомобилях того времени в Харбине. Однако этот разговор я начну с другого — с больших долгов иностранцев Харбинскому общественному управлению и по оценочному сбору, и по промышленным налогам. Эти долги,

складывавшиеся в огромные суммы, являлись большой проблемой для русского муниципалитета, всегда имевшего твердый, заблаговременно установленный бюджет.

Иностранные граждане, проживавшие в Харбине, задолжали ХОУ за ряд лет до 1923 г. всего более 600 тыс. зол. рублей. Из этой огромной, особенно по тем временам, суммы половина недоимок приходилась на одних японцев, которые были должны городу 301 072 зол. руб. Долги иностранцев — это и была та главная постоянная недоимка, по поводу которой в городе бытовала популярная шутка, что она — «побочная дочь П. С. Тищенко, причиняющая ему непрерывные огорчения». Особую позицию в этом вопросе продолжали занимать Соединенные Штаты, граждане которых, по наущению своего правительства и консульства в Харбине, не желали считаться ни с распоряжениями, ни с просьбами Городского совета и налогов городу вообще не платили. Более того, американский флаг иногда спекулятивно использовался некоторыми лицами для уклонения от уплаты налогов в городскую казну. Дело доходило до смешных вещей. Например, имел место случай, когда русские, владельцы автобусов, купленных ими у одной американской компании, вывесили на окнах своих машин флаги США и таким образом тоже пытались уклониться от уплаты налогов...

Городской совет довольно остроумным способом пресек эту попытку.

Автобусный и автомобильный парки Харбина в начале 20-х возрастали прямо, можно сказать, бурными темпами. Если в 1922 г. в городе было 60 машин, а пионер автоизвоза на своем «форде» возил в Модягоу за 30 коп., и места в его машине шли нарасхват, то в следующем году на улицах Харбина уже появились другие «шикарные» (как тогда писали) машины, составившие острую конкуренцию автобусу, — совсем так же, как тот ранее оттеснил в сторону извозчиков.

В 1923 г. в Харбине было уже 230–240 «моторов», т.е. число их за год более чем утроилось, и автобусы стали составлять значительно меньшую половину. Конкуренция между этими двумя видами транспорта приняла острые формы и временами протекала даже бурно. На бирже стали работать более 80 машин. От угла Коммерческой и Китайской автомобили отправлялись каждые три минуты (а это был, не будем забывать, всего лишь двадцать третий год!), и стоимость проезда постоянно снижалась.

Летом автобусники приняли решение понизить проездную плату до вокзала до 10 сен (сен — вообще-то, одна сотая часть золотой японской иены, но часто под «сеном» имелась в виду просто копейка — в китайском ли серебряном даяне, либо русской мелкой серебряной монетой, по-прежнему, как мы видели выше, сохранявшей хождение в Харбине). Владельцы биржевых машин заблаговременно узнали об этом и сделали то же самое (у них ранее было 20 сен, а теперь тоже сделалось 10), но в любой конец!

В результате все авто оказывались занятыми, а автобусники не знали, что им и делать. Разгорелась настоящая война...

Попутно, в качестве курьеза, отмечу, что от этого двустороннего конфликта автовладельцев и автобусников невольно пострадал хозяин карусели в Городском саду Шумский. Прокатиться на карусели стоило гривенник, а за эти же деньги, как мы видим, можно было доехать с Пристани в Модягоу. Карусель почти перестала пользоваться успехом. «Не рассчитал Шумский дела, — писала газета, — автомобили подвели его».

В 1924 г. легковых биржевых машин в городе насчитывалось уже 145; авто, принадлежавших частным лицам, — 60, служащим — 60; автобусов было 105 (т.е. всего моторного транспорта — 400 единиц). В следующем году их ожидалось до 440 (фактически стало около 500). Автопарк Харбина, повторю, рос чрезвычайно быстрыми темпами для этого кризисного периода в мировой экономике начала 20-х годов.

За свою историю до 1945 г. Харбин пережил несколько строительных «бумов» (о некоторых я уже писал ранее). В трудные послереволюционные годы первым из них был бурный расцвет городского строительства 1921—1922 гг. В городе было построено до 50 крупных зданий и окончательно дооборудованы еще 150, возведенных летом и осенью 1921 г. Для такого масштабного строительства нужно было огромное количество стройматериалов, поступления которых в полном объеме местная харбинская промышленность обеспечить, конечно, еще была не в состоянии. Необходимый цемент привозился из Японии; кровельное железо поставлялось из Америки; воскресшая германская промышленность завалила рынок Харбина инструментом и гвоздями, совершенно подавив в конкурентной борьбе соответствующие отрасли японского производства; стекло поставляла в Харбин Бельгия, но японцы прибегали

к нецивилизованным приемам конкуренции: до 80% бельгийского стекла «нечаянно» билось при перегрузке в Дайрене...

Большие заслуги имели в этот период строительные фирмы Иосифа Леонтьевича Раппопорта («Волга»), старейшего строителя Харбина — Андрея Гавриловича Глебова (его дом с красивым куполом находился на углу Китайской и Сквозной улицы) и другие, более мелкие — братьев Маркизовых, прочие.

А.Г.Глебов — старожил Харбина, известный в городе общественный деятель, потомственный строитель.

Родился он в 1872 г. в С.-Петербурге в семье крупного столичного строителя-подрядчика. Пошел по стопам отца и получил специальное строительное-техническое образование. Был приглашен на службу на Китайскую дорогу еще в 1897 г., ветеран ее постройки и строительства Харбина. Позднее занялся самостоятельными подрядами, приобретая репутацию добросовестного строителя. Про Глебова говорили, что он построил до одной пятой всего города. Помимо десятков жилых зданий, наиболее крупными его подрядами были сооружение Больницы Красного Креста, пристроек к зданию Правления КВЖД и харбинского вокзала. За больницу и постройку при ней, за собственные средства, часовни Андрей Гаврилович получил личную благодарность царя и звание почетного гражданина города. Он играл видную роль и в общественной жизни Харбина. С 1908 г. бессменно был уполномоченным ХОУ и два трехлетия — членом Городского совета, заведующим Строительным отделом. Во время Первой мировой войны — товарищем председателя Харбинского отдела Союза городов. До ликвидации в 1920 г. русского суда занимал должность почетного мирового судьи, председателя совета Дальневосточно Общества взаимного кредита, члена правления Общества и Банка домовладельцев и землевладельцев.

Один из основателей (и акционеров) курорта Эрцензяньцзы; организатор создания в 1923 г. в Харбине Русского Страхового общества.

Братья Маркизовы — Павел Степанович (12 сентября 1888 — 11 ноября 1975) и Фрол Степанович (3 августа 1893 — 21 мая 1974) родились в деревне Степенки около города Юхнова Калужской области и приехали в Харбин в 1918 году, демобилизовавшись с военной службы. Сначала работали у Скидельского, а в 1920 г. открыли свой «Склад леса, дров

и угля Братьев Маркизовых» на Дачной улице в Модягоу (позднее на Приютской, №15). Одновременно занимались строительными подрядами. Были подрядчиками строительных работ при сооружении Св.-Алексеевского храма в Модягоу, тесно сотрудничали с архиепископом Нестором в работах по его Дому Милосердия.

В 1944 году по возвращении из Шанхая подрядчиком стал и сын П.С.Маркизова — Леонид Павлович. «Склад дров и угля, — написал он мне в своем письме, — просуществовал до 1949 года. Вот когда я стал подрядчиком, то познакомился с Вашим папой и его помощником на Фанерном заводе Дмитрием Васильевичем Родиным, они оба старше меня, и до того, как я стал работать подрядчиком, мы не были лично знакомы, а затем у нас были хорошие деловые отношения».

К большому сожалению, семья рассеялась по всему белу свету. Павел Степанович в 1960 г. уехал в Брюссель, где и скончался. Фрол Степанович в 1955 г. приехал в СССР, жил и умер в Ташкенте.

Леонид Павлович в 1945 был незаконно арестован советскими органами, прошел сталинские лагеря, пережил потерю жены, двух талантливых сыновей... Но все эти тяжелые несчастья не изменили, однако, этого мужественного, доброжелательного и активного человека, являющего собой высокий пример твердости духа и человеческой стойкости.

Он полностью реабилитирован, стал кандидатом технических наук, Заслуженным деятелем науки и техники Республики Коми. Живет в Сыктывкаре, автор многих интереснейших воспоминаний — о Харбине, его прошлом, его музыкальной жизни, о Политехническом институте, князе Ухтомском и его семье, о Порт-Артурском мемориале и других статей, среди которых выделяется сильнейшая по аргументированности, спокойная и объективная, «Все остается людям», посвященная итогам 100-летней истории Харбина. Видимо, именно в силу этих своих качеств работа вызвала глупейшие политические нападки одной американизированной китайки, занимающейся... литературой, на которые достойно ответила Е.Таскина (Проблемы Дальнего Востока, 1994, № 4).

Известными архитекторами Харбина были в этот период, кроме названных мною в первой книге, Юлий Петрович Жданов, А.А.Мяковский, о котором уже упоминалось выше, Владимир Андреевич Барри — проектировщик и строитель железобетонного харбинского виадука, со-

единающего Новый Город с Пристанью и исправно в первозданном виде служащего городу и сегодня — т.е. уже более 70 лет; Александр Александрович Бернардацци; инженер Владимир Александрович Рассушин — создатель ландшафта нового, полностью обновленного в 1931 г., Городского сада на Пристани, другие.

В строительный бум в Харбине в начале 20-х ощутимую лепту внес и горсовет. Его Строительный отдел, возглавлявшийся энергичным Семяниковым, осуществил строительство каменных лавок в Новом Городе и на Старом базаре на Пристани (в 1921 г. дали доход в 28 096 руб.; в 1922 г. — 30 тыс. руб.), Гостиного двора на Пристани (доход в 1921–1922 гг. по 16 685 руб. ежегодно), Городских бань (с 1920), своих городских Механических мастерских (с 1922 г.), других сооружений. В 1923 г. город принял участие в возводимом Товариществом «Пассаж» во главе с Соскиным популярного Пассажа в Новом Городе.

Стала замаскироваться бульжником (сохранившимся в рабочем состоянии вплоть до сегодняшних дней!) Китайская ул. — частями, участками, по которым временно прерывалось движение городского транспорта. Мне попало объявление:

«Китайская улица закрыта с 28 апреля на месяц. От Конной до Биржевой она будет замаскироваться чистым тесаным кубиком. Потерпите! Надо разобрать старую мостовую, произвести подсыпку и срезку земли, наложить три слоя — такелаж, шоссейный слой и кубиковый и залить все цементом. Мостовая будет служить без малейшего ремонта 15–20 лет [как мы видим, прослужил намного дольше: русские делали все весьма основательно. — *Г.М.*]. Жизнь же кубиковой мостовой — 60–70 лет».

Через полтора месяца приступили к замаскиванию остальной части улицы — до Короткой. Это был уже 1924-й год.

Отмечу также, что важным событием 1923 г. стал и наем Городским Советом дома Мичкова и переезд его в это новое помещение.

От старого помещения Горсовета (угол Сквозной и Участковой) по Сквозной в течение нескольких дней дефилировала вереница телег — с ворохами папок, бумаг и мебелью переезжающего уважаемого учреждения в его новый Дом — на углу Сквозной и Китайской...

Горсовет занял в этом новом здании три этажа, соединенных между собой новинкой для Харбина — первым в городе лифтом. 19 сентября

«Заря» сообщила: «Вчера городские уполномоченные впервые заседали в своем новом помещении Горсовета в доме Мичкова. Хоры были сплошь забиты публикой. Новоселье было отмечено крупнейшим тортом, доставленным из соседней кондитерской “Дальконт” [Китайская, 79. — Г. М.], рассчитанным на всех 60 уполномоченных»...

Хорошо работала и харбинская Автоматическая телефонная станция (АТС) Управления КВЖД — первая на всем Дальнем Востоке. Она обслуживала весь город и телефоны общего пользования на пассажирском вокзале станции Харбин-Центральный и в его товарной конторе, в здании Коммерческого агентства КВЖД в Мостовом поселке — обслуживавшиеся отдельными телефонистами (один разговор — 10 центов китайского доллара). Широкой известностью пользовался также и харбинский Адресный стол, имевший универсальные функции и тесную связь с паспортным режимом в городе.

Несколько слов о паспортном режиме, доставлявшем время от времени немало хлопот нашим дедам и отцам. После октября 1920 г. русские в Китае и Маньчжурии и подданные других государств, «кои не состоят в договорных отношениях с Китаем», обязаны были по достижении возраста для мужчин 18, а для женщин — 21 года — выбрать себе паспорт (фактически — временный вид на жительство) Китайской республики. Размеры его (казенная, сложенная в виде книжечки, бумага с печатями) в развернутом виде составляли примерно один метр на метр. В паспорт каждого вписывались все члены его семьи, включая малолетних детей, обязательно с их фотографиями...

Порядок получения этого вида на жительство был достаточно прост и беспрепятствен, продление срока его действия — тоже. Выдавался он вначале на три месяца, затем на год. Но по истечении этого срока документ приходилось периодически заменять на новый, что стоило 2 китайских доллара 10 центов для временного и 4 доллара 10 центов для годового вида. Данный порядок, конечно, ложился определенным финансовым бременем на малообеспеченные эмигрантские слои. Но не менее важной, но гораздо более хлопотной проблемой становились эти самые ф о т о г р а ф и и. Время от времени эмигрантские фотостудии в городе буквально захлебывались от наплыва клиентов и их

детей и, конечно (не без того), жалоб на качество снимков, на которых те не узнавали самих себя (тоже тема многих фельетонов).

Но последуем дальше. Новые виды на жительство немедленно по их получении должны были быть прописаны в Адресном столе.

Для этого на каждое прибывшее или убывшее лицо домоправители обязаны были заполнять по два адресных листка и представлять их в соответствующий полицейский участок, который после проведения необходимых формальностей эти адресные листки доставлял уже в Адресный стол.

«Вдоль стен почти до потолка полки, а на них огромные, с железными ручками папки, с которых на посетителя смотрят большие черные буквы “А”, “Б”, “В”... Это сердце центрального адресного стола. В этих папках строго на своем месте лежат данные о каждом из... жителей Харбина», — так начинает журналист свое описание этого учреждения. Далее он пишет о том, что в городе больше всего фамилий было на букву «К», и папок на эту букву имелась целая серия. Самой распространенной фамилией в России были Ивановы, но в Харбине они уступили свое первенство Поповым; много было также и Степановых. Проблемой для Адресного стола было сходство инициалов, а часто — и именотчеств. Конечно, это учреждение широко использовалось для розысков людей и всевозможных справок. По нему, в частности, харбинские коммерсанты-кредиторы разыскивали своих неаккуратных должников.

Отлично поставлено было в городе и пожарное дело. Начало его было положено дорогой, и на первых порах оно входило в компетенцию полиции (помните сотника Казаркина, о котором я писал в первой книге?). Пожарные команды были созданы в Старом Харбине и на Пристанях. Их хозяйством были бочки, ручные насосы и лошади (работали они на конной тяге). Брандмейстером старохарбинской пожарной команды был Константин Александрович Дубровин; имя первого начальника пристанской мне пока неизвестно. В 1900 г. обе они выделились в отдельную службу дороги и именно с этого года стали исчислять свою историю.

В 1906 г. эвакуировавшиеся из Южной Маньчжурии члены Телинского и Порт-Артурского пожарных обществ решили восстановить свою профессиональную деятельность в Харбине, по-прежнему на добровольных началах (т.е. не получая какого-либо жалованья).

Инициатором дела явился Александр Сергеевич Немировский, став-

ший первым брандмейстером этой добровольной пожарной команды. Было организовано общество с длинным названием — «Харбинское пожарное общество, соединенные Телинское, Порт-Артурское и Харбинское пожарные общества». Общество насчитывало в то время 50 членов; первым председателем его стал заведующий гражданской частью дороги полковник Заремба, начальником команды — прибывший в это время в Харбин начальник Одесской добровольной пожарной команды (с 1898 г.) Михаил Самойлович Барский, считавшийся подлинным создателем дела в Харбине (скончался в 1935 г.).

Новое правление, собрав средства, приступило к постройке собственного депо и каменной каланчи на безвозмездно предоставленном дороною участке по Офицерской улице, на своеобразном высоком «мысе» новгородней возвышенности. Для тушения пожаров в многоэтажных домах была приобретена усовершенствованная перевозная лестница, а позднее — автомашина. Когда в Харбин, еще до революции, приехал бывший обер-полицмейстер Варшавы, большой знаток пожарного дела, генерал П.П.Мейер, он заявил, что Харбинская добровольная дружина стоит на одном из первых мест в ряду других подобного рода организаций.

С образованием в Харбине городского самоуправления (1908 г.) КВЖД свои пожарные команды передала городу. Пристанская позднее получила название Первая городская пожарная команда и в 1935 г. отметила свое 35-летие. Брандмейстером ее с того же года стал Игнатий Киприанович Янчилин, 15-летний юбилей работы которого харбинская общественность отметила 15 февраля 1923 г. Затем его сменил Бубелов, прослуживший к 1933 г. в пожарном деле 25 лет. Команда располагалась на просторном участке в конце Китайской улицы, недалеко от угла Полицейской, в двухэтажном здании (на первом этаже конюшни и служебные помещения, на втором — комнаты для дежурного состава). Во дворе находились несколько служебных квартир. Надо отметить, что город постоянно выделял своим пожарным командам крупные ассигнования, и в 1923 г. пристанская получила выписанную для нее из Германии пожарную машину «Магирус». Машина имела шесть рукавов, и высота ее струи достигала 25 сажен. После прибытия «Магируса» городской пожарный обоз на конной тяге постепенно ликвидировался.

Харбин и особенно Фуцзядянь (который тушила тоже русская пожарная команда) горели чрезвычайно часто, и работы у пожарных было

очень много. Еще надо прибавить и активное участие русских пожарных в борьбе с эпидемиями чумы в 1910, 1920, 1922 и другие годы. Как справедливо отмечает П.Д. Голубович («Политехник», № 10, с. 206), команды состояли в большинстве из русских и «являлись гордостью города благодаря самоотверженной работе, дисциплине и знанию дела».

Цвет бочек и «Магируса» городской команды был синий, а у Добровольной пожарной команды — красный...

Красный цвет был узурпирован русской революцией, став символом красного террора, насилия, в том числе и насилия над собственным народом, прикрывал творившиеся в стране издевательства — над людьми, над их верою в Бога — как бы он ни назывался — Иисус, Иегова или Аллах — и национальными обычаями — более всего русского народа. В действительности же, в первородном своем значении «красный» — это «красивый», это цвет праздника, радости, ожидания счастья! Так было поставлено революцией все с ног на голову...

И вот теперь я возвращаюсь к вопросу из предыдущей главы.

Итак, что именно говорило о том, что скоро, очень скоро наступит этот замечательный и радостный день — красный день календаря — Праздник Пасхи?

Внешние приметы — конечно, да. Это весеннее пробуждение природы. Она все более и более оживает, жарче припекает весеннее солнышко. Набухают почки. На улице уже совсем тепло.

По-моему, настоящее ожидание праздника начинается с Вербной недели, когда в доме появляются вербы и первые живые цветы — осязаемые предвестники Пасхи. Оно, это ожидание, укрепляется с каждым следующим днем Страстной седмицы, уже наполненным все новыми и новыми предпраздничными хлопотами, становится чем-то совсем очевидным, осязаемым, после говенья и очищения от всех своих грехов, святого Причастия... И чувство это радости и счастья все более укрепляется и поддерживается торжественными церковными службами в Великий четверток и Великий пяток — четверг и пятницу на Страстной неделе, нарастающей в доме и в городе предпраздничной хозяйственной суетой.

Харбин в предпасхальные дни...

Перед большими православными праздниками харбинская пресса

всегда вспоминала о старинных русских обычаях, связанных с тем или иным торжеством, отдавала дань традициям, воспоминаниям о том, как проходил праздник *р а н ь ш е*, на Родине. В особенности это относилось к Пасхе.

В эти предпраздничные дни появлялись специальные статьи, пасхальные стихи; выходили нарядные многокрасочные номера газет, а после 1927 г. — пасхальный журнал «Рубеж». Начиная с 1929 г. Пасхальная Заутреня из Кафедрального собора в Харбине транслировалась по радио на весь Дальний Восток, в том числе и на дальневосточные регионы СССР.

Статьи и стихи эти, конечно, невозможно перечислить, но вот несколько примеров. 1936 год: «Пасха в народных обрядах», полполосы — «Пасхальный заяц» — приносящий на Пасху подарки детям — шутливая дискуссия о происхождении, появлении зайца в пасхальной символике. 1937-й год: частично цитировавшаяся выше статья «Пасха в старой Москве»; 1940-й год: большое стихотворение Арсения Несмелова «Москва пасхальная», опубликованное в «Луче Азии», в котором есть такие строки:

Чуть, чуть, чуть — и канет день вчерашний,
Как секунды трепетно бегут!..
И уже в Кремле, с Тайницкой башни
Рявкает в честь праздника салют.
И взлетят ракеты. И все сорок
Сороков ответно загудят,
И становится похожим город
На какой-то дедовский посад!...

1945-й год. Пасха — 6 мая, совпадение с днем Георгия Победоносца — моим Днем Ангела. Заголовки статей в газете «Время»: «На крыльях радости», «Светлое Христово Воскресение»...

И тут же статья «Стройте убежища малого размера»... Многие, наверно, помнят японскую кампанию «самообороны» в те времена...

Но вернусь к описываемым 20-м.

Пасха, год 1923. Огромное объявление в газете «Заря» и других:

«Прием посылок во все города России».

Тут необходимо пояснение. Пасха 1923 года была особой — не потому, что она праздновалась железнодорожниками на КВЖД от среды до среды — с 4 по 11 апреля, а по той причине, что в п е р в ы е советские

власти разрешили принимать продовольственные посылки из Харбина и полосы отчуждения КВЖД родственникам в СССР. Но только с 10 до 20 мая!

Появлялись в Харбине и сами эти родственники, которым разрешался выезд в связи с громадным размахом кампании помощи голодающим в России, развернутой в Маньчжурии в 1921—1923 гг. В Россию шли десятки эшелонов с мукой, сахаром, продовольствием, медикаментами (см. об этом ниже в Главе VII), а взамен, обратно, вывозились родственники харбинцев и линейцев, но буквально за голову каждого советскому правительству уплачивались огромные деньги. Кстати сказать, в это время разрешили вернуться к сыну и престарелой 80-летней матери Б.В.Остроумова, привезшей с собой в Харбин и породистого бульдога, по кличке «Бонч» (сокращение от Бонч-Бруевича)...

Писатель Игорь Волков, беженец из СССР (1938), вспоминает, как там ему говорили бывшие харбинцы-железнодорожники: «Жаль, что вы не попадете на Пасху в Харбин. Только там вы почувствовали б, что такое православная Пасха».

А что он увидел бы?

...Еще идет Страстная седмица, а витрины магазинов, булочных и кондитерских, газетные страницы начинают пестреть рекламой, предлагающей всевозможные пасхальные подарки и все необходимое для праздничного стола. На десятках уже нарядных витрин — замысловато украшенные шоколадные яйца, разных размеров, пустотелые, с обязательным «сюрпризом» внутри — каким-нибудь простеньким подарком, шоколадные же зайцы, барашки, «бомбы». Продолжается пост, а в магазинах и на базарах усиливается спрос на скоромные продукты: мясо, дичь, домашнюю птицу, высших сортов рыбу, икру — хозяйки делают закупки к наступающему празднику. Наибольшим всеобщим спросом пользуются яйца. В писчебумажных и книжных магазинах — масса красочных поздравительных открыток с буквами «Х.В.» — Христос Воскресе!

Великая среда. В церкви — главное воспоминание этого дня мироприношение блудницы, которая, припав к ногам Христовым, омывает их слезами и мазет мирром. Сегодня вечером и церковь, в отличие от других дней, совершает таинство соборования не только тяжело болеющих, но всех желающих...

А дома? — Дом уже наполняют ароматы пекущихся печений, коври-

жек, но главное «таинство» — выпечка куличей — еще впереди. Сколько воспоминаний!..

Куличи — особенно трепетная забота мамы. У нас дома они всегда делались «тяжелыми», сдобными, в тесто клалось много яиц, специй, слобы. Его долго замешивали, ожидали, когда оно «подойдет» — сначала в квашне, затем будучи разложенным в куличные формы и формочки разной высоты и размеров. Нельзя было шуметь в это время и, упаси Бог, хлопнуть дверью! Куличи «сядут». Следующий пик напряжения — выпечка. Тоже высокое искусство...

Наконец, украшение куличей. У нас — бралась белая салфетка, вымачивалась в «глазуровке» — густом растворе сахарной пудры — укладывалась на вершину кулича и обсыпалась многоцветными «маковыми зернышками» (не помню теперь, как их правильно называли!), сбоку кулича выводились крупные буквы «Х. В.». Восковыми фигурками, цветами куличи в нашем доме не украшали.

Великий четверг. День Тайной Вечери.

Дома красили отваренные вкрутую яйца, достигая в этом деле подлинных шедевров. А как красили! Непременно всей семьей, в стаканах, где разводился каждый цвет специальной краски для крашения яиц. Напоследок в эти стаканы наливалось несколько капель растительного масла, и яйца, которые опускали попеременно в разные стаканы, получались «мраморными», многоцветными. Часто мы разрисовывали их и вручную. В плоские площадки заранее сеялся овес, и в его проросшие зеленые ростки или в красивые корзиночки эти яйца укладывались — разумеется, с тщательным подбором цветов и рисунков. Еще одна милая семейная традиция...

Вся церковная служба этого дня — трепет принятия такого дара, как Тело и Кровь евхаристии. Чтение Двенадцати Евангелий. Весь путь Сына Божия к Голгофе. В Соборе величественное пение «Разбойника благоразумного» в исполнении Сенички Коростелева...

Чин богослужения, пришедший к нам из Иерусалимской церкви, включал в себя молитвы и службы, совершавшиеся в местах страдания Господа на его пути от Гефсимании до Голгофы. По ним совершался крестный ход, продолжавшийся всю ночь, а с наступлением ночной тьмы в нем зажигались свечи и светильники. Отсюда и обычай Церкви: верующие выходят из храма с зажженными свечами-четверговками и стремятся донести их живой трепещущий огонек до дома. А чтобы он

не погас по дороге, китайцы, прекрасно знавшие русские православные обычаи, предлагали у всех церквей собственного изготовления бумажные фонарики...

Пламенем свечки делали на верхней перекладине косяка входной двери крест.

По старой улице моей
течет, плывет поток огней.
Страстной четверг.

Густая мгла.

Роняют звон колокола.

А я тону в реке огней,
Сливаясь, растворяюсь в ней.
И четверговую свечу
от ветра оберечь хочу.

Ее взволнованный огонь
теплом мне дышит на ладонь.
И капелькой тягучих слез
на пальцы натекает воск.

Апрельский ветер, не спеши!

Мою свечу не потуши.

Мне радостно огонь живой

Из храма донести домой.

Но кто-то обогнал меня.

Но кто-то попросил огня.

И я по-доброму хочу

Зажечь погасшую свечу.

Страстной четверг,

Горящий свет.

А мне всего двенадцать лет...

Чернеет бархатная мгла.

И надо всем — колокола.

Это безупречное стихотворение русской поэтессы, харбинки Веры Кондратович-Сидоровой из Омска как нельзя лучше передает настроение этого дня (газ. «Харбин», Новосибирск, № 2, апрель, 1992, с. 2).

В Светлую и Великую пятницу дома делались всевозможные сырные (творожные) пасхи — из обычного творога, творога из топленого молока, шоколадные. Заблаговременно заказанный творог укладывался под пресс, тщательно растирался с добавлением сливочного масла, крутых желтков, цукатов, изюма, ванили, других специй. Вся масса укладывалась в выстланные марлей деревянные формы в виде пирамидки и снова помещалась под пресс. Вкусноты они были, все эти пасхи, необыкновенной!

В церквях — служба святых страстей, вынос и целование святой Плащаницы.

А Великая преблагословенная суббота приближала Праздник плотную, все наступало уже по-настоящему. Днем, по завершении литургии,

церковь чудесно преображается: черное великопостное убранство быстро заменяется праздничным — белым. В церковных оградах освящаются принесенные верующими куличи, пасхи и крашеные яйца. Вечером под звон колоколов все идут в ярко освещенный и украшенный храм к Заутрене. Особенное не передаваемое словами настроение...

У всех прихожан внутри церкви и вокруг нее в руках свечи. Крестный ход трижды обходит вокруг храма, и несется ликующее «Христос Воскресе!», на что люди отвечают «Воистину Воскресе!» Сверхшлось! Всеобщая радость, ликование. «В пасхальную ночь и звери разговаривают», — гласит присказка.

Тут же все трижды христосуются друг с другом, и ни одна даже самая скромная девушка не отказывается от этого прекрасного обряда. Сегодня даже прилюдно поцеловаться — можно!

Разговляться по приходе с Заутрени начинают с кулича и яиц, которыми все члены семьи предварительно «бьются»: кто окажется победителем.

Завтра — Воскресенье, первый день Пасхи и ответственный день пасхальных визитов.

О, эти пасхальные визиты в Харбине! О них и о самих визитерах можно написать книгу, и, наверное, не одну.

Сначала об обстановке, атмосфере. Первый день...

Дома. Нарядно убранная квартира. Хозяйка и весь женский состав семьи, остающиеся сегодня дома, накрывают стол. Лучший сервиз, хрустальные рюмки, бокалы. Наша семья была, вероятно, лишь ненамного выше среднего достатка, но стол уставлялся с утра добрым десятком вкуснейших яств и маминых кулинарных изысков. Водки — в графинчиках, вина и наливки — в бутылках. Наготовлено всего множество, но и визитеров ожидают немало.

Вся мужская половина семьи в это время приодевается и отправляется «делать визиты» — поздравлять с праздником друзей и знакомых.

На улице. Особенное весеннее праздничное оживление. По всем направлениям снуют, едут на извозчиках, на машинах нарядно одетые мужчины в черных костюмах или в пыльниках (так называли у нас плащи), обязательно с белыми кашне. Это и есть визитеры. У многих в руках списки, по которым они ходят из дома в дом. Они сегодня чрезвычайно заняты и деловиты. А то как же!

Заходят, поздравляют хозяйку и всех женщин и детей в доме, выпивают специальную крохотную «визитерскую» рюмочку, две... Закусывают.

И откланиваются. Засиживаться сегодня некогда: ждет следующий дом, а у некоторых — намечены до сорока визитов...

Так что... хоть и по «наперсточку», но... К вечеру возвращаются домой часто, как говорится, «на бровях»...

И весь день отовсюду несется праздничный веселый нестройный перезвон. Сегодня «разрешенное время» — вход на колокольни всех церквей открыт для всех желающих позвонить, потрезвонить, «поиграть на колоколах».

По-моему, всех визитеров — и рождественских, и пасхальных — можно разделить на три категории:

— «старички» — старая гвардия — всегда и при всех условиях до конца сохранили прекрасную форму;

— среднее поколение — как люди социально активные, с массой друзей и знакомых — они все-таки, подчас «увлекались», иногда перехватывали через край, к вечеру приходили домой пьяненькие, но, конечно, не до безобразия. Или же, в крайнем случае, их привозил извозчик:

— Это ваш барин?..

— Наш, наш!..

— третьи — это молодежь, студенты. Как правило, ходили по двое или по трое и, главным образом, по домам знакомых барышень, к своим «предметам». Раньше (раньше!) — молодые люди водку у нас совсем не пили, но всегда хорошо закусывали, доставляя истинную радость хозяикам. Договаривались со своими пассиями о вечеринке на третий или следующие дни.

Приходили по знакомым домам и священники с крестом, в праздничном облачении, монашки с песнопениями, мальчики-христославы, певшие тропарь.

Второй день — дамский «чайный стол». В гости друг к другу приходят дамы. Тут в центре внимания успехи хозяйки в выпечке куличей, ее мастерство в приготовлении всевозможных сырных пасх, тортов, одним словом, сладкого. Устраивались настоящие дегустации...

Третий день — званые обеды.

Следующие дни — для детских праздников, утренников, для молодежных вечеринок. Танцы — со своими «предметами», «объектами» — какое удовольствие! Игры — в «бутылочку», с поцелуями, «в монахи» — тоже...

Весенние балы и обязательно — «Розовый» бал ХСМЛ. Качели. Карусель с «лошадками» в городском саду.

Красная горка. Свадьбы, свадьбы, свадьбы...

Одним словом — Пасха!!!

Теплые воспоминания о Пасхе своего детства написала М.П. Таут в статье «Храня в душе воспоминания» // Русские в Китае, Екатеринбург, июнь 2001, № 21. Спасибо ей за нее!

Прибывающие одна за другой в Маньчжурию и Харбин волны беженцев чрезвычайно оживили местную российскую благотворительность, о которой я уже подробно писал («Российская эмиграция в Китае», с. 62–71). Многочисленные российские благотворительные организации оказывали большую помощь беженцам в их благоустройстве; помогала и «волнообразность» прибытия беженцев: приехавшие раньше уже бывали в состоянии помогать вновь прибывшим. Однако беженство вскоре приняло такие размеры, что, как бы то ни было, одеть, обусть, накормить, дать кров и работу удавалось, конечно, далеко не всем. Оставалось большое число бедных, неустроенных людей; к тому же, многие из них были старыми, больными, одинокими или инвалидами, отчаявшимися во всех и во всем, были беспомощными малыми детьми. Все было совершенно так же, как многие годы оставалось и в России советов. Но с тем важным отличием, что Харбин никогда не знал детской беспризорности.

Безусловно, имела место дифференциация на бедных и богатых, как и во всем мире, но в этом процессе роль мощного буфера играл сильный «средний класс» в сообществе российских жителей Маньчжурии, уже раз, в 1917 году, предотвративший в Харбине попытку большевистской «революции». И в эти начальные 1920-е годы он, этот класс, тоже уже был в силах оказать посильную помощь слабым и малоимущим, помогая им встать на ноги.

Более того, эта помощь выходила далеко за пределы полосы отчуждения принимала и международный характер.

В 1920, 1923, 1928 гг. российская общественность бывшей полосы отчуждения всемерно отзывалась на бедствия голодающих китайских крестьян Северного Китая и — особенно — провинции Шаньдун, активно участвуя в развернутых здесь кампаниях помощи голодающим.

Страшное разрушительное землетрясение 1923 г. в Японии, приведшее к огромным жертвам и разрушениям, также вызвало волну сочувствия у многонационального населения Харбина, собиравшего средства для помощи пострадавшим.

Однако особенно широко эти чувства сострадания, милосердия и сочувствия, присущие характеру русского и других народов, проявили себя в кампании помощи голодающим советской России, к рассказу о которой я и перехожу.

О чем писали газеты

«Клад» на Восьмом участке

«Мистификация о кладе старинных монет с арабскими начертаниями, якобы найденных на 8-ом участке в Мостовом поселке... Инженер Бучацкий: “Этот мифический клад — прямо несчастье для меня. Целый день не дают покоя, звонят по телефону...”»

Заря, 1922, 22 ноября.

«Полынин, “король проектов”, в Шанхае предложил заменить рикш педикэбами... Создано крупное общество, которому Полынин переуступил

свои права. Общество в свою очередь назначило его главным директором-распорядителем с многотысячным окладом».

Заря, 1923, 1 июля.

Кампания в харбинской прессе по вопросу о том, нужны ли праздничные визиты? Анкета по этому поводу «Зари» [мнения сильно разделились. — *Г.М.*].

Заря, 1924, 14 апреля.

Белый Харбин помогает голодающим советской России

Прежде чем перейти к изложению основного материала этой главы, следует, по-моему, предварительно все же пояснить следующее.

В самом начале 1920-х годов, еще до окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке, обстановка в соседней Маньчжурии, в частности в Харбине, характеризовалась резким противостоянием преобладающих сил «белых» и, тем не менее, довольно влиятельных «красных».

Вынужденное в силу обстоятельств сосуществование (отнюдь не мирное!) в рамках одного крупного промышленного города двух антагонистических политических группировок не приводило к их открытой схватке только благодаря бдительному контролю над каждой из них китайских властей. Сохранялось уникальное равновесие этих противоборствующих сил, и имели место многочисленные примеры не менее удивительного смещения и взаимопроникновения идей и взглядов, ситуаций и возможностей, взаимоисключающих, казалось бы, друг друга.

Границы России и Китая были фактически открыты для движения в любом направлении: кто-то легально уезжал в Маньчжурию из находившихся под советской властью районов, кто просто бежал отсюда; кто-то из ранее бежавших возвращался на родину, другие — уезжали дальше, в заморские страны. Харбин был наводнен тысячами беженцев. Сложившаяся ситуация оказывала сильнейшее влияние и на криминальную обстановку и в городе, и в Маньчжурии в целом, толчок к обострению которой в том или ином случае обычно давали «гастролеры», прибывавшие из советской России.

В якобы однородно «белом», по представлению некоторых авторов,

Харбине в Механическом собрании торжественно праздновалась 5-я годовщина Октябрьской революции; часть пробольшевистски настроенных профсоюзов полосы отчуждения открыто взяла шефство над двумя красными забайкальскими полками; белые офицеры и солдаты формировали добровольческие отряды для поддержки вооруженной борьбы, продолжавшейся в Приморье... И, по инициативе именно «белой» стороны и при ее всемерной поддержке, с каждым месяцем набирала силу кампания помощи голодающим в советской России, в ходе которой эти «заклятые враги советской власти» развернули огромную помощь своим голодающим соотечественникам на родине.

Как это все происходило?

Ранее всего в полосе отчуждения КВЖД под председательством князя Куракина и Николая Александровича Ухтомского был создан Американо-русский (международный) комитет помощи голодающим советской России. Вслед за ним, уже на местах, сразу же возникли Общественные комитеты помощи голодающим; эти организации и направили в Россию первый поток продовольствия и медикаментов.

Харбинский Общественный комитет, в состав которого вошли по одному представителю от 47 общественных организаций города, имевший подотделы на крупных станциях КВЖД, возглавил доктор А.И. Кауфман. Комитет устраивал разнообразные по тематике платные лекции и доклады, вечера и спектакли, весь сбор от которых поступал в пользу голодающих. Раздавались подписные листы — частным лицам, по магазинам, фирмам, банкам; были отпечатаны благотворительные марки достоинством в 5 и 10 коп., которые выдавались посетителям в магазинах вместо сдачи; осуществлялся сбор медикаментов, носильных вещей. От имени комитета было выпущено обращение к владельцам кинотеатров, клубов и ипподрома с просьбой об отчислении процента со сборов. Цирк Ф.Я.Изако, например, объявил о том, что с каждого ежедневного представления будет взиматься 10%-й с рубля сбор в пользу голодающего населения России. Была организована однодневная газета «Голод», сбор материалов для которой, редактura, набор и печатание выполнялись исключительно на общественных началах. Широко использовалась и прочая «большая» печать всех политических направлений, выпускались специальные листовки.

С 1 сентября 1921 г. профсоюзы полосы отчуждения ежемесячно от-

числяли Комитету 5% заработка своих членов. За период октябрь 1921 — июнь 1922 г. добровольные взносы железнодорожников из жалования составили сумму в 38 905 руб., поступившую в распоряжение Центрального железнодорожного комитета помощи голодающим. Этот (третий в полосе отчуждения) комитет был создан по инициативе Б. В. Остроумова в октябре 1921 г. и возложил на свои плечи, возможно, наиболее тяжелую, непосильную для других организаций часть общей программы помощи.

Одни за другими организовывались т.н. «Недели сборов» вещей и продовольствия, жертвовали как отдельные лица, так и организации, все слои харбинского общества. Два крупных харбинских коммерсанта, экспортеры зерна, пожертвовали 30 вагонов хлеба, которые за их же счет были отправлены в Самарскую губернию. Общество домовладельцев и землевладельцев г. Харбина (председатель Общества Н. Л. Гондати) выделило для голодающих 7 вагонов проса. Два вагона муки были получены в дар от трудящихся Сучанских каменноугольных предприятий. Все средства, полученные в праздник «Гайди-фитр» 27 мая 1922 г., передали для голодающих мусульмане Маньчжурии.

В газетах были опубликованы правила отправления в Россию так называемых пищевых переводов — денег на продовольственные посылки. Деньги принимались для перевода через Американский Международный банк в Харбине и предназначались для получения в России соответствующего количества съестных продуктов. Для каждого допускался перевод в пределах 10—50 американских долларов. Одна четвертая часть пересылаемой суммы поступала в фонд помощи детям в России; на остальные три четверти: на каждые посланные 10 долл. — адресат получал на месте 50 английских фунтов белой муки, 25 фунтов риса, 20 банок консервированного молока, 10 фунтов жиров, 3 фунта сахара и 3 фунта чая. Выдавали их в советской России местные склады АРА (American Relief Administration Russian Food Remittance Department). В адрес АРА в Нью-Йорке принимал пищевые переводы в Россию и харбинский Христианский Союз молодых людей.

По всей Маньчжурии проводились «Дни медикаментов», кампании «Дети — детям», в ходе которых русские школьницы из Китая шили и посылали белье и платья своим сверстницам в России, прочие сборы. Газета «Заря» опубликовала на своих страницах «Воззвание к хозяйкам», в котором призывала тех собирать и сушить остающиеся у них ку-

ски хлеба. Молодежь, женские организации устраивали спектакли, вечера, балы, сбор с которых целиком поступал в пользу голодающих. Только от одного такого благотворительного бала в Железнодорожном собрании чистый сбор составил 29 тыс. золотых рублей, что позволило отправить в Россию вагон продовольствия. В этом же направлении работала и специальная Театральная секция Общественного комитета.

В начале октября 1921 г. в Россию был направлен его первый продовольственный маршрут: 30 вагонов, из них 15 вагонов пшеницы, 10 вагонов крупчатки, 1 вагон какао и 4 вагона смешанного груза — чай сахар, мануфактура, обувь, одежда, белье, 36 пудов медикаментов и т.п. В целом же комитет послал из Маньчжурии в Поволжье 14 таких продовольственных поездов.

Международный комитет собрал в 1921 г. пожертвований на сумму около 12 тыс. золотых рублей. Комитет организовал в г. Маньчжурия отдел местной помощи тем голодающим, которым удалось добраться сюда из России. Их было немного, но они ежедневно получали обед и жили в бараках, рассчитанных на 200 чел. Содержались за счет комитета и 50 детей из голодающих районов.

Железнодорожный комитет направил свой первый продовольственный эшелон в Россию 22 января 1922 г. Поезд ушел с главного пассажирского пути Центрального вокзала. Его провожала громадная толпа, но ни речей, ни музыки не было. Из представителей дороги присутствовали Пушкирев, Рихтер, Сентянин. На вагонах были надписи Железнодорожного комитета, а на некоторых — названия фирм, сделавших наиболее крупные пожертвования (А/О Сунгарийских мельниц (10 вагонов муки), фирмы Касаткина и других, в том числе и китайских). Всего железнодорожники Китайской Восточной железной дороги направили в Россию, по неполным данным, 5 продовольственных маршрутов, 2 «врачебно-питательных» поезда и 1 специальный тракторный.

Первый «Врачебно-питательный поезд имени служащих, мастеровых и рабочих КВЖД» был отправлен 31 мая. Он состоял из 16 классных вагонов и 10 вагонов с продовольствием и медикаментами; в его состав входили также 4 вагона-кухни. В других находились амбулатория, аптека и койки для больных. Штат поезда составляли 25 чел., в том числе 2 врача, 3 фельдшера, 8 сестер милосердия, 8 санитаров, прислуга. С поездом уехали на работу в голодающие районы Поволжья жены двух вид-

ных харбинских железнодорожников — Елизавета Алексеевна Вуич и г-жа Теснер (имя и отчество ее установить не удалось).

В переполненном зале 1-го класса вокзала был отслужен молебен. Митрополит Харбинский и Маньчжурский Мефодий произнес прочувствованную речь о значении этого акта милосердия для голодающих.

Поезд начал свою работу с июля 1922 г., имея запасы на 3 месяца для пропитания 4 тыс. чел. ежедневно. Большую помощь оказали печи, построенные в Харбине (вагоны-пекарни). Рассчитанные на выпечку 50 пудов хлеба, они довели эту выпечку до 112 пудов в сутки. Обед выдавался в 2–4 часа ночи. Поезд открыл свой детский дом с собственным изолятором, баней. Питание детей (молоко, какао, шоколад) было лучше, чем у персонала поезда. Амбулатория этого маршрута принимала до 80 больных в сутки.

С мест в Харбин стали поступать письма с благодарностью за проявленное сочувствие, за помощь, за спасение жизни. Я уже приводил их («Российская эмиграция в Китае», с. 180), но одно все же повторю (орфография письма сохранена):

«Дорогие спасители душ наших.

Великая вам благодарность за спасение. Души наши шагали последние шаги к близкой смерти. Как вас благодарить — Бог знает.

Дай вам Бог многое лето за спасение ваше и за ваш великолепный подарок. Через вашу великую милость люди пошли на работу, начинают забывать свою погибель. За тем извините нас темных и непрозрачных людей. Мы не знаем как вас благодарить. Спасибо, спасибо, спасибо. Будьте здоровы.

председатель Мишкинского волостного
исполнительного комитета /подпись/».

В июне на станцию Мишкино Омской ж.д. пришел и начал работать «Тракторный поезд имени служащих КВЖД» со своим специальным тракторным отрядом. Начальником поезда был Василий Евграфович Сентянин.

В.Е.Сентянин — старожил Харбина и старослужащий КВЖД, начальник Пенсионного отдела дороги, много сделавший для разрешения жгучего для железнодорожников вопроса о выплате уволившимся т.н. заштатных денег (пенсий). Во время кампании помощи голодающим советской России — товарищ председателя Железнодорожного комитета. Отчим крупного русского дальневосточного поэта Валерия Перелешина.

Поезд привез в Мишкино не только тракторы — новинку для сельскохозяйственной глубинки России в 20-х годах, но и большое количество продовольствия. Проработал он здесь все лето и осень (июнь—ноябрь 1922 г.).

Мишкино — на окраине Челябинской области. По какому-то удивительному совпадению мы с семьей, в составе немалого числа других целинников из Маньчжурии и Шанхая, попали по репатриации именно в эту область и проработали здесь тоже лето и осень, но 1955 года...

Но в то время, конечно, я не только не знал, но и не мог себе представить, что 33 года назад здесь, в глубине России, самоотверженно трудились представители родной КВЖД, да еще из Харбина!..

Картину того, что делал здесь поезд и м е н и служащих КВЖД в 20-х годах, я могу привести по информации харбинской прессы того времени.

«Заря» писала:

«В витрине Железнодорожного комитета помощи голодающим, выставленной в вестибюле Управления дороги, появились новые снимки голодных районов России. Снимки изображают картины работ тракторного отряда. Трудно себе представить, во что могли превратиться когда-то плодородные поля. Они сплошь густо заросли полынью, часто выше роста человека. Обработать эти дикие поля под силу только трактору, а не замученным лошадям и людям голодных районов.

На снимке видно, как трактор пробивается через полынные русские джунгли. Посмотреть спереди — трактора почти не видно, он до верха закрыт буйной зарослью — виден лишь один машинист, возвышающийся над машиной.

Зато где прошел трактор, остаются глубоко вспаханные и проборонованные поля. Об условиях работы дает представление целый ряд снимков.

На одном — трактор пробивается через полынь, как танк через проволочные заграждения. На другом — их несколько, один за другим, уступами, идут они, взрыхляя целину... Одни большие, сильные, с производительностью 7 десятин за 10-часовой рабочий день.

Другие — гномы, поднимающие за то же время две с половиной десятины.

Вот сельский комитет, занятый разрезыванием “поднятой” трактором пахоты безлошадным крестьянам. Вот целая гурьба ребят, забрав-

шихся на идущие за трактором бороны. Оборванная одежда, исхудавшие лица и фигуры, но лица радостны, и в глазах счастье и надежда.

Тракторы Китайской дороги делают в России большое дело, и присланные в Харбин снимки — лучшие тому свидетельства».

В 1923 г. все направления оказываемой помощи были продолжены и дополнялись уже другими не менее важными для России работами и проектами.

Подытоживать сказанное выше трудно, да и нужно ли?

Факты говорят сами за себя. Но все же скажу.

Это краткая, очень краткая, история деятельности в Китае созданных эмигрантами комитетов помощи голодающим на Родине, которая совсем недавно обошлась с ними столь жестоким образом. И это, безусловно, славные страницы истории дальневосточной русской эмиграции.

Эмиграция свято чтит старые российские традиции, одной из которых было сохранение памяти о родных усопших, забота о своих кладбищах. В Харбине их было три, и, конечно, каждый город Маньчжурии, каждая станция дороги имели свое.

Об одном из харбинских кладбищ — Старом — я уже рассказал в первой книге. Другое — Военное — находилось в Госпитальном городке.

Госпитальный городок был заложен в годы русско-японской войны. Ранее здесь располагались только путевая полуказарма и здание Дровяного разъезда.

Были разбиты улицы: Корпусная (со Свято-Иверским храмом), Траншейная, Сигнальная и Штурмовая, по которой тянулись дома КВЖД, в одном из них размещалась Психиатрическая больница доктора К.С. Фиалковского; в начале улицы стоял скромный памятник расстрелянным в 1904 г. в Харбине японским разведчикам Ч. Екогу и Т. Оку.

Константин Станиславович Фиалковский был известным в городе врачом-психиатром. Окончил медицинский факультет Киевского университета. Работал в Томской психиатрической больнице; в Маньчжурию приехал в период русско-японской войны. В 1909–1911 гг. принимал активное участие в борьбе с эпидемией легочной чумы в Харбине и Мукдене. Был приглашен в Центральную железнодорожную больни-

цу КВЖД в качестве заведующего психиатрическим отделением в Госпитальном городке, где проработал много лет, завоевав себе глубокое уважение со стороны коллег и местного населения. Больница имела мужское и детское отделения; больных лечили передовыми для того времени методами, в том числе — трудотерапией (рукоделие, вышивание, мелкие поделки). Управляющий КВЖД Б.В.Остроумов, посещавший с осмотром больницу, неоднократно благодарил Фиалковского за отличное ведение дела.

К.С.Фиалковский — крупный общественный деятель Харбина.

Св.-Иверская церковь была построена в Госпитальном городке в 1906 г. по инициативе и на средства капитана Отдельного корпуса Заамурской пограничной Стражи и бывшего военного коменданта Харбина Ф.И.Курмея. Но в 1922 г. она сгорела дотла со всей церковной утварью. Сохранилась в неприкосновенности лишь большая икона Иверской Божией Матери. После пожара церковь помещалась в одном из домов КВЖД на Штурмовой улице.

Здесь, в Госпитальном городке, располагалось третье православное кладбище Харбина — Военное, где были погребены останки русских воинов, скончавшихся от ран и болезней во время кампании 1904–1905 годов и позднее, хоронили умерших жителей Госпитального городка. В русско-японскую войну здесь, на глухой южной окраине Харбина, находились 9-й и 15-й военные сводные госпитали Российской армии, давшие этому району города его название. В ту пору кладбище занимало большую площадь — около 5 десятин, но в последующем постепенно урезалось, так как его территория захватывалась местным китайским населением под огороды. Часть кладбища отошла под дорогу, которая прошла из Старого Харбина на Интендантский разъезд, пересекая Корпусной и Саманный городки.

Данные, находившиеся в свое время в Св.-Иверской церкви Госпитального городка, свидетельствуют, что на кладбище были братские могилы и 3755 могил русских воинов, чинов Охранной стражи и жителей Госпитального городка — русских и китайцев (700 китайских могил). На некоторых могилах стояли памятники. На кладбище была часовня, разрушившаяся со временем; вокруг сооружена ограда.

По окончании войны госпитали закончили свою работу, и кладбище

перешло в ведение Заамурского округа, который и осуществлял над ним попечение. В 1920 г. порядок этот изменился. Заамурский округ был расформирован, кладбище поступило под наблюдение КВЖД. Дорога приняла на себя его содержание, наняла сторожа; кладбище оставалось ухоженным и благоустроенным.

Конец 1924 г. вносит изменения в систему его управления. Дорога под лозунгом пресловутого «паритета» переходит под фактический советский контроль, и новый ее управляющий — А. Н. Иванов признал содержание русского Военного кладбища за счет дороги совершенно излишним. Кладбище перешло в ведение Харбинского Епархиального управления и из-за недостатка у того средств постепенно приходило в запустение.

Известный перелом в судьбе кладбища наступил в 1935 г. 22 сентября епископом Ювеналием здесь впервые было совершено торжественное поминовение архиерейским служением покоящихся на кладбище русских воинов и жителей Госпитального городка. После литургии в храме городка сюда пришел крестный ход и была отслужена панихида.

Я хорошо знал пустынное, тихое, утопавшее в густой зелени Военное кладбище Госпитального городка и помню его до сих пор. Около него в глубоком прохладном глинистом ущелье протекала Модяговка; находился один из «фортов», сооруженных в 1900 г. для защиты Харбина от ихэтуаней, — четырехугольник из высоких насыпных глиняных стен со рвом перед ними, привлекавший тогда внимание мальчишек. Я часто бродил по этому, всегда производившему впечатление какой-то заброшенности, неухоженности, кладбищу. Может быть, это впечатление складывалось из-за какой-то особой тишины, сохранявшейся здесь, безлюдности, густой зелени? На Военном кладбище в 40-х годах мы, лицеисты, и другие школьники Харбина, постоянно проводили т.н. жертвенные работы по очистке территории и приведению ее в порядок...

Третье кладбище — Новое, или Успенское, — располагалось в конце Большого проспекта, на краю новгородней возвышенности. Это кладбище было самым большим и имело строгую планировку. От его решетчатых ворот, над которыми входящих встречала церковно-славянская вязь изречения из Священного Писания — «Веруяй в Мя, аще и умрет, оживет», вела широкая уходящая вглубь главная аллея, обрамленная с обеих сторон высокими тенистыми деревьями, с аркой-колокольней на ней, за которой далее стояла церковь Успения Пресвятой Богороди-

цы. Отходящие от главной под прямым углом боковые аллеи тоже утонули в зелени. Новое кладбище было похоже на громадный сад.

Православная церковь поминает усопших шесть раз в год. Но наиболее значимый и торжественный день поминовения — это, конечно, Радоница.

Проходит Пасхальная неделя, и первый вторник после нее — как раз этот день.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что самой оживленной и многолюдной была Радоница на Новом кладбище. В этот день сюда со всего города стекались тысячи православных харбинцев, чтобы навестить родные могилки, помянуть как положено по-русски своих дорогих умерших.

Трудно написать о том, как проходила здесь Радоница, лучше, чем это сделала Ольга Чемодакова в своей статье в «Политехнике» № 10, с. 146–147.

Действительно, все было именно так. В этот день весь Харбин был у родных могил. «Весь транспорт, который только существовал в городе, был широко использован от раннего утра и до наступающих сумерек... Из переполненных трамваев виднелись целые семьи людей; ребята выглядывали из окон; сидячие и стоячие пассажиры ехали с корзинками со всякой снедью, с узелочками и узелками. А в них — и цветочки, и освященные вербочки, и куличи, и крашеные яйца — покрошить на могилках и раздать нищим “на помин души”. И всякая снедь для себя — ведь едут-то надолго, — посидеть, отдохнуть на скамеечках у могил и просто на траве, закусить и даже выпить».

Ряды китайцев-торговцев на подходах к кладбищу шумно предлагают цветы: искусственные, живые — срезанные и в горшочках, веночки, напитки и сладости.

«Священники, служащие панихиды на могилках; несущиеся со всех сторон их возгласы: “Христос Воскресе из мертвых”, “Смертию смерть поправ”, “Вечная память...”, ветер приносит дымок ладана... Пряный запах черемухи и какой-то остро пахнувшей травы перемешивается с дымом ладана, а возгласы детей и окрики взрослых — с пением пасхальных молитв на могилах». Наполненное этими звуками и запахами, кладбище как будто оживает...

А там, за противоположной от входа его стороной, через улицу, располагались такие же тенистые и ухоженные католическое, лютеран-

ское, мусульманское и еврейское кладбища. Но там сегодня — обычная тишина и покой.

К вечеру на большой поляне служилась Вселенская панихида.

Еще большее оживление царило здесь в те годы, когда православная Радоница совпадала с китайским праздником поминовения усопших в соседнем с Новым кладбищем китайском монастыре Цзилэсы.

В этот день сюда отправляются, — писала газета «Время», — десятки тысяч китайцев. Возле храма сооружаются многочисленные циновочные балаганы, цирки, киоски и рестораны, представляющие собой отделения харбинских и фуцзяньских ресторанов; все это открывается около храма только на время торжественного празднования и поминовения духов усопших родственников и предков.

Оживление наступает задолго до торжественного часа. Принимаются решительные меры по регулировке движения, которое осложняется телегами крестьян, прибывающих на праздник из окрестных деревень. Вокруг храма вырастает огромный базар и целая улочка этих походных ресторанов, пользующихся огромной популярностью. Циновочные стены всех заведений оказываются в конце празднества почти сплошь обклеенными квадратиками ритуальной желтой бумаги, с соответствующими изречениями, которую поминающие специально покупают для своих целей.

Картина этого праздника, которую я видел всего один раз, была колоритнейшая и запомнилась на всю жизнь...

Однако пора вернуться к рассказу о том, что еще происходило в это время в полосе отчуждения КВЖД, к Харбину в канун его юбилея и к рассказу моего отца о студенческих годах, в частности, об учебном процессе в Харбинском политехническом институте.

Отец — выпускник ХПИ 1925 года, а в 1951–1955 гг. — заведующий кафедрой начертательной геометрии и графики института — так вспоминает о годах своей учебы:

«В 1921 г. после окончания Харбинского Коммерческого училища я, с группой абитуриентов, с которыми я раньше не был знаком (они были из разных городов России), поступил на второй курс Дорожно-строительного отделения Русско-китайского техникума в г. Харбине.

Среди поступивших были: Володя Яценко-Хмелевский, Леон Буда-

гиан, Миша и Сережа Покровские. Со всеми у меня создались отличные отношения, но полностью моими друзьями стали М. и С. Покровские. Дружба эта сохранилась и до сих пор, хотя я и они живем на разных континентах. Все мои новые товарищи принимали то или иное участие в гражданской войне и поэтому 2–3 года были для них потеряны в отношении учебы. Так что я оказался самым младшим в группе.

При открытии техникума уже имелась перспектива создания Политехнического института. Это и осуществилось 2 апреля 1922 г.

Для Дорожно-строительного отделения заранее была предусмотрена программа Петербургского института инженеров путей сообщения. Естественно поэтому, что после учреждения института программа курсов III и IV была значительно перегружена, что было необходимо для возможности выполнения полной программы института путей сообщения.

С самого начала была принята курсовая система, а не зачетная. Она состояла в том, что в течение учебного года проводились три обязательных так называемых репетиции и четвертым был экзамен при окончании учебного года. На репетициях проверялись знания студентов за прошедший период учебы. Оценки знаний на репетициях имели большое значение при определении годового балла. Совершенно очевидно, что такая система заставляла студента работать добросовестно и укрепляла его знания по дисциплинам.

С гордостью поэтому можно отметить успехи инженеров нашего института в их практической деятельности — почти всегда и везде отмечалась работоспособность и эрудиция наших инженеров.

Итак, после вступления в число студентов мы начали наше знакомство с профессорско-преподавательским составом.

Алексей Алексеевич Щелков — директор техникума, а затем и института — энергичный мужчина и отличный преподаватель, он увлек нас геодезией и с самого начала покориł следующими словами, сказанными с большой экспрессией: “Наша цель — дать вам полные и прочные знания по всем дисциплинам! С вашей помощью это будет достигнуто, и вы в будущем убедитесь в этом! Твердые знания, которые вы приобретете, любого вашего противника уложат на обе лопатки!”

Помощником директора по учебной части и начальником учебных механических мастерских был инженер Савельев. Производил очень

благоприятное впечатление своей интеллигентностью. Он же читал “Технологию дерева и металла”.

Инженер Владимир Оскарович Фрейберг (его имя находилось и, вероятно, находится на золотой доске Института инженеров путей сообщения имени Александра I) читал нам дифференциальное исчисление. Математика вообще давалась мне легко, так было и с дифференциальным исчислением, тем более, что основы его мы проходили в Коммерческом училище.

В дальнейшем “Интегралы” нам читал профессор Федор Николаевич Индриксон. Для меня было большим удовольствием решать интегралы всякими способами. Сохранились у меня решения 110 интегралов. Сохранились также (еще от Коммерческого училища) решения всех геометрических задач по планиметрии и стереометрии по задачникам Рыбкина.

Инженер Георгий Антонович Падувани читал нам “Обыкновенные дороги”.

Инженер Сергей Николаевич Дружинин преподавал “Рисование”. Он закончил институт в Дармштадте в Германии. С ним мне пришлось повстречаться еще раз в 1938 году в фирме “Лотар Маркс” в Мукдене (в теперешнем Шэньяне). Обстоятельства сложились так, что после смерти главного инженера фирмы В.Паличека я, будучи производителем работ фирмы в Синьцзине (Чанчуне), был вызван в Мукден для временной замены Паличека.

Нужны были технические расчеты и сметы на новые работы, а это лежало на обязанностях главного инженера. К Марксу приехали несколько инженеров, и в их числе инженер Дружинин, претендующие на должность главного инженера. Вскоре из всех приехавших остался только Дружинин, и мои сослуживцы по фирме считали, что он и будет главным инженером, причем говорили мне: “Эх, Василий Георгиевич, ничего вы не предприняли, чтобы остаться главным инженером!” На эти упреки я резонно отвечал: “А что мне следовало делать? Пойти к Марксу и сказать — “назначьте меня”?! Нужно сказать, что все происходившее меня не очень волновало. Да и оно скоро закончилось: Дружинин уехал, а Маркс назначил меня. В этой должности я пробыл до конца 1941 г. — до момента закрытия фирмы, просуществовавшей в Китае 35 лет.

Инженер Юрий Осипович Григорович (профессор с 1946 г.) — после сообщения нам “Норм проектирования искусственных сооружений” руководил проектированием нашей первой “настоящей”, как мы гово-

рили, технической работы — железнодорожной мостовой балки со сплошной стенкой.

Павел Фаддеевич Козловский — декан Дорожно-строительного отделения, учил нас изысканиям и постройке железных дорог.

Павел Николаевич Радищев — наш кумир, образец изумительной манеры передать все сложное очень просто и наглядно.

Вначале с ним изучали начертательную геометрию. Его способ изложения этой, как будто и простой, но основанной на абсолютном понимании, науки, остался со мной навсегда! И в будущем, когда через 25 лет, в 1951 г., я был организатором и первым заведующим Кафедрой начертательной геометрии и графики в Харбинском политехническом институте, я целиком воспринял “радищевскую” манеру изложения этой науки — и очень удачно!

В дальнейшем П.Н. читал нам статику сооружений и мосты. Читал великолепно!

Его эрудиция изумляла! Как-то мы, не найдя нужного нам ответа ни у Патона, ни у Передерия, обратились к Ю.О. Григоровичу. Он тоже не смог удовлетворить нашу любознательность и сказал: “Поговорите с Павлом Николаевичем — если и он не знает, то уж никто не знает!” П.Н. — знал!

Как-то в одном из примеров расчета мостов М.Покровский и я не могли расшифровать фигурирующие там “4 сантиметра”. Пошли к П.Н. Выслушав нас, он сказал: “Это очень просто!” И буквально за полминуты словами и своими выразительными руками объяснил, в чем дело. Мне и Мише оставалось только изумленно переглянуться.

Профессор был страстным меломаном, часто посещал харбинскую русскую оперу, сам недурно играл на балалайке. Вспоминается такой эпизод. Однажды в перерыве между парными лекциями мы задержали П.Н. своими вопросами, а потом под впечатлением увиденной вчера “Аиды” с участием нашей любимицы Марии Васильевны Теодориди и зная, что П.Н. любит музыку, поделились с ним своими восторгами. “Да, — сказал П.Н., — голос у нее великолепный, но так трудно видеть ее Аидой, ведь она все же — вот”, и он руками изобразил что-то кубическое! А мы, как-то никогда не обращавшие внимания на фигуру Марии Васильевны и только восторгавшиеся ее сильнейшим и красивейшим драматическим сопрано, вдруг поняли, что М.В., действительно,

как говорят, “кругом шестнадцать”! Но это открытие нисколько не изменило нашего отношения к М.В.

Инженер Митрофан Павлович Извеков читал нам “Паровые машины” и “Паровозы”. Читал интересно, но нам, строителям, “эта механика” казалась такой далекой!

Профессор Семен Николаевич Петров разъяснял нам все таинства знаменитого и такого важного инженеру предмета, как “Сопромат”! И разъяснял просто отлично!

Пришлось опять заниматься химией, только в значительно большем объеме, чем это было в средней школе! Чтобы знать химию, ее нужно было полюбить хотя бы на время! И как это было трудно, несмотря на то, что наш лектор доцент Григорий Александрович Житов делал для этого все! И делал блестяще!

Инженер Михаил Дмитриевич Глебов читал нам “Орошение и осушение”. Изложение было очень интересным и новым в то время, а мы интуитивно чувствовали огромную и блестящую будущность этой науки.

Владимир Андреевич Барри (профессор в 1946 г.) — первый в России “железобетонщик”. Он научил, в частности, меня не только “понимать” железобетон, но и навсегда полюбить его, относиться к нему как к живому существу! Интуитивно чувствовать многое, с ним связанное.

Николай Капитонович Пафнутьев знакомил нас с “Детальями машин”. Это был специалист высочайшего класса! Мы признавали это, но предметом не восторгались.

Владимир Николаевич Флеров, милейший человек, читал нам “Элеваторы и канатные дороги”. Интересной особенностью его лекций было: при указании размеров чего-нибудь он обязательно прикидывал этот размер соответствующим расстоянием между своими руками, говоря, например: “Ну, скажем, 30 сантиметров”, — при этом всегда старался быть, в этом наглядном изображении длины, очень точным!

Леонид Александрович Устругов очень хорошо посвящал нас в сложное железнодорожное дело, читая курс “Железные дороги”. Бывший Начальник департамента казенных железных дорог до революции, он после революции был министром путей сообщения в Сибирском правительстве. Его называли “Энциклопедией железных дорог”, и я считаю это вполне оправданным. Мы, студенты, между собой называли его

“в отношении длины” потому, что это выражение у него, как у других “так сказать”, почему-то употреблялось им по самым разным поводам!

Читая нам раздел “Расчет верхнего строения железнодорожного полотна”, он избрал систему расчета, где силы снабжались самыми разнообразными индексами, например, “Р” с комой (с запятой), “М” с двумя комами и т.д. Это затемняло общую картину и усложняло понимание. В перерыве между парными лекциями мы, несколько студентов, начали сравнивать только что прочитанную часть расчета с таким же расчетом, прочитанным нам по “Статике” П.Н.Радищевым. Там, как всегда, все было просто (!) и понятно. Л.А., остававшийся в аудитории, подошел к нам и заинтересовался методом расчета “по Радищеву”. Он просматривал расчет минут 10–15 после начала уже следующей лекции, а потом сказал: “Метод расчета очень интересен, не буду возражать, если он будет применяться в ваших ответах”.

Леонид Александрович неоднократно говорил нам, что мы, русские, слабо представляем себе отрезки времени (часов) и плохо используем время! Рассказал о случае с ним во Франции, который заставил его чуть ли не впервые задуматься о времени всерьез. “Приехав на вокзал, почти (как мне казалось!) к самому отходу поезда, я очень волновался и торопил моего носильщика. Тот удивленно взглянул на меня и сказал: “Мсье, ведь до отхода поезда еще две минуты!”

Репатрировался после продажи КВЖД в 1935 г. в СССР, был необоснованно репрессирован в 1937 г. и погиб в лагере.

Сергей Александрович Савин (профессор с 1946 г.) прочитал нам большой и великолепный курс “Аналитической геометрии”. Он обычно начинал лекцию, едва прикрыв за собой дверь в аудиторию. И дальше все 45 минут — только формулы, без каких-либо посторонних отвлечений, и после перерыва опять такие же 45 минут! Во время лекции задумываться над материалом не было времени, поэтому совершенно необходимо было разбираться с материалом в ближайшее же время после лекции.

До преподавательской деятельности С.А. был исполняющим обязанности Управляющего Амурской ж.д. и строителем знаменитого железнодорожного моста через реку Амур. Симпатичнейший и образованнейший человек, он, по непонятной странности, говорил вместо “теперь” — “тетерь”. Ну, и это, конечно, было поводом различных шуток среди студентов!

Николай Семенович Кислицын основательно знакомил нас с “Водяными сообщениями” и “Портовыми сооружениями”. Лекции привлекали внимание новизной и необычностью материала. Мне, в частности, эти науки пригодились в 1948 г., когда в Проектной конторе Китайско-Чанчуньской ж.д. пришлось разрабатывать защитные меры против бушующей иногда р. Сунгари около Харбина.

Если мы иногда просили Н.С. рассказать что-нибудь из его богатой в прошлом деятельности, он обычно начинал: “Когда я был молодым...”

Дмитрий Александрович Борейко — до революции начальник Гатчинской авиационной школы — читал нам “Основания и фундаменты”. На Электромеханическом отделении он читал теоретическую механику и неоднократно, как передавали нам студенты, говорил, что мы (т.е. строители) не знаем теоретической механики, которую нам читал профессор Н.М.Обухов, и что он, Д.А., докажет это. Зная его как интересного лектора, оживлявшего лекции юмористическими вставками, мы не придавали значения этим разговорам. Но в действительности, на экзамене эти “угрозы” были им применены! Причем, как мне кажется, даже не “со зла”, а просто из желания порисоваться и показать “вот, дескать, я какой!”

На экзамене Н.М.Обухов был экзаменатором, а П.Н.Радищев и Д.А.Борейко — ассистенты. Между прочим, мы знали, что П.Н.Радищев не любит Д.А.Борейко. На вопрос “Кто желает отвечать?”, как это часто бывало, вышли братья М. и С.Покровские и я. Нами в этих случаях всегда руководило желание ответить как можно раньше, покуда свежа голова и бодрое настроение. Подготовившийся к ответу М.Покровский получил у Н.М. “5”, у П.Н. тоже “5”, а попав на ответ к Д.А.Борейко, получает “2”!

То же точно повторяется и со мной! Расстроенный этой абсолютно несправедливой неожиданностью, я, как говорили потом студенты, “пошел красными пятнами”. Я заметил полнейшее недоумение корректнейшего Н.М.Обухова и изумление П.Н.Радищева!

Это придало мне смелости (“мое дело правое!”), и я, встав, обратился к Н.М.Обухову: “Господин профессор, я считаю оценку инженера Борейко совершенно несправедливой и предвзятой и прошу о совместной проверке моих ответов инженеру Борейко!”

Д.А.Борейко при моих словах картинно поднял одну бровь,

Н. М. Обухов как-то облегченно заволновался и, идя ко мне со стаканом воды, говорил: “Пожалуйста, успокойтесь, вот, выпейте воды!” П. Н. Радищев удовлетворенно усмехнулся и повел своими мощными плечами!

Тут же, после краткого совещания, П. Н. пошел с оценками к директору института, а Н. М. продолжил экзамен. Минут через 10 П. Н. вернулся, и было объявлено, что М. Покровский и я получают среднюю экзаменационную оценку — “4 1/2”. Мы ушли, а дальше все шло как “по маслу” — Д. А. Борейко никому не ставил меньше “4”.

Когда, почти 16 лет спустя, я работал главным инженером в фирме “Лотар Маркс”, а Д. А. был принят на работу в конструкторский отдел фирмы, я напомнил (конечно, беззлобно!) ему этот случай, но он сказал, что не помнит его!

Федор Федорович Ильин — инженер-архитектор, в сферу его педагогической деятельности входили важные для нас, строителей, дисциплины: Строительное искусство, Архитектура, Архитектурные формы, Отопление и вентиляция, Водоснабжение и канализация. Перечень этих дисциплин показывает, какая ответственность возлагалась на Ф. Ф., и говорит о его работоспособности. И действительно, курсы читал он четко, чертил на доске просто мастерски, но создал какую-то невидимую границу в отношениях со студентами, я сказал бы, лишённую сердечности и простоты. Студенты уважали его, но не очень любили и в разговорах между собой называли “Фе-фа”. Когда он курил, например, обращаться к нему с вопросами было бесполезно, на обращение следовал краткий ответ — “Я занят”. Он был очень требователен к студентам, но его требования были справедливы. И вот с ним у меня с первых же шагов сложились “натянутые” отношения. Дело было в том, что на практических занятиях по строительному искусству Ф. Ф. требовал, чтобы задания выполнялись тут же — в аудитории. Я же снимал эскиз по заданию и чистовое вычерчивание делал дома. Конечно, это было не очень умно, я не экономил время, но я считал, что дома я могу выполнить работу аккуратно и чисто! Так я и продолжал не выполнять требования Ф. Ф., хотя студенты и говорили мне, что Ф. Ф. припомнит мне это! Первый “укол” я получил, когда мы перешли к более сложным заданиям по строительному искусству, — мое задание было “Запроектировать общественную уборную на 6 очков”. Все студенты хохотали, а я почувствовал себя не очень уютно! Стало ясно, что на экзамене мне будет “жарко”. И действительно, на экзамене Ф. Ф. спрашивал меня пол-

ный час и “выжал из меня все соки”. Получил я “4” и решил, что больше “умничать” не буду. Потом, когда сдавалась “Архитектура”, отношения у нас были уже более или менее нормальные, и хотя Ф.Ф. “гонял” меня по всему курсу, все же поставил “5”.

“Торговлю Дальнего Востока” и “Политическую экономию” преподавал Коробов. Организацию счетоводства и промышленности — Якубов. Английский язык — Здыб.

О преподавателях остается сказать немного, поэтому отмечу несколько случаев из студенческой жизни.

К началу третьего курса у нас прибавились три студента: Петя Щелков (сын директор института), Борис Дистерло и Вася Агуров. Теперь с нами и “новичками” образовалась группа в 8 человек, а всего на курсе стало 16 чел. Вновь поступившие оказались отличными парнями! Правда, Вася Агуров, будучи в свое время студентом Института путей сообщения в Петрограде, после поступления к нам вначале “фасонил”. Но это прошло после того, как на первой же репетиции по “Статике сооружений” П.Н.Радищев, “раскусивший” Васю, сказал ему: “Да, это Вы плохо представляете себе!” И поставил ему двойку! В будущем наша группа в 8 чел. оказалась как бы “ударной”.

Теперь хочется особо поговорить об ученом, профессоре Николае Михайловиче Обухове. По образованию он был: инженером-механиком, инженером-гидравликом, инженером-электриком! — окончил три института! Вскоре после приезда из России он был назначен деканом Электромеханического отделения. У нас читал: Теоретическую механику, Гидравлику и гидравлические двигатели, Электротехнику слабых и сильных токов. Блестяще эрудированный лектор!

Вне стен института мне пришлось слушать его лекцию о р. Ангаре, в исследовании которой он принимал непосредственное участие. Лекция была в 1922 году, и теперь нужно просто поражаться всем данным и особенно его прогнозам о будущем этой реки! Тогда же все было просто откровением!

Деликатный и обаятельный человек — таким он остался в нашей памяти!

Хочется отметить его особую роль в одном случае. Я говорил уже о том, что в связи с преобразованием техникума в институт третий курс и особенно четвертый весной 1924 г. оказались сильно перегруженными.

На IV курсе намечены были следующие курсовые работы: расчеты и проектирование сквозной металлической фермы, деревянной фермы Гау, железобетонного железнодорожного моста, набережной на свайном основании, вычерчивание классических архитектурных ордеров, расчет кольцевой распределительной сети части города (водоснабжение), краткие расчеты водяного и парового отопления и центральной вентиляции, эскизные проекты каменной и земляной плотины и расчет шлюзных ворот (Водяные сообщения).

Мои друзья, Миша и Сережа Покровские, и я начали планомерное выполнение курсовых работ с самого начала учебного года — с расчета сквозной фермы, попутно работая и над другими проектами. Работали напряженно, и к концу февраля у нас выполнено было многое. Другие же ребята начал раскочку только после Нового года и поэтому оказались в очень затруднительном положении.

Наш курсовой староста Володя Яценко-Хмелевский сказал нам, что так как курс не может справиться со всеми работами, то решено обратиться в деканат с просьбой об отмене части курсовых работ. Мы трое ответили, что будем протестовать против отмены работ, так как считаем, что в институте нужно получать максимум всяких знаний. Заявление в деканат все же было сделано, и декан П.Ф. Козловский начал тщательную проверку степени выполнения работ — для доклада Академическому совету института.

И вот что сказал нам после заседания совета Петя Щелков (как я уже говорил, сын директора института), славный и замечательно толковый парень, но с небольшой ленцой: “Батяка рассказал мне, что было на совете. После доклада П.Ф. и обсуждений, когда большинство склонялось к тому, чтобы отменить часть работ, Н.М.Обухов (декан Электромеханического факультета) спросил: “А сколько сделано у студентов Покровских и Мелихова?”

П.Ф. ответил, что 75% (у других было 15–25%). На это Н.М. сказал: “Я бываю три раза в неделю в опере и постоянно вижу там этих студентов. Если другие студенты танцевали в это время, то и они могли выполнить задания. Я считаю, что никаких поблажек не должно быть!” Мнение Н.М. оказалось решающим...

Через день приказ по институту объявил, что все работы IV курса должны быть выполнены к 15 апреля. Не выполнившие не будут допущены к курсовым экзаменам (т.е. оставлены на “второй год”). Ребята

дневали и ночевали в институте, а все задания выполнили! Все обошлось благополучно. Нужно сказать, что наша, сама по себе сложившаяся группа в восемь студентов успешно сдала и курсовые работы, и экзамены».

Это, конечно, лишь краткие выписки из воспоминаний моего отца, посвященных его юности и учебе в ХПИ, который он окончил всего 22 лет от роду. Однако и они, вполне объективно, рисуют русскую профессуру, стоявшую 80 лет тому назад у истоков сегодняшнего Харбинского технологического института, как цвет русской интеллигенции, как высокообразованных, добросовестно относившихся к своему нелегкому труду людей, людей всесторонне развитых, не чуждых литературе и искусству. Самое же главное, на мой взгляд, это то, что они высоко несли за рубежом знамя передовой русской технической мысли, заложили славные традиции Харбинского политехнического института и других вузов Китая и внесли тем самым свой вклад в русско-китайское и советско-китайское сотрудничество. Забывать об этом — недостойно.

Но посетивший институт в 2000 году — в год его 80-летия — наш соотечественник, тоже выпускник ХПИ, Петр Зверев с горечью отмечает в своем отчете, что «остался на душе осадок: ни в одном выступлении не была отмечена роль и инициатива по созданию ХПИ виднейших представителей России» (см.: *Зверев П.* 80-летний юбилей ХПИ // НСМ, июнь 2000, № 76, с. 2). То же относится, замечу, до сих пор и к экспозиции Музея ХПИ, который я посетил еще в 1990 г.

Русскими, китайскими и японскими историками должна быть написана правдивая книга «Харбинский политехнический институт». Это должна быть и объективная книга. Китайская народная мудрость говорит: «Когда пьешь воду, не забывай об источнике!» Нельзя, стыдно для сегодняшней китайской администрации ХТИ «забывать», что прочная основа этого высшего учебного заведения — сегодняшней славы Китая — была заложена в 1920 г. именно русской администрацией и русской профессурой. И преподавание в нем, пока эти профессора не подготовили себе китайскую смену, тоже добрых два десятка лет велось на русском языке, и только с 1954–1955 гг. перешло на китайский.

В 1937–1945 гг., когда институт находился в японских руках, он тоже не стоял на месте и развивался. Его окончили многие японские и ки-

тайские студенты. Вот почему сегодня на всех торжествах института японская делегация — самая большая.

Китайская поговорка гласит: «Ладонью не закрыть солнца!» Я надеюсь, что все это непременно будет со временем отражено в истории института и в его музее. Вот это было бы, действительно, настоящим памятником замечательному высшему техническому учебному заведению и его русским профессорам.

Ведь в первую очередь благодаря именно им все мы — и русские, и китайские, и японские инженеры — добились в жизни столь значительных успехов!

В своих разговорах с папой я не раз интересовался тем, как устраивались в Харбине иногородние ученики Харбинских коммерческих училищ, где он жил в годы учебы в училищах и Харбинском политехническом институте. Мне также очень хотелось узнать побольше о жителях Нового Города, которыми в большинстве были железнодорожники и с которыми он общался, об улицах этой интересной части города, о том, что на них было, где было и т.п.

Папа написал мне об этом и даже приложил к своему рассказу небольшой планчик. Я с удовольствием его изучал, совершая таким образом «путешествие» по любимому городу, и думаю, что этот материал тоже будет интересен и моим читателям.

«Напишу о том, у кого я жил в Харбине в студенческие годы, но и скажу, у кого пришлось пожить за время учебы в Харбине, — так начинает отец. — После неудачной попытки поступить в младший приготовительный класс ХКУ (а я “провалился” чуть ли не по всем предметам), было решено подготовить меня для поступления в первый класс этого училища. До поступления оставалось два года, и более года я подготавливался дома — в Бухэду, а последние полгода папа устроил меня на квартиру и “окончательную шлифовку” в семью Ивана Ивановича Хмирова, бывшего в то время помощником начальника Учебного отдела КВЖД — Н.В. Борзова.

Семья Хмировых состояла из 7 человек: И.И.Хмирова, его супруги (забыл ее имя и отчество), сына Жени, заканчивающего Коммерческое училище (1913 г.), Лариссы, ученицы 6-го класса, Лины —

4-го класса и Вали — 2-го класса. Младший сын Гога еще не учился в школе и готовился к поступлению в нее.

Это была прекрасная, дружная, благожелательная семья. Все хорошо относились ко мне, и просто по-матерински — Хмирова. Насколько она была внимательной, можно судить по следующему событию. Я приехал к Хмировым после Нового года в 1913 г. и месяца через три очень заскучал по дому — я ведь никуда так надолго не уезжал. Хуже начал учиться, помню, потихоньку плакал. Она, по-видимому, обо всем догадывалась и втайне от меня вызвала маму. Мама приехала неожиданно для меня, и какой радостью был для меня ее приезд! Все опять пошло хорошо и продолжалось и после отъезда мамы до наступления экзаменов. Если два года назад “провал” при поступлении в младший пригостительный меня несколько не взволновал, то теперь я, чувствуя себя хорошо подготовленным, “жаждал боя” и полон был решимости выдержать экзамены по меньшей мере на “4”.

Начались экзамены. После устного экзамена по русскому языку я спокойно ушел домой (квартира Хмировых находилась на углу Конторской и Сунгарийского проспекта — в трех минутах ходьбы от Коммерческого училища). Меня, конечно, сразу же спросили, какую оценку я получил? “Не знаю”. — “Но как ты отвечал?” — “Хорошо”, — ответил я совершенно спокойно! Кажется, Ларисса пошла узнавать результат, а вернувшись, сообщила, что я получил “5”. Так я уверенно и выдержал все экзамены на “пять”.

Но жить у Хмировых дольше не пришлось — И.И. получил высокое назначение в Россию, и осенью 1913 г. их в Харбине уже не было.

Учебу в I, II и III классах я провел, проживая у Никольских — Василия Павловича и Аполлинии Евграфовны. Их единственный сын Коля учился в Москве, и я жил вместе с одноклассником Володей Швецовым и китайцем У-ча (о нем я писал раньше). Квартира находилась на Малом переулке (между Конторской улицей и Правленской).

К осени 1916 г., когда выяснилось, что Володя со своим братом Женей будут жить у инженера Ф.К.Отт, то и я перешел жить туда же. Федор Кондратьевич (Конрадович) Отт был начальником депо г. Харбина. Его барская квартира из 7 комнат находилась на углу Таможенной улицы и Сунгарийского проспекта, напротив гостиницы “Гранд-отель”. Но прожил я с Володей и Женей вместе только год: они почему-то перешли (вернее, их родители переместили!) на другую квартиру, к доктору Мозалевскому. Я же один не решился остаться у Оттов, — мне было

бы скучно, а их сын был взрослым и не мог быть мне компанией. Так я и перешел к Фельзингам.

Фельзинги: Иван Иванович был бухгалтером (главным) Коммерческого училища, его супруга — Луиза Федоровна, дети: Лена (рождения 1901 г.), Коля (1903), Вольдемар (1905), Евгений (1907), Костя (1916). Вместе с ними жили: сестра И.И. — Анна Ивановна Керн и ее дочь Ольга (примерно 1898 г.).

В семье любили музыку: И.И. играл на концертино, Лена — на пианино, Коля — на концертино, пианино, виолончели, Ольга неплохо пела. Я хотя и был довольно музыкальным, но музыка у Фельзингов подхлестнула меня, и я с согласия папы начал учиться играть на пианино. Учился я три года, учился, конечно, как говорится, для себя, и достиг хороших успехов.

Прожил я у них с 1917 г. по 1921-й включительно и перешел на другую квартиру потому, что И.И. оставил службу и на заштатные построил дом в Славянском городке. А дом был невелик.

К этому времени Оля Керн получила квартиру из двух комнат на Кирпичной улице (в конце Большого проспекта, около виадука), и я прожил у них два года.

За эти годы Иван Иванович, Коля, Воля и Оля гостили у нас летом почти каждый год. Одним летом, когда у нас были Коля и Володя Соколов, мы в дождливое время играли в преферанс и во время игры часто развлекались, говоря, — к месту и не к месту — “Колька, сколько в пульке?”

Летом 1923 г., когда я был дома — в Бухэду — и отбывал в обязательную практику по Службе пути, я познакомился со студентом III курса Гришей Барбелюком, тоже отбывающим практику. Он уговорил меня жить в Харбине у них. Так я и прожил в семье Барбелюков до окончания Института в 1925 г.

Иосиф Федорович Барбелюк был машинистом паровоза 1-го класса, его супруга — Евлампия Леонтьевна, дети Гриша и Тамара. Квартира их была на улице, названия которой уже не помню, а находилась она сразу за пешим виадуком, являющимся как бы продолжением Правленской улицы [это 1-я Дёповская. — Г.М.].

О семье Покровских.

С Мишей и Сережей я познакомился во время вступительных экзаменов в техникум в 1921 г. Впоследствии мы очень сдружились. Миша был старше меня почти на 3 года, Сережа — на два года. Как-то больше я все же дружил с Мишей, — нас очень сближала любовь к музыке (опе-

ры и симфонические концерты) и обоюдная увлеченность до тонкости разобраться в различных вопросах интереснейших технических наук: сопротивления материалов, статике сооружений, мостов. Оба мы хорошо чертили.

Сереза не увлекался “копанием” в деталях, а сразу, что называется, “брал быка за рога”, и пока мы раздумывали, как лучше начать работу, Сереза уже выполнял ее чуть ли не наполовину! Но это, конечно, не значило, что Сереза был верхоглядом, а я с Мишей — тугодумами!

Вся их семья: Николай Павлович, Прасковья Александровна, старший сын Саша, Миша и Сереза прибыли из Благовещенска, где Н.П. был директором гимназии. По прибытии в Харбин Николай Павлович был вначале директором Реального училища, потом директором гимназии им. А.С.Пушкина, а примерно с 1923 г. — директором гимназии им. Д.Л.Хорвата (Модягоу, Старохарбинское шоссе). При гимназии была и их квартира. Н.П.Покровский был из Тульской губернии и окончил Духовную академию.

Миша, Сереза и я очень были заняты работой в институте, и политической нам некогда было заниматься. Но можно сказать, за всех нас, вместе взятых, ею занимался Александр Покровский. Юрист по образованию, он почти не работал (служил), а “политиканствовал” и, благодаря этому и своему характеру, имел всегда неприятности не только с врагами, но и с единомышленниками. Из-за него в 1935 г. всей семье Покровских пришлось уехать из Харбина на юг Китая, а впоследствии, после многих мытарств, как писал Сереза, — в США.

Прасковья Александровна умерла еще в Харбине в 1933 г., а Николай Павлович — вскоре после выезда из Харбина. Около месяца одного лета Миша и Сереза провели у нас в Бухэду, было очень хорошо! Окончание Института все мы, молодые инженеры, отпраздновали в ресторане “Помпея” (на углу Мещанской и Большого проспекта), а через день Покровские пригласили меня к себе с ночевой: поиграть в преферанс и “попить” наливочки (1-й слив!), которую мастерски готовил Сереза. Приятным сюрпризом было для меня появление утром у Покровских моего папы, приехавшего к окончанию мною института. Его, конечно, оставили обедать, было очень славно и дружно. Миша и Сереза были заядлыми охотниками, но охотиться приходилось редко.

Во времена студенчества мы “подрабатывали”: Миша — игрой на корнете (трубе) на катке в оркестре. Сереза и я — репетиторством с уче-

никами средних школ. Это давало даянов 30 в месяц и оправдывало наши расходы на оперу!

Во время работы над дипломными проектами не было времени посещать отличные симфонические концерты в саду Желсоба. Но некоторые вещи мы просто не могли пропустить, и поэтому, натянув брюки и накинув пиджаки, мы (Миша и я) бежали к Желсобу и за изгородью сада, в тени, слушали то, что было нам интересно.

Николай Павлович называл меня “Василий Егорыч” и говаривал: “Да, Василий Егорыч, уж более пуда соли мы вместе съели!” Он не выносил дыма при курении, и мы поэтому курили у них дома в его отсутствие, пуская дым в вытяжную трубу. В то время он не курил уж 35 лет, но как-то сказал, что стоит выпить рюмку-другую водки, как тянет закурить!

После отъезда из Харбина на юг Миша и Сережа заехали ко мне в Синьцзин, где в это время я был на строительстве Вайцзяо бу — министерства иностранных дел империи Маньчжоу-го. Миша позднее прислал мне письмо из Шанхая, а Сережа поехал еще южнее, кажется, в Кантон. Ольга Александровна, жена Сережи, временно оставалась в Харбине и продолжала служить в Германском консульстве машинисткой-стенографисткой. Покуда Миша жил в Шанхае и женился там на Леле Алексеевой, у нас была переписка. Когда же он уехал оттуда, переписка прекратилась и восстановилась, когда он был уже в США.

После 1945 г. связь Маньчжурии с внешним миром прервалась, и письмо от Сережи мы получили, когда опять все нормализовалось. В этом письме Ольга Александровна и Сережа благодарили нас за помощь, которую мы оказывали М.Е. и Ф.И.Обуховым. Тогда же Сережа предложил нам свое поручительство и оформление документов на выезд в США, если такое желание у нас будет! Позднее я написал ему, что мы поедem в СССР, где я думаю быть еще полезным инженером и закончить жизнь на родной земле.

Переписка продолжалась и по приезде в СССР и вот прервалась с 1979—80 гг.»...

Теперь еще о некоторых пригородах и районах Харбина того времени. Начну с Гондательки.

Здесь в 1924 г. была произведена закладка и построен храм Казанской

Божией Матери, вокруг которого должен был вырасти мужской общежительный монастырь, переводимый сюда с Крестовского острова.

До этого времени главной достопримечательностью городка, созданного начальником Земельного отдела КВЖД Н.Л.Гондатти (главной улицей была Татьянанская, названная так в честь его дочери Татьяны), оставался пироксиминовый склад дороги, дважды — в 1922 и 1932 гг. загрязнявший чистую атмосферу Харбина едким дымом, а во второй раз — еще и мощным взрывом хранившихся на складе опасных материалов.

Со времени русско-японской войны здесь оставалось 499 пудов пироксилина, которые бы в случае вполне возможного к 1922 г. самовзрыва смели бы с лица земли не только Гондатьевку, но и все Модягоу и добрую часть Нового Города. В августе Управление дороги приняло решение эти материалы организованно сжечь, что и было выполнено под руководством инженера Колычева. Жизнь всех участников этой опасной операции была застрахована дорогой в 54 тыс. зол. рублей. Вся процедура сжигания прошла вполне успешно.

По-настоящему же этот «пороховой склад» взлетел на воздух перед самым вступлением в Харбин японской армии — 1 марта 1932 г., но об этом — на своем месте.

О Гондатьевке (как тогда писалось это название) в шуточной «Энциклопедии Харбина» было написано: «Гондатьевка. — Богатый поселок, имеющий собственный колодец и электрический фонарь». А о Модягоу в целом говорилось: «Очень благоприятный, чистенький поселок. Даже в дождливое время грязь не выше колен. Славится разведением свиней».

О Гондатьевке харбинцы много говорили в основном в июне 1923 г., когда здесь была разгромлена шайка легендарного бандита Ивана Корнилова.

Теперь, по контрасту, о совсем другом — чрезвычайно густо заселенном районе.

Зеленый Базар...

Харбинцы, несомненно, помнят его — с узкими извилистыми улочками, застроенными разнокалиберными домиками и хибарками, в которых ютились ремесленники, мелкие торговцы — харбинская беднота.

Район, далеко тянувшийся по Большому проспекту и начинавшийся сразу же за фешенебельным Железнодорожным собранием. Уже в 1914–1916 гг. он выглядел по-особенному, даже экзотично, выделяясь своим обликом среди остальных районов.

Революция и хлынувшие в Харбин беженцы добавили Зеленому Базару некоторые новые черты. Здесь оседала и обитала самая несостоятельная часть беженцев, так же самовольно, как и в Нахаловке, строящая в этом районе «домовладения» из любых подвернувшихся под руку материалов, ютившаяся в страшной тесноте и неопиаемых санитарных условиях. И это, повторяю, были не какие-то уголовные элементы, как пишет, например, в своих воспоминаниях Ю.Крузенштерн-Петерец (журнал «Россияне в Азии»), — против чего следует решительно возразить, а трудовой люд, существовавший скромными заработками.

Сочетание живших на Зеленом Базаре бок о бок, в теснейшем содействии друг с другом, русских и китайцев, смешение быта, языков и житейских привычек большой разнородной группы совершенно разных людей и придавало этому месту Харбина его неповторимый колорит.

Зеленый Базар... Каждый его свободный клочок земли застраивался чрезвычайно быстро и хаотично; в Новом Городе — рядом с аккуратными железнодорожными коттеджами по другую сторону Большого проспекта, многоэтажными зданиями Управления дороги и Железнодорожного собрания, Коммерческими училищами — он выглядел очень странно... Городские и железнодорожные власти всегда косо смотрели на это невообразимое скопление построек среди чистенького Нового Города, и на заседаниях Собрания уполномоченных не раз поднимался и дискутировался вопрос о сносе Зеленого Базара. Но всегда выдвигались серьезные аргументы против: Зеленый Базар — это и рынок для тысяч горожан, это связующее звено между Новым Городом и Корпусным и Госпитальным городками, это как-никак, а городок с 8 тысячами жителей; им, конечно, скверно живется, но все-таки живется... И нельзя лишать их собственных жилищ. Тем более, что здесь имеются и фундаментальные постройки.

И Зеленый Базар при всех сменявших друг друга харбинских властях — всегда уцелевал, оставаясь в основном таким же, каким закла-

дывался на заре своего существования: сеть узких улиц-кривуль, пересекавшихся в разных направлениях, с деревянными постройками-лачугами, лепившимися одна к другой сплошной лентой... Они были чрезвычайно опасными в пожарном отношении (иногда здесь выгорало сразу по нескольку кварталов). Улицы какого-то средневекового городка, поперек которых были протянуты веревки, где сушилось белье. Разноплеменная веселая детвора, играющая тут же в свои шумные игры...

Колоритнейший уголок старого Харбина...

К Зеленому Базару примыкали с юго-запада новостроенный в то время Саманный городок и старый, но совершенно преобразившийся в 20-х годах Корпусной городок. Это были поселения совершенно иного рода — «правильные», разрешенные властями, подчас на больших участках, обжитые в хозяйственном отношении, с огородами, садами, домашним скотом, всевозможной живностью. Саманный получил свое название по типу преобладавших в нем построек, располагавшихся по улицам с характерными «дальневосточными» названиями: Владивостокская (с Преображенской церковью), Хабаровская (один из домовладельцев — Архангельский Павел Васильевич), Благовещенская, Сретенская (Скованов Алексей Степанович, с внучкой которого — Татьяной мы окончили вместе 3-ю полную среднюю школу в Харбине), Нерчинская, Читинская и т.п., что, видимо, отражало и расселение по ним выходцев из этих и других городов русского Дальнего Востока.

Продековский бульвар (в честь популярного в русско-японскую войну генерала Продекова) отделял Саманный городок от Корпусного, возникшего еще в годы этой войны, с его длинными улицами, бывшими и оставшимися исключительно номерными (от 1-й (№ 105 — домовладелец Заика Дмитрий Анисимович) до 9-й). Тут же протекала и река Модяговка, отделявшая городок от обширной территории Садоводства Ивана Степановича Яшкина.

Спасо-Преображенская церковь построена в Саманном городке на средства прихожан. Ее настоятелем в течение многих лет был о. Александр (Александр Алексеевич Кочергин). Позднее, после смерти правившего митрополита Мефодия, на территории церкви был создан Епархиальный приют — «Дом-убежище» его имени, в котором на полном содержании находились одновременно до 75 чел. призываемых — детей и старых беспомощных людей.

Главной достопримечательностью Корпусного городка было первое русское, старейшее в Харбине, отметившее вместе с городом свое 25-летие Садоводство И.С.Яшкина (Корпусной городок, 1-я улица, № 13).

Это было и излюбленное место отдыха горожан, и экскурсий харбинских школьников — незабвенный «Яшкин сад», упоминаемый в мемуарах многих харбинцев. Сад был и неиссякаемым источником озеленения Харбина, опытным полем огородного хозяйства для горожан, предлагая, например, уже в 1923 г. по каталогам: семена различных культур, саженцы плодовых деревьев и ягодных кустарников, разбивку и планировку садов, посадку растений из собственных питомников. 14 сентября 1922 г. хозяйство Яшкина получило Серебряную медаль Выставки Приморского общества сельского хозяйства.

Еще одним пионером садоводства в Харбине (главным образом цветководства, «королем роз», как его называли) был Василий Яковлевич Сержантов (собственное домовладение на Главной улице Нового Города).

Остается сказать несколько слов о Нахаловке (теперь — Сунгарийском городке). К 1923 г. она получила уже все права гражданства, ей не угрожали более сносом всех построек. Позднее Нахаловка стала даже для консула США в Харбине г-на Хэнсона «примером американских темпов» городского строительства.

Относительно же общего внешнего вида и «духа» центральной части города приведу одно любопытное наблюдение. В то время как в Шанхае, Тяньцзине и Пекине, — писала в репортаже одна английская журналистка, — все здания грустного серого цвета, в Харбине они окрашены и в белый, и в желтый, и в зеленый, и даже в розовый цвета.

А вот что автор назвала «странностями»: рядом с великолепными огромными зданиями стоят низкие, даже уже покосившиеся набок домики; рядом с богатыми, с зеркальными стеклами и дорогими витринами, магазинами — грязные и бедные лавчонки.

Такой диссонанс, по ее мнению, наблюдался, пожалуй, во всей жизни города. Нарядная, красиво одетая толпа людей, которые любят гулять по Китайской ул.; женщины в модных нарядах («В умении одеваться им смело можно отдать первенство, — пишет корреспондентка, — по сравнению с женщинами других городов Китая»). И тут же серьезный упрек в адрес мужчин: «Но в то же время с исключительной простотой, со скромностью, даже граничащей с бедностью, а иногда и с неряшливостью одето большинство мужчин. Массовые и дорогостоящие развлечения — и очень много бедных людей, и уровень заработка большинства намного ниже, чем в других городах».

И, наконец, ее заключение: Харбин нравится. Нравится любезнос-

тью харбинцев, своими театрами и еще — своей чудесной настоящей зимой...

Эти особенности города, как один, отмечали разные его иностранные гости в 1922–1924 гг. А в приведенном выше виде они нашли отражение в статье о Харбине английской журналистки... аж в 1928 году... Можно сделать вполне обоснованный вывод, что за эти четыре года Харбин в основных своих чертах мало чем изменился.

Теперь — об еще одной, исключительно важной черточке в облике Харбина.

Мне представляется, что название, само понятие «Харбин» неразрывно связано, теснейшим образом ассоциируется с полноводной Сунгари, на берегах которой он вырос. Кто не согласится со мной?

А что такое Сунгари в Харбине? В 30-х — 40-х годах — это уже благоустроенная Набережная с ресторанами, с красавцем Яхт-клубом, сохранившимся во всей красе и сегодня, это Затон на левом берегу, с его «Шариками», где на высоких мачтах в непогоду вывешивались черные — предупредительные — и красные — при усилении бури — категорически запрещающие переправу через реку — «шары» (два перпендикулярно вставленные друг в друга деревянных круга); десятки популярных у харбинцев затонские дач; белоснежное «Кафе-Пляж Миниатюр» с его солярием, подвесными ложами и превосходной кухней...

Зимой — крутые ледяные горки на обоих берегах, с их крутыми виражами, зимние ресторанчики в Затоне и среди них наиболее популярный «Дед-Винодел», куда ездили на специфическом, только харбинском сезонном транспорте на Сунгари — санях «толкай-толкай».

Однако ничего этого в начале 20-х годов еще не было. Хотя и тогда уже харбинцы говорили: что Харбин без Сунгари!

Но не будем забывать, что у нашей Сунгари было два лица: эта река была, во-первых, хорошей «рабочей лошадкой», а чудесным местом отдыха — только потом.

И начну я не с прекрасного, незабвенного отдыха харбинцев на реке летом и зимой, а с вопроса более серьезного — о русском пароходстве на Сунгари и о Затоне.

По воспоминаниям потомственного речника, капитана, моего дяди Кирилла Семеновича Мармонтова, русское пароходство на Сунгари, бывшее в течение многих лет единственным, оказало колоссальнейшее

влияние на экономику страны, так как повлекло за собой бурный рост и развитие сельского хозяйства в прибрежных районах Сунгари. Русским специалистам сунгарийских пароходств Китай обязан появлением и ростом местных судовых китайских кадров. Русские были учителями и воспитателями китайских специалистов в сложном деле парового судоходства, оказав тем самым немаловажную услугу национальным интересам Китая.

«Начну свой рассказ, — писал мне дядя, — со своего появления на реке Сунгари. Это было в 1922 году. Мне было 16 лет. В это время я работал на пароходе “Вершинник”, в должности рулевого.

Пароход “Вершинник” с баржой “Вершина” принадлежал моему отцу Мармонтову Семену Григорьевичу. Мой отец, имея на руках право заграничного плавания, вошел в реку Сунгари для работы своим пароходом.

В связи с заходом в китайские воды мне вспоминается такой курьез.

На реке Амур, на месте, где в него впадает р. Сунгари, стояла Военная брандвахта Амурской Военной флотилии, которая осуществляла контроль-проверку судов, совершающих заграничное плавание. Когда мы прошли брандвахту и вошли в р. Сунгари, то спустили красный флаг, под которым шли, и подняли вместо него трехцветный русский национальный старый флаг, после чего вошли в китайский пограничный пункт, громко именовавшийся в ту пору “портом Лахасусу”...

Преву воспоминания Кирилла Семеновича и приведу относящееся к тому же времени описание Лахасусу, сделанное А.Губаревым (Политехник, 1979, № 10, с. 245): «Этот город был уездным центром, с управлением и квартирой даоиня, так называемым Морским штабом и китайской таможней. Морской штаб — двухэтажное кирпичное здание — было фактически местом, куда приезжали для игры в маджан свободные от службы офицеры с китайской канонерки, которая стояла у самого устья Сунгари при впадении в Амур. Китайская таможня имела интернациональный персонал, из него двое были русские (один — Б.Шелл, офицер, а другой — Костя Страшкевич). Население Лахасусу составляло примерно 300—400 чел., живших в саманных фанзах. Население занималось, главным образом, рыбной ловлей, поставкой дров для пароходов и, конечно, контрабандой по обе стороны границы. Да-

оинь проживал во дворце — небольшом кирпичном здании, отапливаемом каном, и в отличие от других домов имевшем застекленные окна»...

«Там тогда, — продолжает К. С. Мармонттов, — право проверки — “пограничного контроля” осуществляла т.н. Китайская Морская таможня — “Хайгуань”, которая единолично господствовала и хозяйничала на всех водных просторах Сунгарийского бассейна. Все распоряжения и указания “Хайгуань” были для всех законом, в том числе и для китайских гражданских и военных властей. Она имела право производить обыск, совершать аресты, подвергать товары конфискации. В сфере ее компетенции находились также начисление пошлин и наложение штрафов.

Такое полномочие зачастую приводило отдельные действия чиновников к злоупотреблению властью и самоуправству. Все это, в конечном счете, сильно сковывало экономические и государственные интересы страны.

Когда мы остановились на рейде порта Лахасусу, то там стояли два принадлежавших госпароходству парохода — пассажирский “Роза Люксембург” и буксир “Коммунист”. Они также стояли с поднятыми старыми русскими национальными флагами. И мало того, их еще заставили перекрасить названия на старые. Таким образом, “Роза Люксембург” снова стала “Адмирал Чихачев”, а “Коммунист” — “Степаном Левицким”.

В это время на реке Сунгари уже было развито большое судоходство. Густота движения флота создала угрозу безопасности плавания.

Возникла необходимость в судоходной инспекции, и все ее функции взяла на себя та же “Хайгуань”. Она приняла на вооружение старые “Русские правила плавания” и стала требовать неукоснительного их выполнения, создав таким образом нормальные условия для судоходства на этой реке. На ответственности “Хайгуань” лежала также постановка и содержание судоходной обстановки, которые также были заимствованы у русских».

Воспоминания Кирилла Семеновича ярко иллюстрируют, на мой взгляд, период безвременья начала 20-х годов, в частности условия плавания на маршруте Сунгари-Амур, на котором продуктивно работали мощная флотилия КВЖД и пароходства многих частных владельцев.

Теперь кратко об истории русских плаваний и русского пароходства на Сунгари. Эта история выпукло отразила перипетии русско-китай-

ских и советско-китайских отношений на Дальнем Востоке и политической жизни Северо-Восточного Китая; это вместе с тем и славные страницы российского предпринимательства в крае, называвшемся Маньчжурией.

Собственно говоря, плавание русских людей по Сунгари началось еще в середине XVII века, когда шла борьба за принадлежность правобережья Амура, т.е. бассейнов Сунгари (Шингала старых русских документов) и Нонни — того «ничейного» пространства, которое еще не принадлежало ни Русскому государству, ни Цинской империи. Флотилии казачьих атаманов беспрепятственно совершали плавание по Шингалу, облагая данью местное население в пользу Русского царя. И собирали здесь хлебные припасы. Только в 1654 году струги Онуфрия Степанова — приказного человека Москвы, после того как они пробежали «три дня ходу под парусами» вверх по этой реке, — примерно в районе будущего Саньсина — были встречены сильным маньчжурским войском, наскоро присланным сюда из Южной Маньчжурии. Тогда у казаков произошел жестокий бой... (Все обстоятельства длительной борьбы двух государств за Приамурье в этот период я подробно проанализировал в своей работе «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке (40-е — 80-е годы XVII в.)». Москва, 1989). Но это все уже очень далекое прошлое — и в истории русско-китайских отношений, и в моей научной биографии...

Обратимся к истории более поздней. Право свободного плавания своим судам и свободной торговли по Сунгари Россия получила по русско-китайскому Айгуньскому договору 1858 года. И уже 2 июля этого же года граф Н.Н.Муравьев-Амурский, реализовав это право, организовал сюда и первую торговую экспедицию хабаровских купцов Богданова и Чеботарева на пароходе «Амур». Покинув пароход, купцы на лодках доплыли до того же самого Саньсина (там очень тяжелые для прохождения судов, печально знаменитые Саньсинские перекаты), где и осуществили свой торг (не очень выгодный, кстати). В последующий период плавания и научные экспедиции по Сунгари русские осуществляли много раз.

Позднее право плавания русских судов не только по Сунгари, но и по ее притокам было подтверждено Петербургским договором. Отношение же местных китайских властей к этому праву русских по-прежнему оставалось отрицательным.

Так или иначе, но постройка КВЖД открыла главный и наиболее активный этап русского судоходства по Сунгари и Уссури.

Огромный объем перевозок всевозможных построечных материалов заставил Строительное управление КВЖД создать для этих перевозок собственную мощную флотилию. КВЖД приобрела в собственность 15 английских пароходов и 2 французских (и землечерпалку) и начала на реке Иман, близ одноименной станции Уссурийской железной дороги, собственную сборку пароходов и барж. 20 июля 1898 г. с верфи сошел пароход, названный безыскусно, но по полному праву «Первым». За ним последовали еще пять, с такими же номерными названиями. Приобретались пароходы и от прежних амурских пароходоладельцев, от министерства путей сообщения.

Эти суда составили основу сильного речного флота КВЖД, перевезшего для дороги из Имана и других мест в Харбин около 150 тыс. тонн различных грузов. Напомню, что дорога имела и собственный мощный морской флот.

Далее приведу отрывки из точной по фактам статьи В. Ж. [вероятно, Владимир Жернаков. — *Г. М.*] в книге «Великая Маньчжурская империя»: «Развитие частного русского пароходства на Сунгари фактически началось с Ниппоно-Русской войны, когда возник целый ряд новых пароходных обществ... К этому времени относится установление регулярных срочных рейсов из Хабаровска и Благовещенска в Харбин и обратно.

В период 1904—1906 гг. число русских пароходов, плававших по Сунгари, доходило до 80. Из них многие принадлежали к составу Амурской флотилии и появлялись на Сунгари лишь в случае наличия большой работы. Но существовал и сунгарийский флот, что видно из следующих данных: в 1904—1905 гг. на Сунгари зимовало 53 парохода и 74 баржи.

Транспортные операции по перевозкам стали развиваться лишь с 1908 г. С этого времени установились регулярные товарно-пассажирские рейсы: от Харбина до Саньсина, а впоследствии до Цзямусы и Фугдина. Перевозки экспортных грузов из присунгарийских районов стали развиваться, главным образом, в 1909 г., когда вывоз бобов шел в двух конкурирующих направлениях — в порт Николаевск-на-Амуре на пароходах “Амурского общества пароходства и торговли”, и через Харбин и КВЖД во Владивосток и, отчасти, в Дайрен. После 1904 г.

экспорт через Николаевск прекратился, и все грузы с Сунгари стали направляться исключительно в Харбин и далее по железной дороге во Владивосток.

Во время Мировой войны, в связи с ростом маньчжурского экспорта, судоходство на Сунгари получает значительное развитие.

С возникновением в 1917 г. революции амурские пароходоладельцы увозят часть своих судов с Амура на Сунгари в Харбин, где происходит переход пароходов от одних владельцев к другим, а также образование новых пароходных компаний. Часть русских судов переходит в руки китайцев.

Из крупнейших русских пароходных фирм, работавших на Сунгари, отметим: “Амурское общество пароходства и торговли”, “Товарищество амурского пароходства”, “Т/Д наследники Х.П.Тетьокова”, “Т/Д Алексеев с Сыновьями”, “Т/Д В.М.Лукин Сыновья”, “С.Х.Соскин и Ко”, “Товарищество Бр. Буяновых”, “И.А.Опарин”, “Товарищество И.И.Маркс и Ко” и другие. Нельзя не отметить крупной роли в развитии русского пароходства по Сунгари русского подданного Тифонтай.

Семену Соскину принадлежали пароходы: «Дежнев», «Посьет», «Амурчик», «Удалой»; баржи: «Аляска», «Чибис», «Боярыня», «Медведь», «Подруга», «Кострома», «Тигр», «Лев», «Вятка», «Фемида», «Бегемот», «Сокол»... По-моему, есть какое-то особое очарование в этих старых названиях судов русского сунгарийского флота былых времен.

Отвлекаясь от цитируемого мною источника, отмечу также, что на судах этих компаний работали исключительно русские — крупные мастера своего дела: речники-капитаны, штурманы и матросы, часто целые династии речников, например, Ивановы, о которых мне рассказал в Москве представитель этого рода, Владимир Ильич Иванов, Штеки (биографию Алексея Георгиевича Штека см. в кн.: *Харбинцы в Москве: Биографические очерки в двух выпусках. Выпуск второй. М., 1997, с. 59–61*), сослуживец и друг семьи Ивановых — Максим Поликарпович Багаев, а также Опарины, Придачины, Калугины, Буяновы, Белоножкины, Мармонтовы. Сын Кирилла Семеновича, воспоминания которого цитировались выше, Николай Мармонтов, продолжил профессию отца, проплавав после возвращения на Родину всю жизнь штурманом и капитаном по Оби, Иртышу и другим сибирским рекам.

Дед В.И. Иванова — Наум Поликарпович, капитан Амурского речно-

го флота, имел два собственных парохода: «Орел» и «Мысль». В его семье было 12 детей: две дочери и десять сыновей, из которых восемь тоже стали капитанами. Восьмой сын — Илья Наумович (родился 17 января 1899 г. в Благовещенске) пришел в Харбин в 1918 г. на своих пароходах. Как речник с отличной репутацией, он служил капитаном — сначала на буксирах, потом на пассажирских пароходах.

Женился на Клавдии Андреевне Анщенко — дочери служашего ХОУ Андрея Андреевича Анщенко.

Продолжал работу и после своего возвращения в Советский Союз и вплоть до выхода на пенсию. Проплавал с 1918 г. вплоть до 1964 г., т.е. в общей сложности 46 лет. Скончался в Москве в апреле 1976 г.

Сын его — В.И.Иванов не стал капитаном, но преуспел в изучении генетики — доктор медицинских наук, академик Российской Академии медицинских наук.

Жили эти потомственные речники как в самом Харбине, так и, по большей части, тут же — на берегу любимой реки-кормилицы Сунгари — в т.н. Затоне (о котором ниже), где имели свои дома и хозяйства, например, однофамилец вышеназванных Ивановых — Алексей Афанасьевич Иванов — обер-машинист на пароходе, проживший в Частном Затоне четверть века, отец Евгении Алексеевны Кашич (Ивановой) (*Харбин*, 1993, №3(14)).

По данным В.Ж., состав Сунгарийской паровой флотилии к 1923 г. был следующий:

Пароходовладельцы	Паровой флот	Баржи
1. КВЖД	12	30
2. Частные русские	21	22
3. Китайские	58	33
4. Под флагом Английской продуктно-экспортн. Ко	1	1
Всего:	92	86

Общая грузоподъемность составляла 45,9 тыс. тонн.

«Водный путь Сунгари, — писал П. С. Тищенко, — имел большое значение и для экспорта в русское Приамурье зерна, муки, мяса и т.п. Хар-

бинский берег реки во время навигации — это: вдоль берега от Китайской улицы до самого моста, в три ряда тянулись всевозможные пароходы и баржи, прибывавшие с низовьев реки и с Амура».

Свыше 30 тыс. тонн грузоподъемности сунгарийского флота приходилось на суда русских пароходоладельцев, в числе которых основное место занимала флотилия КВЖД.

Русское судоходство на Сунгари возникло благодаря инициативе и настойчивости россиян, на его развитие было положено немало труда; оно пробудило к жизни пустынные берега Сунгари, — справедливо заключает свою статью В.Ж.

Интересные дополнительные данные по рассматриваемому вопросу приводит в статье «Речное судоходство» в уникальном Десятом номере «Политехника» (с. 227–229) В.Г.С., за инициалами которого можно легко узнать уважаемого востоковеда В.Г.Савчика.

Что же стало происходить потом?

В навигацию 1923 г. советские власти запретили китайским судам плавать по Амуру. Как сообщалось, где-то в середине лета они сняли запрещение... «Заклучение особого водного соглашения по этому вопросу, вероятно, последует в ближайшее время», — оптимистически надеялся остроумовский «Экономический вестник Маньчжурии»... Но 24 января 1924 г. последовал приказ Мукдена, запрещающий отныне плавание по Сунгари судам КВЖД и прочих пароходств под русским флагом. Теперь судоходством на Сунгари могли заниматься только подданные Китая. К этому времени КВЖД располагала пароходами и баржами, общей грузоподъемностью около 1,2 млн. пудов, а пароходство «Соскин С.Х. и Ко» — 400 тыс. пудов; прочим русским владельцам принадлежали суда с общей грузоподъемностью около 200 тыс. пудов. Русские фирмы вынуждены были одна за другой ликвидироваться, продавая свои суда китайцам.

Всю навигацию 1924, а также и 1925 гг., когда дорога перешла уже в совместное советско-китайское управление, флотилия КВЖД простояла на приколе. Все усилия советской стороны пересмотреть вопрос в какую-то лучшую для дороги сторону не дали результатов. А в 1926 г. китайские власти объявили о передаче всех судов дороги китайскому государственному «Северо-Восточному пароходству», т.е. их фактической конфискации, и осуществили эту меру явочным порядком, невзирая на громкие протесты советской стороны.

Работать на Сунгари стали примерно полтора десятка китайских пароходств, из которых первое место по общей грузоподъемности (до 1 млн. пудов) (перевезло на своих судах в навигацию 1924 года 5 млн. пудов грузов — половину всего груза, пришедшегося на долю парового флота) принадлежало крупнейшему Пароходному товариществу «У тун». Его пароходы носили китайские названия, — но это были бывшие русские «Нерчуган», «И. Опарин», «Варяг», «Зея», «Димитрий», «Промышленник», «Негидалец», «Аврора», «Смелый», «Сибиряк» и многие другие. Как правило, они сохраняли русских капитанов и технического персонал, а также и большинство прежней команды.

Большую проблему для пароходных команд — как русских, так и китайских, — подлинное бедствие для навигации представляло собой в то время чрезвычайно развитое по берегам Сунгари хунхузничество. Нападения хунхузов на пароходы насчитывали десятки, если не сотни случаев. Вот один из них, окончившийся еще сравнительно благополучно, если так можно выразиться применительно к происшедшему.

Вышедший из Харбина в рейс до Фугдина пароход «Сан-юй» (бывший «Усердный») подвергся нападению 15 хунхузов, севших пассажирами на пристани Сусу. Нападение они осуществили в 5 верстах от Сусу.

Благодаря имевшейся на пароходе охране, хунхузы были разбиты. Из них пятеро были убиты, трое ранены и 7 чел. арестованы. Из состава команды убиты лоцман, рулевой и один солдат. Единственный русский на пароходе — его капитан Коржавин — избежал участи оказаться среди погибших только благодаря случаю: перед нападением он спустился в свою каюту...

Теперь с особым удовольствием перехожу к рассказу о Затоне.

Навигация на Сунгари давала средства к существованию и затрагивала судьбы многих харбинцев. И именно с нею была связана сезонная жизнь **З а т о н а**.

Собственно Затон — это район Харбина по левобережью Сунгари, где отстаивались в зимний период флотилии пароходов Китайской Восточной железной дороги и частных пароходоладельцев и проживали члены судовых команд — довольно многочисленная прослойка местного русского населения, харбинские речники. Затон, соответственно, подразделялся на Казенный (КВЖД) и Частный.

Казенный Затон находился за железнодорожным мостом, ниже его по течению Сунгари. Здесь была устроена гавань с ограждавшей ее дамбой, имелось несколько построек — церковь, школа, Народный дом (Клуб речников), мастерские судоходства дороги и их контора, дома КВЖД для служащих, полуказарма КВЖД. Другие же речники в основном жили в лежавшем выше моста Частном Затоне, где действительно с каждым годом появлялось все больше и больше построек частных жилищ и дач, хозяева которых могли и не иметь отношения к пароходствам. Но здесь же располагались дома Амурского и Восточно-Сибирского пароходств.

Улицы в Затонах проходили по подножиям намытых рекой на протяжении веков по ее низкому левому берегу песчаных и лессовых гряд, получивших название «увалы». Они носили порядковые номера и разделялись на Западные (Казенный и Частный Затоны) и Восточные (Частный Затон). В последнем их было по четыре — Восточных и Западных. Дома и дачи строились по вершинам увалов, и к началу 1925 года их было уже довольно много — как я подсчитал, около 120. Среди владельцев встречаются известные в Харбине фамилии: Р.А.Будберг, Н.И.Лаврушин, Алексей Васильевич Жоссан (Аптека), Пэн Коци, Яков Яковлевич Солянов, другие.

В свое время на территории Затона располагался Загородный сад (о котором мне, к сожалению, пока ничего не известно); в 20-х годах открылась школа; в 1924 г. построена церковь — красивая и уютная, посвященная покровителю всех путешественников и плавающих — Святителю и Чудотворцу Николаю.

Частью Затона считался и т.н. Песчаный городок — известные и любимые многими «Пески».

Затон имел важное хозяйственное значение. Здесь, на левом берегу жители занимались сельским хозяйством и животноводством. Было, как я уже говорил, и несколько крупных заимок.

Главное же, однако, чем всегда был притягателен этот район для харбинцев всех возрастов, — это то, что он был любимым местом летнего и зимнего отдыха горожан — на песчаных ли пляжах на берегах Сунгари и ее островов или на ее ледяных просторах... Но эта тема требует, конечно, особого «серьезного» разговора.

Прежде всего о переправе. Ею занимались русские и китайские лодочники, работавшие на больших (русского происхождения) плоскодонных лодках (до пяти пассажиров, не считая самого лодочника). С ранней весны и до глубокой осени они занимались перевозкой с од-

ного берега на другой; перевоз стоил пятак, но лодочники зарабатывали за сезон достаточно денег, чтобы безбедно прожить зиму. В те отдаленные времена среди русских лодочников было много бывших военных. Об одном из этих людей проникновенно, с оттенком грусти, написал Арсений Несмелов:

Гол по пояс. Бороденка
Отгорела и бела.
Кормит лодка — плоскодонка,
Два размашистых весла.

Где вы, унтерские лычки,
Заработанная честь?
До последней переклички
Отвечал из строя: Есть!

До последнего привала
Наготове, начеку.
Чья рука передавала
Из Полесья Колчаку?

Чья рука переносила
Через милый отчий дом?
Что за мужество и сила
В этом облике простом...

Эти руки, эта лодка,
Трудовые пятаки,
Марширующие четко
Волны Сунгари-реки...

Тянет, тянет давний омут,
Огневой водоворот:
Нет ни Родины, ни дома,
А война еще — еще зовет!

Машет всхлестом алых зарев,
Хлынув памяти в глаза...
Полно, воин государев, —
Не Российская гроза!..

Не сибирская зарница
Кличет славу и беду, —
Перевернута страница
В девятнадцатом году.

Та страница в злую полночь
Перечеркнута судьбой.
Льются годы, годы-волны
Заливают нас с тобой!..

Постепенно русские лодочники уступили свое место китайцам, ставшими монополистами сунгарийских пассажирских перевозок.

О, эти незабываемые харбинские китайские лодочники! Они группировались толпами на пристани у главных ведущих к реке улиц — Китайской и Артиллерийской, а также у Яхт-клуба и поселка Ченхэ (Чжэньянхэ), откуда вели водные пути на популярные в то время Крестовский и Понтонный (Солнечный) острова, к «Шарикам», даче Солянова («Соляна») и другим в Затоне. Они зазывали пассажиров еще издали, на подходе к набережной, приглашали, тянули за рукав в свои лодки. А когда вы спускались по лестнице вниз к реке, какие же оглушительные возгласы-приглашения вы слышали!..

Но вот весь комплект пассажиров — 5-6 человек — подобран — и в добрый путь.

А сами лодки... Широкие, устойчивые, нарядно окрашенные; у всех на корме повторялись бесчисленно их русские названия: «Сунгари», «Москва», «Харбин», «Наташа», «Рязань», «Казань» и — чаще всего — «Зорька». Помимо этих лодок, на Сунгари у Харбина имелись и другие, поменьше, — килевые, для прогулок, просто покататься по реке. Эти лодки имели, как правило, русских хозяев, которые сдавали их внаем, напрокат, хоть на целый день. Но и следили они за их внешним видом, ухаживали, ежегодно красили. И назывались эти килевушки покрасивее, романтичнее, что ли: «Красотка», «Любимая», «Дорогая», «Шутишь». Одним из таких русских владельцев был Ефим Ефимович Левашев, которого уже в тех далеких 20-х годах называли «сунгарийским волком». Уже тогда он был одним из старейших харбинских лодочников, имевшим собственную флотилию килевушек. И занимался он этим делом вплоть до конца сороковых годов. Замечу, что в 1944 г. Хар-

бин отметил 40-летие работы Е. Е. Левашева на Сунгари и этой дате была посвящена статья в газете «Время», ставшей тогда уже единственной газетой на русском языке в городе. Харбинцы уважали и любили своих старожилов.

Летом через Сунгари, особенно в выходные дни, когда реку буквально захлестывал поток отдыхающих, переправу осуществляли также большие двухпалубные катера харбинского Яхт-клуба, которых почему-то называли «пампусами». В ненастные ветреные дни, когда Сунгари при дующем низовике закипала короткими крутыми волнами с белыми гребешками и на обоих берегах вывешивались упомянутые «шары», переправа в таких случаях для тех, кому «позарез» нужно было на другой берег, тоже осуществлялась на этих «пампусах» или на больших плоскодонных китайских шаландах.

Главный контингент пассажиров составляли тысячи и тысячи горожан, выезжавших в летние дни «за Сунгари» на пикники, позагорать, покататься, отдохнуть на природе. С середины реки перед ними во всю ширь открывалась панорама нарядной озелененной набережной с громадой красного здания Сунгарийских мельниц, ажурным железнодорожным мостом с памятными всем фермами и полностью отстроенным к этому времени красавцем Яхт-клубом, выглядевшим отсюда, с реки, как стоящий у причала белоснежный лайнер.

Летний сезон 1923 года начинался для Яхт-клуба торжественно.

13 мая, в воскресенье, здесь происходила церемония поднятия флага. Это было отнюдь не будничное событие, а ежегодное большое торжество, душой которого был Командор клуба Н. Л. Гондатти. Отслужен молебен... Почетный член клуба Б. В. Остроумов, которому Гондатти вручает флаг Яхт-клуба, поднимает этот белый, с синим крестом и красной полоской стяг на мачту. Оркестр играет туш. На дружеском банкете Остроумов выступает с тостом: «Спорт укрепляет тело, подымает энергию, закаляет волю. Я всей душой сочувствую спорту, в частности, Яхт-клубу, и он может всецело надеяться на мою поддержку».

Была организована прогулка на катерах и моторных лодках...

А по ту сторону реки отдыхающих уже манит густая зелень островов и прибрежной полосы Затона. Центром засунгарийского отдыха в описываемый период были еще не собственно Затон, а просторные и зеленые Крестовский и Солнечный острова с прекрасными песчаными

пляжами. Эти два острова уже начали соперничать между собой. Пальма первенства пока оставалась за Крестовским. Он был, конечно, непригоден для постоянных сооружений, так как довольно регулярно затоплялся, но еще в 1925 г. на нем сохранялись монастырь, церковь (!), четыре жилых дома; позднее возник организованный членами Общества врачей Центральной больницы КВЖД курорт «Солнечный Городок», которым заведовал К.С. Фиалковский, и (рекорд года!) оживленно работали 45 ресторанчиков и столовых. В палатках, под тентами — никакой аренды, никаких налогов, никакого дохода для городской казны!..

Солнечный остров, пока еще довольно пустынный, поросший кустарником, тоже уже был обрамлен по краям узенькой каймой ресторанчиков. Названия их были «ослепительны», как писали тогда газеты: «Привал трех бродяг», «Яша свой человек», «Наумчик», «Украина» (аж с цыганским хором!), «Зайди сюда», «Ноев Ковчег»... Как писал харбинский поэт Вл.Кинг, «Многоликою, яркою пестрою Оживленной и шумной толпой Полон берег зеленого острова, И кишит ресторанчиков строй»... Естественно, возникала нешуточная конкуренция.

И еще один забавный факт. Летом того же года газеты отмечали, что Крестовский остров пустует от купальщиков. Почему же? Дело в том, что там на пляже были устроены кабинки, за которые нужно было платить... А в протоке «за всяко-просто» практичному харбинцу можно было купаться бесплатно.

Собственно же Затон, который по-прежнему концентрировался в основном подле железнодорожного моста, как место купания и отдыха, повторю, не котировался. Крайними усадьбами-дачами оставались упомянутые владения Солянова и Пэн Коци, а между ними и Зотовской протокой тянулось незастроенное пространство. Дач здесь еще не было. Не было и никакого «Кафе-пляжа» в устье протоки — он был построен в 1931 г. владельцем кафе «Миниатюр» на Китайской, № 27 (отсюда и его популярное в 40-х — 50-х годах название). Только на значительном отдалении, вдоль пустынного берега протоки располагалась большая заимка Николая Ивановича Зотова, давшая протоке ее название. Оазис густых деревьев, ферма, хозяйственные постройки... Зотов имел дом на Полицейской улице и эту заимку. В 1931 г. он уехал из Харбина в Канаду, но и там остался верен своему призванию: создал собственную ферму.

Главным удовольствием «за Сунгари» было, конечно, купание. Вода Сунгари считалась радиоактивной (разумеется, в приемлемых дозах),

и купание в ней, помимо удовольствия, было и полезным, как прием радоновых ванн. Лечебными качествами обладал и сунгарийский ил, которым купальщики иногда намеренно обмазывались с ног до головы; грязевые ванны исцеляли многие болезни, особенно — женские. И харбинцы, зная это, купались в Сунгари охотно и подолгу. Наверное, на одном из сунгарийских пляжей А. Несмелов и увидел и свою «плавунью», посвятив ей одноименное стихотворение:

Вытягиваясь, в преломленье струй
Она на миг, как в воздухе, висела,
Открыла глазу блеск и чистоту
Очаровательнейших линий тела.

То левое, то правое плечо...
Как бы лаская, взмах руки положен...
И, удаляясь, красный колпачок
На поплавок нам кажется похожим.

И только небо было вокруг него
Да золотой, чуть дымный, зной июня...
Под синевою и над синевою
Как бы парила в воздухе плавуныя.

У горизонта тлели паруса,
Тончайшим ветром веяло оттуда...
Не так ли совершались чудеса
Библейские?.. Но разве жизнь не чудо!

Но глубокая и полноводная Сунгари с ее стремительным течением всегда была коварной рекой, не говоря уже о том, что она постоянно разливалась и затапливала острова, Затон, Фуцзядянь и даже Пристань. В ней было много водоворотов и глубоких ям, неожиданно становившихся настоящими ловушками даже для опытных пловцов. К этому надо добавить, что Сунгари — желтая река. Ее воды несут очень много лессовых частиц, которые мгновенно забивают носоглотку, легкие тонущего человека, и его редко удается спасти. На реке активно работала Спасательная станция, которой в течение 16 лет руководил Иоган Ио-

ганович Маркс; станция спасла жизнь очень многим, но не обходилось ни одного года, чтобы в Сунгари не тонули — и по несколько человек...

Немалый «вклад» в число жертв вносили и неожиданно налетавшие бури, шквалы, переворачивавшие лодки и приносявшие большой материальный ущерб. Сунгари бывала в это время просто страшна — и могу подтвердить это на собственном опыте.

Летом 1923 г. КВЖД вела на реке грандиозные гидротехнические работы. О них я скажу несколько ниже, а здесь об одной из бурь, имевшей тяжелейшие последствия для Яхт-клуба, пристани Харбинского общества спортсменов (ХОС) и частных владельцев лодок и катеров, которых на реке к этому времени было множество.

Ночью стоявший недалеко от Крестовского острова тяжелый плот для забивки свай был сорван бурей с якоря и унесен к берегу Водного отдела ХОС (на правом берегу, несколько выше Яхт-клуба), где ударил в его мостки, шлюпки и катера, превратив деревянные суда в щепы. Были разбиты и унесены течением 30 шлюпок, на дно пошли 14 катеров, имевших металлическую обшивку. Вслед за этим плот, с горой влекомых им обломков, врезался в купальни Яхт-клуба, снес их и всей своей еще более возросшей массой навалился на мостки, разбив более 15 шлюпок и затопив три катера...

Вот такие бывали на Сунгари дела. В эту бурю едва не погиб упоминавшийся Левашев: его на пробитой лодке уносило течение, и несчастье предотвратил только подоспевший спасательный катер.

Наводнения тоже бывали часто. В том же году вода подступила к Артиллерийской улице и превратила Нахаловку в сплошное болото. А ранее, конечно, были затоплены острова и Затон. Картинка: при въезде на Хаиндровскую протоку в домике на высоких сваях — ресторанчик с названием «Зайди — попробуй!» Работает... А кругом — море разливное!

Как уже говорилось, русская администрация КВЖД постоянно проводила на Сунгари большие работы по регулированию русла, смыва лесовых наносов с правого (городского) берега и пр. Еще до русско-японской войны на Сунгари у Харбина был построен понтонный мост, просуществовавший 9 лет. Потом деревянные части его сгнили, часть понтонов затонула, мост был убран, и еще долгое время велись работы по очистке русла реки, засоренного затонувшими понтонами, сваями, илом. В 1923 г. дорога осуществляла работы на Крестовском острове с целью изменения течения реки и направления его от левого берега

к правому — с тем чтобы не допускать здесь обмеления и смыть накопившиеся наносы. Деятельность ее в этом направлении была успешной, и весь нанесенный ранее рекой песок у правого берега был тогда смыт. Пароходы снова могли подходить прямо к Китайской улице. Однако после 1924 г. эта работа КВЖД по улучшению русла Сунгари была надолго прекращена советской администрацией дороги «за ненадобностью», и результаты известны: песчаная отмель у набережной от Артиллерийской улицы и до моста постепенно вышла далеко за середину реки...

А Сунгари зимой...

«Толкай-толкай», первые «русские горы» с боковыми стенками и виражами, ресторан в Затоне «Дед-Винодел» с его зимней верандой и замечательно вкусными пельменями...

Зимой, когда реку прочно скует лед, достопримечательностью Харбина и Сунгари становился особый, «специфический», имевшийся только в Харбине зимний вид транспорта, известный здесь под название «толкай-толкай». Это были широкие деревянные сани на металлических полозьях, с высоким сиденьем-скамейкой, рассчитанным на двух пассажиров. Вы садитесь на эту покрытую меховой полостью скамейку, лицом к движению; саночник укрывает вас еще одной меховой полостью, застегивает ее, а сам становится на запятки саней. И, отталкиваясь длинным шестом-багром от ледяной поверхности реки, начинает все быстрее и быстрее подталкивать санки вперед. Движение осуществлялось по заранее расчищенным на льду дорожкам, ведущим к различным пунктам «того берега» — в основном тем же, что и летом. Китайцы-саночники «толкай-толкай» были подлинными виртуозами своего дела — никаких толчков, рывков при движении не ощущалось, сани неслись вперед плавно, с большой скоростью, просто летели по льду. И это упоительное ощущение стремительного движения вперед, в уютном тепле, в ясный солнечный день, какие обычно бывают в Харбине зимой, на ослепительно белом снегу, при морозе в 35–40 градусов, свежем воздухе, несущемся в лицо, — невозможно забыть!

Наверное, гораздо лучше меня о прелести катания на этих санках расскажет стихотворение Василия Логинова «Толкай-толкай»:

Синь льда, блеск солнца, свежесть снега,
Кует морозный воздух сталь.
От санок радостного бега
В душе крутится чувств спираль.

Так хорошо. Река — как чудо!
В душе поет весенний хор:
Аквамариновую грудку
Разрубит солнечный топор.

Пока же шестик беспощадный
Лед режет, точно каравай,
Глотая резкий воздух жадно,
Китаец мчит «толкай-толкай».

Мне чудится: «толкай» наш скромный
Стал «времени машиной» вдруг,
И он помчал меня в огромный
Вселенский планетарный круг.

И я лечу в мирах нездешних
Сквозь дождь блистающих комет
Туда, где юный, вечно вешний,
Немеркнувшего Бога свет.

Да, гордая победа рельса
И самолета торжество
Не свергли иго чрез Уэльса,
Фантазий огненных его.

Вот почему в морозный воздух,
Когда блестит во льду река,
Лететь звездой, мечтать о звездах
Так славно на «толкай-толкай»!

Были «толкай-толкаи» только в Харбине, являясь его достопримечательностью. Кто изобрел эти замечательные сани и когда они впервые появились на Сунгари — наверное, никто не может сказать... Но в 20-х годах их тоже еще не было. Харбинская пресса отмечала в 1930 г., что в прошлые годы «толкай-толкаи» были одиночки, затем — небольшие группы, а в 30-м году наблюдалось наибольшее число саней.

А сунгарийские ледяные горки!

Первую такую — очень высокую, большую, для скоростного спуска

на санях, с ограждающими барьерами, крутым виражом внизу на реке для возвращения саней (уже с седоками или без?) назад — соорудило на набережной Сунгари Общество спортсменов. Открытие ее состоялось в воскресенье 9 декабря 1923 г. С тех пор горка устраивалась здесь зимой ежегодно. Сани — рулевые, на 1–3 человек, предоставлялись внаем за небольшую плату. Независимо от погоды, горка пользовалась большим успехом; катание проходило весело, часто с падениями, особенно на вираже, и веселым смехом неудачников и публики.

Да и то — мастерское управление рулевыми санками требовало большого опыта и искусства. И некоторые вполне в этом управлении преуспели: катались, управляя, спиной к рулю, катались стоя и пр. Многие же, наверно, помнят свои менее удачные опыты на ледяной харбинской горке и особенно — высоком крутом вираже внизу, на льду реки...

В 1936 г. в Берлине вышла в свет граммофонная пластинка фирмы «Полидор», на которой харбинские литераторы и композиторы записали на музыку модных в ту пору фокстротов такие два произведения, как «Харбин-Папа» и «Харбинские прелести». «Музыка веселая и живая, — отмечал рецензент в харбинской «Заре», — написана рядом наших серьезных музыкантов, и, шутки в сторону, пластинки можно слушать и плясать под них с большим удовольствием». А в «Харбинских прелестях» были такие слова, прямо относящиеся к нашей теме:

Прекрасна жизнь в
Париже
И в Вене, и поближе,
Бывает там весь свет,
Но Сунгари там нет!
В Венеции не худо,
Неаполь — тоже чудо,
Но место, без прикрас —
Нахаловка у нас.
И Альпы, и Карпаты
Культурою богаты,
Ну что же и пускай,
Там нет «толкай-
толкай»!

В Европе все изжито,
Опошлено, избито,
Житье же, как во сне,
В одном лишь Харбине!

Что еще к этому добавить? Прелесть Сунгари и «толкай-толкай» в Харбине воспеты во всем мире!

В литературе, в газетных статьях было много сравнений Харбина с другими городами и столицами мира. Так что же — Харбин середины и конца 20-х годов — это маленькие Санкт-Петербург, Москва, Чикаго, Париж?

Нет! Я думаю, ему не нужны все эти сравнения. Действительно, Харбин нес в себе некоторые черты этих городов: от Петербурга у него некоторые особенности архитектуры и планировки; от Москвы он взял ее дух, характерную московскую живость, предприимчивость; от Парижа — любовь к развлечениям и модным нарядам; от Чикаго — американскую деловитость, умение принимать верные решения, ведущие к развитию и прогрессу...

Но и в труде, и в отдыхе русский Харбин был самобытным, совершенно неповторимым городом. Он формировал в этот период свой оригинальный, присущий только ему облик. Делал себя. Создавал свой образ, формировал собственный дух — мужества, стойкости, широкой предприимчивости, знания, свою интеллигентность — все то, что позднее определило его лицо: целостного кусочка старой императорской России, чудом уцелевшего на китайской земле еще в течение почти 28 лет после революции. Кусочка бывлой России, как и та, прежняя Россия, — открытого для всего мира, пользующегося всеми достижениями его прогресса и мировой цивилизации. И определило облик его жителей — харбинцев.

И этот уникальный по своей истории, по природе город вошел в историю человеческого милосердия и благотворительности, дав беспрецедентный пример оказания широчайшей гуманитарной помощи — помощи в том числе даже и стороне, с которой Харбин разделяли далеко не остывшие политические страсти и конфликты. Я имею в виду помощь белого Харбина голодающим в России — пусть России советской, но голодающим и умирающим с голода — своим соотечественникам — русским.

Таким город Харбин встречал первый юбилей — свое 25-летие, о котором пойдет рассказ в следующей главе.

О чем писали газеты

В советской России «миллионы жестянок от АРА как память об американской помощи голодающей России. 57.256.960 банок с молоком».

Заря, 1923, № 50.

«Редактор газеты “Трибуна” И.И.Рамбах обвинен в клевете на И.А.Михайлова. Суд вынес приговор: штраф в 100 долл. согласно 359-й Статье Уголовного уложения. Издержки судопроизводства возложить на И.И.Рамбаха».

Заря, 1924, 14 января, № 12.

«Богохульное выступление в газете “Трибуна” вызвало взрыв негодования и протест студентов Харбинского политехнического института, собравший 141 подпись. Присоединились студенты Юридического факультета, Высшей медицинской школы и Выс-

ших богословско-философских курсов».

Заря, 1924, 15 апреля, № 84.

Курьезы объявлений

«Хиромантка-окультистка ДРУГ ТОСКУЮЩИХ, изучившая тайны мира человека, психологию, френографию, астрологию, оккультизм, узнаю способности, наклонности, талант и характер... Конная, 31, между Артиллерийской и Казачьей, во дворе».

«Улетел попугай фисташкового цвета. Нашедшего прошу доставить владельцу гостиницы “Новый Мир” (Пристань), за укрывательство буду преследовать по закону».

«Продается каракулевое пальто на кенгуровом меху с жеребковым верхом».

Расцвет экономической и культурной жизни русского Харбина

Сегодня, когда мы совсем недавно, радостно и торжественно, — балами, вечерами, встречами земляков, международными научными конференциями — отметили во всем мире 100-летие нашего Харбина, помимо, было бы интересно вспомнить юбилей города, который не менее торжественно праздновался тогда, когда вместе с КВЖД Харбин отмечал первые 25 лет своей жизни, подводя итоги славного и стремительного развития.

Это совместное празднование юбилея КВЖД и города Харбина происходило 11–12 июня 1923 года.

К нему длительное время готовились. Было принято решение создать специальный труд, посвященный истории дороги и Харбина, составление которого поручили агенту Правления Общества КВЖД Евгению Хрисанфовичу Нилусу. Это и был «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923» (Том 1. Харбин, 1923, IX+XVIII+690 с. крупного формата, 117 л. иллюстраций, карт), не утративший научной ценности и по сей день и широко используемый в книгах и статьях ученых-историков. Но к торжествам выход этого фолианта немного запоздал. Только 30 июня автор-составитель ходил по Управлению дороги и дарил свой труд высшим служащим КВЖД, ходил вместе со служителем, который нес эти подарочные экземпляры. Тяжеленная книга, скажу я вам: держал ее в руках!

Правление КВЖД решило также установить в Харбине к юбилею дороги памятник своему первому председателю сановнику Сюй Цзинчэну, казненному ихэтуанями в Пекине в 1900 г. К началу торжеств памятник

ник спешно достраивался. Его видели многие харбинцы. Он был установлен вблизи спуска с виадука со стороны Нового Города, на главной дороге, ведущей в Фуцзянь и по этому случаю переименованной в Проспект Сюя. Но я нигде не видел фотографии этой харбинской достопримечательности и поэтому приведу ее описание.

Высота памятника (фигура Сюй Цзинчэна во весь рост) вместе с пьедесталом составляла 3,5 сажени (более 7 м). Основой служил обелиск, высеченный из крупных кусков местного серого гранита, отшлифованного, но без полировки. На обелиске установили четыре бронзовых доски, отлитых в литейном цехе Главных механических мастерских КВЖД и поражавших своей тонкой и изящной работой. Две из них — большие — были размещены с северной и южной сторон памятника; на одной высечена поэма, посвященная Сюю, на китайском языке из 300 иероглифов; на другой — надпись, русская, с перечислением отдельных моментов постройки дороги, ее участников и сотрудников Сюя. На остальных двух — маленьких — небольшие посвящения на русском и китайском языках.

Как я уже говорил, заканчивалось строительством и шоссе, ведущее из Нового Города, через Подол, в Фуцзянь (будущий проспект Сюя). Здесь спешно работали семь паровых катков.

Накануне праздничных дней (в первый юбилейный день 11 июня были закрыты все официальные учреждения Харбина, все магазины — Чурина и других фирм, 12-го не учились школьники) в 5 часов дня на Старом кладбище на Большом проспекте архиепископ Мефодий при участии всего духовенства отслужил панихиду по умершим строителям и служащим КВЖД. На панихиде присутствовали высшие руководители дороги и много публики.

Программа юбилейных торжеств 11 июня началась с молебна в 10 час. утра в большом фойе Железнодорожного собрания. Молебен завершился провозглашением многолетия руководителям и служащим дороги.

После молебна в большом зрительном зале началось торжественное заседание Правления Общества КВЖД. Сцена украшена. На ней полукругом поставлен стол, за которым разместились члены Правления, Ревизионного комитета, Управляющий дорогой и его Помощники. В зале в первом ряду — главноначальствующий — ген. Чжу, Начальник штаба ген. Чжан, монгольские князья в национальной одежде.

В зале и в ложах — весьма представительная делегация гостей — дипломатический корпус, члены Городского управления, Биржевого комитета, наиболее почетные гости — представители маршала Чжан Цзолина, Гиринаского и Цицикарского генерал-губернаторов, другие.

В 12 час. 30 мин. Председатель правления д-р Ван объявляет заседание открытым. Он произносит небольшую речь о культурном значении дороги для края, подчеркивает позитивные результаты ее работы, призывает стремиться к дальнейшему совершенствованию дела. А в заключение — приветствует присутствующих гостей.

Член правления Л.В. фон Гойер посвящает свое выступление роли дороги в развитии дружественных отношений двух соседних народов — китайского и русского. Управляющий Б.В.Остроумов представил краткий очерк деятельности Управления за истекший период. От имени Исторической комиссии выступил ее председатель и член Ревизионного комитета инженер П.И.Кузнецов.

Затем последовали многочисленные приветственные речи высоких гостей. От имени Чжан Цзолина приветствие на русском языке произносит ген. Ян Чжо, а на китайском — член Правления Юань Цзинькай.

Зачитываются поздравительные адреса.

В 3 часа 50 мин. заседание Правления объявляется закрытым.

В ознаменование 25-летнего юбилея КВЖД руководство дороги осуществило в этот же день закладку Русско-китайского училища, для детей обеих национальностей. О значении этого акта говорил С.И.Данилевский. Первый камень заложили сообща почетные гости и руководители дороги.

Вечером в Желсобе был устроен грандиозный раут-спектакль: оперный ансамбль поставил оперу «Паяцы», был устроен стол а-ля фуршет и, конечно, был фокстрот, который танцевали во всех залах и даже на площадке второго этажа собрания.

Маньчжурия подводила итог своему поступательному движению за очень короткий исторический период — всего 25 лет! Но каких лет!.. И что за этот срок произошло с нею? — Страна приобщилась за это время к европейской культуре, совершенно преобразилась.

Китайские и русские газеты подчеркивали: современная Маньчжурия создана соединенными усилиями двух дружно работающих на одной и той же территории народов, сохраняющих при этом в неприкос-

новенности свое национальное лицо. И это — факт почти небывалый в истории, залог дальнейшего развития края (газеты «Рупор», китайская «Гоцзи себао», «Заря», «Русский голос»).

На второй день юбилейных торжеств — 12 июня — в 10 час. утра состоялось открытие памятника Сюю, символизировавшего уважение русской стороны к выдающемуся китайскому коллеге, горячему патриоту своей родины.

На площади на углу Нагорного проспекта был выстроен почетный караул из войск местного гарнизона, китайский оркестр, ученики китайских и русских школ.

Собрались приглашенные участники церемонии.

Она началась речью Ван Цзиньчуна, посвященной памяти Сюя. После других речей, под воинский салют с памятника опускается скрывавшее его покрывало. Оркестр играет китайский национальный гимн и гимн «Коль славен». Снова речи гостей, снова салют.

Под звуки оркестра мимо памятника проходят учащиеся и почетный караул.

После этого в присутствии гостей в гимназии Оксаковской на Вокзальном проспекте происходит торжественное заседание Общества изучения Маньчжурского края. Заседание открывает заместитель председателя г-н Юй. Звучит ряд приветствий (представителя Комитета общества А.И. Погребецкого, ген. Чжу, С.И. Данилевского, Б.В. Остромова, П.С. Тищенко).

После этого все участники, в том числе и почетные гости, с трудом пробиваются сквозь густую толпу, собравшуюся на всем их пути от гимназии до Московских торговых рядов, на Соборной площади и на прилегающих улицах и тротуарах: здесь, в Московских рядах они открывают Юбилейную выставку КВЖД.

Эта грандиозная выставка явилась отчетом дороги по развитию края, отчетом о благотворной деятельности русских в Маньчжурии за истекший период («Энергией интеллекта и мужеством труда» называли ее итоги газеты).

После открытия и беглого осмотра выставки гости отправляются на вокзал и отсюда на специальном поезде на осмотр Восьмого участка и Главных механических мастерских. Их они осматривают детально, знакомясь с работой цехов и депо.

Писать здесь о ней подробно я не имею возможности. Отмечу только, что в здании Московских торговых рядов выставка не поместилась и выплеснулась на свободную незастроенную площадку напротив Ря-

дов. Здесь была установлена длинная палатка с вывеской фирмы И. Я. Чурина, где можно было попробовать чай, очищенный новой чудо-машиной фирмы, а рядом в киоске, выполненном в китайском стиле, купить его.

В качестве курьеза упомяну также, что центром внимания здесь, на этой площадке, был не чай, а два павильона водочных заводов фирм «Лоу Сюй-Панцзы» и «Бородин и Таката». В первом был устроен сложной конструкции фонтан, в котором вместо воды выбрасывалась струя самой настоящей водки; а «Бородин и Таката» соорудили для рекламы своих водочных соблазнов из собственных оригинальных бутылок миниатюрную копию Эйфелевой башни.

Комментируя экспозицию этих двух павильонов, журналист с иронией отметил, что она создает неизгладимое впечатление, но если судить только по ним, то может создаться весьма своеобразное представление о задачах и достижениях маньчжурской промышленности... Но мы-то уже знаем, какой была на самом деле эта промышленность!

Но и на выставке судить об этом предмете можно было отнюдь не только по водочному производству. Выставка убедительно продемонстрировала успехи культурного и экономического развития Северной Маньчжурии, неразрывно связанные всеми своими сторонами с постройкой и работой Китайской Восточной железной дороги. Для одного ее осмотра потребовались бы не часы, а дни — и много дней. Она как в зеркале отразила все прошлое и настоящее дороги и края.

Наряду с успехами самой дороги нашли свое отражение и все важнейшие, наиболее яркие проявления деловой жизни всей полосы отчуждения. Одна за другой располагались витрины и отделы различных фирм, о которых я уже писал выше.

А вечер 12 июня был посвящен празднику самого города Харбина, прошедшим торжественным заседанием в Коммерческом собрании.

В центре сцены — портреты А. И. Юговича и Сюй Цзинчэна. Над сценой на зеленом фоне большими черными буквами надпись: «Город Харбин. 1898—1923».

Именитые гости начали собираться в фойе собрания к 8 часам вечера. Заседание объявил открытым председатель Городского совета П. С. Тищенко. В пространном выступлении он обрисовал историю развития города — в непосредственной связи с КВЖД, — возникшего на пустынном месте и ставшего ныне центром развитого и богатейшего края, с его сегодняшними 500 тысячами жителей, многочисленными фабричными, заводскими и торгово-промышленными предприятиями,

оценивающимися в 700 млн. долларов. Он отдал должное энергии русского и китайского населения города, его трудолюбию, кругозору и терпимости русской власти, а также — первому подрядчику в Харбине — Ти Фонтаю, положившему немало трудов для развития края, поблагодарил китайские власти за проявленное ими к русским гуманное отношение.

Начальник Управления городского и поселкового хозяйств ген. Ма Чжунцзюнь и товарищ Председателя Правления Общества КВЖД Юй Жэньфэнь — оба подчеркнули, что ранее на месте Харбина была пустошь. Г-н Ма высказал уверенность в том, что «еще через 25 лет и Харбин будет иметь миллионное население и разовьется в большой культурный город, который не уступит лучшему городу в Европе». Выступали также: представитель маршала Чжан Цзолиня ген. Ян Чжо, Б. В. Остроумов, С. И. Данилевский, представитель консульского корпуса французский консул Леписье, присяжный поверенный М. Ф. Гильчер, председатель Харбинского Биржевого комитета Н. В. Водянский. Зачитывались приветственные телеграммы, присланные из Пекина Д. Л. Хорватом и проживавшим в Петрограде А. И. Юговичем.

Был сервирован праздничный стол и дан великолепный концерт с участием харбинских артистов — С. Э. Торгуда, Н. Д. Глория, Е. И. Рутковского, Шуры Степановой, балерин из студии Е. И. Квятковской.

«Это было историческое заседание, — писали газеты, — в оценке роли Харбина сошлись русские, китайцы, японцы и европейцы!»

На следующий день для гостей была организована поездка на курорт Имяньпо, откуда они вернулись 14 июня (*Экономический вестник Маньчжурии*, 1 июля 1923, № 25).

В Имяньпо и Ханьдаохэцзы на Восточной линии, параллельно с харбинским, тоже были организованы празднования юбилея КВЖД.

После молебна учитель Л. Ф. Лундстрем обратился к присутствующим с речью о значении КВЖД, указал на громадное и исключительно влияние дороги в деле культурного и экономического развития Маньчжурии. Это большое русское дело развивается и имеет мировое значение.

Исполнялся «Коль славен».

В помещении Желсоба устроен завтрак, на который были приглаше-

ны все чины гарнизона. Вечером состоялся бесплатный спектакль и концерт для всего населения. Инженер Мыслин сказал краткое вступительное слово: создание КВЖД — великое русское дело, обильно политое русским потом, русской кровью и осыпанное русским золотом, это русское дело принесло ценные плоды Китаю и другим государствам, и в этом деле отразились широта души и размах русского народа (*Русский голос*, 1923, 14 июня, № 845).

Парад знаменитостей, посетивших Харбин в 1923–1924 гг., открыла русская певица Лидия Яковлевна Липковская.

В понедельник 23 октября в харбинской «Заре» появилось объявление о том, что во вторник 14 ноября состоится первое гастрольное выступление знаменитой примадонны Государственных театров Лидии Яковлевны Липковской, а следующее — 17 ноября.

Пропуски в имеющейся в библиотеках России харбинской печати за ноябрь 1922 г., к сожалению, пока не позволяют мне рассказать об этих выступлениях в Харбине замечательной певицы и откликах на них в харбинской прессе, равно как и о первых впечатлениях Липковской о Харбине. Но она пробыла в городе долго — около 4 месяцев (правда, за это время еще съездила во Внутренний Китай).

13 февраля газеты сообщили сногшибательную новость: Л. Липковская ездила в турне на юг Китая (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай) и привезла оттуда в Харбин 28 различных птиц (в том числе 9 попугаев). Но самое главное: Липковская вернулась из поездки госпожой Ришар, а свадьба ее состоялась в Шанхае.

Лестную рецензию на выступление Липковской в опере «Манон» в Пекине дал «Журнал де Пекэн» (на французском языке): «Лидия Липковская, чудесно одаренная, поющая на всех языках, с легким и чистого тембра голосом, передает с глубоким пониманием соблазнительную оригинальность музыки Массне».

Был назначен концерт в Комсобе, а затем — гастрольные выступления Лидии Яковлевны в составе харбинской оперной труппы. Мой отец вспоминает о них так:

«Приезд в Харбин известной певицы Лидии Липковской был удачно использован коллективом оперных артистов для привлечения ее к уча-

стию в нескольких операх. Она выступила в двух операх — “Фаусте” и “Богеме”. Артистка отказалась петь с лирическим тенором оперы — Черненко (опытным, но очень пожилым актером), и партию Фауста пел Оржельский. Я не пошел на этот спектакль. Будучи уверен, что Оржельский будет, конечно, хорош, я не хотел хоть в малейшей степени испортить впечатление от лицемерия затянутого в трико необычно огромного Фауста с чуть-чуть кавалерийскими ногами. Очень не хотел выступать в этой непривычной для него роли и Николай Антонович, но для коллектива это было выгодно (спектакли по повышенным ценам шли с аншлагом!), и он, конечно, согласился.

Зато яркие воспоминания остались от “Богемы”. Опера шла отлично, приподнятое от этого настроение не давало возможности настроиться соответственно приближающейся драматической развязке с Мими (Липковской).

Последняя сцена — Рудольф (Оржельский), думая, что Мими лучше, что она уснула, идет к окну и, поднявшись на стул, задергивает оконные занавески. Он спокоен и даже радостен — Мими поправляется. Вошедшие друзья сразу же видят, что Мими умерла, но Рудольф, повернувшись к ним и стоя на стуле на одной ноге, прикладывает палец к губам, давая им знак, чтобы они не разбудили Мими. Позы друзей и их растерянность говорят Рудольфу, что что-то случилось, а повернувшись к Мими (по-прежнему на одной ноге!), он понимает, что она умерла. От его радостной, шаловливой позы не остается и следа, он застывает в отчаянии. Так прошли несколько секунд, но память о них осталась на всю жизнь!

По имеющимся у меня отрывочным данным, Липковская в оперной труппе спела также 8 марта партию Джильды в опере “Риголетто”. Это выступление было объявлено последним, и певица собиралась уезжать в Японию. Но... В пятницу 16 марта Липковская поставила одноактную оперу “Секрет Сюзанны” — написанную популярным Вольфом Феррари, творцом известной оперы “Драгоценности Мадонны”. (Ее она ставила еще в Мариинском театре.) Партнером ее был Торгуд, исполнявший роль Графа.

После спектакля состоялся концерт. В концертном отделении певица исполнила романс Длусского “На нивы желтые” Чайковского, “Английскую песнь” Кроуна и музыкальную ариетту Норины Доницетти. Затем, в costume пастушки — песенки “Бержеретт”, и на бис, после

продолжительной овации, любимый харбинской публикой “Французский вальс”. Рецензенты считали, что это было самое блестящее выступление Липковской в Харбине.

В августе 1923 г. Лидия Липковская с пианистом Сверженским выступала уже в Австралии, получая отличную прессу. Харбинский “Русский голос” поместил одну из этих рецензий под заголовком “Липковская в Австралии” из “Сидней Морнинг Геральд”».

Думаю, что харбинцы в Австралии, выпускающие в свет журнал «Австралиада», смогут дополнить это мое сообщение своими материалами, ведь они находятся, так сказать, «на месте»!

Другими именитыми артистами, гостями Харбина уже в 1924 г. были Петр Иванович Словоцв, с женой, Маргаритой Николаевной Риоли-Словоцовой.

Отец вспоминает: «О Словоцове, за редким исключением, никто ничего не знал. Первый их концерт показал, что Риоли-Словоцова — отличная, культурная певица, а Словоцов — певец просто изумительный, обладатель тенора большой силы и необычайной нежности и красоты!

После первого отделения концерта я вышел в фойе и почти сразу увидел Н.А.Оржельского. Бросился к нему с восклицанием:

— Николай Антонович, да это что же за голос!

На что Н.А.Оржельский ответил:

— Да, это архи-тенор!

И с грустью добавил:

— Он приехал, ему все приготовили, ему не пришлось, как мне, бегать и чуть не самому расклеивать афиши, когда приехали в Харбин. Дело было ранней весной, помню, шел сильный дождь, а у меня были дырявые подошвы на ботинках! Простудился, в первом концерте выступал совсем больным.

Вот так через два с лишним года Николай Антонович случайно подтвердил слова полковника В.Н.Лазарева, сказавшего нам после визита за кулисы, что Оржельский поет, будучи больным.

Говоря о Словоцове, Н.А., конечно, не завидовал ему, чувствовалось, что ему грустно от того, что пришлось ходить под дождем в дырявых ботинках, не имея второго костюма, чтобы переодеться. Мне было понятно: ему, выдающемуся артисту, были горьки эти воспоминания.

А Оржельский продолжал:

— Голос изумительный, но удивительно, что Словоцов поехал гастро-

лировать! Он очень скромный человек, без всяких амбиций, никакая слава ему не нужна, и, по-видимому, только волевой характер его жены заставил его предпринять эту поездку. Его жена — замечательная певица с прекрасной школой, но нужно поражаться, как она может теперь петь, — ведь у нее осталось только одно легкое!

Через день после концерта Словцовых в газете “Заря” вся (!) третья страница была посвящена Словцову. Одна статья называлась “Сибирский соловей”, и я жалею, что не сохранил эту интереснейшую статью. В ней приводились биографические данные, много говорилось об артистической карьере Словцова. Не буду перечислять всего, что давалось в статье, отмечу только, что в 1912–1913 годах его уже считали несомненным преемником Л. В. Собинова; в то время Словцову было около 26 лет.

Приехал он в Харбин из своего родного города Красноярска. Дал несколько концертов и спел — Альфреда в “Травиате”. После двух концертов в Железнодорожном собрании давал концерт в “Новом Театре” — в здании переделанного цирка. Зал вмещал свыше 1500 чел. В числе многих арий и романсов был исполнена ария “Рахиль, ты мне дана”. Исполнение было чудесным и безукоризненным, я восторгался голосом артиста и все же с большим удовлетворением констатировал, что Оржельский исполнял эту арию лучше! Чем лучше? Словцов своим чудеснейшим лирическим голосом не мог дать того драматизма, который так свободно давался Оржельским!

Но зато при исполнении арии из “Искателей жемчуга” происходило что-то невероятное! Чудесную, ласкающую мелодию Словцов закончил таким пиано-пиано-пианиссимо, что казалось, что вьется все утончающаяся ниточка, сходящая на нет, ниточка, которая вот-вот дрогнет и оборвется. Нет, она вьется, вьется около минуты! Все застыли, почти перестали дышать! Наступила почти абсолютная тишина, а в ней еле-еле бьется ниточка звука, которую так страшно оборвать каким-то движением, неосторожным дыханием. Поразительная техника, изумительная чистота и нежность голоса!

О силе голоса Словцова, дававшего эту силу без всякой аффектации, можно судить по появлению Альфреда в доме Виолетты. Обычно это появление Альфреда теряется для зрителя, будучи обусловленным глубиной сцены, а звук спокойной фразы Альфреда легко заглушается и хором, и оркестром.

И вот кто-то вошел в зал Виолетты и запел или, вернее, произнес музыкальную фразу! И сразу и хор, и оркестр были покрыты молнией ослепляющих звуков! Это было так неожиданно, что мой друг Миша схватил меня за руку и взволнованно спросил:

— Кто это?

После нескольких, поистине триумфальных выступлений Словцова харбинцы узнали, что известный на Дальнем Востоке американский антрепренер Строк предложил Словцову контракт для поездки в Америку. Словцов отказался от контракта. Съездил в Тяньцзинь, дал там несколько концертов и вернулся в Советский Союз. Но куда? Более 25 лет я ничего не слышал о нем, хотя и очень интересовался судьбой этого поистине изумительнейшего голоса.

В конце сороковых годов узнал, что Словцов все время жил в Красноярске, преподавал в музыкальном училище, занимался хозяйством, любил разводить гусей и уток.

Никуда с гастролями не ездил, с концертами почти не выступал. В Красноярске и умер.

Мне не приходилось слышать ни одной пластинки, напетой Словцовым, а может, их и нет? Если это так, то только можно погоревать, что мы не оставили наши потомкам памяти о нашем русском Джили!»

Оставлю пока без комментария эту последнюю часть воспоминаний папы о П.И.Словцове. Мне известно кое-что о жизни этого певца в Красноярске.

Но горячее желание папы я исполнил, нашел все же эту статью в «За-ре» о П.И.Словцове. Название у нее несколько другое. Привожу ее.

Соловей в феврале

Петр Иванович Словцов.

Русский Карузо из дремучей сибирской тайги.

Есть что-то былинное и трогательное в истории восхождения к славе этого до сих пор не вполне оцененного Россией певца.

Редкий, редчайший голос — сильный и свежий, яркий, полнзвучный, вдохновенное мастерство передачи, школа, строгое подвижническое отношение к искусству, к своей миссии в современном русском искусстве, соблазнительные и настойчивые зовы на мировую сцену, в Лондон, в чопорный, редко для кого доступный Ковен-Гарден и...

И унылая глушь сибирского захолустья.

Гуси, утки, ученицы, герань на окнах, тихие радости неторопливого красноярского уединения.

Утомительный, часто неблагодарный труд “учителя пения”.

— Развожу поросят! — говорит и ласково улыбается Петр Иванович. “Поросятами” он любовно зовет своих будущих Патти и Карузо, которыми всегда была таровата российская провинция.

Чем мельче городок, тем больше в нем “вундеркиндов” без будущего и “вундерманов” без прошлого.

У нас опера есть, нашими, с Маргаритой Николаевной, руками сделанная. Хор прекрасный — куда угодно можно с ним. Хор этот — наша гордость. Оркестр слабее... И солистов не так много. Но ставим, по мере сил, учимся.

Ведь приехал в Харбин человек, над которым по праву могли бы спуститься лучи, лучи мировой славы.

Горло, бесценные связки которого охотно застрахует в любую бешеную сумму любая многомиллионная “инсураж компани”.

По бесспорным богатствам своего волшебного горла, соловейного, трельного, звонкоструйного — Словцов если бы и завернул на перепутье мировых дорог, в Харбин, то в комфортабельном антураже отдельного вагона, собственного пианино, с телеграммами “Рейтер” об отъезде, выезде, приезде с десятком больших и маленьких Строчков, и спереди, и сзади.

Увы, пока что, это “сладостная легенда”.

А кусок жизни “грубой и бедной” скромный номер в “Модерне”, после нарочито скромного приезда в Харбин.

О, Словцов может не бояться за сборы.

Словцов может обойтись без “превосходных степеней” в рецензиях, без комплементов в аванс.

Кто был счастлив слушать Петра Ивановича, тот не отпустит его со сцены. Не устоит перед желанием слушать Словцова из концерта в концерт.

Харбин очень, очень счастлив сейчас. На дворе февраль и не начался перелет даже грачей. А к нам, счастливым ветром, к нашей нечаянной радости, занесло соловья.

Этапы личной жизни четы Словцовых, вехи, с которыми не сбиться.

Петр Иванович — природный сибиряк, попович. О поповичах полегче, немало они дали русскому искусству... Кончил духовную семина-

рию. Но не кончил университета, Варшавского. И славный питомец славной Московской консерватории.

Три года Словцов пел в Киеве, в городском театре, в антрепризе Багорова.

15-ый, 16-ый и 17-ый годы Петр Иванович, с несравненным успехом подвизается уже в Питере в большом театре при Народном Доме.

А супруга, спутница Словцова и в жизни, и в искусстве Маргарита Николаевна, окончившая консерваторию в один и тот же год с Петром Ивановичем, бесценно выступает в те же годы вместе с Ф.И. Шаляпиным и Л.В. Собиновым.

У Маргариты Николаевны — сильный, приятного тембра голос, совершенная фразировка. По общим отзывам, она лучшая в России “Татьяна”, “Таис” и “Шарлотта”.

Перед самой революцией Словцовы, оба, подписали контракт на Мариинскую сцену и отправились на родину Петра Ивановича отдохнуть...

Дальше чехи, Колчак, советы...

И русский Карузо какой уж год все “отдыхает” в вольных сибирских просторах.

Но у больших людей — всегда большие возможности.

Пусть сам Петр Иванович упрямо повторяет: — Переживать свою славу не стану. Еще пять лет буду петь, потом в учителя пойду.

Мы знаем, что голосовые сокровища Словцова, его молодые годы и школа, поставившая и отшлифовавшая этот голос, позволяет Петру Ивановичу завораживать людей и еще через 10–15 лет.

В понедельник — первый концерт Словцова в Железнодорожном собрании. Этот концерт сулит редкие наслаждения.

Сулит трепетные, глубокие восторги.

Виктор Сербский».

Но этими тремя именами список артистических гостей Харбина отнюдь не исчерпывается. В 1923–1924 гг. через Харбин прошел, в полном смысле этого слова, блестящий «парад знаменитостей».

В июне—июле 1923 г. в городе побывал, раз в пятый, знаменитый тенор, заслуженный артист Большого театра А.М. Лабинский, а также прима-балерина Московского и Петроградского государственных оперных театров и гастрольной поездки труппы С. Дягилева по Америке, Англии и Франции — Ксения Петровна Маклецова.

В сентябре гастролировали певицы: Мария Александровна Карин-

ская («Заря» напомнила, что только три женских имени гремели в России из года в год: Вяльцева, Плевицкая и Каринская; а о тоне рецензий дает понять заголовок одной из них — «Чудо Каринской») и М.А.Ведринская.

В октябре вновь дал несколько концертов скрипач с мировым именем — Яша Хейфец, и давались объявления о гастрольях известного автора-юмориста, любимца харбинской публики Владимира Степного (настоящего!), который выступит с пением, злободневными лубками, инсценировками и интермедиями.

В ноябре здесь побывал в рамках большого заграничного концертного турне скрипач Михаил Эрденко.

В январе—феврале 1924 г. выступал с концертами, пел во многих операх Александр Ильич Мозжухин.

За ним приехала чета Слозцовых.

В апреле гастролировали знаменитый бас, артист Петроградского и Московского государственных театров Владимир Иванович Касторский и с ним известное колоратурное сопрано М.А.Хованская.

А в июле приехал Малый театр...

Блестящие выступления старых русских артистов, их печатавшиеся в харбинской прессе воспоминания о русском искусстве вновь и вновь воскрешали в памяти русского населения Харбина страницы такого недавнего прошлого!

Культурная жизнь Харбина в этот сложный, переломный 1924 год была исключительно яркой и оживленной.

Но почему переломный?

В начале октября этого года Китайская Восточная железная дорога перешла в руки совместного советско-китайского управления, что коренным образом изменило всю жизнь россиян в Маньчжурии.

Как происходил 3 октября 1924 г. — в день «Октябрьского переворота на КВЖД» — переход дороги в совместное советско-китайское управление?

О! Это был день весьма драматических событий.

Но начать придется все-таки с кануна — со 2 октября.

Вторая половина дня... Необычайное волнение в железнодорожных кругах. Получены первые официальные сведения о сроке перехода Китайской дороги в руки новой администрации. Все знали о ведущихся

советско-китайских переговорах. Но никто не ожидал столь быстрых результатов. Оказалось неожиданным, что изменения должны произойти буквально завтра. От Чжан Цзолиня была получена телеграмма о том, что завтра придут китайские члены созданного Распорядительного комитета и в тот же день вступят в исполнение своих обязанностей. Советская сторона вроде бы заявила, что ни о какой передаче дел в этот день не может быть и речи.

Постепенно в правлении дороги восстанавливается спокойствие. С внешней стороны все здесь обстоит так же: висят те же выцветшие и пожелтевшие плакатики: «Канцелярия», «Ревизионный комитет», «Приветствия без рукопожатий», «Просьба оставлять верхнее платье у швейцара» и т.п.

В шесть с половиной часов вечера на квартире советского генерального консула М.Я.Ракитина происходит совещание советских членов Распорядительного комитета дороги, на котором присутствовали Серебряков, Ракитин, Данилевский. Результаты совещания неясны. Говорили, что были окончательно намечены кандидатура в Управляющие дорогой А.Н.Иванова и на должность помощника Управляющего инженера Эйсымонта.

Утро 3 октября. В «Заре» статья «Исторический день КВЖД».

Так сказать, прогноз ожидаемых событий, как они представлялись журналистам вечером 2 октября, когда верстался номер газеты:

Сегодня в 8 час. 5 мин. утра прибывают китайские члены Распорядительного комитета дороги — Юань Цзинькай и другие и вступают в исполнение своих обязанностей. Сегодня же в 12 час. первое заседание.

Завтра, тоже в 12 часов — первое заседание Распорядительного комитета в полном составе, т.е. русских и китайских членов вместе, самое обычное, деловое. На повестке дня один вопрос: О назначении Управляющего дорогой и его помощников. После принятия решения оно будет передано Управляющему дорогой. После назначения Управляющего и его помощников — должно состояться и назначение новых начальников служб.

Русские члены правления молчат. Якобы собираются внести протест против смены высшей администрации... Другая версия: они настолько ошеломлены неожиданностью, что не смогли установить, какой им тактики держаться.

Остроумов заявляет:

— Я готов сдать дела, так как они находятся в полном порядке.

Управление работало нормально. Начальники служб не получали каких-либо официальных извещений о событиях или распоряжений о сдаче дел. Сегодня занятия должны идти нормальным ходом. Все события будут происходить в правлении.

Неожиданным было предложение инженеру Данилевскому войти в состав Распорядительного комитета. Теперь старых членов правления там два: он и Юань Цзинькай...

Таково было, как мы можем убедиться, вполне спокойное ожидание предстоящих событий

Однако на следующий день — 4 октября — газета вышла под сенсационным заголовком:

«Китайская дорога в руках советско-китайского управления».

А подзаголовки охладили душу читателей: «Вчера Правление и Управление Китайской дороги — арена чрезвычайных событий, носящих не только местный, но международный характер. Дни, подобные вчерашнему, Китайская дорога не знала за все 25 лет своего существования. Переход дороги из банковско-китайского в советско-китайские руки. Сложение старым составом Правления своих полномочий. Увольнение крупнейших лиц администрации дороги и назначение новых».

Наконец, как завершение всего этого калейдоскопа событий: «Арест управляющего дорогой инженера Остроумова и начальника Земельного отдела дороги Гондатти».

Ниже следует полный отчет двух ведущих харбинских журналистов — Л.В.Арнольдова и М.С.Бибинова (под псевдонимами Виктор Сербский и М.Рокотов) о тех по-настоящему драматических событиях, которые в действительности произошли за минувший день.

Утро 3 октября 1924 года. Свежий холод первого заморозка и червонное золото осеннего солнца. Встречают мукденских гостей. Последние распоряжения — и из парадной комнаты харбинского вокзала выходит инженер Остроумов.

Он в синем пальто-клевш, в серой полярковой шляпе, в серых гетрах, с серыми замшевыми перчатками в руке.

В этот момент скромно проходит в буфет первого класса (его будущий преемник) Иванов.

Подходит поезд. Пульман первого класса, № 23. Доктор Хэ (его я уже упоминал выше) Остроумову:

«Хау ду ю ду?»

И вдруг внезапной толпой сбоку: главноначальствующий Чжу Циньлан, генерал Чжан Хуансян, генерал Вэн и другие.

Выходят китайские члены Распорядительного комитета. Остроумов им передает свои визитные карточки.

Каша рукопожатий, взаимных поклонов, передаваемых из рук в руки карточек.

Многие приехавшие, даже китайцы, — люди новые и не знакомы друг с другом. Затем все кучкой движутся к парадной комнате.

В эту минуту, рослый и представительный Иванов подходит к ген. Ян Чжо, как к доброму своему знакомому, и дает ему две карточки:

«Для г-на Юань Цзинькая и Вам»...

Будущий «Эн» в отличном летнем пальто, в свежей светло-серой шляпе. У него открытое младежское лицо блондина, на верхней губе подстрижены усы: облик простой, чувствуется в себе уверенность и полное самообладание.

Все входят в парадную комнату.

На круглом столе обычное: тяжелые вазы, нагруженные фруктами, печеньем, дымится в сверкающих чистотой стаканах — горячий чай.

Все переходят с места на место, разговаривают, совещаются — никто не берет на себя инициативу пригласить к столу.

Иванов, обведя всех вопросительным взором, проходит к выходу.

Среди китайцев — Данилевский.

— В одиннадцать часов? Да, в одиннадцать...

От входа налево, в углу, у окна стоит один Б.В.Остроумов. Безучастный, замкнутый, безмолвный. Это была его привычка прежде, всех объединять, веселить, дирижировать общим настроением.

Сегодня не то.

Еще несколько минут тягостного недоумения.

Наконец, Остроумов бросает через головы Данилевскому:

— Ну что, Сергей Иванович, они не будут чай пить?

— Очевидно, нет, — глухо отвечает инженер Данилевский.

Остроумов обращается тогда к группе журналистов:

— Всего хорошего, господа! — И быстро уходит.

Что происходило в это время в правлении дороги?

Готовились к встрече членов Распорядительного комитета. Она была назначена на 11 час. утра. Тем временем в помещении РусскоАзиатского банка должно было состояться совещание русских членов правления

дороги с представителями администрации местных отделений Банка. Они отправились туда в одиннадцатом часу. Правленцы лихорадочно ожидали результатов совещания.

Но раньше возвращения русских членов правления, около 11-ти прибыли новые члены Распорядительного комитета. В правлении по-прежнему тихо и чинно, по-обычному. За несколько минут до 11-ти появляется ген. Ян Чжо.

Краткое интервью:

— Я как и был прежде, — говорит генерал, — так и остаюсь членом ревизионного комитета дороги.

В 11 час. 5 мин. безо всякого сопровождения прибывают в вестибюль и снимают свои пальто М.Я.Ракитин, А.Н.Иванов и гр-н Серебряков. Ракитин в синем костюме с портфелем. Лицо его бесстрастно. Иванов — в черном, строгом костюме. Встреченные секретарем инженера Данилевского, г. Люба, все трое быстро проходят в его кабинет товарища председателя правления. Там, когда открывается дверь, виден в мягком кресле Серебряков. На столе Данилевского в вазе букет снежно-белых астр.

В 11 час. 10 мин. прибывает сам Данилевский, а затем с минутным перерывом появляются, наконец, русские члены Правления — С.М.Вебер, В.В.Пушкарев, П.И.Кузнецов, Н.К.Эльтеков. Все они поднимаются наверх, в зал заседаний, за исключением инженера Данилевского, прошедшего в свой кабинет приветствовать советских гостей.

Заседание прежнего состава правления и ревизионного комитета дороги в присутствии всех — новых и старых членов как русской, так и китайской группы — начинается в зале заседаний ровно в 11 час. 15 мин. и продолжается ровно... ПЯТЬ минут.

За эти пять минут заместитель председателя Правления Юй Жэньфэнь зачитывает телеграмму маршала Чжан Цзолиня о формировании Распорядительного комитета, к которому переходят все функции прежнего правления. Это означало, что прежнее правление распускается и его более не существует. Окончив чтение телеграммы, Юй заявляет, что никаких прений по существу дела он допустить не может. Кроме того, «он спешит» и поэтому объявляет последнее заседание правления закрытым.

В 11 час. 20 мин. все уже спускались вниз, в вестибюль.

В зале задержались только Данилевский, Юань Цзинькай и ген. Ян

Чжо. Все трое — единственные, кто из состава прежней высшей администрации дороги попали в состав Распорядительного комитета.

Бывшие члены правления разъезжаются по домам.

В вестибюле появляется новый вице-консул СССР в Харбине г-н Дяткович.

Наконец, вниз из зала заседания спускается Данилевский, проходит в свой кабинет и через минуту появляется оттуда в сопровождении советских представителей. Первым идет Серебряков со значком члена ЦИКа в петлице, за ним Ракин, держа в руках новый желтый портфель, и замыкает шествие А. Н. Иванов.

Все они скрываются в дверях кабинета председателя правления дороги.

В 11.40 появляются вновь назначенные члены Распорядительного комитета — китайцы: Лю Юнхуа, Ляо Цзо и инженер Фань Цигуань — и точно так же проходят в тот же кабинет. Вслед за ними туда же идут ген. Ян Чжо и Юань Цзинькай.

В 12.15 начинается частное совещание Распорядительного комитета. Инженер Далматов, по обыкновению, исполняет функции церемониймейстера и готовит зал к предстоящему заседанию.

Огромный и парадный главный зал правления дороги, украшенный по стенам внушительными портретами русских генералов и китайских сановников, — неузнаваем. Посередине — огромный крытый белой скатертью стол, украшенный цветами.

Стоят вазы с фруктами, коробки конфет. За соседним столиком перетирают многочисленные фужеры для шампанского.

Ровно в 12 час. дня из кабинета председателя появляется фигура будущего Управляющего дорогой Иванова. В 12.05 двери кабинета распахиваются и весь состав Распорядительного комитета проходит в зал для того, чтобы заслушать речь нового председателя Распорядительного комитета ген. Бао Гуйцина.

В большом зале все расположились за сервированным столом. Разнесли шампанское. Заседание открывает Юань Цзинькай, который заявляет:

«Сегодня первое заседание Правления в новом составе, которое отныне называется уже не Правление, а Распорядительный комитет». Он перечисляет состав членов Правления от Китая. Вслед за ним поднимается Серебряков и сообщает: «С нашей стороны входят в Распорядительный комитет: товарищем председателя Серебряков, членами — Ра-

китин, Грант, Данилевский и Клышко». После выступления Серебрякова Юань назвал китайских членов ревизионной комиссии, а Серебряков — русских. Ими оказались: инженер Чэн Хань, ген. Ян Чжо, Дяткович и Костин. Третий член ревизионной комиссии от СССР еще не назначен.

Приветственная речь ген. Бао Гуйцина

Известный нам Бао Гуйцин, тогдашний глава Распорядительного комитета, лично на заседании не присутствовал. Г-н Юань прочел его письменное обращение за личной подписью. Оно гласило:

«Сегодня день открытия функций Распорядительного комитета и ревизионного комитета Китайской Восточной железной дороги. Произошли реорганизация и перемена в деловой обстановке. Я назначен председателем Распорядительного комитета, но казенные дела временно задержали меня в Мукдене. Весьма сожалею, что лишен возможности лично присутствовать в день открытия функций Распорядительного и ревизионного комитетов. Председательствование за меня поручаю члену Распорядительного комитета Юань Цзинькао. Состоявшееся подписание дружественного соглашения открывает совместную дружественную работу на бесконечное счастье Китайской Восточной железной дороги. Приветствуя в этот день Распорядительный и Ревизионный комитеты железной дороги двух правительств, я желаю многолетней успешной работы.

Председатель Распорядительного комитета,
совмещающий должность главного управляющего делами
Общества Китайской Восточной железной дороги (дубань)
Бао Гуйцин».

По прочтении речи генерала Бао присутствующие на заседании подняли в его честь бокалы вина. Затем русские и китайские члены комитетов познакомились между собой, поздравляли друг друга, чокались бокалами шампанского.

В час дня все члены комитетов вышли из зала и поднялись в зал заседаний Комитета, где началось первое деловое заседание. Это заседание носило совершенно закрытый характер. Результаты его стали известны журналистам позднее. Ровно в два часа дня был объявлен перерыв. Все китайские члены комитетов из зала заседания вышли и разошлись по коридорам. Советские представители не выходили.

После 20-минутного перерыва совещание продолжило свою работу. Занятия в правлении заканчивались в три часа дня, и правленцы, об-

суждая между собой события, потянулись к выходу. Правление опустело. Лишь в угловой комнате второго этажа по-прежнему шло заседание, а внизу в приемной-вестибюле толпились представители газет, ожидавшие его результатов.

На каждого, выходявшего из заветной комнаты, набрасывались с расспросами, но все отмалчивались.

Наконец, информация удалось получить. С разрешения Распорядительного комитета прессу собрал в свой кабинет начальник Канцелярии Правления профессор Рязановский и вкратце сообщил о ходе еще не закончившегося заседания.

— На повестке дня, — заявил он, — как известно, стоят следующие три вопроса: 1. Вопрос об учреждении Распорядительного комитета; 2. Об установлении порядка приема дел правления; 3. О назначении Управляющего дорогой и его помощников.

Профессор В.А.Рязановский объявил, что Распорядительный комитет, заслушав заявление исполняющего должность заместителя председателя об учреждении комитета, постановил принять это заявление к исполнению и считать Распорядительный комитет в следующем составе: председателя ген. Бао, товарища председателя Л.П.Серебрякова, заместителя председателя Юань Цзинькая, заместителя товарища председателя М.Я.Ракитина и членов — С.И.Данилевского, Гранта, Н.К.Клышко, инженера Фань Цигуаня, Лю Чжэна и Люй Жунхуана — вступившими в исполнение своих обязанностей с 12 час. дня 3 октября.

По пункту второму постановлено: поручить гг. Юаню и Серебрякову установить порядок и произвести саму приемку дел правления дороги.

Наконец, по третьему пункту принято решение: Управляющего дорогой инженера Б.В.Остроумова и его помощника инженера С.Ц.Оффенберга уволить. На эти должности назначить Управляющим А.Н.Иванова и его помощником — инженера А.А.Эйсымонта.

Этими краткими, хотя и первостепенной важности сообщениями официальная информация начальника Канцелярии была исчерпана. Больше он ничего не мог сказать, кроме того, что заседание еще продолжается, причем идут разговоры о предполагаемых переменах в среде начальников служб.

Для журналистов снова потянулись томительные минуты ожидания конца заседания.

В три с половиной часа, из зала заседания вышли председатель и два члена ревизионной комиссии и удалились в другой кабинет для своего отдельного от Распорядительного комитета заседания.

Через несколько минут стала известна очередная сенсация: заседание Распорядительного комитета постановило, что название «Распорядительный комитет» уничтожается и что верховный административный аппарат дороги будет по-прежнему называться «Правлением».

Заседание правления окончилось только в 4 ч. 35 мин. дня.

Сперва вышли китайские, а через несколько минут и советские члены правления. Журналисты оцепили их, расспрашивая о результатах заседания, но спрашиваемые ничего не смогли или не захотели прибавить к полученной журналистами ранее информации. Однако удалось узнать, что на заседании велся разговор о дальнейших заменах лиц в администрации дороги, причем уже намечены, хотя и не оформлены протоколом следующие замены и назначения: на должность заведующего Экономическим бюро — вместо И.А. Михайлова инженера Г.Н. Дикого, на должность правителя дел Канцелярии, обязанности которого в настоящее время исполняет Р.Р. Мюллер, назначить г. Яцунского, и вместо А.В. Обольского, на должность секретаря Управления назначить А.М. Большова.

Никаких новых перемен, назначений во вчерашнем заседании произведено не было. Никакие другие вопросы не рассматривались.

На улице — сильная гроза с градом несколько задержала отъезд из правления его членов, чем и воспользовались журналисты.

В 5 час. вечера здание правления опустело, чтобы со следующего дня зажить новой жизнью.

Теперь о том, как проходил этот день — 3 октября — в Управлении дороги (последний день Остроумова в должности Управляющего КВЖД).

Скоро 9. По широким панелям Большого проспекта к Управлению течет обычный поток служащих.

Дверь в кабинет Оффенберга открыта: работает. Дверь в кабинет «Эн» наглухо закрыта. Появляется элегантно одетый Обольский. Шутит. Опоздал и таинственно улыбается профессор Гинс.

Выжидательная лихорадка. День в управлении прошел в необычайном настроении лихорадочного ожидания каких-то крупных событий. С утра все были на местах, но занятия не клеились. Служащие поминутно выходили в коридоры, смотрели, не появилось ли новое начальство, жадно ловили каждый слух. И ждали — ждали событий.

Была уверенность в том, что вот-вот придет новое начальство и нач-

нются перемены — перемены во всем, но прежде всего в личном составе служащих.

Управляющий опаздывал... Заметили и учли, как факт, имеющий какую-то подкладку. Но в 9.30, как всегда неожиданно для всех, в свой кабинет проходит Остроумов. Он бодр и улыбается. (Вообще все и всюду улыбаются.) Но ни разу не улыбнулись только трое: Серебряков, Ракитин и Иванов. У всех на устах вопрос: уедет ли Остроумов? Общее мнение, что нет, останется в Харбине.

В начале 11-го часа к Управляющему приезжает французский консул Леписье. Вскоре Остроумов направляется на совещание в Русско-Азиатский банк...

По возвращении его из банка разнеслись слухи, что инженер Остроумов уж подал в отставку и выпускает прощальный приказ. Однако сотруднику «Зари», обратившемуся к Управляющему за проверкой этого слуха, Остроумов заявил, что никакого прошения об увольнении он не подавал и тем более не отдавал приказа по линии об оставлении своего поста.

Час истекал за часом, и лихорадочное возбуждение управленцев начало спадать. Все глубже стала проникать уверенность, что день пройдет спокойно, и что если и будут какие-либо события, то не раньше следующего дня. Спокойствием прониклось сверху донизу все Управление — настолько, что Управляющий назначил даже представителям прессы на следующий день интервью о происходящих и готовящихся событиях...

Из этого очевидно, что Остроумов не был ни о чем уведомлен и ничего не знал о происходившем в правлении, не ожидал каких-либо серьезных перемен. Возможно, что он получил от советской стороны какие-то заверения и был обманут. Во всяком случае, обманутыми оказались все служащие управления, все они о ш и б а л и с ь по поводу видимого спокойствия. Мы теперь знаем, какие события в эти часы разворачивались всюду в правлении дороги.

Но вот в управлении тоже все стало известно...

И финал: прощальная речь Остроумова.

Передаю слово беспристрастному газетному отчету: «...около 3 час. дня служащие Управления стали собираться к дверям кабинета Остроумова. Разнеслась весть, что группа служащих хочет устроить ему про-

воды, и к дверям кабинета стали стекаться со всех служб все чины Управления от машинисток и конторщиков до Начальников служб. Толпою служащих были заняты в обе стороны коридор и доверху лестница, ведущая в Контроль.

Появившийся в дверях кабинета Остроумов был встречен рукоплесканиями.

Заметно взволнованный, Б. В. Остроумов обратился к своим сослуживцам с речью. Он сказал следующее:

“Ну что ж, друзья мои, около четырех лет мы боролись за Китайскую дорогу, и эту работу я направлял. В то время дорога была оторвана от России.

Теперь Россия пришла. Вы знаете, что в Пекине и Мукдене состоялось по этому поводу соглашение, а сегодня в 12 час. дня первое заседание Распорядительного комитета, которое заканчивается к вечеру, и в главе дороги будут поставлены новые лица.

Я рад, что вы собрались здесь, и, не будучи в состоянии долее руководить вами, я могу поблагодарить вас за ту колоссальную работу, которую мы вместе с вами произвели.

Перед тем как мне приехать сюда, я наметил план работы и должен сознаться, что с вами мне удалось осуществить его гораздо легче, чем я думал.

Мы работали с вами в самый острый период после тяжелой войны и революции, в период партийной, политической борьбы, и я с гордостью могу сказать, что мы в целости донесли достояние России и Китая до сегодняшнего дня.

Мы сэкономили то богатство, которое приобретено великим соглашением графа Витте с Ли Хунчжаном, и Китайская дорога по заключению всех специалистов является далеко не худшим звеном Великого Сибирского пути. Но самой главной ценностью Китайской дороги является ее личный состав.

Когда я принимал дорогу, я потребовал, чтобы мне было положено на стол 3 миллиона и заключен 20-миллионный заем.

Однако ни копейки дано не было.

И все же свыше 20 тысяч служащих и рабочих имели на дороге свой кусок хлеба. Вы знаете, какое количество самых разнообразных учреждений содержалось за счет Китайской дороги. Во всей той работе, которая сделана, в вашем лице я видел честных и энергичных сотрудников. Может быть, за время нашей совместной работы и были некоторые несправедливые требования, особенно в начале, но вы сами понимаете,

что чрезвычайные обстоятельства влекут за собой и чрезвычайные меры. Я сам поражаюсь той выносливостью, с какой вы несли эту работу, выполняя все мои требования.

Вы служили не мне, а вашим родинам России и Китаю, и горжусь, что в этом деле служения России я был во главе вас.

При моих переговорах с местными представителями советской власти, теперь уж это дело прошлого, я всегда указывал им на ваши заслуги и просил беречь личный состав Китайской дороги как главное ее богатство.

Сегодня я расстаюсь с вами. Кто знает, быть может, судьба еще столкнет нас. И где бы и когда бы это ни произошло, я буду рад отнестись к каждому из вас от мала до велика, как к другу, и в трудную минуту протянуть руку дружеской помощи.

Теперь такой же плодотворной работы от вас ожидает новая Россия. Передавая ей вас, я передаю ей то, что ей так необходимо.

Желаю вам полного успеха в работе и благополучия в жизни.

Большое, большое спасибо!”

При этих словах Б.В.Остроумов несколько раз отвесил глубокий поклон. Все присутствующие ответили ему аплодисментами».

Теперь продолжение этой истории.

Остроумов уже завершал свою речь, когда к нему подошли и встали около него несколько китайских полицейских чинов Сысского отделения. Управляющий предложил им пройти в его кабинет, а сам продолжил выступление. Полицейскими в кабинет был приглашен находившийся тут же Гондатти. Ему предложили пройти через кабинет Оффенберга вниз, в свой кабинет. Там его ожидали еще двое полицейских, которые сразу же объявили ему:

— Вы арестованы!

После этого в автомобиле Николай Львович был отвезен в сысжное отделение.

Когда в кабинет вернулся Остроумов, ему также предложили проехать в полицейское управление. Он подчинился и, под аплодисменты сослуживцев, направился к автомобилю. Доставленный в управление, Остроумов был сначала помещен в приемной его начальника ген. Ван Литана. Здесь к нему приехала дочь — Ольга Борисовна и привезла обед. Вторично, на этот раз вместе с матерью, они еще раз приехали вечером и доставили Борису Васильевичу необходимые вещи.

Затем арестованного перевели в отдельную комнату бывшего Перво-

го отделения управления. Сюда же, но в другую комнату, был помещен и Гондатти. Отношение к арестованным со стороны китайских властей было внимательным и предупредительным. Комнаты, отведенные для них, были срочно обмелбелированы. Специально для них из магазина Чурина были доставлены две кровати с матрасами, зеркала, ковры. Для обслуживания узников был затребован повар из ресторана «Пекин». Был обеспечен полный комфорт, однако сообщение с внешним миром было запрещено.

Так, видимо, местные китайские власти представляли себе осуществление приказа Чжан Цзолия из Мукдена: «Наложить на г.г. Остроумова и Гондатти до выяснения положения дел домашний арест». Безусловно, этот вынужденный с китайской стороны шаг был сделан по требованию советских представителей на переговорах — в первую очередь Карахана. Несколько позднее Чжан Цзолинь прямо заявил, что этот арест был произведен в силу давления со стороны советского дипломата, а не по инициативе китайских властей (*Заря*, 31 декабря 1924 г., № 297).

Одновременно китайские власти ввели в Харбине военное положение, специально объявив, однако, что это сделано якобы отнюдь не в связи с происходящими событиями.

В тот же день, 3 октября, в помещении американского консульства в Харбине состоялось экстренное совещание консулов в связи с последними событиями. На запрос из «Зари» о результатах совещания в консульстве ответили, что в нем приняли участие представители 4 держав — Франции, Японии, США и Англии. Обсуждался главным образом вопрос об аресте китайскими властями инженера Остроумова и Гондатти. В результате обмена мнениями и своего решения участники обратились к ген. Чжу Цинлану с просьбой оказать содействие и освободить арестованных. Ген. Чжу обещал сейчас же переговорить об этом по прямому проводу с Мукденом и получить его разрешение. В свою очередь, главноначальствующий заявил, что запрос сделан в срочном порядке и ответ нужно ожидать к ночи.

Тем временем советская сторона не допускала никаких промедлений. Новые советские управленцы ходили по зданию Правления и выбирали себе кабинеты по своему вкусу. Над зданиями Правления и Управления дороги были подняты новые флаги КВЖД: на месте квадрата с на-

циональными цветами императорской России у верхней части дровка теперь было красное поле с золотым серпом и молотом.

5 октября в 12 час. дня в здании советского Генерального консульства, открывшегося в Харбине, состоялась торжественная церемония поднятия государственного флага СССР.

Иностранные консулы — перед лицом возвращения СССР на Китайскую дорогу и открытия в Харбине советского Генконсульства — изменили свою позицию. Они стали заявлять, что ничего противозаконного в арестах они не находят, что китайские власти осуществили свои законные судебные права, предъявив арестованным обвинения в порядке следствия.

В Сыском отделении репортеру удалось обменяться несколькими фразами с Н.Л.Гондатти. На вопрос о том, известны ли последнему причины ареста и продолжительность его, Николай Львович ответил:

— Мне ничего не объяснили, и я не знаю ни причин задержания, ни как долго продолжится арест. Что делать — пусть подержат, мне не привыкать к арестам. За время революции я девять раз арестовывался, — с улыбкой добавил он, прощаясь.

Китайские власти находились в определенном затруднении: какими-либо фактическими подтверждениями виновности Остроумова они не располагали. Обещание советских агентов предоставить им обвинительные материалы исполнено не было. В условиях зафиксированного отсутствия материалов для обвинения Канцелярия прокурорского надзора китайского Окружного Суда начала усиленную работу по переводу на китайский язык (!) всех бумаг и документов, захваченных при обысках у Остроумова и Гондатти, а также у репрессированных советской стороной И.А.Михайлова, инженера А.А.Гаврилова, бухгалтера КВЖД Г.И.Степунина — т.н. следственных материалов в объеме 10 тыс. страниц...

К этим переводам были привлечены все драгоманы прокурорского надзора, выполнявшие эту пустую и бессмысленную работу в течение многих месяцев. В конечном счете никаких злоупотреблений выявлено не было, Остроумов без какого-либо суда был освобожден, однако в заключении ему и другим арестованным пришлось пробыть 11 месяцев.

Надо ли говорить, каким тяжелым в моральном и физическом отношении был этот период для деятельного и энергичного управляющего

КВЖД, привыкшего к активной и продуктивной работе в течение своего каждого рабочего дня!

И эти многочасовые допросы... На одном из них, 30 декабря 1924 г. Борис Васильевич с горечью говорил:

— Я четыре года работал для дороги, я вкладывал в нее всю свою душу, и вот теперь приходится переживать и испытывать такие страдания и унижения. Эти пытки и нравственные переживания способны, кажется, свести меня с ума!

Евгения Александровна Остроумова со своей стороны принимала все возможные меры для вызволения мужа из заточения. С этой целью она предприняла поездку в Пекин и Мукден. В Пекине ее приняли все посланники, кроме Карахана, который заявил, что вполне мог бы употребить свое влияние в пользу Остроумова... «если бы Остроумов изъявил желание перенести разбор своего дела в Москву».

«Было бы трудно представить, чтобы мой супруг согласился на это», — отреагировала на это «предложение» г-жа Остроумова. Дипломаты в Пекине, по ее словам, все были на стороне ее мужа. Посланник США д-р Шурман заявил, что репутация этого русского инженера в Соединенных Штатах так высока, что захоти только Остроумов приехать туда, то везде и на любой железной дороге его примут с распростертыми объятиями.

Чжан Цзолинь в Мукдене лично дал ей то объяснение причины ареста Остроумова, которое я уже привел выше, добавив, что он озабочен этим делом и поручил контроль за его разрешением Бао Гуйцину. Отношение китайской стороны к бывшему управляющему КВЖД нашло свое выражение также в чрезвычайно лестной характеристике, данной Остроумову цицикарским генерал-губернатором ген. У Цзиньшэнем.

Подытожу сказанное: обвинения против Остроумова, Гондатти и других оказались полностью вымышленными советской стороной, были лишь мстью Остроумову и его коллегам за их независимую позицию.

Борис Васильевич и все другие вышли на свободу.

6 ноября в Пекине Остроумов дал интервью корреспонденту газеты «Заря», в котором заявил, что всегда стоял в стороне от политики, занимался всю жизнь экономической работой, в частности, железнодорож-

ным строительством — еще с тех времен, когда начинал свою службу в качестве рабочего на Сибирской дороге.

«Мои соотечественники, — сказал он, — добивались моего ареста, несмотря на хорошо им известную горячую мою преданность России!»

Новая администрация получила дорогу в прекрасном состоянии и не создала, по его мнению, ничего нового. Постоянное стремление развивать конкуренцию с ЮМЖД Остроумов совершенно правильно считал огромной ошибкой со стороны советской администрации, которая сама побудила японцев строить соперничающие с КВЖД линии (и в конце концов, замечу, почти полностью заблокировать ее), заставив СССР уступить впоследствии свою долю прав правительству марионеточного Маньчжоу-диго.

Остроумов сказал также, что ему предложили работу в Америке, но он предпочел остаться в Китае, где, по его мнению, поле деятельности грандиозно.

Он принял предложение У Цзиньшэня возглавить постройку железной дороги от Харбина на Хуланьчэн-Бэйтунлинцзы-Хайлун (т.н. Хухайская железная дорога), успешно построил ее, стал советником по путям сообщения у мукденских властей, сделал еще много полезного для Китая.

Ему одному из первых китайская часть Правления КВЖД выплатила полагающиеся жалованье и заштатные, задержанные советской стороной, в сумме более 11 тысяч золотых рублей...

Наступало время больших перемен, коснувшихся не только судеб всей эмиграции, но и жизни каждого россиянина в Китае...

Но об этом — следующая книга.

О чем писали газеты

Лукс (председатель Дальневосточного комитета помощи голодающим): «Помощь Харбина, пожертвовавшего голодающей России в течение прошлого года до 600.000 рублей золотом, признана особенно ценной» (из доклада).

Русский голос,
1923, 24 января, № 731.

Новости кино

«Модерн. С четверга 28 февраля будут демонстрироваться кино-съемки с натуры, на которых присутствовало более миллиона человек: похороны в Москве В.И.Ленина. Фильма, снятая сообща всеми

государственными кино, дает полную картину похорон Ленина».

Заря, 1924, 27 февраля, № 45.

«Кино: Первый раз в Харбине. “Царь Николай II Самодержец Всероссийский”. Народная трагедия в 5 частях. Крупнейший боевик, выпущенный Скобелевским Комитетом».

Во время показа фильма зрители вставали с мест, пели гимн «Боже, Царя храни».

«В 1-й Железнодорожной гимназии сегодня открыт бюст генерала Хорвата. Бюст — огромной величины монумент из железобетона, окрашенный под старую бронзу, сделан преподавателем рисования. Генерал представлен в полной парадной форме, с регалиями. Величавая борода свободно ниспадает с добродушно смотрящего лица.

Гимназией был принят также портрет Б.В.Остроумова».

Заря, 1924, 15 апреля, № 84.

Именной указатель

- Абламский П.Н. 305
Аблин С. 247
Августинопольский 119
Авенариус Г.Г. 28
Авенариус С. 161
Аветов М.Н. 277
Агеев Ш. 247, 248
Агишев У.Н. 248
Агишевы, братья 248
Агуров В. 344
Адамов А.Л. 33
Аидова 123
Аксенов Е. 2
Акчурины, братья 204
Александр Павлович 10
Александр I Карагеоргиевич, король Югославии 132, 133
Александр I, император 162, 254, 338
Александр II, император 275
Александров 265
Александров (Чикин) 257
Александров В.И. 33
Александрова И.А. 59
Алексеев 128, 361
Алексеев И. 293
Алексеева О.И. 115, 221
Алексей, цесаревич 81, 130, 131
Алин 270
Алымов С.Я. 91, 118, 167–169, 225, 271, 282
Альперт-Розанова 255
Ананьев Р. 270
Анастасьев В.М. 201, 272–275
Андерс 110, 198
Андреев Л. 115, 119
Антипас Г.Д. 302
Антипов И.П. 28
Антон 219
Антоний, митрополит 302
Антушевич М.Р. 151
Антушевич Р.Л. 151
Анщенко А.А. 362
Анщенко К.А. 362
Апель К. 242
Апель Р. 104, 106
Аракин Я.И. 167, 170
Ардатов 195
Арнольдов Л.В. (псевдонимы: Виктор Сербский, П.Сольский) 29, 219, 239, 389, 392

Архангельский И.Г. 14, 16, 17
Архангельский П.В. 354
Арцыбашев М.П. 115,119
Атоян, братья 304
Ауэр 66, 111
Афанасьев М.Е. 28
Ачаир (Грызлов) А.А. 8, 161–166, 209

Бабайлов Н.И. 263
Бабиенко Т.Т. 85
Бабушкина Л.П. см. Миллер Л.П.
Бабушкина С.В. 59
Багаев М.П. 361
Багров 389
Баженова Т. 171
Байков Н.А. 77, 78, 228
Байков Ф.И. 247
Байчурин И.Х. 248
Бакалейников М. 61, 169
Баканов В. 177
Бакич О.М. 23
Балиев 61
Балыков К.В. 303
Бальмонт К. 169
Бао Гуйцин 74, 94–98, 189, 395, 396,
397, 404
Баранов И. 263
Баранова-Попова Г.Г. 58
Барашков К.С. 49
Барбелюк Г.И. 349
Барбелюк И.Ф. 349
Барбелюк Е.Л. 349
Барбелюк Т.И. 349
Барри В.А. 312, 340
Барский М.С. 293, 316

Бахтиаров 123
Бегичев 195
Белоков С.И. 166
Белоножкины 361
Белый Н.А. 59, 109
Беневоленский Н.М. 263
Бент А. 303
Бент Я. 303
Бенуа А. 277
Бенуа К.А. см. Хорват К.А.
Берзин Г.П. 33
Берзин П.Д. 54
Беркович Л. 213
Бернардацци А.А. 273, 276, 313
Берслей 307
Беспечная Л. 110
Бибинов М.С. 392
Бидерман 204
Биконсфильд 31
Бирнбаум С.Р. 277
Благовещенская 354
Блюменталь-Тамфин 61
Бобисенко Т.Т. 85
Богданов Р.К. 144
Богданов 359
Бодиско Д.Н. 21
Большаков С.Ф. 28
Большова А.М. 398
Бондаренко В.М. 34
Бондаренко М.П. 34
Борейко Д.А. 342,343
Борзов Н.В. 33, 49, 58, 89, 101, 200,
242, 252, 347
Борисов М.И. 230
Боровичка 182

Бородин П.А. 177
Бородина М.Ю. 177
Бородин 381
Бочаров Н.Н. 9
Бравин Н.М. 62, 63, 271
Бреев 160
Брусиенко-Игнатьева С.Н. 297
Брусиенко Н.И. 297
Бубелов 316
Будагиан Л. 337
Будберг Р.А. 156, 365
Бузанов Г.Н. 299
Булатович Н.И. 60
Булыгин П. 137
Бурлюк Д. 271
Бурсук Р.М. 227
Бутов Т.В. 33
Буторин Г.И. 24
Бухарин Н. 67
Бучацкая (Петрова) Е.В. 14, 15
Бучацкий 325
Буянов В.Н. 166
Буяновы, братья 361
Буяновский Н.Д. 143
Бьюмснет Э. 157
Бюлов 31

Вальс (Вельс) В.К. 155
Вальтер 102, 111
Ван 379
Ван Литан 401
Ван Цзиньчун 28, 97–99, 380
Ван Чанпин 29
Вард Г.К. 46

Варламов 101
Варпаховский А.А. 33
Варфоломеева И.М. 24
Варшавский Я.А. 11, 115, 118–120
Василий Шуань (Шестоपालов), епископ 140
Васильев, артист 113
Васильев, дирижер 60
Васильев А.А. 47, 48, 50
Васильева-Лебедева 123
Васюкова 264
Вахрушева Е.И. 231
Вацура В.А. 79
Вебер С.М. 28, 394
Ведринская М.А. 390
Вейсман Р.Э. 54
Вележев А. 8
Венцель А.Н. 95, 96
Венявский 65
Вердинская М.А. 390
Верлен С.М. 123
Веселовзоров В.Н. 33
Веселовский-Выговский Н.П. 184
Виктор (Святин), архиепископ 136, 140
Виленский 123
Вильямс Д. 157
Винникова М.А. 166
Винчи 100
Витте С.Ю. 400
Владимир, князь 221
Владимирова 116
Водарский Я.Е. 2
Водянский Н.В. 306, 382
Вознесенский, протоиерей 234
Воинов В.Г. 63, 113, 258

Войтов Е.Н. 29
Войцеховский С.Н. 183, 185, 186
Волгин 123
Волков И.С. 193, 194, 319
Волкова М.В. 183
Волконский Н.О. 123
Володченко Н.Г. 29
Володька, бродяга 116
Волонцевич Н.Ф. 46, 252, 254
Вольфенштейн Г. 213
Вормсбехер И.П. 155
Воробьев 235
Воронина С. 264
Воронцов Д.М. 293
Воронцов М.М. 293
Воронцовы, братья 38, 40, 205,
293–295
Воротников В. 242
Воротников И.М. 263
Востротина С.В. 225
Врублевский И.М. 153
Вуич В.Н. 29
Вуич Е.А. 330
Вьюнов Н.А. 269, 277
Вырыпаев В.О. 184
Вэн 393
Вэнь Инсин 29
Вяльцева 390

Гаврилов А.А. 403
Гаврилова Н.П. 14
Гаевский 101
Газизов Г. 249
Гай В. 81
Гальфтер Н.А. 81

Ганин Д.Ф. 204
Ганин С.Ф. 204
Гау 345
Ге Гр. 117
Гейнсдорф М.И. 33
Генерозова М.С. 14
Генри Пу И, китайский император 94
Георгиев В.Г. 59
Герсдорф 63
Гертнер Б. 15
Гиббс С. 81
Гиллерсберг А. 65, 66, 219
Гиллерсберг И. 65, 66, 219
Гильчер М.Ф. 382
Гинс Г.К. 29, 98, 160, 199, 242, 398
Гинце 282
Гладстон 31
Глазунов А. 276
Глебов 306
Глебов А.Г. 311
Глебов М.Д. 340
Глория Н.Д. 61, 62, 382
Глувчинский А. 55
Глужинский 113
Гоголь Н.В. 221–223
Гойер Л.В., фон 28, 379
Голенищев-Кутузов М.И., князь 9
Голиков К.А. 28
Головановы, братья 293
Голубович П.Д. 317
Гольфаден А. 218
Гондатти Н.Л. 29–32, 35, 44, 152, 200,
231, 242, 328, 352, 368, 392, 401–404
Гондатти Т.Н. 352
Горбатов И.Н. 28

Гордиенко Ю.И. 24
Горев А.А. 62
Горев М.М. 277
Горская Е.А. 62
Горский А.В. 120
Горький А.М. 115, 119
Готт Г. 159
Го Фумянь 28
Го Цзунси 96
Градов Я. 169
Грант 395, 397
Грачева (Мельникова) Н. 24
Гребенщиков 175
Гревнов А.И. 62
Грибоедов 123
Григорович Ю.О. 338, 339
Григорьев, певец 64
Григорьев А.Н. 29
Григорьев М.П. 16
Григорьев П.С. 303
Грингут С.И. 143
Гросс 50
Гроховский К.В. 152, 153
Гроховский М. 152
Грызов А.А. см. Ачаир А.А.
Губарев А. 357
Гуляева Е.Н. 24
Гунько В.Г. 24
Гурченко, братья 304
Гучков 67
Гущин Н. 168, 271

Давидовский 113
Давыдов В.Н. 121, 123
Давыдова Е.Г. 110

Далматов 395
Дальгейм И. 60, 114, 169
Дальгейм 271
Дальгейм, братья 114
Данилевская М.В. 278
Данилевский С.И. 28, 379, 380, 382,
391–397
Даниленко Ф.Ф. 228
Данилова 221
Данченков 101
Деваль Ж. 121
Деженев П.П. 293
Демидов, флейтист
Демидов В., протоиерей 85
Деникин А.И. 181, 226
Денисов К.Л. 24
Де-Сверн 219
Деушев Т.Х. 248
Дженкинс Х.В. 86
Джинжихшвили 231
Дземешкевич Л.К. 24
Дзыгарь А.А. 110, 111
Дзыгарь М.Г. см. Сосик М.Г.
Дзюба М.Н. 295
Диагарин С.Д. 113, 115, 116, 118, 120
Диго В.Н. 166
Дидерман 204
Дикий Г.Н. 398
Димитрий, епископ 132
Диомидовский 115, 116
Дистерло Б. 344
Дитерихс М.К. 134–135
Длусский 384
Дмитриев В.И. 111
Дмитровский-Байков Н.И. 77

- Днепров И. 63
Добровольский И.А. 223
Доброгаев П.М. 277
Доброхотов Н.М. 144, 271
Долин Е.М. 115–117, 120
Домрачев М.Ф. 270
Дон Аминадо 226
Дон-Отелло 128
Доницетти Н. 384
Дорогунцев 303
Достоевский Ф.М. 87, 264
Дризуль Я.А. 154–156, 242
Дробышева С.Н. 28
Дружинин С.Н. 338
Дуань Цижуй 93
Дубинина Н.И. 29
Дубровин К.А. 315
Думбадзе О.Ю. 160
Дунаевский М.К. 254
Дуров Л. 90
Дэн 110
Дягилев С. 258, 389
Дяо Шаохуа 171, 173
Дяткович 396
- Евстафьев А.И. 54
Евстафьев Ю.А. 2, 54
Евстафьева А.Ф. см. Омельчук А.Ф.
Евсюков Н.Г. 34
Евсюков П.Н. 34
Егоров С.И. 229
Екогу Ч. 332
Елена Петровна, великая княгиня 132
Елизавета Петровна, императрица 9
- Елизавета Федоровна, великая княгиня 132, 133, 137, 139
Елинов Р.Н. 62, 63
Елисафенко И.В. 16
Елисафенко С.И. 16
Елисафенко (урожд. Сапфирова) Т.Ф. 16
Емельянов П.М. 293
Емшанов А.И. 95
Ермолова 123
Ерофеев В. 87
- Жайвен М. 139
Жанен 178, 179, 181, 182
Жданов М.К. 204
Жданов Ю.П. 155, 200, 312
Жейц С. 103
Жернакова А. 171
Жернаков В.Л. 293, 360–361
Жиганов В.Д. 8, 228
Житов Г.А. 160, 340
Жоссан А.В., 365
Жуков И.Н. 277
Журавлева 115
Жэ Шоужэнь 28
- Завадская Н. 230
Загibalова В. 270
Загорская А.И. 60, 218
Задорожный Н.С. 269
Зазунов 304
Заика Д.А. 354
Зайнитдинов Е. 203
Зайцев А.Д. 277
Зайцев Б. 226
Зайцев М.В. 123, 227–229

- Зандер 224
Заремба 316
Засыпкин В.А. 270
Затеplinский А.А. 33
Зверев П. 346
Здыб 344
Зефиpов Н.С. 33
Зилоти А.И. 276
Зингер Г. 276
Зиновьев А.Л. 118–121
Златоуст И. 113
Зорич И.Д. 147
Зотов Н.И. 27, 369
Зубарева Л.С. см. Таргонская Л.С.
Зубов К.А. 58, 114–120, 122, 218
Зуев С.И. 24
Зырянова 60, 63, 260
- Ибре К. 156
Ибсен Г. 116
Иван, истопник 17
Иваницкий К.И. 293
Иванов 392, 393, 399
Иванов А.А. 362
Иванов А.Н. 334, 391, 394, 395, 397
Иванов В.И. 2, 24, 361, 362
Иванов В.Н. 218
Иванов В.Ф. 229, 230
Иванов И.Н. 362
Иванов М.М. 191
Иванов Н.К. 39
Иванов Н.П. 361
Иванова И.П. 79
Иванова (Холодилова) Т.А. 2, 272, 274
Ивановы 315, 361
- Иващенко Н.М. 29
Игнаьева С.Н. 24
Игорь Константинович, великий князь 132, 134, 137
Изако Ф.Я. 327
Извеков М.П. 340
Ильин Ф.Ф. 343, 344
Ильины 12
Ильчеев Н.Г. 33
Ильчук Е. 110
Индриксон Ф.Н. 338
Иннокентий, епископ, позднее митрополит 135–137, 139, 140
Иоанн Константинович, великий князь 132, 134, 135, 137, 138
Иогель К.В. 33
Иона Ханькоуский, епископ 136, 205
Иосифиди М.П. 304
Ипатьев 131
Исаев Г.И. 198
Исита 146
Ищенко В.Н. 115
- К.Р. 123, 230
Кабалкин Н.Б. 300
Кабалкин Р.М. 300
Кабалкин Я.Р. 200, 300
Кабузан В.М. 2
Каган А.И. 299
Казакевич В.Д. 18, 71, 73, 101, 190
Казакевич Д.П. 18, 73, 130, 189
Казакевич П.В. 189
Казанин И.С. 296
Казанин М.И. 297
Казанов В.П. 269
Казаркин 315

Казакова В.П. 120
Казакова З.И. 274
Казачков Е.Т. 303
Кайсаров В.Д. 28
Калабановский В.К. 28
Калманович 30
Калина А.Х. 33
Калинников 112
Калошин 238
Калугин А.П. 28
Калугин Н.К. 397
Калугины 361
Каляев 132
Каменский П.И. 28
Камышнюк Ф.Л. 118, 167, 169, 170
Канси, император 137
Каплун-Владимирский 63
Каплунова 113, 263
Каппель В.О. 177, 178, 182–184, 187,
188, 229
Карахан 402, 404
Каргин Е.Д. 54
Карелина О.В. 58
Каринская М.А. 60, 389
Карлашов 63
Кармелинский 64
Карузо 387–389
Касаткин М.Д. 299, 329
Кассо 32
Кастлер, пастор 155
Касторский В.И. 257, 390
Касьянов А.В. 144, 146
Касьянов Н.А. 146
Катаев 204
Кауфман фирма 204
Кауфман А.И. 214–217, 327
Кауфман Е.С. 121, 167, 225
Кауфман Т. 24, 216
Качесов Д.П. 200
Кашич (Иванова) Е.А. 362
Квятковская Е.В. 59
Квятковская Е.И. 382
Кениг И.Э. 277
Кербедзь С.И. 95
Керн А.И. 349
Керн О. 349
Кеппинг Б.М. фон 139
Кии 128
Кинг В. 369
Кирсанов О.С. 16
Кирста А.Ф. 193, 194
Киселев А.М. 214
Киселев Д.Д. 81
Кислицын Н.С. 342
Кичигин М.А. 269, 271, 274, 277
Клемантаски Ж. 81
Клементьев А.Н. 269
Клестов С.Г. 34
Клиорин З.М. 223, 224
Клипиницер Н.Н. 24
Клышко Н.К. 395, 397
Ключевский 254
Княжевич Л.Н. 120
Князев А.Н. 87, 88
Князев Н.И. 88
Ковалев 89
Ковальский В.Ф. 144, 293, 295
Ковальчук-Коваль И.К. 20
Кованцев Н.А. 271
Кожевников А.Г. 79

- Кожевников В.Я. 84
Кожевников Г.С. 85
Кожевников Я. 84
Кожевников Л. 79
Кожевников С.В. 84
Кожевникова А.Д. см. Осинцева А.Д.
Кожевникова Н.С. 85
Козлов Я.Н. 144
Козловский Б. 308
Козловский П.Ф. 28, 339, 345
Колодяжный 205
Колосова М. 171, 172
Колычев 352
Колчак А.В. 69, 107, 128, 130, 131, 138, 176–179, 181, 182, 185, 186, 198, 226, 229, 366, 389
Колчин И.А. 263, 265
Кондратович–Сидорова В. 321
Коновалов П.В. 198
Константин Константинович, великий князь 132, 133
Кончестер А. 66, 219
Копецкий А.В. 82
Корелин, 303
Коренева-Кулинич О.С. 24, 55, 270
Кореневская 278
Корецкий С.В. 48, 49
Коржавин 364
Корнилов И. 192–197, 352
Корнилов Л. 183, 184, 226
Коробов 344
Королева В.М. 60
Коростелев С.Н. 263, 320
Карузо 387
Корш 119
Косицын Г. 149
Косовский И.М. 303
Коссовский И. 213
Костаньян А.С. 59
Костелецкий К.К. 33
Костин 396
Кочергин А.А., о. Александр 15, 354
Кошеваров 257
Кошкина Н. 15
Кравченко, актриса 260
Кравченко Л. 15
Краснов П. 183
Краснощеков 30
Кречетов А.И. 62
Кречетов П.И. 39
Криулин В.И. 14
Криулина Анастасия В. 14
Криулина Анна В. 14
Криулина М.В. 14
Криулина П.Н. 14
Крол С.С. 215
Кролей П.С. 194–196
Кроль М.А. 160
Кроун 384
Крузенштерн-Петерец Ю. 353
Крупичка Ф.Л. 82
Кручинин 123
Крылов И.А. 203
Крынин П.П. 201
Кудашев 94, 198
Кудяков Х. 250
Кудяков Э. 249
Кузин И.К. 305
Кузнецов, советский товпред на КВЖД 96
Кузнецов Г.М. см. Серафим, игумен

- Кузнецов Н.С. 24
Кузнецов П.И. 200, 379, 394
Кузьмин М.А. 39
Куклин И.А. 39
Кулагин (заимка) 24
Кулаев И.В. 293, 301, 302
Кулеш М.Н. 109
Кулябко-Корецкий В.А. 109
Куракин, князь 327
Курбагов Н.Р. 232
Курбский 123
Куренков М.П. 28
Куровские 59
Курмей Ф.И. 333
Кургеев 30
Кэ Сэн 29
- Л.Х.С. 169
Лабинский А.М. 257, 389
Лавров В. 87
Лавровский И. 110, 123
Лаврушин А.И. 297
Лаврушин Н.И. 365
Лагунов Г.А. 53
Лазарев Б.М. 274, 276
Лазарев В.Н. 255, 256, 385
Лазарева К.А. 274, 276
Лазариди А.Н. 302
Лазовский В.Ф. 151
Лаптев В. 263
Лачинов В.Д. 28, 96, 161, 189
Лачинов Б.В. 189
Лачинов Д.В. 189
Лачинова В.Д. 189
Лачинова Н.В. 189
- Лебель В.П., де 166
Левашев Е.Е. 367
Левашев 371
Левашко В.К. 39
Левицкий С., пароход 358
Левченко А.Г. 16
Лейтлов К.Ю. 304
Лельчук В.С. 2
Лембич М.С. 225, 226
Лемешев С.Я. 257
Ленин В.И. 19, 131, 290, 405, 406
Леонтович В. 281
Леписье 382, 399
Лермонтов М.Ю. 119
Лесле 123
Лести А. 155
Лестман К.П. 28
Ли Гьяо 99
Ли Хунчжан 24, 400
Ли Шаогэн 201
Лившиц Я.М. 305
Лидарова 257
Лидделл Н.О. 67
Липковская (Ришар) Л.Я. 238, 257,
279, 383–385
Лисуненко П. 110
Лихонос Я.Л. 269, 277
Лобанов М.М. 269
Лобачев 270
Логинов А. 230
Логинов Василий 372
Логинов Всеволод 230
Логинова Н. 230
Логинова Г.В. 230
Логунов А.А. 24

Ломаковские 192, 193
Ломаковский 192–196
Лондон Дж. 152
Лопато 198, 293
Лопато, сыновья 293, 300
Лопато А.А. 300
Лопато И.А. 144, 300
Лопухин М.Н. 9, 121
Лопухин Н.С. 9, 201
Лопухины 10
Лоу Сюй-Панцзы 381
Луис П. 119
Луканин 255, 256
Лукаш И.С. 226
Лукин 63
Лукин В.М. 361
Лукомский П.В. 118
Лукс 405
Лук-си 124
Лукша В.С. 110, 113, 263
Лукьянова А.Н. 112
Лундстрем Л.Ф. 382
Луневский К.К. 33
Лунин Л.М. 160
Лю И.И. 99
Лю Миншэнь 201
Лю Хуау 99
Лю Цзэжун С.И. 28, 99
Лю Чжэн 397
Лю Юнхуа 395
Люба Б.В. 28, 394
Люй Жунхуан 97, 397
Лютай А.М. 100
Лютай М.И. 100
Лютай 128, 129
Лялина В.Л. 120
Ляо Цзо 395
Ма Чжунцзюнь 382
Магский 60
Макаров 31
Маклаков 31
Маклецова К.П. 389
Максимов В.П. 29, 98
Макушин П.И. 231, 232
Малеевская (Попкова) Т. 24
Малиновская Е.В. 14, 15
Малиновская Н.А. 62
Малышев Ф.П. 54
Малышев Ф. 238
Малышева В. 238
Маманди С.А. 20, 21, 75, 80, 168
Мамонова 64, 260
Мансуров Х.Х. 54
Мао Цзэдун 89
Мария Терезия, императрица 9
Мариевская М.В. 60
Маркизов Л.П. 312
Маркизов П.С. 311
Маркизов Ф.С. 311, 312
Маркс И.И. 144, 338, 361, 370
Марков В.М. 166
Мармонтов К.С. 356, 357, 358, 361
Мармонтова Н.К. 222, 361
Мармонтов С.Г. 53, 54, 357
Мармонтовы 361
Март В. 167, 170
Мартынова 61
Мартьяныч 305
Марулина 123

- Масснэ 383
Махлины, братья 227
Махмуд 248
Машин П.Н. 58, 111–113, 263
Машин С.С. 194
Машир 63
Махлины, братья 227
Махно (заимка) 27
Меерович 272, 273, 276
Межак П.Г. 81
Межераупс И.Я. 14
Меир Г. 217
Мейер П.П. 316
Мейзеров С. 103
Мелетий, архиепископ 126, 127, 131, 132
Мелихов 237, 345
Мелихов В.Г. 36, 46, 102, 271, 351
Мелихов Г.Я. 35, 295
Мелихова Л.П. 40
Мелихова М.Г. 238
Мелихова (урожд. Тешина) Т.В. 199
Мельников (усадьба) 27
Меньшиков А.П. 40
Меньшиков П.Н. 33
Меньшиков П.П. 36, 39, 42, 294
Меньшикова В.В. 36, 41
Меньшикова В.П. 40
Меньшикова Л.П. см. Мелихова Л.П.
Меньшикова Н.П. 40
Меределин И.И. 79
Меределина С.И. 79
Мессершмидт 37
Меттер 65
Мещерский А.С. 29
Мережковский 119
Мефодий, архиепископ 33, 153, 187, 330, 354, 378
Мигдисов С.Г. 22
Микатадзе 304
Миллер И.Л. 225
Миллер (Бабушкина) Л.П. 133
Милочка (сестра матери) 222
Милько В. 110
Мильфорд Жейвен, маркиза 139
Мильский К. 89
Милуков 67, 282
Миролюбов Н.И. 160
Миронов В.С. 15
Миронов И.А. 213
Митрофанов А.К. 29
Михаил Александрович, великий князь 133
Михайлов И.А. 33, 69, 98, 376, 398, 403
Мичков 192, 306, 313, 314
Мо Дэгуи 95, 97
Можаева Е.Н. 12
Мозалевский 348
Мозжухин А.И. 390
Мозжухин И.И. 66, 114
Мозжухин Илья 257
Мозжухин Иван 257
Моргулец 150
Морина М.Н. 62
Морозов А.А. 230
Морозов А.П. 229
Морозов В.А. 229, 230
Морозова Н. 230
Москвитин-Томский В.И. см. Томский В.И.
Мошинда С.И. 81

- Мошковы, братья 227
Му Вэйтан 99
Мунгалова П. 38
Муравьев-Амурский Н.Н. 144, 189, 359
МуССолини Б. 85
Мухин, артист 113
Мухин П.В. 15
Мухлыпин 65
Мыслин Г.А. 15, 383
Мэйлин Я. 269
Мюллер Р.Р. 29, 398
Мясковский А.А. 45,312
Мясников Г. 133
- Н.А. 169, 170
Набоков 282
Наваль 228
Навтанович 205
Нагулько Д. 54
Найдович 257
Накамура Ю. 146
Наташа (сестра) 222
Нациевский Г. 101, 102
Недзвецкая 264
Немировский А.С. 315
Немчинов 190
Немчинов Д.Н. 263
Несмелов А. 90, 180, 184, 318, 366, 370
Нестор, епископ 126–128, 132, 133, 302
Нечаев К.П. 138
Никитина Е.И. 303
Никифоров Н.И. 242, 243
Николай II 34, 130, 132, 133, 225, 301, 406
- Николай Чудотворец 180
Никольская А.Е. 348
Никольский В.П. 348
Никольский Н.В. 348
Никольский (заимка) 27
Нилус Е.Х. 28, 191, 377
Новиков 101
Новиков Б.Г. 282
Новиков К.К. 33
Новицкая Е.С. 59
Новицкий Г.А. 33
Носов 101
Ню Инсян 33
- Обломиевский И.И. 79
Обольский А.В. 29, 398
Обухов Н.М. 342–345
Обухов М.Е. 351
Обухова Ф.И. 351
Оводенко С.Д. 297
Овчинкин Н.И.,отец 263
Окладников Валентин 41
Окладников Виктор 41
Окладников Всеволод 41
Окладников Г.М. 41
Окладников М. 41
Окладникова Е.М. 41
Оксаковская М.А. 155, 380
Оксанов И.Я. 200
Оку Т. 332
Окунь 303
Олиневич И.П. 59
Ольгин 123
Ольгина О.Н. 117

- Омельчук (Показанева, Евстафьева) А.Ф. 54
Омельчук В.Ф. 54
Омельчук Н.П. см. Разжигаева Н.П.
Омельчук П.Ф. 54, 55
Омельчук У. 54
Омельчук Ф. 54
Онуфрий 219
Опарин А.И. 298, 361
Опарин И. 364
Опарин П.И. 298
Опарин Ф.И. 298
Опиц Г. 304
Оржельский Н.А. 255–262, 274, 276, 384–386
Орлов А.С. 122, 123
Орлов В.Н. 47, 106, 107
Осинцева А.Д. 85
Осипов Ю. 12
Осипова-Закржевская М.В. 59
Осколков М.М. 201
Осоргина Т. 10
Осоргины 10
Оссовская Е.Л. 59, 118
Островский А.Н. 119, 123
Островский В., ксендз 153
Остроумов Б.В. 27, 28, 42, 43, 69, 71, 95, 99, 189, 234, 236–241, 243–245, 251, 258, 278, 279, 288–300, 304, 319, 328, 333, 368, 379, 380, 382, 391–393, 397–406
Остроумова Е.А. 404
Остроумова О.Б. 401, 402
Осьмакова Л. 133
Отт К.Ф. 155
Отт Ф.К. 348
Оффенберг С.Ц., фон 28, 397, 398, 401
Ощепков С.Г. 305
Павлов И.В. 33
Павлов П.А. 33
Павловский И.А. 160
Павлючик К. 263
Паганини 65
Падувани Г.А. 338
Палей В.П., князь 133
Палей Е.И. 175
Палей П.А., князь 133, 138
Палиев И.П. 59
Паличек В. 338
Панов В.Е. 269
Пантелеев М.П. 111–113
Паркау А. 167, 171, 172
Парфенов П. 167
Пархомец А.Р. 233, 234
Пархомец Г.А. 234
Паскович (Паскевич?), граф 151
Патеони 98
Патон 339
Патти 388
Патушинский Л.Я. 62, 119, 121
Пафнугтьев Н.К. 340
Пашков Л.Н. 269
Пашенко 265
Пейлен Л.С. 73
Пенжукова Л.М. 108
Пепеляев В.Н. 179, 182, 185
Передерий 339
Перелешина В. 330
Перминов В.В. 187
Перминова Н.И. 265, 266

- Перов Е.М. 230
Петелин И.И. 225
Петренко А.Г. 24
Петров В.П. 18, 147
Петров Н.С. 303
Петров П.И. 160
Петров С.Н. 340
Пешков 209
Пешковский Н.Т. 213
Пикулевич Н.А. 269
Пилецкий М.С. 277
Пименов И.К. 189
Пиндор К. 81
Пинегина Л.И. 206
Пицхелаури Г.М. 83
Пищикова Т.В. 15
Плевицкая 390
Плешков М.М., генерал 28, 76
Плотников 209
Подгурский В.С. 269
Подушка 65, 66
Подушко И. 219
Поговский П.М. 277
Погребецкий А.И. 380
Позднеев Д.М. 93, 94
Показанев Н. 54
Показанева А.Ф. см. Омельчук А.Ф.
Покровский 270, 278
Покровский А.Н. 350
Покровский К.В. 29
Покровский М.Н. 337, 339, 342, 343, 345, 349–351
Покровский Н.П. 350, 351
Покровский С.Н. 337, 342, 345, 349–351
Покровская Л.А. 351
Покровская О.А. 351
Покровская П.А. 350
Покропивная 113
Полидоров К.П. 28
Плотницкая 256
Плохов 253
Поляков Ю.А. 2
Понужай 180, 181
Поперек-Маманди С.А. см. Маманди С.А.
Попов А.М. 89
Попов А.С. 303
Попов Д.Я. 132
Попов М.М. 89
Попова (урожд. Рубцова) М.П. 89
Попова Ю.М. 89
Поповы, братья 293
Поповы 315
Поручко П.Н. 39
Посохин В.М. 231–233
Похитонова 61
Преображенский 60
Придачины 361
Приклонская Л.А. 263
Приклонский А.В. 263
Прокопьев 30
Проскураков 205
Протопопов В. 115
Пружанов Ф.П. 218
Пушкарев В.В. 28, 329, 394
Пушкин А.С. 30, 350
Пьянышев М.М. 269
Пэн Коци 365, 369
Рабинович И.А. 216

- Радеев В.А. 63, 118
Радеев Д.В. 312
Радикс Э. 89
Радищев П.Н. 339, 340–344
Радов Б. 169
Разжигаев Г. 55
Разжигаева (урожд. Омельчук) Н.П. 24, 55
Райский И.П. 263, 264
Ракитин М.Я. 391, 394, 395, 397, 399
Рамбах И.И. 376
Рамбах И.Н. 225
Раппопорт И.Л. 214, 311
Распопов П.Ф. 263
Рассади́на М.А. 59
Рассушин В.А. 313
Ратковская Е.Н. 62
Рахманинов С. 112, 276
Рачинская Е. 46
Резникова Н. 228
Ремиз Ф.С., барон 133
Рении Г. 111
Ренников А. 226
Рено Луи 81
Реут 155
Ренц Э.М. 47, 102, 252
Риоли–Словцова М.Н. 385, 388–390
Рихтер К.Б. 28, 329
Родин Д.В. 312
Родионов 209
Розанов А.И. 59
Розанова 141
Розен Г. 156
Рокотов М. 392
Рокотов С.Д. 61
Романов Ф.Ф. 46
Романова В.В. 212
Романовская Г.А. 287
Романовская Е.К. 286, 288
Романовская И.А. 287
Романовский А.Ю. 134, 286–289
Романовы 12, 38, 130, 137
Ромашев 193
Ромма Н.Н. 144
Ромославский 195
Ротман Г.Е. 147
Ротт В.Я. 160
Рубинштейн 112
Рутковский Е.И. 382
Руставели Ш. 22
Рыбкин 338
Рывкин Н. 213
Рютин М.Н. 19
Рязановский В.А. 28, 397
Рязанцев И.В. 292

Савельев 337
Савин С.А. 341
Савинков 173, 174
Савчик В.Г. 24, 363
Садковский (заимка) 27
Сазонцева 60
Самарин А.П. 293
Самойлов М.К. 28
Самсоновичи, братья 40
Санин 123
Сапиро Б.М. 293
Сапожников (Сапажу) Г.Н. 270
Сапфи́рова Т.Ф. см. Елисафенко Т.Ф.
Сарманов А.И. 144

- Сатовский-Ржевский (старший) Г.Г. (псевдоним Гарри С.-Р.) 28, 221, 223, 224
- Сатовский-Ржевский (младший) Г.Г. 224
- Сатовский-Ржевский Д.Г. 224
- Сафонов П.И. 180
- Сафонова О. 167
- Сафронов А.Д. 270
- Сахаров А.Н. 2
- Саяпин Л.П. 264
- Сверженский 385
- Сверкунов И.П. 277
- Светлова 123
- Свит М. 110
- Седельников В. 59
- Селехметов (Селихметов) Гинаятулла (Иниятулла) Садыкович 249, 250
- Селиванов П.А. 293
- Селиванова Р.П. 25
- Семенов 101, 102
- Семенов Г.М., атаман 108, 135, 137, 181, 186, 201–203, 205, 206, 211
- Семенов Е.А. 29
- Семянников В.А. 201, 313
- Сенкевич Г. 151
- Сентянин В.Е. 29, 329, 330
- Сеогеро Сеодзи 201
- Серафим (Г.М. Кузнецов), игумен 134, 135, 137
- Серафим Саровский 137, 141
- Сербский В. см. Арнольдов Л.В.
- Сергеев 102
- Сергей Александрович, великий князь 132
- Сергей Михайлович, великий князь 132, 133, 138
- Серебренников И.И. 160, 179, 186, 209, 399
- Серебряков Л.П. 96, 391, 394, 395, 397, 399
- Сержантов В.Я. 355
- Сечкин П.Я. 28
- Сибиряков Н.С. 207–209, 257
- Силинская Е.Е. 59
- Симбуховский Е.В. 305
- Симеон Ду (Дубинин), епископ 140
- Симон, архиепископ 136, 140
- Синдинг 219
- Скворцов В.А. 199
- Скидельский 295, 311
- Скидельский Б.Я. 297
- Скидельский Л.П. 312
- Скидельский Л.С. 214, 218, 293, 295–297
- Скидельский М.Л. 297
- Скидельский Р.Б. 297
- Скидельский С.Л. 66, 81, 143, 211, 293, 295
- Скидельский Семен Л. 218, 297
- Скидельский Соломон Л. 218, 297
- Скидельский Я.Л. 297
- Скидельские, братья 296
- Скляревский 257
- Скобелев 406
- Скованов А.С. 354
- Скованова Т. 354
- Славин Б.А. 19
- Славучич Я.М. 231
- Словцов П.И. 257, 385–390
- Словцова М.Н. см. Риоли-Словцова М.Н.
- Словцовы 386, 389, 390

Слуцкий А.Ю. 65, 244
Слюсарь 270
Сметанин Н.И. 39
Смирнов П. 303
Смирнов Ю.В. 269, 270
Смирнова Н.А. 14
Смоленский М.А. 115, 116, 120
Смолянский 204
Собинов Л.В. 386, 389
Соболев Ф.П. 33, 277
Соколов В. 349
Соколов Н. 349
Соколов Н.А. 130
Соколов П.Л. 28
Соколов С.С. 11, 12
Соколова Е.Н. 11, 12
Сокольников И.И. 89
Соловьев А.В. 160
Сольский П. см. Арнольдов Л.В.
Солянов 369
Солянов Я.Я. 365
Сон Хошин А.А. 144, 303
Сорокин 113
Сосик (Дзыгарь) М.Г. 110
Сосик Г.Е. 110
Сосик Н.Г. 110, 111
Соскин 313
Соскин И.Х. 215, 279, 298
Соскин Н.Х. 221, 298
Соскин С.Х. 297, 298, 361, 363
Соскина М.П. 278
Спасский А.М. 160
Спивах Б.И. 305
Спицын А.В. 28
Сретенская 354
Сталин И.В. 19
Старицына И.А. 24
Степанов А.М. 112
Степанова А. 382
Степанов А.Е. 269, 274
Степанов О. 359
Степановы 315
Степной В. 271, 390
Степунин Г.И. 403
Степунин М.И. 29
Стивенс Дж. 71, 73, 98
Столыпин П.А. 31
Стоянский А.А. 62
Страшкевич Н. 357
Стрелков Н.А. 12, 18, 160
Стрельчик Г. 264
Стрижевский 117
Строганов 275
Струйская В.Н. 120
Ступель И.М. 277
Стягин 123
Суворовцев Ф.М. 277
Сукин 186
Сумбатов-Южин А.И. см. Южин А.И.
Сумневич В.И. 263
Сун 194
Сун Сяолянь 97–99
Сунгарийские, мельницы 329
Сунгуров А.И. 269
Сунтай Н. 99
Сунь Хэнь 33
Сургучев И. 115, 123
Сурикова К. 60
Сурин В.И. 33
Суринов М.Н. 204

- Суторихин Н.Б. 15, 16
Сучанские, предприятия 328
Сыровы Я. 178
Сю 380
Сюй Панцзы 299
Сюй Цзинчэн 94, 95, 96, 377, 378, 380, 381
- Тавчев А.И. 39
Таиров А.А. 248
Таиров М.Х. 247
Таката 381
Тан-Богораз В.Г. 275
Тарасенко С.Д. 305
Таргонская (Зубарева) Л.С. 13–15
Таргонский С.М. 14
Тарле Г.Я. 2
Таскина Е. 312
Татз К.А. 277
Таут М.П. 324
Тверская 116
Теодориди М.В. 58, 64, 339, 340
Тер-Акопов Т.Г. 83
Терешкова 113
Тернов Д.И. 33
Терновский С.Т. 292
Терская Н.А. 115, 117, 119, 120
Терщинский 89
Теснер 330
Тетьюков 293
Тетьюков Х.П. 361
Тетьюкова 123
Тешин А.П. 199
Тешин В.П. 198, 199
Тешин П.В. 199
- Тешина Анастасия П. 199
Тешина Анна П. 199
Тешина Т.И. 199
Тешина Т.В. см. Мелихова Т.В.
Тешина Ф.В. 199
Тешины, семья 286
Ти Фонтай 382
Тиггес А. 81
Тихон, патриарх 113
Тищенко П.С. 199, 200, 201, 223, 307, 309, 362, 380, 381
Ткаченко А.П. 304
Ткаченко Я.Ф. 33
Торгуд С.Э. 257, 382, 384
Толстой А.Н. 115, 119, 123
Толстой Л.Н. 271
Тольский М.В. 120
Томский В.И. 121–123
Топоркова А.П. 113
Торопова А.Д. 12, 13
Траинин В.А. 227
Трахтенберг В.Д. 65, 66, 274, 276, 277
Трезубовы 198
Третьяков П.М. 276
Троицкая В. 263
Троицкий-Богородский 101
Троицкий М.Н. 263
Трумпельдор И. 212
Труфанов Н. 108
Трухин 204
Туганов 61
Тулакин Е. 38, 39
Тумакова Е.Е. 62
Туров Е. 95–98
Тутковский 228

- Тышенецкий Б. 304
Тышенецкий Л. 304
Тэдди Ф. 270
Тэффи Н.А. 173, 226
- У Пэйфу 93
Ульштейн И. 60, 65
Ульянов 60
Унгерн Р.Ф. 153, 203
Урицкий Г.Я. 304
Урсати А.Н. 295
Устругов Л.А. 340, 341
Устрялов Н.В. 160
Ухтомский Н.А. 175, 312, 327
У Циныйшэнь 404, 405
- Фаворский В.С. 33
Фань Цигуань 395, 397
Федоров 63
Федоров К.Д. 49
Федорович С. 188
Федоровский Н. 59
Федоровский П.Ф. 269
Федосеев Н.К. 33
Федосов Н.Н. 144
Фельзинг 348
Фельзинг В. 349
Фельзинг Е. 349
Фельзинг И.И. 349
Фельзинг К. 349
Фельзинг Л. 349
Фельзинг Л.Ф. 349
Фельзинг Н. 54, 101, 349
Ферик И.И. 300
Феррайоло Р. 81
- Феррари В. 384
Фиалковский П.К. 15, 237
Фиалковский К.С. 17, 332, 333, 369
Фивейский 64
Филлиппс Г. 81
Финк 218
Фишберг 192
Флеров В.Н. 340
Фоменко М.Л. 19
Фоменко С.М. 43–45
Фострем А. 60
Фрейберг В.О. 338
Фризер Н.Ф. 215
Фризер Я.Д. 214
Фролов В.С. 264
Фукса Ф. 82
Фушар (Fouchar) Э. 89
Фютерер Э.О. 146
- Хаиндров (Хаиндрава) И.Л. 22, 169
Хаиндров (Хаиндрава) Л.И. 22
Хаиндрова (Хаиндрава) Л.И. 22
Хаит М.А. 160, 225
Ханжин М.В. 176, 177
Харитонов К.П. 98
Хейг Х.Л. 161–163, 166
Хейг Ф. 162, 163
Хейфец Я. 66, 257, 390
Хмиров В. 347
Хмиров Г. 347
Хмиров Е. 347
Хмиров И.И. 347, 348
Хмирова Лариса 347, 348
Хмирова Лина 347
Хованская М.А. 390

Ховард Л.Хейг 161, 166
Холодилов А.К. 269, 271, 273, 274, 276,277
Холодилова Т. 274
Хорват, предок Д.Л.Хорвата 9
Хорват Д.Л. 8–11, 17, 69, 94, 96, 99, 129, 140, 188, 189, 197, 242, 350, 382
Хорват (урожд. Бенуа) К.А. 8, 9
Хохлов 60
Хоштария И.А. 22
Хэ 392
Хэнсон Г.К. 81

Цивинская 79
Цивинский 78
Цин, династия 136, 137
Циркель-Лившиц Г.М. 215
Цыдзик Е.В. 81
Цыкман Л. 300

Чарданьев 277
Чарская Е.Н. 62–63
Чайковский П.И. 112, 113, 265, 384
Чеботарев 359
Чемиз, ферма 27
Чемодакова О. 335
Чен-хан 280
Черевеко К.Е. 2
Черемушкин Г.Е. 263
Черепнин 112
Черкасская 271
Черненко 257, 384
Чернолужский А.Х. 303
Чернолужский Г.Ф. 303
Черноус И.В. 24
Черный С. 226

Чернявский А.С. 225
Чернявский С.Р. 224
Чеснокова К.П. 12, 13, 15–17
Чесноков 265
Чехов А.П. 6, 115, 121, 123, 275
Чжан 378
Чжан Гочэн 99
Чжан Сюелян 93, 94
Чжан Хуансян 190, 393
Чжан Цзолинь 93, 94, 96, 98, 379, 382, 391, 394, 402, 404
Чжан Цзосян 93
Чжан Цзунчан 138
Чжу 378, 380
Чжу Дэ 89
Чжу Цинлань 99, 244, 393, 402
Чжу Энчэн 28
Чижевский А.М. 28
Чижевский Я.П. 295
Чингисхан 42
Чириков Н.С. 185
Чистяков И.Ф. 227, 293, 301
Читинская 354
Чихачев, пароход 358
Чудновский 185
Чурин И.Я. 7, 40, 87, 144–149, 201, 220, 230, 243, 248, 272, 378, 381, 402
Чухалдин 65
Чэн Долу 28
Чэнь Хань 28, 396

Шабельский-Борк 282
Шаляпин Ф.И. 9, 25, 59, 257, 258, 389
Шамшурина Л.Ф. 39
Шанявский, университет 275
Шар Ч.Т. 28

- Шарифуллин Х. 24
Шароухов В.В. 24
Шастан 60
Шварц-Кауфман Б.И. 215, 217
Швецов В. 101, 102, 253, 348
Швецов Е. 348
Шевцов И. 65, 66, 219
Шевченко, братья 293, 295
Шевченко И.П. 295
Шевченко П.П. 295
Шелл Б. 357
Шеманский А.Л. 59
Шехтель 275
Шешминцев С.С. 269
Ши Сюань 33
Шило Коля см. Шилов Н.Д.
Шилов Н.Д. 129, 270
Шилоносков В.Д. 270
Шипков Г.Н. 225, 226
Ширямов (Ширенков) А.А. 185
Шифферблат Н.А. 65, 277
Шлей Н.В. 24
Шлихтен Ф. 155
Шмейссер М. 7, 122, 149
Шмидт 31
Шмидт М. 266
Шмидхель Ф. 154
Шнейдер-Нагорский А.Я. 305
Шпаковский Н.И. 33
Штаб 227
Штек А.Г. 361
Штерн 62–63
Шубаневич 119
Шуберт 219
Шульце В.А. 29
- Шуман 112
Шумский 195,310
Шурман 404
Щелков А.А. 337
Щелков П.А. 344, 345
Щербаков Н.М. 227, 228
- Эдгар Мартынович см. Ренц Э.М.
Эйсымонт А.А. 397
Эльман М. 257
Эльтеков Н.К. 394
Энгельгардт В. Г. 110
Эпштейн Г.Э. 215
Эрвин Д.Ф. 86
Эрденко М. 390
Эскин Г. 304
Эскин М. 304
- Юань 397
Юань Цзинькай 28, 99, 379, 391,
392–396, 397
Ювеналий, епископ 126
Югович А.И. 381, 382
Южин А.И. 11, 123
Юй 380
Юй Жэньфэнь 28, 382, 394
Юй Чунхань 97
Юлианович А. 286
Юлит Е. 152
Юмшанов А. 59
Юнеско Б. 218
Юрьин 118
- Ябров С.Г. 215
Якобсен В.А. 81

Якобсон К.Г. 33
Яковлев А.М. 33
Яковлева В. 132, 137, 139
Яковлева Л. 279
Яком 204
Якубов 344
Яманоччи С. 81
Ян Чжо 99, 379, 382, 393–396
Яновская О.Н. 120
Янчилин И.К. 316
Яппо И.Я. 144, 200
Яругский-Эруга Я.М. 277
Ярыжкин П. 247
Ясинский Г.Д. 49
Яценко-Хмелевский В. 337, 345
Яцунский 398
Яшкин И.С. 354, 355

Beaumsnt E. см. Бьюмснет Э.
Fouchar E. см. Фушар Э.
Williams G. см. Вильямс Дж.

Мелихов Г.В.

М47 Белый Харбин: Середина 20-х. — М.: Русский путь, 2003. — 440 с., ил.

ISBN 5-85887-165-8

Воспоминания русского историка-китаевода, более полувека прожившего в Китае, продолжают его широко известную в России и за границей книгу «Маньчжурия далекая и близкая» (М., 1991, 1994).

Увлекательное повествование, построенное на строгой документальной основе, представляет читателю не только харбинскую жизнь, но и нелегкое существование российских эмигрантов на Линии КВЖД, в Трехречье, в городах Хайлар, Маньчжурия, Пограничная и др. в драматичный период первых послереволюционных лет.

ББК 63.3(2)

Георгий Васильевич Мелихов

Белый Харбин: Середина 20-х

Оформление *О.Л. Лозовская, Л.И. Орлова*

Редактор *В.Б. Кудрявцев*

Корректор *Н.М. Пуцина*

ЛР № 040399 от 03.03.1998

Подписано в печать 14.08.2003

Формат 60x90/16. Тираж 2 000 экз.

ЗАО «Издательство “Русский путь”»

109004, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: moskvin.rp@mtu-net.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14

Электронное издание

© www.rp-net.ru

Мелихов Георгий Васильевич родился в 1930 г. в Харбине, Китай. После войны с родителями переехал в СССР. Окончил исторический факультет МГУ. С 1979 г. – ведущий научный сотрудник ИИ АН СССР (Института российской истории РАН). Доктор исторических наук. Автор книг: Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991 (2-е изд., М., 1994); Российская эмиграция в Китае (1917-1924), М., 1997.

